Р.С.Ф.С.Р.

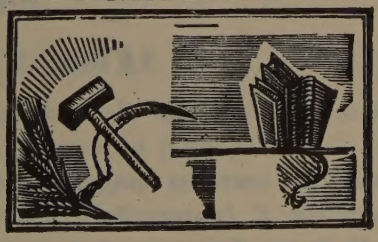
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ВТОРАЯ
ФЕВРАЛЬ-МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923

Редакция
номера закончена
1 марта.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

НА ТОМ БЕРЕГУ.

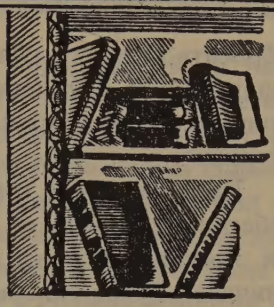
1. М. Н. Покровский. ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН. ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ. Том II 1
2. Вяч. Полонский. НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ИВ. НАЖИВИНА . 5
3. М. Павлович. ПРОФЕССОР-ИДЕАЛИСТ НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕПУТЬИ. 13
4. Г. Баммель. ИДЕАЛИЗМ НА ПУТИ К САМОУПРАЗДНЕНИЮ . . . 27
5. В. Переверзев. К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГЕНЕЗИСЕ ТВОРЧЕСТВА ГОНЧАРОВА (продолжение) 34
6. Валерий Брюсов. ЗВУКОПИСЬ ПУШКИНА 48
7. В. Фриче. РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 63
8. Е. Данько. РУССКИЕ ГРАФИКИ. С. В. ЧЕХОНИН 69
9. К. Скерский. КРАСНАЯ АРМИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ 79
10. М. Левидов. О СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ . . 86
11. С. Пионтковский. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 99

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. Г. Бройдо, В. Адоратского, Б. Горева, А. Слуцкого, В. Виленского (Сибирякова) 111
II. Империализм и международная политика. М. Брагинского, Ф. Капелюша, В. Виленского (Сибирякова), В. Кряжина 117
III. Экономические науки и народное хозяйство. С. Членова, Ф. Капелюша, М. Зеликмана, А. Кона, В. Костицына, А. Бессера 128
IV. Промышленность и техника. И. Траубенберга, В. Обручева, Б. Тычинина, И. Бобарыкова, Я. Никитинского, М. Щелкунова, С. Обручева 140
V. Литература о Востоке. В. Виленского (Сибирякова) 150
VI. История революции. П. Лепешинского, Ц. Фридлянда, Г. Лелевича, В. Адоратского, В. Невского, А. Слуцкого, И. Антокольского, А. Вильдо, С. Пионтковского, Б. Горева, Б. Козьмина, К. Остроухова, 153
VII. История. Н. Лукина-Антонова, В. Сергеева, В. Пичета. 169

VIII. **Философия.** В. Юринца, Г. Баммеля 173
IX. **Науки об обществе.** Б. Фрумкина, М. Рейснера, П. Стучки, В. Адоратского, А. Пионтковского 179
X. **Народное просвещение.** П. Блонского, Н. Крупской, Н. Чехова, Е. Берзан, А. Елизаровой, М. Голанова, Л. Богоявленского . . . 189
XI. **Языкознание.** М. Петерсона. 199
XII. **Науки о природе.** Н. Андреева, Э. Шпольского, А. Архангельского, С. Конобеевского, М. Завадовского 200
XIII. **Медицина и народное здравие.** И. Гельмана, Л. Прозорова, Д. Яхнина 205
XIV. **Теория и история литературы.** В. Переверзева, С. Боброва, Д. Благого, Э. Бика, К. Локса, И. Аксенова 212
XV. **Художественная литература.** Р. Головина, П. Когана, Н. Асеева, Д. Горбова, К. Локса, И. Аксенова, А. Цинговатова, Н. Мещерякова, А. Юрлова, А. Гурштейн, А. Елизаровой 224
XVI. **Искусства.** И. Эйгеса, Л. Сабанеева, В. Волькенштейна, А. Греча, Г. Жидкова, М. Фабриканта, Л. Богоявленского, Н. Тарабукина, С. Жмудского 241
XVII. **Заметки о журналах.** А. Скачко 252
XVIII. **Литературная хроника.**
I. НА ЗАПАДЕ. Германия. Англия. Америка. Франция. Италия. Rossica. Среди эмигрантских организаций и издательств. Среди студенчества. Лекции, доклады и пр. Русские издательства заграницей. II. В Р. С. Ф. С. Р. Российская Академия Художественных Наук. Научно-исслед. институт археологии и искусствознания. IV Всероссийский Съезд работников печати. Всерос. ассоциация пролетарских писателей. Группа „Твори". Книжные курсы Госиздата. Среди издательств. Государственное Издательство. Центрархив. Истпарт. „Красная Новь". „Новая Москва". Изд. Свердловского Университета. „Московский Рабочий". „Круг". Частные издательства. Деятельность русско-германского общества „Книга" 254
XIX. Список книг и журналов, полученных редакцией для отзыва . . 277

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



НА ТОМ БЕРЕГУ.

I. ГЕНЕРАЛ А. И ДЕНИКИН. «Очерки русской смуты». Том второй.—М. Покровский
II. НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ИВАНА НАЖИВИНА.—Вл. Полонский.

I. ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН[1]).

М. Покровский.

История о «генералах» продолжается и все более и более приобретает сходство с неосуществившимся трудом Тентетникова. Второй том целиком посвящен истории одного генерала—Корнилова. Очевидно, в целях большего литературного единства, он объединяет всю историю этого генерала в пределах революции, совпадая, хронологически, в своих первых главах, с тем, что мы уже читали в последних главах I тома. Bis repetita placent [2]). И если повторить приятно автору, не в накладе и читатель: во II томе Деникина много такого, что великолепно дополняет первый том.

В этих indiscrétions (откровенностях)—весь интерес книги. Понять смысл революции, как массового движения, постичь ее объективные цели Деникину, разумеется, не дано: если бы с ним такая беда случилась, он не был бы главнокомандующим Добрармии, а стал бы одним из первых сменовеховцев. Читая его мемуары, вы все более и более оцениваете всю глубину характеристики, которую Лиза в «Горе от ума» дает Скалозубу: «да, так сказать, речист, а больно не хитер». Слава Деникина, как оратора, гремела на белом фронте. Не без самодовольства он ставит в виде эпиграфа ко II тому большой отрывок из одной своей речи 1919 г. И сама книга написана весьма гладко и «литературно», но литературному и красноречивому генералу не дается простейшая истина, вырвавшаяся из бесхитростных уст текинцев—верного конвоя генерала Корнилова. «Ах, бояр! Что мы можем делать, когда вся Россия большевик»... в отчаянии говорили эти люди своим офицерам, убеждавшим их

[1]) Генерал А. И. Деникин. «Очерки русской смуты». Т. II. «Борьба ген. Корнилова, август 1917—апрель 1918». Paris. 1922.

[2]) Приятно слышать дважды одно и то же.

не бросать бывшего главнокомандующего. Корнилову пришлось бросить преданнейший ему полк, чтобы не быть брошенным им. И на Дон добрался «хромой старик, в старой заношенной одежде и в стоптанных валенках».

Весь глубокий трагизм этого маскарада, к которому должен был прибегнуть человек, за два месяца до этого мечтавший стать диктатором всей России, остается, конечно, непонятен нашему речистому автору. И ничего ему не говорит писанный рукою «великого русского патриота» перечень сил, на которые считал возможным опереться Корнилов раньше, чем он бежал из Быхова с одними текинцами. Вот что предлагал Корнилов Духонину:

«1. Немедленный перевод в Могилев одного из чешских полков и польского уланского полка.

Пометка Духонина: «Ставка не считает их вполне надежными. Эти части одни из первых пошли на перемирие с большевиками».

2. Занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польского корпуса, усилив дивизии последнего артиллерией за счет казачьих батарей фронта.

Пометка: «Для занятия Орши и Смоленска сосредоточена 2 Кубанская дивизия и бригада Астраханских казаков. Полков 1 польской дивизии из Быхова нежелательно (брать), для безопасности арестованных. Части 1 дивизии имеют слабые кадры и потому не представляют реальной силы. Корпус определенно держится того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела России» [1]).

3. Сосредоточение на линии Орша—Могилев—Жлобин всех частей чешско-словацкого корпуса, Корниловского полка, под предлогом перевозки их на Петроград и Москву, и 1—2 казачьих дивизий из числа наиболее крепких.

Пометка: «Казаки заняли непримиримую позицию не воевать с большевиками».

4. Сосредоточение в том же районе всех английских и бельгийских броневых машин с заменой прислуги их исключительно офицерами».

Среди поляков, чехо-словаков, английских и бельгийских броневиков, сиротливо замешались 1—2 казачьи дивизии, да и те не хотели итти против «всей России»... Но и генералы 1917 года, как и генерал 1922-го, одинаково не понимали, что они начинают войну против целого народа—хотя невольно на каждом шагу приводят доказательства именно этого. На воззвание, призывавшее итти в Добровольческую армию (декабрь 1917 г.), «отозвались, как я уже говорил, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень-очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создав-

[1]) Ген. Довбор-Мусницкий отдал приказ, чтобы польские войска, отнюдь не вмешиваясь в русские дела, подавляли, однако, беспощадно силою оружия всякие посягательства на имущество и безопасность мирных жителей без различия национальности—в районе их расположения.

шихся условий комплектования, армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер *классовый*. Нет нужды, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальных элементов борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям... Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам».

Но даже из имущих классов шла только наиболее неопытная молодежь: «Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей—юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками советский комендант Калюжный жаловался в совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, «что они не были в Добровольческой армии»... Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества». В те дни даже и казачество было на стороне революции. Вся Россия была «большевик».

Вместо того, чтобы припомнить старую русскую поговорку: «Мир—велик человек. Против мира не пойдешь», российские патриоты в генеральских мундирах продолжали подзуживать несчастную молодежь на то, что им и теперь кажется геройским подвигом и что было и осталось преступнейшим и бессмысленнейшим кровопролитием.

На первое время, пока «союзники» не нашли для себя выгодным финансировать авантюру, а противоречие пролетарской революции и мелкобуржуазного казачества не перекинуло на сторону авантюры Дона, Кубани и Терека — кровопролитие было, впрочем, не очень велико. Как ни старается Деникин изобразить «поход генерала Корнилова» в красках чуть не «отечественной войны», все же на поверку выходит, что под командой бывшего главковерха состояли силы, не превышавшие хорошей «банды» польских инсургентов 1863 года. У Корнилова было не больше бойцов, нежели у Лангевича или Мерославского, и если с корниловской бандой возились дольше, то это потому, что против поляков были регулярные войска, а сами поляки были партизаны, тут же были партизаны с обеих сторон, при чем белая сторона в эти дни все же больше походила на регулярную армию, чем красная. Красной армии почти не было еще и летом 1918 года, а корниловская авантюра разыгрывалась весною.

Описание самой авантюры у Деникина не представляет ничего нового—то же мы читали и у Суворина и у Романа Гуля, при чем рассказ последнего по художественности и искренности далеко оставляет за собою генеральское повествование. «Гвоздь» II тома, повторяем, в тех «нескромностях», которые дает тут разболтавшийся автор насчет *корниловского заговора*, августа 1917 года.

Прежде всего, теперь мы можем уже с полным правом говорить именно о *заговоре*. И это не был заговор только *ставки*, как могло казаться до сих пор. Деникин целиком подписывается под тем, что мы знали уже от Керенского об офицерском заговоре, финансировавшемся крупной буржуазией, который плелся в самом Петербурге уже с *июня* 1917 года. Июльские события только подогрели энергию «доброхотных дателей», взявших на свое содержание ядро будущей Добрармии: характерно, что и фигура Колчака выступает уже в этот период (стр. 29). Ни малейшей надобности не было в «недоброжелателях», чтобы корниловское движение уже в той ранней стадии «противополагать народным интересам». Классовая подкладка самим Деникиным намечена так четко (см. стр. 25—33, в разных местах), что будущим историкам-марксистам едва ли придется много прибавить. Вот уж, можно сказать, «устами младенцев»...

И массы уже на этой первой корниловской авантюре сумели показать, что объявлять им войну опасно. Едва генерал Корнилов выступил в поход, как железнодорожные пути во многих местах оказались разобранными, «и бывшие впереди эшелоны Туземной дивизии и 3-го конного корпуса безнадежно застряли, разбросанные на огромном протяжении железнодорожных линий, ведущих к Петрограду» (стр. 60). Чрезвычайно характерен маленький штришок: «интересно, — замечает сам Деникин,— представление строевого офицерства о «власти совета», как о государственно-правовом состоянии, и о свержении этой «власти», как о государственном перевороте» (стр. 39 примеч.). Сколько угодно можно было кричать фальшивыми голосами о «разгуле черни», о «самозванных правителях», а про себя отлично понимали, что идут против русского народа и той новой формы государства, что возникла на развалинах монархии Романовых.

Второй том, кажется, еще обильнее первого украшен генеральскими портретами, но среди генералов почему-то почтено и несколько «большевиков». Почему, аллах ведает, ибо в тексте индивидуально об изображаемых лицах ничего не говорится. И еще менее имеет отношения к деникинскому тексту помещенная между стр. 249 и 250 фотография нелепого «мандата на социализацию женщин в Екатеринодаре», подписанного никогда не существовавшим «главкомом» Иващевым. Что какой-нибудь полупьяный партизан мог подписать и такой мандат, мудреного нет: не даром героев этого типа позже поочередно расстреливали обе стороны, и белые и красные. Гораздо любопытнее, что даже в этот партизанский период война со стороны красных вовсе не отличалась такой жестокостью, как старались изобразить белые для оправдания собственных зверств. Раненых юнкеров до того загипнотизировали рассказами,

что большевики их «растерзают», что несчастные готовились стреляться, видя, что их оставляют на жертву красным: а на поверку из 119 оставленных были убиты только двое (кем и как, неизвестно), 16 умерли от ран, а остальные 101 были вылечены в большевистских лазаретах (стр. 311). Эта «нескромность» Деникина поценнее нелепых фотографий с изображениями «палачей чрезвычайки»...

II. НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ИВАНА НАЖИВИНА [1]).

Вяч. Полонский.

I.

В одной из книг нашего журнала за прошлый год [2]) мы посвятили статью «Запискам о революции» бывшего народника-толстовца Ивана Наживина. Посвятили статью не потому, что книга его представляла крупное литературное явление. Насчет литературных ее достоинств мы нисколько себя не обольщали. Но эти «Записки о революции» дали нам весьма яркую картину духовных трансформаций русского обывателя, вовлеченного революционным ураганом в поле своего действия.

Оказывается, история превращений нашего беженца еще не закончилась. Побывал он в Добрармии, перекочевал к «доблестным союзникам», от которых ждал спасения и света, толкался среди разных людей, наблюдал, размышлял, в поисках «теплого угла» слонялся из страны в страну, «просил» у правых и у левых (даже с «искательным» письмом к Бонч-Бруевичу обратился—насчет имущества) и в итоге «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» написал новую книгу, которую знаменательно озаглавил «Среди потухших маяков». Перелистывая эту не плохо изданную книжку, мы на первых же страницах встречаем такие удивительные вещи:

«Пляшет Франция, пылает огнями безумия Россия, сопит обожравшаяся золотом всего мира Америка, шлет свои броненосцы и полки во все концы мира Англия, корчится в муках голода Австрия, задыхается под пятой победителя Германия. О, аферисты... О, подлецы... И мы хотим призывать их на спасение человека в России».

Что такое? Это пишет наш беженец, в свое время, не очень давнее, бросившийся к «западным друзьям» за помощью. Неужели «культурные европейцы», столь восхвалявшиеся русскими изгнанниками, надежда и опора всех претендентов на «спасение» России от большевиков,—неужели

---

[1]) Ив. Наживин. «Среди потухших маяков». Из записок беженца. К-во «Икар». Берлин. 1922. Стр. 237.

[2]) См. «Печать и Революция», книга первая за 1922 г.

эти «спасители» потеряли свои спасительные черты? Наживин с сокрушением признается: да, потеряли. «Просвещенная Европа» оказывается потухшим маяком.

«Версальские каннибалы, только вчера оравшие на весь мир о «последней войне», о «цивилизации, погибающей под угрозой немцев», о союзе народов,—каннибалы, под пятой которых стонут теперь сотни миллионов людей, уставших за год бессмысленной бойни»,—вот как выражается нынче наш автор.

Это большой прогресс для Ивана Наживина. Жизнь, оказывается, великий учитель, если умеет дрессировать мозги, неспособные, казалось бы, ни к какой толковой дрессировке. Наживин в Западе разочаровался. Вчерашние герои, рыцари без страха и упрека, к которым протягивали свои белые руки российские беженцы, которым вверяли они судьбы «своей» страны,—эти светлые рыцари на поверку оказались людоедами, нагло лгавшими всему миру насчет своей преданности словам высоким и прекрасным. Так говорит Наживин. «*И ты, Брут*!»

Впрочем, не будем преувеличивать смысла новых признаний нашего обывателя. Брутом мы его обозвали иронически. Подкладка его разочарований нам станет ясной из дальнейшего.

II.

Наживин, как и прочие, связывал свои надежды с успехами интервенции. В «поединке роковом» между двумя мирами все его помыслы молитвы, его сладчайшие мечты были с иноземными рыцарями. О, если бы победа далась их «цивилизованным» рукам! О, если бы он мог насладиться мигом вожделенным, когда «культурная Европа» придавит коленом грудь поверженной большевистской Руси! Но многолетний поединок закончился пассажем, для него неожиданным. Великолепный рыцарь не только (видимо) отказался от тщетных попыток свалить стойкого врага, но стал внушать русским друзьям подозрение на счет невинности своих тайных замыслов: Европа кокетничает с большевиками! Европа изменяет святому делу борьбы с Советской Россией—таковы печальные наблюдения Наживиных. А отсюда проистекли и все прочие новейшие их трансформации. «Европа бессильна, Красная Русь непобедима». Было от чего прийти в уныние и заняться новым пересмотром «старых ценностей». Это и стали проделывать российские беженцы. Не избег общей участи и Наживин. Вот как излагает он историю эмигрантских разочарований.

«К этому времени стало уже совершенно ясно, что цена всем интервенциям—грош переломленный, что их наши друзья терпят только постольку, поскольку они ослабляют Россию, и что дело как-то разрешится само собой там, на месте. В самом деле, поднял кто-то карельское восстание—нелепое, жалкое,—большевики быстро и жестоко ликвидировали его, и единственным результатом этой несчастной попытки было увеличение и без того колоссального числа жертв гражданской войны

и страданий. Параллельно с этим восстанием начало развиваться, каза лось, движение Меркулова на Дальнем Востоке, но белые генералы ссори лись один с другим, один другого, по сообщению «Руля», арестовывали Войска их, естественно, впали в уныние, и на-днях прилетел слух, что Меркулов уже ликвидирован и Владивосток занят красными. Точно какое-то проклятие тяготеет над всеми этими белыми генералами. Колчак, Деникин, Дутов, Краснов, Врангель, Юденич, Миллер, карелы; Меркулов, барон Унгерн,—все с чрезвычайной быстротой сведены красными на-нет. Естественно, что беженец ставит на белом движении крест и ищет возможности перелететь на тот берег с смутной надеждой, что спасение пойдет изнутри, что спасены будут те, которые претерпели до конца все эти бедствия и ужасы дома. Эмигрантская же жизнь наводит страшное уныние на человека. Прежде всего своим страшным идейным—не только уже разбродом, но каким-то даже уже разложением. Все поделились на десятки всяких партий, секций, подсекций, бессильных, жалких, запутавшихся, и никто ясно в грядущем не видит ничего. Эфемерные газетки то и дело открываются и закрываются. Уже погибло «Общее Дело» все еще не сознающего своей вины Бурцева. Погиб Ефимовский со своей «Грядущей Россией», Милюков безнадежно сидит между тремя какими-то туманными стульями. Врангель строго держится своих прежних лозунгов, но его генералы принимают участие в Карловицах—в этом диком действе кучки изуверов, и начальник Алексеевского юнкерского училища телеграфно выражает свое сочувствие «Новому Времени», которое только что выступило с проповедью каленого железа—этого единственного средства спасения России... А на фоне этого духовного разложения эмиграции то и дело открываются в Берлине все новые и новые кабаки под старыми славными названиями. Уже работает «Оливье», и «Стрельна», и «Яр», и «Медведь», и еще какие-то, и визжит и кривляется уже цыганский хор князя Голицына, и пляшут почти голые русские балетчицы, которым русские газеты придают какое-то совершенно сверхестественное значение, как будто это задирание ног является одним из величайших достижений русского духа».

Было бы, впрочем, ошибкой заключить, что трансформации Наживина потихоньку да полегоньку приводят его к заветной двери редакции «Накануне». Такая возможность, мало вероятная, все же не исключена. Но каковы бы ни были дальнейшие метаморфозы бывшего толстовца, превратившегося в махрового черносотенца, заслуживает внимания следующее обстоятельство: поразмыслив здраво, он начинает перетряхивать свой черносотенный багаж.

III

Не сразу, конечно, решился Наживин менять свои обманувшие «вехи». Подстегиваемый не столько соображениями «высокого» порядка; сколько вечно «обывательским», вечно мещанским естеством своим (теплый угол и бутеброд), Наживин попытался поставить сначала ставку на монархистов. Очень скоро он убедился, однако, что вряд ли можно

ожидать что-нибудь путное из монархического Назарета. На истории его паломничества к Маркову второму стоит остановиться.

Бывший «толстовец» в эмиграции снискал себе славу «черносотенца». Эта репутация, которую нельзя назвать даже полупочтенной, доставила ему «лестное» приглашение на съезд монархистов в Рейхенгалле, в Баварии. Насколько мне помнится, съезд русских фашистов, державшийся в секрете, не получил в свое время освещения в прессе. Наживин рассказывает о нем весьма подробно.

Забавное впечатление производят работы этого «съезда». Призраки, вышедшие из могил, с серьезными лицами избрали высший совет, тройку—для руководства работой монархических организаций. Была затем намечена депутация в лице митрополита Антония, А. Ф. Трепова и ген. Безобразова к Марии Федоровне Романовой с «всеподданнейшей просьбой созвать семейный совет и выбрать одного из уцелевших великих князей блюстителем престола». Было постановлено далее, что «правительствующий сенат дореволюционного состава должен будет как-то собраться и указать, кто из великих князей является в настоящее время, согласно основных законов, законным наследственным государем России, каковой и примет при первой возможности корону российскую». Этот танец мертвецов поднял так много пыли, что Наживин чихнул: «обращение к государыне,—признается он с некоторым смущением,—было составлено в старо-режимных придворных выражениях, от которых определенно пахло нафталином, и было подписано всеми».

«Чихал», впрочем, не один Наживин. Какой-то старый Н. даже возмущался: «Это чорт знает, что такое,—сетовал он Наживину.—Как же можно было так комкать. Дело такое серьезное, а провели его на курьерских. Ведь мы же отдали в сущности все судьбы России в руки женщины, совершенно потерявшейся под ударами жизни,—женщины, которая явно не в силах поднять на свои плечи такой тяжести».

«Конгресс» закончился молебном, во время которого пел хор любителей добровольцев, под руководством ген. Бискупского. Н. Е. Марков предложил пропеть «Боже, царя храни». Все пели дружно. Многие «плакали».

Любопытна также беседа, которую имел Наживин о Красной армии с вождем русских фашистов, Марковым вторым. «Что они будут делать с Красной армией после того, как они победят?» недоумевал Наживин. Был какой-то правый писатель Р., который высказал мысль, что «единственное средство—это поставить батареи и смести «всю эту сволочь» с лица земли».

Такое предложение смутило бывшего «толстовца», и он поделился своими тревогами с Марковым, высказав сомнение в целесообразности «артиллерийского» способа решить вопрос. У Маркова на этот счет сомнений не было. Судьба Красной армии, оказывается, давным-давно решена.

— Зачем?—удивился Марков.— Это очень глупо. Из них будут прекрасные колониальные войска. Борьба между Россией и

Англией, например, совершенно неизбежна. Англия, конечно, пошлет свой флот демонстрировать перед нашими берегами, ну, а мы двинем к границам Индии своих красноармейцев, шепнув им тихонько о богатствах Индии... Нет, и этот материал и можно и должно использовать...

Оптимизм Н. Е. Маркова, которого, насколько помнится, его коллеги по государственной думе, прозвали «Марков-Валяй», не убедил Наживина. Даже его совершенно испорченное обоняние определило трупный запах, которым несло от новых друзей. И наблюдая, как рушатся планы его заграничных коллег, он предался самой мрачной резиньяции. Вот тут-то, вероятно, Наживин, словно по наитию, понял всю бездну антантовского своекорыстия, и с пера его сорвались горячие слова о каннибалах, попирающих пятой, и т. д. А вслед за этим прозрением, мечтавший еще не столь давно о городовом на перекрестке, сожалевший, что в современной Германии—увы!—также нет шуцмана, Иван Наживин неожиданно стал леветь. Он вышел из монархической организации, и этот свой шаг величайшей важности объяснил тем обстоятельством, что ему, Ивану Наживину, не по пути с правыми партиями.

«Они свою роль поняли в том, чтобы тащить нас назад, в старое, гнилое болото, уверяя нас всех, что это было не болото, а царство небесное»,—а он, Иван Наживин,—кто бы мог подумать!—в это старое болото итти не хочет, он, Наживин, оказывается, не реакционер, озирающийся на вчерашний день, а прогрессист—да, да, не смейтесь!—он хочет итти вперед, строить новое, а не воссоздавать старое—вот он какой, Иван Наживин!

«Старый порядок сгнил до корня, рухнул и придавил собою миллионы людей. И восстановлять эту гниль—значит бить самого себя обухом по голове».

IV.

Наживин не остановился на этом пересмотре. Он сейчас фыркает на И. Родионова, небезызвестного автора памфлета «Наше преступление». Он недовольно сопит также на людей, желающих «строить Россию», презирая тот народ, который эту Россию составляет на 95%—уж не в Максима ли Горького метит наш неожиданно полевевший беженец? Возмутившись презрительным отношением к народу, который он чернословил вчера еще самым жестоким образом,—прозревший Иван Наживин сегодня заявляет решительно, что ему с такими ретроградами «не по пути». И, озираясь назад, посматривая на людей, его окружающих, на весь «тот берег», наш новый «народник» выносит этому берегу суровое осуждение:

«Эмиграция гордо утверждает про себя, что она—соль России, которая, видите ли, гордо не захотела покориться торжествующему хаму Время разбило эту гордую ложь. Эмиграция сумела только перессориться до стрельбы один по другому, а на вершине ее достижений красуется «Яр» с цыганским хором. К кому тянется ваше сердце? К той ли матери, которая своими руками топит детей своих в Волге, чтобы они не мучались

напрасно, или к тем матерям, которые роскошно проводят свое время, кочуя между «Яром» и «Стрельной»? К митрополиту ли Антонию, скачущему на радения изуверов в Карловицах, или к тихой величавой фигуре патриарха Тихона, блюдущего огни церкви среди ураганов пугачевщины. Здесь—малодушные, убоявшиеся, а там—Россия, пусть тяжко больная, но все же наша Россия. Там не только большевики, но и наши близкие в огне страданий, там наш родной народ; здесь быть заставляет нас только слабость, но долг повелевает, несомненно, быть там. Не можем мы последовать его страшному велению,—пусть, но, по крайней мере, не будем пыжиться и лгать о какой-то там «гордости», во-первых, а, во-вторых, проникнемся тем святым чувством, которое продиктовало большому современному поэту—поэту-пророку, как никто понявшему душу России, эти вот прекрасные строки:

Я ль в тебя посмею бросить камень,
Осужу ль страстной и буйный пламень,
В грязь лицом тебе не поклонюсь.
След босой ноги благословляя,
Ты, бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь.

И—вещь почти невероятная—Наживин уже без скрежета зубов произносит слово «большевик». Куда девалась его удушливая злоба,—та ядовитая слюна, которой брызгал он из своего непрекрасного «далека». Вчерашние «пугачевцы», «распродававшие» Россию,—нынче большевики «наше порождение, наши дети», и сама революция «насквозь безграмотная, дьявольски жестокая, нестерпимо подлая», была столь нехорошей, оказывается, потому, что такой сделал ее «старый режим, оставлявший народ в доисторической темноте», и т. д. и т. д. Одним словом, с опозданием на два с лишним года Иван Наживин не смело, робко, косноязычно начинает повторять то, что в свое время было провозглашено родоначальниками сменовеховства.

Примиренчество его заходит так далеко, что он умильно начинает поглядывать на смельчаков, решающихся отрясти с ног своих прах опостылевшего «того берега» и вернуться «восвояси», «домой», «к большевикам». Он и сам, пожалуй, не прочь обернуться «перелетом»—но... «и хочется, и колется»...

«Понятны, очень понятны эти перелеты,—глубокомысленно рассуждает он.—Здесь не для кого стало работать, не для кого жить, тут не при чем, душой не при чем. *Психологический перевал и революции дома, и эмиграции здесь пройден уже*, позади,—наступает медленная, тяжелая и страшная ликвидация безумств, содеянных нами, не одними большевиками, но всеми нами»...

И дальше говорит он, что в результате размышлений над пережитым у всякого разумного человека должно явиться не нововременское каленое железо, «а нечто совершенно противоположное»; говорит о том, как утихает злоба в его озлобленном сердце и поднимается желание «понять народ»,—тот самый народ, который вчера еще наполнял его сердце презре-

нием. И, наконец, он проникается убеждением, что восстание народных масс—«это восстание тех, которые долго терпели, восстание тех, над которыми жестоко насмеялись, восстание тех, которые жестоко, нечеловечески страдали. Откуда эта анархия?—Из злоупотреблений старой власти. Откуда этот социализм?—Из злоупотреблений капитализма, которые так ярко и так жестоко сказались во время войны, когда, как на грех, сказались с особенной силой и злоупотребления власти».

Так вот до каких почтенных мыслей додумался, в конце-концов, наш автор. Эти мысли—как островки в черносотенном море его писаний последнего времени. Они противоречат многим страницам его последней книги. Но этот-то сумбур крайне для него и характерен. Он не сводит концов с концами, противоречит самому себе, у него нет логической линии, как будто столь нелюбимая им анархия («царя нет») свила прочное гнездо в его собственной голове. Но из сумбура его мыслей и наблюдений, из душевного хаоса потрясенного и запутавшегося человека все громче и громче подымается вопль: «*домой*!» Вначале ему казалось, что он вернется хозяином, вместе со своими могучими защитниками. Но те сами едва усидели на коне. Осталось махнуть на них рукой, и самому подумать о себе. Он и задает гамлетовский вопрос в конце книги: «Так что же нам делать?»—риторический вопрос, не однажды задававшийся российскими интеллигентами. И в тоне, далеко не победительном, уныло отвечает: «Надо же как-нибудь устраиваться, как-нибудь жить».

И он решает вернуться восвояси, если не «хозяином», так хоть приживалом. Он готов, пожалуй, забыть все, только чтобы оставили его в покое. «Моя хата с краю, ничего не знаю». Подальше от толпы, от людей, от всяких «измов». Он хочет «отдохнуть»: довольно, будет! Послушайте только, как жалобно стонет его обывательское сердце: «Боже, как мы устали: ведь самая заветная теперь мечта моя и со мною миллионов других людей— это какая-нибудь глухая-глухая дыра, где можно спрятаться вдали от всего... О, если бы хоть в последние годы мне удалось видеть свою давнишнюю мечту осуществленной,—мечту о маленьком домике на родных «пантюках», откуда открываются такие зеленые, такие русские дали, где в тишине я мог бы работать над своими примиряющими книгами, где я смотрел бы в тихие часы отдыха, как поют и пляшут комары, мог бы я бродить по весенним лугам и упиваться, как бывало ребенком, свежим ароматным ветром. И недавно, когда я, набегавшись по делам в Берлине, зашел поужинать в один скромный русский ресторан, ко мне подсел М., сын расстрелянного большевиками министра времен упадка старого режима. И он, молодой человек, мечтал вслух. К себе бы, назад теперь. И, конечно, непременно в деревню. И ни на чорта не нужна мне наша прежняя большая усадьба—мне нужно только избу хорошую... И завел бы я с женой кур своих, уток, гусей... Корову бы купили... А остальное все ко всем чертям. А наши меня в Висбадене за эти речи большевиком считают.

«А плюньте вы на этих идиотов», посоветовал ему я.

Совет хороший. Жаль только, что такого же совета никто не удосужился немного ранее дать самому Ивану Наживину. Тогда, пожалуй, он не написал бы многих страниц в обеих своих книгах, посвященных революции, ибо страницы эти писаны под диктовку тех самых «наших», кого Наживин нынче всердцах обзывает словом, далеко не лестным, но во всяком случае не очень далеким от истины. Тогда Иван Наживин несколько ранее увидел бы, что огни, к которым тянулся он, давным-давно—потухшие огни. Он очень не плохо определил нынешнее положение русской эмиграции словами: «среди потухших маяков». И нет ничего удивительного в том—здесь лежит некоторое общее значение его книги—если единственным не потухшим он признал, в конце-концов, тот маяк, на котором—хочет он того или не хочет—горят буквы Р. С. Ф. С. Р.

Он этого не хочет, конечно. Он этого, пожалуй, вряд ли когда-нибудь захочет. Тем хуже для него и для всех «Наживиных», толкающихся нынче в густых потемках эмиграции.

Потому что проблема «домой» останется для них неразрешимой.

ПРОФЕССОР-ИДЕАЛИСТ НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕПУТЬИ.

По поводу книги профессора В. Ю. Ключникова: «На великом историческом перепутьи». Изд. журнала «Смена Вех». Берлин, 1922. 184 стр.

Мих. Павлович.

Автор этой книги ставит перед собой грандиозные задачи. Он видит, что мировая революция надвигается. «Мировая революция,—говорит он,—не плод испуганного воображения одних и не результат извращенной политической воли других. Она каждую минуту может стать реальностью, если только она уже не стала реальностью. Сейчас, в марте 1922 года, мне по ходу событий это еще яснее, чем в мае, июне 1920 г. Избавить от нее человечество может лишь быстрая, энергичная, искренняя и талантливая эволюция, которая гладко и планомерно выполнила бы все то, что жизнь стремится завоевать себе в бурных и кровавых приступах политического экстремизма».

Автор боится мировой революции, ибо мировая революция есть «новая ужасная катастрофа, новая борьба и новые бесчисленные жертвы. *И она может не привести ни к чему, точь в точь так же, как и мировая война. а за войной—всеобщий мирный конгресс, предшествовавший ей.* О, да! Этого следует опасаться: при неблагоприятных условиях даже в итоге всемирной революции ничто не будет разрешено и никакая мировая программа не будет осуществлена. Напротив, последние рессурсы человечества, материальные и моральные, оказались бы исчерпанными, и последняя юная кровь современного человечества была бы понапрасну пролита на бесчисленных военных фронтах, «внешних» и «внутренних». В этом, и только в этом,—*главнейшая опасность мировой революции*, иначе ее надлежит приветствовать в несравнимо большей степени, чем в 1914 г. многие приветствовали мировую войну, усматривая в ней единственный способ навсегда выйти из создавшегося безвыходного международного положения и установить какую-то новую международную справедливость».

Интересно это иезуитское и в то же время трусливое сопоставление возможных результатов мировой революции с кровавыми результатами мировых капиталистических войн. Мы говорим—трусливое, ибо в

данном, как и в других аналогичных случаях, автор боится говорить прямо, а предпочитает говорить намеками. У автора нет ни капли мужества, и он старается писать так, чтобы не очень раздразнить кого бы то ни было.

Итак, задача заключается в том, чтобы предотвратить социальную революцию с ее бесчисленными жертвами и изыскать какой-нибудь другой путь, который покончил бы с хаосом и беспорядком, царящим в современной действительности.

Автор знает этот путь. Пока он еще не желает вполне открыть нам свой секрет, на что он и намекает в заключительных строках своей работы. Во всяком случае он милостиво приподнимает край завесы, скрывающей великую тайну, и оставляет нам надежду, что когда-нибудь он поставит все точки над «и». Во всяком случае то, что уже теперь открывает перед нашими взорами профессор Ключников, настолько неожиданно и глубоко поучительно, что мы могли бы изменить весь ход человеческой истории, если бы только прониклись сознанием всей мировой важности тех открытий, которые делает профессор. Профессору хочется верить, что своим анализом он приподнимает завесу исторически иррационального и освещает его первым лучом истины. «И пусть за первым лучом, как можно скорее, следуют другие. *История не ждет*!» проникновенно восклицает вещий ученый.

«*Общий исторический процесс*,—устанавливает профессор Ключников в качестве исходного положения своей философии истории,—*противоречив, иррационален, главным образом, благодаря человеку*. Но он не только иррационален, этот исторический процесс. Он еще и глубоко трагичен. Трагичен в меру своей иррациональности. Следовательно, и это также, главным образом, благодаря человеку. Если надежды на светлую будущность человечества не напрасны, если вера в прогресс не есть простое суеверие, нужно, чтобы история стала как можно более планомерной, рациональной. *А для этого, в свою очередь, совершенно необходимо, чтобы вмешательство человеческой воли в ход исторических событий сделалось, насколько возможно, организованным. Такова проблема*» (стр. 12).

Ключников подчеркивает, что в результате мировой войны во всей Европе воцарился хаос. «Никогда еще правительства не действовали так ощупью или под влиянием причин преходящих и ничтожных, как они действуют теперь. Никогда еще плоды их хитросплетений не были так убоги. Все солидные международные связи порвались. Страшный хаос охватил мир и грозит усиливаться еще больше, если тотчас же не будут найдены героические средства против него» (стр. 12).

Мы готовы были испугаться, но профессор успокоил нас: «Не будем с самого начала запугивать себя,—говорит он,—нет ничего самого ужасного, что не имело бы своих положительных сторон. Есть свои положительные стороны и у современного хаоса. Уничтожив или ослабив все социальные и политические силы, он сделал так, что даже наиболее ничтожные из сил могут, при случае, играть крупную историческую роль. Поэтому и человеческий разум, как бы беспомощен ни был он до сих

пор, может превратиться, через современный хаос, в главнейшую из движущих сил исторического прогресса. Да, наконец, если всякий хаос рождается из недостатка разума,—кому же и преодолевать его, если не разуму. Именно теперь, в итоге мировой войны, мы можем из слуг исторического хаоса превратиться в носителей исторического разума. Все теперь зависит от нас самих—и, быть-может, только от нас самих» (стр. 13).

«Существует взгляд, согласно которому, единственной первоосновой всех изменений в общественной жизни,—замечает Ключников,—являются причины экономического порядка». Наш профессор одним росчерком пера разбивает эту теорию. «Экономические факторы,—глубокомысленно замечает он,—не действуют непосредственно. Чтобы начать определять поведение людей, они предварительно должны пройти через их сознание и претвориться в идеи и правила, в цели и программы. С этого момента открывается область социальных причин и следствий,—совершенно новая и автономная. Эта область сил «духовных» или «психических», тех самых, что непременно должны проявляться всякий раз, когда *творчески преодолевается механичность общественных явлений* и на смену привычному появляется нечто новое. Всякий общественный прогресс—их монополия. *Динамика общественной жизни всецело обязана своим существованием динамике человеческого духа.*

«В качестве процессов нашего сознания и нашей воли духовные причины общественных явлений заполняют собой широкую область побуждений, целей и действий *этических*. Назовем ее поэтому просто этической областью или *этической сферой*, пользуясь термином, ставшим уже привычным.

«*Этическая сфера, в свою очередь, распадается на три главнейших более узких сферы: на мораль, на право и на политику.*

«С этой точки зрения всякое общественное явление, способное внести изменение в формы и существо наличных общественных отношений, непременно представляет собой либо явление *морального* порядка, либо явление *правовое*, либо *политическое*. Чаще же всего оно является и тем, и другим, и третьим одновременно, но только в разных пропорциях. Говоря другими словами: *Мораль, Право и Политика образуют одновременно и те три основные формы, в которых выражается всякий социальный прогресс, и ту троицу основных сил, которыми он пользуется для всех своих целей и во всех своих достижениях*». (Стр. 15).

Но беда в том, заявляет Ключников, что обычно обращается внимание только на мораль и на право. Даже в наиболее глубоких из многочисленных исследований по политике «тщетно было бы искать удовлетворительного описания или обоснования своеобразной, социальной природы Политики и ее своеобразных социальных функций. А между тем *полное неумение понять и оценить социальное значение политики составляет такой пробел в современной общественной науке и современном общественном сознании, благодаря которому в совершенно искаженном свете выступают не только сама Политика, но и вся Мораль и все*

Право. Дебри исторически-иррационального оказываются гораздо гуще, чем могли бы быть».

Итак, по утверждению Ключникова, никто не понимает социального значения Политики и вообще, что такое Политика. Ключников находит такое положение вещей долее нетерпимым, попросту—ненормальным. «Теория политики, политическая наука,—заявляет он,—еще со времен Аристотеля топчется на одном и том же месте и не удовлетворяет даже наиболее скромным требованиям, и никто не находил это ненормальным. Никто не видел опасности пренебрежения точными политическими знаниями», возмущенно восклицает он. «*Пусть, по крайней мере, это будет найдено ненормальным теперь*. Пусть к созданию новой политической науки будет приступлено немедленно, потому что *без новой политической науки бесполезно ждать созревания нового политического разума*» (стр. 19).

«*Политика должна стать рациональной*—таково главнейшее требование нашей эпохи. *Давно пора создать новый политический разум*»—вот ультиматум, который Ключников ставит человечеству, грозя последнему неисчислимыми бедствиями, если рецепт, предписанный в его лечебнике, не будет принят всем миром.

Вникая своим взором в сущность политических режимов различных эпох и стран, Ключников делает следующее замечательное открытие. «*Всегда и повсюду можно проследить проявление четырех основных типов политики: ретроградной, или реакционной, консервативной, прогрессивной, или либеральной, и революционной* [1]).

«Каковы бы ни были в зависимости от времени и места конкретные основания политических группировок, в их взаимной борьбе всегда обнаруживается действие *четырех основных политических темпераментов: ретроградного, консервативного, прогрессивного и революционного*».

Что же лежит в основе этих политических группировок? Может-быть, принадлежность членов последней к тому или другому социальному классу, к той или иной экономической категории: классу крупных землевладельцев, крупных промышленников и фабрикантов, средней или мелкой буржуазии, пролетариата и т. п.? Какое заблуждение, какая узость мыслей! Подобные теории настолько не состоятельны, что Ключников даже не останавливает на них своего внимания. Он дает следующее объяснение четырех основных типов политики:

«Различные авторы неоднократно пытались установить тесное внутреннее взаимоотношение между возрастом людей, с одной стороны, и между перечисленными политическими темпераментами—с другой. Они подметили, что *молодые люди, по преимуществу, настроены революционно, что старики обычно—ретрограды, что умеренные консерваторы и либералы большею частью оказываются людьми среднего возраста*. Другие исследователи пытались установить соотношение и параллелизм между темпераментами, о которых идет речь, и между возрастами полити-

[1]) Эти строки, как и большая часть книги Ключникова, набраны жирным шрифтом.

ческих режимов. С их точки зрения, всякий режим переживает несколько периодов, в течение которых он последовательно обнаруживает все характерные черты юности, зрелости и дряхлости. Третьи становятся на еще более широкую исходную плоскость и относят преобладание того или другого из главнейших политических темпераментов за счет разницы в историческом возрасте наций.

«На наш взгляд, все подобные сопоставления в одинаковой степени правильны и допустимы, так как во всех планах и на всех ступенях политической жизни проявляет себя (в согласии с отмеченным выше социальным законом) одна и та же игра четырех политических темпераментов, из которых берут свое начало четыре соответственных типа политических программ».

Ключников принадлежит, как видим, к идеалистической школе. Но, применяя методы этой школы, он обнаруживает такую беспомощность мысли и одновременно договаривается до таких чортиков, что прямо становится жутко за человека.

«Во многих случаях,—пишет Ключников,—*современная жизнь народов развертывается под знаком отчетливо выраженного преобладания то факторов моральных, то факторов правовых, то чисто политических факторов*» (стр. 25).

«Более углубленный анализ непременно показал бы при этом, что *весь стиль социальной жизни совершенно отличен у народов, подчиненных моральному началу, по сравнению с теми, над которыми витает дух права, и где властвует эфемерная богиня политики*».

Как же прилагает Ключников свою философию истории к объяснению явлений современной действительности. Оказывается, что никто до сих пор не понял исторического смысла мировой войны, и впервые Ключников объяснил нам, в чем тут было дело.

«Для одних эта война представлялась грандиозным *поединком между двумя господствующими империализмами:* германским и английским. Другие усматривали в ней всеобщую борьбу против одного единственного *германского*,—империализма, слишком притязательного и потому слишком опасного. Для третьих всеобщая борьба служила выражением стремления современных народов к установлению *немедленного вечного мира*. Как бы то ни было, все сходились на том, что война 1914 года есть борьба одних государств против других, и никто не пытался взглянуть на нее, как на единый мировой процесс, в котором каждое государство играло определенную роль совершенно помимо своей воли и часто вопреки прямым своим интересам.

«Между тем первое условие для правильного понимания недавней великой войны заключается именно в том, чтобы отрешиться от каждого из государств в отдельности, каково бы ни было его реальное значение, и все свое внимание сосредоточить на едином мировом политическом процессе со всеми его условиями, путями и противоречиями, как на совершенно особом социальном процессе, вбирающем в себя и завершающем в себе все остальные социальные процессы. Только тогда с полной отчет-

ливостью выступит наружу логика великой войны. В особенности же станет ясным тогда то, что *это была война за осуществление мировых политических программ, и что подлинный международный мир наступит лишь в том случае, если одна из этих мировых программ будет осуществлена, чего бы это ни стоило*». (Стр. 33).

«Германия была побеждена,—доказывает Ключников,—знаменитыми четырнадцатью пунктами Вильсона, т.-е. *мировой политической программой, по смыслу своему диаметрально-противоположной германской программе*». До сих пор мы думали, что в победе Антанты над Германией играли некоторую роль американское золото, американские танки, пулеметы, многочисленная американская армия, наконец, американская нефть. «Без нефти,—говорит французский сенатор Беранже,—мы не одержали бы победы над Германией». Оказывается, что мы ошибались. «Все дело в знаменитых 14 пунктах Вильсона», которые оказали неизмеримо большее влияние на исход войны, чем все армии Антанты, вместе взятые.

Но в итоге великой войны *обе мировые политические программы оказались совершенно одинаково скомпрометированными и разбитыми*. Благодаря крушению этих программ (Вильгельма II, с одной стороны, Вильсона — с другой), *на первую очередь международного политического дня настойчиво выдвинулась новая политическая программа,—программа Ленина*.

Ключников подчеркивает необыкновенную важность изучения этих программ.

«Чем меньше мы вдумываемся,—говорит он,—в истинный исторический смысл деяний и намерений Вильгельма II, Вильсона и Ленина, *тем больше мы работаем невольно в пользу Ленина* [1]). С другой стороны, чем меньше мы стремимся сделать сознательный выбор между программами Вильгельма, Вильсона и Ленина, тем большие ужасы безысходного мирового хаоса ждут нас и грозят всему будущему человечества.

«Итак, настоятельно необходимо проанализировать с возможной тщательностью политические цели и методы вышеуказанных императора, президента и диктатора.

«*Практическое значение подобного анализа огромно. Не менее значителен и его чисто теоретический интерес. Вот почему именно этому анализу будет посвящено все наше последующее изложение* [1]).

«Пред нами развернутся тогда три великие политические системы. Мы проследим замечательное сцепление отношений между Моралью, Правом и Политикой, с одной стороны, и между духом консерватизма, либерализма и революционного экстремизма—с другой, между режимами монархическим, республиканским и советским и (соответственно) между империализмом, федерализмом и рабочим интернационализмом; между социологическими принципами неравенства, равенства и единства и между идеалами аристократов, демократов и социалистов». (Стр. 42).

---

[1]) Курсив наш. *М. П.*

Таковы основные идеи, изложенные в предисловии книги. В последующих четырех главах автор останавливается на следующих темах: Мировой консерватизм: Германия и Вильгельм II (глава вторая), Мировой либерализм: Америка и Вильсон (глава третья), Мировая революция: Россия и Ленин (главы четвертая и пятая).

В главе о Мировом консерватизме Ключников останавливается, между прочим, на определении сущности империализма. Он указывает на существование мнения, согласно которому империализм есть экономическое явление, и противопоставляет этому мнению взгляд весьма авторитетных экономистов (из них первый Шульце-Геверниц), которые, при анализе империализма, экономический момент подчиняют моменту психологическому. С их точки зрения, *империализм есть, прежде всего, вера, подвигающая на героические жертвы. Он принадлежит к тем культурным устремлениям* (Kultur Bestrebungen), *которые делают нации великими*. Перед лицом этих устремлений политико-экономические требования могут оставаться неудовлетворенными или перестраиваться по-новому. Главное, это—национальная организация, воплощающая высшую культурную ценность (стр. 67).

С своей стороны, Ключников дает следующее определение империализма: «*Империалистическое государство есть такое государство, которое сознательно стремится разрешить международную проблему одними только своими силами*, как *специально предназначенное* для этой *исторической миссии*. Формула империализма, наиболее краткая и вместе с тем наиболее правильная, может быть дана в следующих словах: «*это—политическая программа великого народа, который, обладая максимальными государственными рессурсами, считает себя предназначенным за свой страх разрешить международную проблему методами принуждения и войн*» (стр. 70).

Как просто все разрешается. Ну, стоило ли Гильфердингу, тт. Бухарину, Ленину, Розе Люксембург и др. писать целые фолианты об империализме, когда вопрос так ясен.

В чем лежал основной стимул германской завоевательной политики, явившейся одним из важнейших факторов, вызвавших мировую войну? На этот вопрос Ключников дает следующий неожиданный ответ:

«За пределами Германии обычно утверждают, что немцы строили все свои бесчисленные проекты мирового владычества, обуреваемые исключительно своим безудержным национализмом и кровожадным милитаризмом. Я с этим не согласен и снова охотно повторяю здесь то, что высказывал уже выше: они делали это в угоду абсолютным этическим велениям, *повинуясь явно осознанному моральному долгу*».

О, да.

«Немцы слишком хорошие философы, чтобы не понимать, что, если монархия не имеет чисто *морального* оправдания, то она не имеет вовсе никакого оправдания. Следовательно, если они довольствовались все же для своего социального обихода формами почти абсолютной монар-

хил, то это всецело потому, что они усматривали в ней *наиболее моральную форму власти.*

«Немцы слишком любили всегда прогресс, слишком были захвачены потоком прогресса во всех областях, чтобы не заметить разительного несоответствия между требованиями политического прогресса и своим вкусом к консерватизму и патриархальности. Следовательно, если они все же упорно стремились осуществлять всякий прогресс в рамках отживших политических форм, то это, очевидно, по той главнейшей причине, что в старых политических формах и в старых традициях они находили отражение своего морального облика, весьма дорогого для них.

«Наконец, немцы всегда были достаточно экономными и благоразумными, чтобы не видеть, насколько расточителен всякий милитаризм и насколько опасен и рискован всякий империализм. Значит, их империализм и их милитаризм навсегда остались бы необъяснимыми для того, кто упускает из виду враждебный *моральный смысл*, двигающий волею немецких людей, вопреки всякой экономии и всякому благоразумию».

Если дело обстояло таким образом, и вершители судеб Германии действительно начали войну во имя самых высоких моральных побуждений, а отнюдь не из-за Багдадской железной дороги, Марокко, захвата угольных или железных бассейнов Бельгии, Франции и т. д., как объясняют происхождение войны узкие материалисты, казалось, следовало бы воздать должное Вильгельму II, Кюльману, Гинденбургу и признать, что все они были героями, которым не удалось осуществить великого дела жертвами исторического рока, побежденными в страшной схватке с враждебными стихиями. Но разве наш профессор способен к какому-нибудь последовательному выводу.

«Виновность Германии и Вильгельма II, — неожиданно заявляет он,—несомненна».

«Германия и Вильгельм II виновны в том, что сочли достаточным быть *моральными* и служить моральным целям, чтобы решительно все их действия были затем этически оправданы ими самими.

«Германия и *Вильгельм II* виновны в том, что предприняли грандиозную работу по переустройству всего мира с помощью таких методов, которые заранее обрекали их на неудачи.

«Главная же вина Германии и Вильгельма II в их консерватизме, империализме и утрированном национализме». (Стр. 73—74).

Однако, признав безусловную виновность Германии, профессор тотчас же находит смягчающие вину обстоятельства.

«Как бы ни были ошибочны политические планы немцев, это были планы грандиозного масштаба, рожденные творческими силами души великого народа. Немцев можно было бы безоговорочно осудить лишь в том случае, если бы кто-либо другой из наиболее великих народов предпринимал одновременно с ними иные, лучшие и легче осуществимые попытки политической реорганизации мира, а немцы им помешали».

«Увы, ни одной такой попытки своевременно не было сделано, если не считать тщедушных и двуличных Гаагских мирных конференций, не сумевших не только разрешить, но и понять стоявших перед ними великих задач.

«Наконец, если самой основной из всех немецких ошибок считать желание Германии сделать Мораль главнейшим двигателем всех мировых политических отношений, то совершенно необходимо, чтобы остальным нациям посчастливилось одно из двух: либо таким двигателем вместо Морали с успехом сделать Право или Политику, либо даже установить правильную гармонию между всеми тремя социально-этическими двигателями—Моралью, Правом и Политикой; гармонию, которая одна способна обеспечить безусловное торжество справедливости среди людей и народов» (стр. 75).

В следующей главе автор переходит к характеристике мирового либерализма, представителем коего является Америка. Если германский народ является носителем *Морали*, т.-е. принципов консерватизма, ибо «моралнзм в качестве главной основы национальной психологии оказывается неотделимым от духа традиции, от традиционализма, и потому в *среде остальных современных ему народов моральный народ неизбежно оказывается в положении народа-консерватора*» (стр. 52), американский народ, как носитель Права, как народ правовой психологии, является народом-прогрессистом или либералом. Правда, американский народ отнюдь не стремится воплощать веления высшего абсолютного Добра или высшей абсолютной Справедливости, что совсем не составляет задачу Права, а как мы уже знаем—«задачу Морали» (стр. 80), зато этот народ, народ Северо-Американских Соединенных Штатов, являет собой в нашу эпоху *«наиболее законченное воплощение народа-либерала или народа-прогрессиста с правовой психологией»* (стр. 85).

В современных условиях народ правовой психологии, народ-прогрессист или либерал, это, прежде всего, *республика*, основанная на принципе *народного суверенитета*, конкретно проявляющегося в *формальной воле большинства*. Далее, это—*культ демократизма и равенства, высоко развитое народное представительство*, пылкий, но лишенный шовинизма патриотизм. В области международных отношений, это—народ, преисполненный стремлений к *миру*, несклонный вмешиваться без достаточных оснований в чужие дела, охотно идущий на заключение с другими народами *соглашений и союзов* (вплоть до создания Лиги Наций даже), преимущественно на *началах международного равенства и самоопределения народов* (стр. 84).

«Взятый под историческим углом зрения, народ с достаточно выраженной правовой психологией представляется таким, который рос и укреплялся не столько при помощи войн и завоеваний, сколько при помощи мирных соглашений, заселения незанятых земель, покупки и обмена территорий».

И это говорится об американском народе,—народе европейских колонистов, которые истребили все индийские племена, когда-то засе-

лявшие Северную Америку, и заняли территории последних. Это говорится о правительстве С. Штатов, которое захватило Мексику, ведя войну с Испанией, поработило Филиппины и т. д.

Американский народ, продолжает Ключников, есть народ, обладающий какой-то особой *федералистической психологией*, чуждый империалистической тенденции.

«Империализм,—поясняет Ключников,—проистекает из потребности (социально-политической и психологической) в неравенстве, в господстве, принуждении и подчинении, в эгоизме, консерватизме и централизации. Совершенно иначе обстоит дело с федерализмом. *Он отвечает потребности людей в равенстве, содружестве, взаимном уважении, в согласии и добровольных соглашениях, в известной доле альтруизма в либерализме, в планомерном эволюционном прогрессе и децентрализации*».

«Таким образом, с чисто политической точки зрения федерализм представляется нам силой, направленной на объединение ранее независимых политических единиц и на уплотнение взаимных связей между составными частями одной и той же единицы. И непременно на основе соглащения и равенства. Что же касается специально области *международных отношений*, то здесь федерализм выражает собой *движение в сторону объединения всего человечества в одно единое политическое целое на основе свободного соглашения всех наций, равных в своих правах и стремящихся отстоять свою национальную индивидуальность*». (Стр. 109).

Итак, мы поняли теперь, благодаря Ключникову, в чем заключается сущность мировой войны; это не была война за грубый передел земного шара, за торговую или промышленную гегемонию, за угольные и железные бассейны, за нефтяные источники и т. д. О, нет! Дело не так просто, как думают некоторые материалисты, не видящие дальше своего носа. Великая мировая война была войной между Моралью (Вильгельм II) и Правом (Вильсон). Америка победила в этой войне, ибо «*за время долгого военного сотрудничества и в целях достижения общей военной и политической цели, союзные и дружественные державы сумели приглушить свой национальный эгоизм и подчинить его требованиям взаимной солидарности, принципу Права,—принципу самого полного юридического равенства всех государств без малейшего отношения к размерам их национальных рессуров*». Но—увы!—после войны все это рухнуло, как констатирует с грустью Ключников.

«Америка сама довольно недвусмысленно высказалась против Вильсона, а следовательно, и против самой себя со своими горделивыми мечтаниями, решив при очередных президентских выборах стать более эгоистичной, более консервативной и более безразличной к интересам мирового прогресса. Даже Америка, значит, не сумела *осуществить задачи—в одно целое спокойно и гладко соединить юридическими нормами человечество, которое еще так привыкло жить разъединенным и которое совершенно еще не имеет единого правового сознания*, абсолютно необходимого для всякой небутафорской Лиги Наций».

«Однако, если даже Америка—даже она и в такой исключительно благоприятной мировой обстановке—не сумела выполнить такой задачи, то не является ли она попросту исторически неосуществимой в нашу эпоху. И если все же человечеству суждено, более или менее, скоро притти к прочному политическому объединению, то удастся ли это ему без обращения к последнему, оставшемуся неиспользованным в мировом масштабе методу,—к методу *революционному*.

«Иначе говоря,—быть или не быть *мировой революции*?

«Это—тот вопрос, над которым задумалась сейчас История и который в утвердительном смысле хочет разрешить за нее Россия».

В последних двух главах книги Ключников анализирует сущность мировой революции и объясняет нам историческую роль и миссию Ленина. Если Вильгельм II и Германия являлись носителями Морали, Вильсон и Америка—Права, то революционная Россия и в особенности Ленин являются носителями принципов Политики. Как же доказывает это Ключников? А вот как: «революционер не имеет уважения к авторитетам и ставит себя вне законов Морали и Права, выше их. Он всегда борется. Он любит разрушать. Он—организатор. Он хочет в чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах достичь осуществления поставленной себе задачи.

«А политик?

«Он совершенно в том же положении. Но здесь несходство, а именно, взаимопроникновение понятий. *Наиболее чистый тип политика нужно искать среди революционеров; а политикою, наиболее свободной от всех посторонних примесей (моральных и правовых), несомненно, является политика революционная*» (стр. 124).

«Это именно во время революции необходимо, прежде всего, действовать: это—революционеры умеют действовать с наибольшей решительностью и энергией; это—революция, наконец, с наибольшей неумолимостью парализует всякое право и всякую мораль. Следовательно, *состояние революции совершенно исключительно благоприятно для того, чтобы Политика сделалась главнейшей движущей пружиной социальной жизни за счет Морали и за счет Права*» (стр. 127).

Далее Ключников продолжает:

«Когда в той или другой стране Мораль оказывается доминирующей социальной силой, то она действует лишь в интересах *отдельных правящих единиц и ничтожных меньшинств*. Когда Мораль уступает первенствующее место Праву, то выгодами Права начинает пользоваться *организованное (формальное) большинство населения*. Когда же в процессе внезапно разразившейся революции ходом социальных дел единовластно берется править Политика, тогда *на первый план выдвигаются воля и прихоти всех, тогда все должны быть относительно удовлетворены и все решают участь революции*» (стр. 129).

Кажется, что из последних путанных и неуклюжих строк Ключникова следовало бы сделать вывод, что Октябрьская революция была революцией масс широкой народной революции, но так как Ключников

обладает удивительной логичностью мысли, то он на этой же странице приходит к следующему заключению:

«У народов консерваторов с ярко выраженным «моральным» характером, *моральными* должны являться (хотя бы в принципе) *все* у народов-«либералов» или «прогрессистов», обладающих «правовым» характером, право должно поддерживаться большинством населения. У народов-революционеров с их преимущественно политическим темпераментом революционную политику делают *меньшинства и отдельные единицы*».

А посему ясно, что:

«*Октябрьская революция есть, прежде всего, интеллигентская русская революция. Именно поэтому она сумела стать Великой Русской. Если же волей судеб русской революции придется найти завершение в революции мировой, то в этом, прежде всего, проявится мировое значение дум и устремление русской интеллигенции*».

Но через несколько страниц Ключников по обыкновению противоречит себе и пишет: «Нельзя удовлетворительно объяснить себе успехов большевизма в России, если не отдавать себе ясного отчета в том, что нами только что говорилось: большевизм, утвердившийся в России в процессе революции, наилучшим образом соответствовал психологии и логике русской революции и наиболее полно удовлетворял основным заданиям и навыкам русской революционной политической мысли».

О Ленине Ключников вещает следующее, стараясь в своей характеристике вождя русской революции угодить «и нашим и вашим»:

«Ленин столько же характерен для революционной большевистской России, как Вильгельм II для дореволюционной консервативной Германии или Вильсон для либеральной и демократической Америки; однако, не потому, что он точно отображает облик новой России, как отображают облик своей страны в Германии и Америке Вильгельм и Вильсон. Он характерен для России тем, что в качестве революционера с исключительной творческой энергией он сам почти целиком создал эту большевистскую и революционную Россию. Ленин не унаследовал никаких традиций и не имел никаких прямых непосредственных предшественников. Но он и не нуждался в них. Он должен был и хотел разрушать и создавать все сам».

«Личность Ленина не характеризуется одной только его энергией. У него много других качеств, необходимых для крупного революционера. Их признают за ним даже те лица, которым он не внушает ничего, кроме антипатии. Одни отмечают в нем «исключительную силу логики». Другие высоко расценивают его, как «большого знатока толпы и несравненного демагога». Третьи отдают ему справедливость, как сильному, талантливому организатору. Выдающийся русский экономист, публицист и политик Петр Струве видит в Ленине человека, для которого не существует моральных критериев и в духовном облике которого злобность, злость представляются самыми отличительными из всех черт. Он называет Ленина палачом, для которого все средства хороши при достижении поставленных целей. И вместе с тем Ленин для Струве—это «такой искус-

ный политик и такой замечательный тактик». «Само собой разумеется,—продолжает Струве,—он является теоретиком и идеалистом чистейшей воды; и больше: в своей частной жизни... он аскет». Подобное свидетельство тем более интересно и важно, что, прежде чем сделаться горячим противником Ленина и активно бороться против него вместе с ген. Врангелем, П. Б. Струве близко знал Ленина в течение долгих лет. Они были членами одной и той же социалистической партии, и их имена ставились и цитировались рядом в течение более чем пяти лет».

«Все признают простоту привычек и вкусов Ленина и его безразличие ко всякого рода удобствам. Все согласны, что он—«ужасный доктринер», «схематист», что он до чрезвычайности склонен к абстракции. Что касается лично меня, то мне представляется главным в личности Ленина гармония между его характером и умом и характером типичного революционера. Нельзя сказать, темперамент ли Ленина влияет на ход его мыслей или, наоборот, его мысли определяют его темперамент, его поведение. Мысли и действия, идеалы и склонности представляют в нем одно целое и целиком служат делу революции».

«Не является ли Ленин в силу всех перечисленных качеств человеком, который, будучи обязан, главным образом, *самому* себе, *своим* дарованиям, *своей* работе, смелости *своего* характера и мыслей, наконец, *своей* воле—работает над созданием новой жизни *чисто политическим путем*».

К каким же выводам приходит Ключников на основании своего анализа. Здесь сразу обнаруживается, «где зарыта собака».

«Чтобы избежать мировой революции или потушить ее раз навсегда, я вижу лишь два пути: *первый бы заключался в том, чтобы достаточным образом укрепить мировой либерализм или мировой консерватизм, дабы какая-либо из этих двух мировых антиреволюционных сил могла решительно восторжествовать над современными революционными течениями в мире.* Разумеется, это не так просто. Творцам таких программ пришлось бы сделать нечеловеческие усилия в связи с тем, что нами говорилось в первой главе: человеческий разум, говорили мы тогда, столь ничтожный в качестве исторической и социальной силы, может вдруг превратиться в современном хаосе в главную движущую силу. Разуму выпало бы на долю собрать все элементы и наметить *все необходимые средства для осуществления в мировом масштабе либеральной или консервативной политико-социальной* программы. И это в таких исключительно неблагоприятных условиях» (стр. 184).

До таких жалких и глубоко-реакционных мыслей договаривается наш философ, воображающий, что он подарил миру книгу, имеющую всемирное историческое значение. Итак, очевидно, что он сочувствует либерализму, желает утверждения господства буржуазии, но на худой конец он примирился бы и с мировым консерватизмом, лишь бы избежать социальной революции. Вот для каких выводов понадобилась автору та идеалистическая труха, которой он уснащает всю свою книгу. А как же быть, если ни мировой консерватизм, ни мировой либерализм не в

состоянии будут одержать победы над революцией. Тогда остается только отойти в сторонку, согласно принципу: «моя хата с краю», а затем, как подобает настоящему философу, *смотреть и ждать, что из этого выйдет*.

«Если бы этот путь (т.-е. торжество черносотенной или либеральной реакции. *М. П.*), как легко можно себе представить, не привел ни к чему, то остается другой путь: покорно склониться перед неизбежным развитием событий, и *пусть Бог хранит каждого от борьбы, вражды и особенно от победы над другими*. Все это еще и еще раз лишь на пользу сначала хаосу, а потом революции. При такой покорности судьбе Великая Социальная Революция совершилась бы не будучи революцией в нашем русском переживании этого слова и не сопровождаясь потрясениями в русском стиле. Иначе говоря, чтобы избежать мировой революции, необходимо добровольно уступить ей во всех ее основных требованиях, *а потом смотреть и ждать, что из этого выйдет*» (стр. 184).

Таков заключительный аккорд той идеалистической какофонии, которую представляет собой разбираемая нами книга.

ИДЕАЛИЗМ НА ПУТИ К САМОУПРАЗДНЕНИЮ.

(Из очерков по современной философии Запада [1]).

Григорий Баммель.

I.

Образуя самую гибкую, самую утонченную, самую дифференцированную форму идеологии, философия легче всего поддается абстрактной формально-логической критике. Нет ничего легче, как вскрыть внутреннюю противоречивость любой формы философского идеализма, утвердить формальную несостоятельность, наличность «догматизма», выяснить предпосылки, терпящие крушение при ближайшем анализе, несогласованность их с выводами, наконец, хотя бы простое нарушение элементарных законов «правильного мышления», т.-е. раскрыть, другими словами, так называемую ошибочность взглядов. Но было бы наивно думать, что историко-философская критика сводится к изобличению философов в логической безграмотности. Если бы это было и так, то логическая безграмотность, прежде всего, ничего бы не доказывала. Разве критика есть исправление ошибок? Разве ошибочное противостоит истинному, как исключающая его противоположность? Или не «все действительное» «разумно»? И не «разумна» ли всякая ошибочность, всякая ложность, если она «действительная»? Если говорить об «ошибках», то все ошибки исправляются историей, заостряющей шпаги для лозаннских поединков, следуя отрезвляющей логике производственных отношений. Для красных чернил рабочих рук, для каждого винтика какой-нибудь ротационной машины «истинное» или «ложное» как одинаково подлежит перечеркиванию, так и одинаково обладают равною необходимостью, в смысле «взаимно необходимых моментов в том, что представляется в форме борющихся и противоречивых явлений» (чтобы употребить выражение Гегеля). Последний, как известно, в свое время сетовал так: «Мнение о противоположности истинного и ложного так твердо установилось, что обычно ожидают

[1]) *Heinrich Rickert:* Gegenstand der Erkenntnis. Einführung in die trancendentale Philosophie. Vierte u. fünfte verbesserte Auflage. Tübingen. 1921. XVI—3. 5 S.

Его же. System der Philosophie. Erster Teil: Allgemeine Grundlegung der Philosophie. Tübingen, XVI+419 S.

найти или соответствие или противоречие своей системы с имеющейся налицо другой философской системой и при объяснении ее утверждают одно из двух—или то или другое. Различие философских систем не понимается как прогрессирующее развитие истины, так как в различии усматривается одно *только противоречие*» [1]). Итак, логическая безграмотность, если она только действительна, как ошибочность, вытекает из природы вещей и, как всякая ложность, должна быть освобождена от односторонности и связана с явлениями, ей противодействующими и противоречащими, как обладающая равною необходимостью. Разумность—это «эпоха», разумность—в самоограничении, самоограничение—в соответствии с эпохой, соответствие с эпохой—в необходимости дальнейшего внутреннего развития, вытекающей из неразрывной связанности с прошлым, в необходимости преодоления собственной односторонности. Исторической критике поэтому ничего не следует «отвергать» («отрицать»—«упразднять») на основании только логической несостоятельности, которая, вообще говоря, весьма относительна. Противоположность не есть противоречие, а противоречие не есть нечто недействительное. Схоластика средневековья—прямая противоположность современного научного миропонимания, но возникновение физики в шестнадцатом столетии было подготовлено полемикой номиналистов против реалистов, даже больше: номиналисты, и в их числе Лютер [2]), в политическом отношении подкапывались под здание римской иерархии и прокладывали путь к новым социальным институтам. Именно отсюда начинается та логическая преемственность философских учений, которая в позднем Шеллинге стала не чем иным, как началом «разложения классической философии». Только младогегельянская школа сразу стала на путь, который свободно вел к дальнейшей критике и к дальнейшему развитию идеи, и двадцатидвухлетний Энгельс был прав, когда писал следующее: «Философия Гегеля жива теперь так же, как и раньше на кафедре, в литературе, в молодом поколении; она прекрасно знает, отчего все направленные на нее удары не причинили ей никакого вреда, и спокойно следует внутреннему ходу своего собственного развития».

После этих необходимых наблюдений, обращаясь к современной немецкой философии, мы констатируем нечто совершенно обратное. Если вникнуть в те главнейшие «системы» современной философии, которые связывают себя с классическим идеализмом, то нетрудно заметить, что философия зашла в тупик, не в силах выпутаться из «*дурной*» противоречивости своих понятий. Характернейшая черта всех современных, идущих от неокантианства, течений заключается в том, что потеряна непрерывность проблематики, что никакой логической возможности дальнейшего развития налицо не имеется, что мысль потеряла способность оплодотворяться. И историко-философская критика поэтому, не «отрицая» и не «отвергая», как нечто ошибочное, современные течения западной

[1]) Werke, S. 5.

[2]) Ср. *Guhrauer*: Leibniz Dissert. de princ. indiv. Brl., 1837, S. 44.

философии, должна, однако, вскрыть истинное значение этой импотентности современного идеализма, когда нет налицо вообще никакого намека на развитие, и вместо движения по вертикали имеем вращение взад и вперед по кругу, вместо единого философского умонаклонения—непроизвольное нарастание школ и школок, эпигонства эпигонов, не отрицающих и не приемлющих друг друга. Философская мысль Запада ищет выхода из внутренних логических затруднений только в том, чтобы вечно начинать сначала и делать новые выводы из старых предпосылок. В самом внутреннем содержании разрабатываемых ныне проблем, в их постановке, в их систематических истолкованиях, мы напрасно стали бы искать логических импульсов к дальнейшему развитию идеи «разумной» ошибочности, обладающей «равной необходимостью» вместе с истинностью. Вот почему задача исторической критики *современной* философии сводится конкретно к тому, чтобы раскрыть всю механику тех логических мотивов, на противоречиях которых она и стоит и падает,—стоит, двигаясь от противоречия к противоречиям, падает,—будучи не в силах их преодолеть.

Я останавливаюсь на том, что́ в наше время еще сохраняет некоторую любопытность или даже заслуживает некоторого внимания в современной западно-европейской философской литературе; наиболее ярко и остро распадающуюся психологию распадающегося класса последняя отражает в лице трех самых распространенных и уже проникших в область методологии отдельных наук направлений: гуссерлеянства, фикционизма («Philosophie desals ob») и риккертианство последней формации. Я начинаю с анализа последних сочинений Риккерта, названия которых мною выписаны в подзаголовке, чтобы в изложении стало заметным, в чем именно для риккертианства логическая необходимость самоупразднения, силе каких внутренне ей присущих и ее создавших логических мотивов она должна уступить.

Сказанным определяются теперь задачи и границы моего анализа и характер его, как принципиально «приемлющего» данную философию, как и все остальное «действительное», поскольку это все действительное разумно, и выясняющего упомянутую механику логических мотивов, как мотивов, неизбежно упраздняющих ту «систему философии», ради которой они были вызваны к жизни.

На Риккерте тем интереснее остановиться, что он сознательно противопоставляет себя всем современным философским течениям, характеризуя их как «явления моды времени» и опровержению их посвящая целую книгу («Философия жизни»). Единственный наиболее крупный после Когена и Наторпа неокантианец Риккерт, повидимому, более, чем кто-либо из его современников, может рассчитывать на возрождение идеализма в системе своей «философии ценности». Но в действительности идеализм здесь упраздняет самого себя, упраздняет не в положительном смысле, т.-е. создавая новое содержание путем перехода в собственное отрицание, но в отрицательном, медленно разлагаясь путем замыкания в себе, топтания на месте и как бы обращаясь в логический труп.

Риккерт следующим образом определяет предмет философии. Если в настоящее время весь материал знания, так сказать, распределен целиком между отдельными науками, то это не значит, что у философии нет самостоятельной области изучения. В то время как отдельные науки изучают определенные части вселенной, философия исследует ее целое, как таковое. Целое же есть не что иное, чем простой аггрегат частей, чем простая сумма их. Отдельные части—временны, подвержены изменению, целое же—«надвременно», и вообще отлично от специальных наук не только количественного, но и качественного характера. Специальные науки исследуют нечто ограниченное, незаконченное, развивающееся явление, бесконечное следование единичных фактов; философия исходит из созерцания всей вселенной в ее целом, в ее «сущности» и «завершонности». Необходимость у'мотрения этого целого мира вытекает из несогласованности отдельных наук, из противоречий, существующих между ними и требующих взаимного объяснения в единстве наук [1]). Предмет философии, таким образом, есть эта целостность («тотальность») мира. Поэтому всякая попытка подходить ко вселенной, с точки зрения какой-либо ее отдельной части, терпит крушение,—таковы все современные формы антирационализма, ибо нельзя ведь стремиться к универсальности в пределах, скажем, биологического факта жизни [2]). Универсальное рассмотрение мира не приходит к какому-либо определенному теоретическому миру в том смысле, как это мы видим в науке [3]). Философия ищет обоснования такой системы понятий, которые имеют значение для всего мира, такого «миропорядка», который лежит в основе всех специальных наук. Но если «все», «весь мир» является предметом философии, то это утверждение еще требует своего настоящего объяснения, ибо «все» есть бесконечное многообразие мира, хаос, и, переходя к философии в качестве объекта исследования, очевидно, каким-то образом должно быть обработано; так возникает требование «систематичности» всякой настоящей философии и первое противоречие между «содержанием» философии и ее «системой». Только «система» делает из переживания хаоса теоретический космос [4]). Мыслить не систематически—значит мыслить не философски [5]), и всякая философия есть особый род систематики, когда мир мыслится в универсальной системе [6]) так, что понятие «тотальности» (целостности) мира берется как исходный пункт для дальнейшего расчленения целого на части [7]). Но понятие системы само по себе еще ничего не говорит о том, как может философская мысль *развиваться;* поэтому вполне понятно, почему для Риккерта «прогресс философии» должен выражаться в том, чтобы проблемы ставились заново, вновь и вновь строилась «система», и от одной «системы» переходили к другой «системе», от одного «мира»—к другому «миру»; это указывает на то, что само понятие «системы мира» не столь просто, чтобы голым его утверждением можно было прийти к обоснованию «предмета философии».

[1]) System der Philosophie, I, 16, 31, 38, 76, 85, 164, 205. Phil. des Lebens, 191.
[2]) Phil. d. Leb., 119. [3]) Ib., 172. [4]) Ib., 172.
[5]) System d. Philosophie, 16. [6]) Ib., VIII, 49. [7]) Ib., 39.

Именно, мыслить систематически, значит прежде всего мыслить в некоторой *форме* некоторое временное или пространственное *содержание*. Риккерт различает временность жизни сознания и вообще отдельных частей мира, и «надвременность», «вечность» целостности, требуя от философии мыслить это временное хаотическое следование переживаний с *точки зрения* вечной целостности всей вселенной. Тогда остается совершенно непонятным, каким образом вечная вселенная в целом может вообще соприкасаться с временными ее отдельными частями. Чтобы выйти из этого нового противоречия, приходится «элемент» «вечности», так сказать, перенести в понятие реального психофизического индивидуума, именно сознание его наделить сверхиндивидуальной природой, и допустить наличность «идеальных ценностей», как предметов для суждения этого сверхиндивидуального сознания. Так возникает учение о «действительности» и «ценности» [1]). Философия в отличие от «голого причинного объяснения явлений становится «наукой о ценностях», занимающейся вопросами об отношении «идеального к реальному, ценного к действительному, значащего к существующему» [2]). Что же такое «ценность»?

Ценность не есть лежащая в будущем цель, не есть средство, применяемое для воплощения ценностей в жизнь, не зависит от того, «оценивает» ли реальный субъект или нет,—вообще не принадлежит ни к «внешнему», ни к «внутреннему», ни к «реальному», ни к «воле», ни к «представлению» [3]). Ценность есть нечто такое, что только объективно «значит» нечто «идеальное». Так возникает противоположность «ценности» и «действительности» и противоречивая связь их в «сверхиндивидуальном сознании». Вместе с этим возникает и другое следствие учения о «сверхиндивидуальном» процессе сознания и, следовательно, о сверхиндивидуальном характере всякого логического принципа [4]). Именно «сознание» перестает быть фактом среди других фактов вселенной, но характеризуется как «субъект» [5]), которому другие вещи противопоставляются как «объекты»; так, противоречие между «вечностью» «точки зрения» и «временностью» конкретного содержания, неразрешенное в сверхиндивидуальном сознании, переходит в противоречие между «субъектом» и «объектом» [6]). Проблема же единства «субъекта и объекта» может быть разрешена или объективистически или субъективистически, т.-е. другими словами, сводя первое ко второму, или наоборот. Но и тот и другой способ решения должен быть отвергнут, потому что, с одной стороны, объективизм упускает из виду весь мир «субъекта», весь «внутренний мир», во-первых, а, во-вторых, он не в силах объяснить все то, что не ограничивается фактическим существованием, но имеет «смысл» и «значение»,—мир же, как чистый объект, всегда бессмысленен, так как смысл и значение никогда не совпадают с простым существованием вещей; с другой же стороны, субъективизм не может объяснить всей вселенной, исходя из простого существования субъекта, не заключающего в себе никакого

[1]) System d. Philosophie, 87 ff. [2]) Ib., 91, 161. [3]) Ib., 134, 147, 171. [4]) Ib., 36; Phil. d. Leb., 143. [5]) Syst. d. Phil., 51, 62, 67. [6]) Ib., 70.

«принципа», или «смысла, или вообще какого-либо «значения» для теории [1]). Настоящая философия объединяет в «единой системе» как мир субъекта, так и мир объекта, как ценность, так и действительность. Противоположностью субъекта и объекта пользуется Риккерт для объединения распадающегося мира. Казалось бы, ценность совершенно не соприкасается с действительностью, ибо трансцендентное не может стать имманентным, и наоборот [2]), имманентное не может стать трансцендентным. Приходится допустить поэтому особое новое понятие, с одной стороны, примыкающее к «ценностям», а с другой—к реальной действительности; это—область средняя между ними, «третья» область. Исходя из «объекта», следует допустить наличность «благ», в которых как бы и присутствует и не присутствует «ценность», поскольку еще не вполне она осуществлена, или же, исходя из субъекта, допустить акты «осмысливания», указывающие на ценность, но связанные с действительностью. Но к чему приводит измышление чудесных «благ» и «смыслов»?

К «благам» Риккерт относит хозяйство и государство, брак и семью, нацию и человечество, искусство и религию, науку и дружбу и т. д. [3]). Но это ничего не объясняет, потому что эти «блага» или требуют самостоятельного чисто-научного исследования, или, оставаясь в пределах риккертовской метафизики, повторяют то же самое противоречивое сочетание ценности и действительности в форме лишь вербально нового противопоставления «природы» и «культуры». Зато Риккерту при помощи понятия «ценности» не трудно обосновать культурное благо... «религии» [4]), и в этом духе вести рассуждение об этике и об общественных институтах.

Что касается понятия «смысла», то и оно не в силах вывести из затруднений. Явления могут быть рассматриваемы, по Риккерту, с двух основных точек зрения—или со стороны того, чем они являются сами «для себя», в своем «конкретном существовании», или со стороны того, на что они указывают, чем они для нас «интересны», какой смысл они в себе заключают. Когда говорят о «смысле», то имеют в виду именно эту последнюю точку зрения. Но если это так, то ведь «смысл» оказывается, в свою очередь, противоречивым сочетанием индивидуального акта осмысливания и той объективной ценности, на которую указывает «смысл» данного суждения [5]). Поэтому приходится допустить «имманентный смысл» в отличие от «трансцендентного», а раз допущена возможность «трансцендентного смысла», необходимо допустить возможность чистого теоретического субъекта вообще, «сверхиндивидуального субъекта, которому и открыта область трансцендентного смысла» [6]). Реальный индивидуум живет и сознает себя как бы в «абсолютном сознании», поскольку он оценивает «абсолютные ценности»; этим путем человек возвышается к вечной и абсолютной жизни «сверхиндивидуального субъекта», и в этой

[1]) Syst. d. Phil., 91, 98.
[2]) Gegenstand d. Erkenntnis, 258. [3]) Ib., 385; Phil. d. Leb., 129, 167; Syst., 149.
[4]) Syst., 400 ff.
[5]) Gegenst., 138—146. [6]) Gegenst., 281 ff.

связи, конечно. Риккерту необходимо ввести особый «чистый» не психологический метод исследования [1]). «Сверхиндивидуальное же начало» есть «совокупное понятие всех «ценностей» и всей «действительности», оправдывающее «смысл земной жизни». Поэтому вполне понятно, когда Риккерт, так сказать, проговаривается, что сверхиндивидуальный субъект — есть «мировой субъект» («Weltsubject»), т.-е. может быть истолкован как «бог» [2]). Таков конечный вывод всех этих тончайших махинаций чистейшей схоластики упирающегося в бога неокантианства.

Прослеживая же мысль философа обратно до исходных пунктов, легко заметить, где лежит логическая причина их крушения. Вопреки философской критике идеи бога Риккерт в результате все-таки уперся в бога, чтобы оправдать и соединить с «божьей» помощью распадающийся мир «ценности» и «действительности», «идеального» и «реального», «надвременного» и «временного». Путь Риккерта—путь синтезирования. путь связывания, на который он должен необходимо стать, ибо только таким образом можно обосновать наличность «идеального», «вечного», «общечеловеческого», «сверхиндивидуального», «*ценного*»; ведь «вечное», ничем не связанное с «реальным», «временностью», «действительностью», превратилось бы в фикцию,—а «вечное» и «идеальное» оправдать, разумеется, Риккерту необходимо, так как ему. как выразителю идеологических рессурсов буржуазии, необходимо обоснование так называемой внеклассовой морали общечеловеческих ценностей, не доступных ни историческому ходу развития ни критике простых смертных. А обоснование внеклассовой морали необходимо потому, что идеи внеклассовой морали способствуют легче всего осуществлять идею «внеклассового государства», подлинная сущность которой в диктатуре буржуазии в области экономики, политики и идеологии. И это не случайно формальная и имплицитно им присущая логика в последних сочинениях Риккерта не находит более сильного аргумента, чем существование бога,—это значит, что диалектика производственных отношений, раздираемых внутренними противоречиями, обнажает философское бесплодие и беспомощность в области мировоззрения и логики.

Но нетрудно заметить, что оправдание «общечеловеческих» «сверхвременных» «идеальных» «ценностей» логически вполне возможно в том случае, если, признав заранее их принципиальную неосуществимость, принять их как «гипотезы», как «фикции», и с годными или негодными средствами «обосновать» *необходимость* их применения при «научном рассмотрении» явлений. На этот путь становится другое философское направление современного идеализма, возглавляемое Файхингером и его журналом «Annalen der Philosophie» (1919—1922). Но это—тема особой статьи.

[1]) Gegenst. d. Erkenntn., 136. [2]) Ib., 285—291.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ГЕНЕЗИСЕ ТВОРЧЕСТВА ГОНЧАРОВА.

(*Продолжение* [1]).

В. Переверзев.

Романтический культ чувства и поэзии вытекал из потребности лишнего человека наполнить хоть чем-нибудь пустоту жизни, и он хорошо выполнял это свое назначение. Лишний человек с горечью, злобой и смехом говорил о пустосердечии, жаловался на отсутствие настоящих искренних чувств в жизни. Он не видел ни в себе, ни в окружающих настоящего чувства, а лишь игру в чувства, одну внешность чувства, одно притворство и обман. Эти жалобы естественно и логически вытекали из сознания пустоты и бесцельности существования. Где пуста вся жизнь, пусто, конечно, и сердце. Раз люди не живут, а только притворяются, что живут, то они и не чувствуют, а лишь притворяются, что чувствуют. Так оно и было в жизни Онегиных и Печориных, которым до тошноты надоела «игра страстей», как надоела и вся фальшивая игра в жизнь. Утомленные сердечной пустотой и фальшивыми искусственными чувствами, лишние люди жадно ищут простого, непосредственного неподдельного чувства. Лживых друзей и лживых женщин своего круга они покидают ради бродячей цыганки, как Алеко, ради дикой черкешенки, как Печорин, потому что в их примитивной страсти они находят правдивые чувства. Это чувство хоть на короткое время приобщает их к настоящей жизни, наполняет чем-то значительным их праздное существование. Из этой жадной погони за искренним чувством рождается романтический культ дружбы и любви, которые только и дают некоторую цену жизни. Лишний человек с тоской и смехом жалуется на безделье, на отсутствие разумной работы, желчно обличает всю ложь и фальшь того деловитого переливанья из пустого в порожнее, которым старались наполнять праздное существование и люди его круга и сам он. Лишь в поэтическом творчестве видел он проблески настоящего дела, лишь в этом творчестве находил он отдых от праздности и видимой фальшивой деловитости. Отсюда—культ поэзии и поэтического

[1]) См. «Печать и Революция». Книга первая, 1923 г., стр. 32.

творчества, как единственного разумного, искреннего, а не фальшивого дела. Среди той житейской юдоли и беспросветной скуки, в которую были погружены лишние люди своим бездельем и бесцельностью своего существования, любовь, дружба и поэзия служили единственной утехой, помогая хоть на моменты забываться и отдыхать душой. В экзальтациях дружбы и особенно любви, в упоении поэтическими грезами искусства лишние люди обретали иллюзию жизни, как бедняк и страдалец находит себе иллюзию радости в опиуме и алкоголе. Любовь и поэзия приобретают исключительную ценность, как последняя надежда, как единственное убежище утомленного бесцельностью жизни лишнего человека. Отсюда и особенный какой-то религиозно-мистический взгляд на сущность и смысл любви и поэзии. Их реальное жизненное назначение, их служение делу жизни совсем не принимаются во внимание, потому что у лишнего человека нет никакого дела жизни. Ценится только способность любви и поэзии вызывать экзальтацию, экстаз, забвение, уносить прочь от гнусной реальной жизни. В дружбе, любви и поэзии нет ничего утилитарного, никакой связи с целями реальной жизни: служат они лишь тому, чтобы хоть на время уводить нас за пределы скучной, тоскливой действительности. Искусство и красота — это зарница вечно скучной и пустой земной жизни.

Такова та психология и философия любви и поэзии, которая создалась на почве бесцельного существования, на основе тягостного ощущения своей никчемности жизни. Ясно, как божий день, что адуевский культ чувства и поэзии имеет иной источник и иной смысл. В психике Александра нет, как мы знаем, ощущения бесцельности и пустоты существования. Жизнь не представляется ему какой-то черной дырой, юдолью беспросветной тоски и скуки. У него нет никаких оснований судорожно метаться в поисках того, чем бы наполнить пустоту жизни, нет оснований искать забвения в бурях страсти и в грезах поэзии. Вскормленный грачевским уютом, он не имеет никаких оснований жаловаться на недостаток теплого искреннего чувства. Наоборот, вся жизнь его согрета неподдельным и нежным вниманием, которое расточают ему без меры и мать, и няня, и влюбленная в него Софья. Никто с ним не играл в чувства, не обманул его, и сам он тоже никого не обманывал и ни с кем не играл. Не томление пустотой жизни, а томление простотой жизни скрывается в адуевском культе, поэзии, любви и дружбы. Ему скоро стала тесной патриархальная арена деятельности, он жаждет более широкой арены и более громкой деятельности, и в романтический культ поэтического творчества он вкладывает эту свою жажду и громкой деятельности и широкой арены. Поэтическое творчество влечет его к себе не тем, что оно—настоящее, неподдельное творчество, а тем, что оно—высшее и сложное творчество. То же самое относится и к его культу чувства. Он томится не отсутствием искренних чувств, не искусственностью и ложью в этой области, а просто примитивностью и несложностью их. Он рвется прочь не от пустосердечия, а от простосердечия. Вырванный из патриархальной первобытной обстановки, он уже не удовлетворяется теми формами дружбы, любви и

поэзии, которые может она ему предложить: «Любовь Софьи, первая, нежная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Он мечтал о колоссальной страсти, которая не знает никаких преград и совершает громкие подвиги. Он любил Софью пока маленькой любовью в ожидании большой. Мечтал он и о пользе, которую принесет отечеству. Всего же более мечтал он о славе писателя. Стихи его удивляли товарищей» (103, 1). После того поэтического мира, который открывался Адуеву в произведениях Жуковского, Пушкина, Шиллера, Гёте—нянины сказки уже начали казаться скучными, а вместе показались скучными и простенькая любовь соседки Сони и нежная дружба Поспелова. Он ищет теперь более сложных переживаний, он хочет культурной, а не примитивной любви и дружбы, культурной, а не примитивной поэзии. Здесь Александр расходится с лишними людьми и романтизмом буквально в противоположные стороны, потому что последних тянула к себе как раз примитивность своей правдой и искренностью. Романтики бежали от удовольствий городской культуры, до тошноты пресыщенные ими, испытывая смертельную скуку от светских развлечений. У Адуева от этих удовольствий кружится голова, он с головой погружается в вихрь городских развлечений: «Обаяние и чад бальной сферы,—пишет Гончаров,—гром музыки, обнаженные плечи, огонь взоров, улыбка розовых уст не дадут ему уснуть целую ночь. Ему мерещится то талия, которой он касался руками, то томный продолжительный взор, который бросили ему уезжая, то горячее дыхание, от которого он таял в вальсе, или разговор вполголоса у окна под рев мазурки, когда взоры искрились, язык говорил бог знает что. И сердце его билось; он с судорожным трепетом обнимал подушку и долго ворочался с бока на бок» (167,1). Сопоставьте эти переживания с переживаниями Онегина, который равно зевал средь модных и немодных зал, и вы сразу увидите, какая глубокая пропасть лежит между лишними людьми онегинского типа и Адуевым. Лишние люди видели в культе чувства и поэзии путь от пустосердечия к простосердечию; Александр видит в этом культе путь от простосердечия в мир сложных и более утонченных переживаний. Не вкладывает Адуев в культ чувства и поэзии ни того полурелигиозного мистического содержания, какое вкладывают в него романтики. Через любовь и поэзию он стремится осветить свою реальную жизнь, а не перешагнуть за пределы реального мира. Он жаждет жизни, а не забвения жизни; хочет не жизни в любви и поэзии, а любви и поэзии в жизни. Он вовсе не собирается вырваться из грачевского уюта и улететь далеко прочь от земли на крыльях любви и поэзии, а всей душой стремится окрылить любовью и поэзией свою милую Грачевку. Загляните в его душу в моменты интимнейших мечтаний, когда он рисует себе свой идеал блаженного существования, и вы сразу увидите, как мало романтического в этом идеале. Вот он сидит, откинувшись на спинку стула, и душа его уносится «в место злачно, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, где царствуют спокойствие, нега и прохлада, где в изящно убранной зале благоухают цветы, раздаются звуки фортепьяно, в клетке прыгает попугай, а в саду качаются ветвями березы и кусты

сирени... и царицей всего этого—она» (192,1). В этом идеале нет ни малейшего намека ни на экстаз, ни на экзотику, ни на туманную, бесплотную грезу, ни на что романтическое. В картине, которая носится перед взором Адуева, так много сугубо фламандского, краснощекого, полнокровного и самодовольного, что всякий романтик отвернулся бы от нее с презрением. Не трудно разглядеть в этом идеале знакомые нам уютные Грачи, только более культурные, с пианино и, конечно, книгой.

В сущности говоря, Адуев усвоил себе не идеологию романтизма, а только его фразеологию. Он пользуется романтическими словами и фразами для выражения далеко не романтического содержания. Он переделал и перекроил романтизм на свой лад, создал из него своеобразную, неуклюжую и наивную идеологию. Но даже в такой переделке романтизм был не только бесполезен, но прямо вреден для Адуева. Вредна была уже одна фразеология романтизма. Плохо, когда слова не соответствуют содержанию: это свидетельство фальши и неясности мысли. Между тем романтическая фразеология не имеет ничего общего с душевным складом Адуева, не приспособлена к точному выражению его переживаний. Пользуясь этой фразеологией, он в сущности не выражал ею ни романтических, ни своих настоящих переживаний. Оставался набор лишенных ясного содержания фраз, туманивший голову Адуева. Фраза убивает у него мысль, работа языка замещает работу мысли. Он баюкает себя фразой, в тумане и пустоте которой ему чудится глубокомыслие. Он воображает себя романтиком, не догадываясь, что он только сбитый с толку романтизмом человек. Романтическая речь делает Адуева просто смешным, звучит в его устах как-то нелепо и дико. Романтизм дал ему «тот дикий язык», от которого приходится впоследствии терпеть много неприятного и отучаться с большим трудом.

Но еще больше, чем заимствованная у романтиков фразеология, доставит Адуеву хлопот и огорчений заимствованный им у них культ любви и поэзии. Мы знаем, что этот культ имел различное значение у Адуева и романтиков. Романтики через любовь и поэзию спасаются от пустоты и фальши жизни, тогда как Адуев ищет в них спасение от простоты и некультурности жизни. Но если любовь и поэзия пригодны на то, чтобы скрасить пустопорожнюю жизнь, внести в нее момент искренности, то наполнить большим содержанием и сделать более сложной простую жизнь они не могут. Сложность жизни не создается любовью и поэзией, ибо они просто—необходимая функция всякой жизни, даже самой элементарной. На полюсе и на экваторе, на низшей и на высшей ступенях развития,—везде любят и наслаждаются поэзией. Дикий бушмен также любит, как и культурный парижанин: но сколько бы ни любил бушмен, он никогда не сделается от этого культурнее, чем есть, никогда не сделает свою жизнь такой же сложной и высоко организованной, как жизнь парижанина. Принцип жизни—не любовь, не поэзия, а труд, творчество. Сложность жизни и определяется большей или меньшей сложностью организации труда. Чем разносторонней и сложнее труд, тем сложнее жизнь, а чем сложнее жизнь, тем сложнее и любовь и поэзия. Жизнь не поднимешь над

элементарностью и простотой любовью и поэзией; наоборот, сами они поднимаются над элементарностью вместе с усложнением жизни. Адуевский культ чувства и поэзии искажал все эти перспективы и оказывал ему плохую услугу в его стремлении от простого патриархального существования к более сложному, культурному существованию. Мало того, что культ этот не вел его от примитива к культуре, от простоты к сложности. Рожденный нервами и мозгом лишних людей, созданный пустотой их жизни, он пустошил жизнь Адуева, толкал его из простоты в пустоту. Он действовал на Адуева, как действует на здоровый организм прививка сыворотки, извлеченной из больного организма: рожденный болезнью, он рождал болезнь; рожденный бездельем, он вел к безделью. Это была не натуральная, а привитая болезнь, сильно разбавленная и ослабленная, не опасная для жизни. Но все же это была болезнь, и Адуеву предстояло от нее выздороветь, чтобы сделаться снова нормальным, здоровым буржуа.

Таким образом, в университете Адуев не успел выработать той новой идеологии, которая сделала бы его культурным буржуа, не успел приспособиться идеологически к новым буржуазно-капиталистическим условиям жизни. Он споткнулся здесь о дворянский романтизм, запутался в его дебрях, утонул в тумане слов, сочинил себе нескладную псевдо-романтическую идеологию, которая ровно никуда не годилась нашему герою ни в старых патриархальных, ни в новых капиталистических условиях существования. Остаться с этой идеологией Адуев не мог. Эта идеология неизбежно толкала его на путь дальнейшего развития и дальнейшего приспособления. Адуев великолепно сознает, что с его новой идеологией нельзя оставаться в патриархальных Грачах, да он и не хочет этого, он рвется прочь из объятий патриархализма. Что выработанная им идеология не годится и в условиях буржуазно-капиталистической культуры, об этом он еще не имеет представления. Наоборот, он возлагает на нее большие надежды, он горит желанием ринуться в самую гущу новой жизни, сделать в ней карьеру и фортуну. «В надежде «славы и добра» бросится он в самый центр развивающегося капитализма, в Петербург. Здесь, в большом капиталистическом городе, разыгрывается последний акт драмы приспособления патриархального буржуа к новым капиталистическим условиям. Главное содержание романа «Обыкновенная история» и составляет как раз изображение этой драмы. Гончаров вскользь, несколькими штрихами, рисует до-петербургские этапы развития Адуева. Он торопится вместе со своим героем в Петербург. Зато петербургский период его существования он рисует со всей тщательностью, изображая все перипетии психологического кризиса и постепенного приспособления его героя к новым условиям капиталистического существования и к новой роли буржуа в общественной жизни. Он рассказывает, как Петербург вскрывает полную несостоятельность выработанной Адуевым под влиянием романтизма идеологии, как под влиянием петербургской жизни Адуев понемногу выздоравливает от своей идеологической болезни и вырабатывает новую уже действительно буржуазно-капиталистическую идеологию, обеспечивающую ему то видное и веское положение,

о котором он грезил и к которому рвался из своих простеньких Грачей.

В Петербурге Адуев быстро убеждается в смешном бессилии его романтической фразеологии. Он начинает замечать, что романтические слова—чужие слова, что они не соответствуют его природе и всем условиям его существования, что они идут к нему, как к корове седло. Петербургская жизнь потребовала от Адуева ясной и точной формулировки его стремлений, потребовала от него, чтобы в романтические фразы был вложен определенный смысл. Но тут-то и обнаружилось, что в устах Адуева эти фразы или не имеют никакого смысла, или имеют такой смысл, для выражения которого они совсем не годятся. «Скажи-ка,—спрашивает Адуева его петербургский дядюшка,—зачем ты сюда приехал?»—Я приехал... жить...—«Жить? То-есть, если ты разумеешь под этим—есть, пить и спать, так не стоило труда ездить так далеко: тебе не удастся так ни поесть ни поспать здесь, как там, у себя; а если ты думал что-нибудь другое, так объяснись».—Пользоваться жизнью, хотел я сказать,—прибавил Александр, весь покраснев:—мне в деревне надоело—все одно и то же.—«А! Вот что! Что же, ты наймешь бель-этаж на Невском проспекте, заведешь карету, составишь большой круг знакомства, откроешь у себя дни?»—Ведь это очень дорого,—заметил наивно Александр.—«Мать пишет, что она дала тебе тысячу рублей: этого мало. Вот один мой знакомый недавно приехал сюда, ему тоже надоело в деревне, он хочет пользоваться жизнью,—так тот привез пятьдесят тысяч и ежегодно будет получать по стольку же. Он, точно, будет пользоваться жизнью в Петербурге, а ты нет! Ты не за тем приехал».—По словам вашим, дядюшка, выходит, что я как будто сам не знаю, зачем я приехал.—«Почти так; это лучше сказано: тут есть правда; только все еще нехорошо. Неужели ты, как собирался сюда, не задал себе этого вопроса: зачем я еду? Это было бы не лишнее».—Прежде, нежели я задал себе этот вопрос, у меня уже был готов ответ,—с гордостью отвечал Александр.—«Так что же ты не говоришь? Ну, зачем?»—Меня влекло какое-то неодолимое стремление, жажда благородной деятельности; во мне кипело желание уяснить и осуществить... те надежды, которые толпились...—«Не пишешь ли ты стихов?» прерывает его дядюшка.—А что?—«Да ты так говоришь»...—Разве не хорошо?—«Нет, может-быть, хорошо, да дико».—У нас профессор эстетики так говорил и считался самым красноречивым профессором,—сказал смутившийся Александр.—«О чем же он так говорил?»—О своем предмете.—«А!»—Как же, дядюшка, мне говорить?—«Попроще, как все, а не как профессор эстетики. Впрочем, этого вдруг растолковать нельзя; ты после сам увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить, университетские лекции и перевести твои слова, что ты приехал сюда делать карьеру и фортуну—так ли?»—Да, дядюшка, карьеру... (136—8, 1). Устами дядюшки Адуева Петербург ставит Александру ребром вопрос о цели его приезда в столицу. Адуев пробует силу усвоенного им романтического лексикона и—о ужас!—казавшиеся магическими и волшебными слова оказываются просто невнятным бормотанием. Стоит только напол-

нить ответ живым содержанием, и отвечать приходится другими словами. Когда Адуев, повторяя, как попугай, романтические речи, начинает жаловаться на отсутствие чувств любви и дружбы у людей, он вызывает каверзный вопрос со стороны дядюшки: «Ну, чем ты недоволен! Чего тебе недостает? Другой на твоем месте благословил бы судьбу. Ни нужда, ни болезни, никакое реальное горе не дотрогивалось до тебя. Чего у тебя нет? Любви, что ли? Мало еще тебе: любил ты два раза и был любим, тебе изменили, ты поквитался. Мы решили, что друзья у тебя есть, какие у другого редко бывают,—не фальшивые; в воду за тебя, правда, не бросятся, на костер не полезут, обниматься тоже не охотники; да ведь это до крайности глупо: пойми ты, наконец! Но зато совет, помощь, даже деньги всегда найдешь». И Александру ровно нечего ответить на эти слова, потому что действительно на что другое, но на отсутствие искренних чувств ему грех жаловаться. Когда Александр пускает в оборот речи о «презренной действительности», о поэзии и чувствах, которые «как бы упали с неба в земную грязь» и которые поднимают его из этой грязи, у его дядюшки поднимаются брови от недоумения и иронии, а племянник умолкает в конфузе. И это понятно, потому что на самом деле он ровно ничего презренного не видел, да и не мог видеть в своей реальной жизни, потому что он собирался устраивать именно земную жизнь, а не спасаться от нее в надзвездных высях. Если он и сердится на действительность, то вовсе не потому, что она в его глазах презренна, а скорее потому, что она презирает его, смеется над его тщеславным желанием занять в этой действительности видное положение. Он замечал, что «в одном месте исподтишка смеялись над его юношеской восторженностью и прозвали романтиком. В другом—едва обращали на него внимание, потому что от него никому не было ни тепло, ни холодно. Он не давал обедов, не держал экипажа, не играл в большую игру. У Александра болело и ныло сердце от этих стычек розовых его мечтаний с действительностью. Ему не приходило в голову спросить себя: да что же я сделал отличного? чем отличился от толпы? где мои заслуги и за что должны замечать меня? А между тем самолюбие его страдало» (166, 1). Не романтическое пресыщение жизнью, а разыгравшийся аппетит жизни так и сквозит в этих переживаниях. Не романтическое разочарование во всех радостях жизни, а раздраженное самолюбие обойденного радостями жизни слышится в них. Браня жизнь, Александр напоминает не печального романтика, а смешную в своем раздражении и брани лисицу Крылова перед зрелым янтарным виноградом. Так шаг за шагом вскрывается перед Адуевым лживость романтической фразеологии в его устах.

Смехом выжигает Петербург из Адуева псевдо-романтическую фразеологию; смехом же выжигает он из него псевдо-романтический культ любви и поэзии. Практика этого культа ставит его в такое же нелепое положение, как и практика романтической фразеологии. Естественно было лишнему человеку, которому все равно нечего было делать, который чувствовал, что не рожден для жизненной работы, ухлопывать все свое время на погоню за дружбой, любовью и красотой. Но когда своим вре-

менем начинает распоряжаться таким же образом Адуев, который приехал в Петербург завоевывать жизнь, делать карьеру, осуществлять ту новую социальную стоимость, какую он, как буржуа, приобрел в условиях развивающегося капитализма, это оказывается неестественным и невыразимо глупым. Посмотрите, в самом деле, что получается у Адуева, когда он становится жрецом любви и поэзии: «Александр,—рассказывает Гончаров,—все глубже и глубже погружался в свои мечты о Наденьке, потом в творческие мечты. На столе было пусто. Все, что напоминало о прежних его занятиях: о службе, о журнальной работе, лежало под столом, или на шкапу или под кроватью. Один вид этой грязи, говорил он, пугает творческую думу, и она улетает, как соловей из рощи, при внезапном скрипе немазаных колес»... (212, 1). Вы видите, как Адуев из делового человека превращается в бездельника под влиянием культа любви и поэзии, как он опустошает свою жизнь исповедыванием этого культа. Александр сначала не замечает нелепости этого превращения, не догадывается, что есть огромная разница между тем, кто живет в чаду любви и поэзии от безделья, и тем, кто начинает бездельничать от чада любви и поэзии; между тем, кто заглушает муку тяжко неизлечимой болезни сильным наркозом, и тем, кто расстраивает до неизлечимой болезни здоровый организм тем же наркозом. Но опыт петербургской жизни скоро просветляет его на этот счет, заставляет его почувствовать, что со своим культом любви и поэзии он попал как раз в положение человека, расстраивающего свое здоровье наркозами. Никакой отрады, никакого утешения не принес ему этот культ; он лишь портит ему жизнь, ведет его от одной неудачи к другой, разбивает все его надежды на блестящую карьеру и фортуну.

Вскрывая несостоятельность выработанной под влиянием романтизма идеологии, ее несоответствие с натурой и условиями жизни Адуева, Петербург ставил перед ним дилемму: либо назад к грачевскому наивному идеализму, к простым радостям патриархального уюта; либо к выработке новой идеологии, действительно открывающей двери в новую, более сложную и интересную жизнь столичного города. Возвращение в Грачи означает разрушение розовых надежд на карьеру и фортуну, отказ от осуществления своей новой социальной стоимости, умаление своего значения и ценности. Понятно, что Адуеву эта перспектива не очень улыбается, и он пытается «приноровиться к новым понятиям», усвоить себе новую идеологию. В конце-концов, это ему удается.

Наблюдая петербургскую жизнь и слушая уроки своего дядюшки, Адуев узнает, что творчество заключается далеко не в одной поэзии и что свою жажду творческой деятельности можно утолить не одним писанием стихов. Вся жизнь проникнута творчеством, и творчество жизни требует такого же таланта, как поэтическое творчество. «Поэт—не небожитель, а человек», втолковывает дядюшка племяннику.—Что вы, дядюшка! Как это можно говорить,—возражает Александр:—поэт заклеймен особой печатью: в нем таится присутствие высшей силы...—«...как иногда в других,—прерывает его дядюшка:—и в математике, и в часовщике, и в

нашем брате—заводчике. Ньютон, Гуттенберг, Ватт также были одарены высшей силой, как и Шекспир, Дант и пр. Доведи-ка я каким-нибудь процессом нашу парголовскую глину до того, чтобы из нее выходил фарфор лучше саксонского или севрского,—так ты думаешь, что тут не было бы присутствия высшей силы?» Адуев начинает смекать, что творчество жизни шире и важнее творчества стихов, что не поэтическим талантом, а ролью человека в творчестве социальной жизни определяется его ценность. Сильное впечатление производит на Александра завод его дядюшки и департаментская канцелярия. В движении завода, так глубоко отличном от хозяйственной организации Грачей, в движении огромной канцелярской машины, так похожей на завод его дяди, он чувствует присутствие огромной социальной силы: «Александр знакомился с новым для него миром... он все стоял и смотрел. Точно завод моего дяди, решил он, наконец. Как там один мастер возьмет кусок массы, бросит ее в машину, повернет раз, два, три,—смотришь, выйдет конус, овал или полукруг; потом передает другому, тот сушит на огне, третий золотит, четвертый расписывает,—и выйдет чашка, или ваза, или блюдечко. И тут: придет посторонний проситель, подаст, полусогнувшись, с жалкой улыбкой, бумагу—мастер возьмет, едва дотронется до нее пером и передаст ее другому, тот бросит ее в массу тысячей других бумаг,—но она не затеряется: заклейменная номером и числом, она пройдет невредима через двадцать рук, плодясь и производя себе подобных. Третий возьмет ее и полезет зачем-то в шкап, заглянет или в книгу, или в другую бумагу, скажет несколько магических слов четвертому—и тот пошел скрипеть пером. Поскрипев, передаст родительницу с новым чадом пятому,—тот скрипит, в свою очередь, пером, и рождается еще плод, шестой охорашивает его и сдает дальше, и так бумага идет, идет—никогда не пропадает: умрут ее производители, а она все существует целые века. Когда, наконец, ее покроет вековая пыль, и тогда еще тревожат ее и советуются с ней. И каждый день, каждый час, и сегодня, и завтра, и целый век, бюрократическая машина работает стройно, непрерывно, без отдыха, как будто нет людей,—одни колеса да пружины. Где же разум, оживляющий и двигающий эту фабрику бумаг?» думал Александр (160, 1). Адуев не может не чувствовать, что стать разумом, оживляющим и двигающим эти фабрики, значило бы приобрести большую социальную силу и зажить гораздо более интенсивной и сложной жизнью, чем жизнь Грачей. Ему становится ясно, что если грачевская жизнь проста и лишена значительности, то вовсе не потому, что в ней нет поэзии и поэтического творчества, а только потому, что роль грачевцев в социально-экономическом и политическом строительстве весьма ничтожна. Но капитализм создал такую обстановку, что роль эта могла безмерно возрасти. Капитализм дал возможность патриархальному буржуа строить не купеческие хоромы, а капиталистические фабрики и капиталистическое государство. Использовать эту обстановку и значило бы избавиться от патриархальной простоты. Адуев соображает, что строительство буржуазно-капиталистической жизни, а не писание стихов и романов открывает грачевцу путь от простой патриархальной к слож-

ной культурной жизни. Даже больше, к самому писанию романов и стихов нет для них иного пути, как только через строительство буржуазно-капиталистической жизни, ибо поэзия коренится в жизни, в ней берет свое начало. Адуев начинает понимать, что для него есть один только путь от наивных грачевских сказок к более сложной поэзии: начать строить вместо Грачей капиталистическое государство, капиталистическую жизнь. Иначе он рискнет совсем остаться без поэзии. В этом убеждает его горький личный опыт. Все его поэтические опыты именно потому и оканчиваются неудачей, что он идет к ним не через жизнь и не от жизни, а через подражание романтическим образцам, с которыми вся его жизнь не имеет ничего общего: «Героем, возможным в драме или повести, он воображал не иначе, как какого-нибудь корсара или великого поэта, артиста, и заставлял их действовать и чувствовать по-своему» (214,1). В результате повести и драмы возвращались автору с пометкой: «Заметно незнание сердца, излишняя пылкость, неестественность, все на ходулях, нигде не видно человека... Герой уродлив... Таких людей не бывает... К печатанию неудобно! Впрочем, автор, кажется, не без дарования, надо трудиться» (214,1). Даже дарование оказывается бесплодным, когда за ним не стоит жизнь. Но за романтическими повестями Адуева не стояло и не могло стоять никакой жизни, потому что он сам не жил и не мог жить жизнью романтика. Советы дядюшки, наблюдения, личный опыт—все диктует Адуеву один вывод: необходимо строить буржуазно-капиталистическое хозяйство и государство, необходимо принять участие в этом строительстве, чтобы наполнить жизнь большим содержанием, сделать ее более культурной, чем это было в Грачах.

Но строить фабрики и строить государство гораздо труднее, чем строить Грачи, написать драмы и повести труднее, чем сочинять наивные грачевские сказки. Для этого требуется больше труда и деловитости, а главное, больше мысли, знаний, и уж во всяком случае какая-нибудь научная подготовка. На полях возвращенной из редакции за негодностью к напечатанью повести Адуев читает: «Надо трудиться». Он не сразу дает себе отчет в значении этого примечания: «Трудиться казалось ему тоже странным. Зачем же талант?—говорил он.—Трудится бездарный труженик; талант творит легко и свободно». Но, вспомнив, что статьи его о сельском хозяйстве, да и стихи тоже, были сначала так, ни то, ни се, а потом постепенно совершенствовались и обратили на себя особенное внимание публики, он задумался, понял нелепость своего заключения» (215, 1). Он не может не замечать, что труд и знание оказываются могучим средством завоевания новой жизни, с которым не может итти в сравнение вся его псевдо-романтическая галиматья. Крупицы положительных знаний, приобретенных им в университете, скорее прокладывают ему дорогу к литературе, чем кипы его псевдо-романтических стихов. Не стихи, а порядочное знание иностранных стихов открывает ему двери петербургских редакций.

Но если новая жизнь требует большего напряжения энергии, зато она и гораздо содержательнее, богаче, интереснее старой грачевской.

Результатом строительства капиталистической жизни является для буржуазии не грубое раздолье, не аляповатая, лишенная всякого изящества, сытость Грачей, а культурный уют, комфортабельное существование. Комфорт есть альфа и омега, начало и конец буржуазного строительства жизни,—поучает дядюшка своего племянника. И племянник проникается, в конце-концов, этой философией и комфортом. Жизнь, положительное знание, комфорт,—таковы основы новой идеологии, усвоенной Адуевым. Вся она обвеяна духом трезвого реализма, позитивизма и утилитаризма. Так из горе-романтика Адуев снова становится реалистом.

Правда, усвоенный им реализм не очень высокого калибра. Это—реализм личного благополучия. Он не отражает интересов социальной и общей жизни. Когда Адуевы говорят о жизни, они имеют в виду лишь свою личную жизнь. Когда они толкуют, что наукой строится жизнь, они опять-таки имеют в виду устройство своей жизни. Когда они говорят, что целью жизненного строительства должна быть реальная польза, удобство и легкость жизни, они имеют в виду лишь свои удобства и свою пользу, они мечтают о комфорте для себя. Это—узкий, эгоистический реализм буржуа начальной фазы капитализма, когда творческая мощь капитала в сфере социальной и общей жизни еще не успела обнаружиться с полной очевидностью. Этому реализму предстоит еще дальнейшее развитие. Адуев должен был расти идеологически вместе с ростом капитализма. Но в начальной стадии буржуазно-капиталистического строительства и эта идеология эгоистического реализма оказывается настоящей путеводной звездой для Адуевых. Во всяком случае он выше и наивного псевдоромантизма, с которым Адуеву нечего делать ни в Грачах, ни в столице, и наивного реализма патриархального невежества, с которым недурно живется в Грачах, но который никуда не годится в Петербурге.

От наивного реализма, через псевдо-романтизм к сознательному научному реализму—таков путь, пройденный Адуевым в процессе его приспособления, и путь этот отмечен тремя вехами: патриархальные Грачи, дворянский университет, Петербург. В Петербурге заканчивается перевоспитание Адуева из буржуа патриархального в буржуа капиталистического. Петербург производит огромную разрушительную и созидательную работу в психике Адуева. Могучий дух капиталистического города, носясь над хаосом его психики, произносит творческое «да будет свет»,—и становится свет. Он отделяет буржуазную твердь от хляби напускного романтизма, выводит его из невылазных хлябей псевдо-романтизма на торную дорогу сознательного реализма. Петербург выпрямляет душу Адуева, очищает ее от остатков грачевского патриархализма и от поверхностного романтического налета, приводит в ясность новый буржуазный идеал и указывает пути к нему. Естественно, что процесс этого выскабливания и выравнивания души принял характер болезненной операции. Через горнило неудач и разочарований пошел Адуев, прежде чем попал на стезю органического буржуазного идеала, приспособился идеологически к новым условиям буржуазного существования. Но он приспособился, усвоив себе философию комфорта, и привел свой челнок

к спокойному берегу комфортабельного существования, как это несколько раньше сделал его дядюшка, и чего не сделал и не мог сделать ни один из лишних людей и романтиков.

И вполне понятно почему это. Причина неудач и страданий лишнего человека лежит не в нем самом, ни в его ошибках, неловкости или неуменьи. Она коренится во внешних, независящих от его воли, объективных условиях существования. Лишнему человеку нужно было не себя исправить и перевоспитать, а остановить ход исторического развития, что, конечно, не в его силах. Другое дело—Адуев, для которого исторические условия сложились весьма благоприятно и который только не умеет использовать выгоды положения. Источник его злоключений в нем самом, в его бестолковости и неприспособленности. —Мне скучно жить, тяжело, невыносимо... отчего же это?—тоскливо допрашивает Александр.—«А от непривычки к новому порядку,—разъясняет ему дядюшка:—не один ты такой: еще есть отсталые; это все страдальцы. Они точно жалки; но что же делать? нельзя же для горсти людей оставаться назади целой массе» (150, 2). Александр Адуев—человек отсталый, неприспособленный, но вовсе не лишний, как Онегин, Печорин или Рудин: «он жертва собственной слепоты и самых мучительных заблуждений сердца» (14, 2), а не жертва роковых законов исторического процесса. Но именно поэтому Адуев и может и даже морально обязан преодолеть свои неудачи и злоключения путем самовоспитания и выработки правильного понятия о жизни, должен сделать свое дело в жизни, исполнить свое историческое социальное назначение. Иначе он будет «рабом ленивым и лукавым», зарывшим в землю свой талант. Ничто, конечно, не мешает Адуеву зарыть свой талант, уклониться от исполнения трудного урока жизни. Адуев понимает это и даже пробует проделать этот нехитрый фокус: «Я стремиться выше не хочу! Я хочу так остаться, как есть: разве я не в праве избрать себе занятия, ниже ли они моих способностей или нет—что нужды... Кто мне запретит сойти несколькими ступенями ниже и стать на той, которая мне нравится» (102, 2), кричит он, обозленный неудачами. Но не может он этим криком заглушить того сознания, что всякий в праве осудить его за небрежное отношение к своим силам и способностям, за преступное угашение духа. Он не может, в конце-концов, не осуждать сам себя, не возмущаться самим собой, своей отсталостью: «Что я здесь делаю? с досадой говорил он», после того как «опустился несколькими ступенями ниже» и погрузился в грачевское болото: «За что вяну? Зачем гаснут мои дарования? Почему мне не блистать своим трудом? Чем дядюшка лучше меня? Разве я не могу отыскать себе дороги? Необходимо ехать. Нельзя же погибнуть здесь! Там тот и другой—все вышли в люди... А моя карьера и фортуна? Я только один отстал... Да за что же?» (184, 2). Адуев чувствует себя только отсталым человеком. Он чувствует, что мог бы «блистать своим трудом», да не захотел сделать этого... Онегины и Рудины хотели бы блистать трудом, да не могут, они чувствуют себя именно лишними людьми. Не следует смешивать тип неприспособленного с типом лишнего человека. Неприспособленный может приспособиться, и обыкно-

венная история его заключается в том, что рано или поздно он приспособляется, как приспособился и преуспел в жизни Адуев. Он не является в жизни ненужным, как лишние люди. Но легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чем лишнему человеку найти себе место в жизни, попасть в разряд нужных людей.

У лишнего человека вся полнота жизни в прошлом. Лишние люди вступали в полосу новой жизни с своеобразной сословной психикой. Они долго были хозяевами жизни, не только нужными, но предпочтительно и особенно нужными в социальном обиходе людьми. Они играли руководящую общественно-экономическую роль в качестве помещика и руководящую политическую роль в качестве дворян. Они были умственно передовым и культурным элементом общества. В их психике сложились традиционные склонности к умственному и социально-политическому творчеству. С такими склонностями вступили они в условия капиталистического быта, сделавшего бесполезным и даже вредным существование сословия. Отсюда необыкновенное острое чувство бесцельности существования и напряженное желание снова найти приложение своим склонностям в социально-политической и культурной работе. Чувство и желание вполне понятное, но и совершенно неосуществимое. Всякие попытки вновь найти общественно-полезную роль необходимо принимали неудачный характер и все обостряли чувство ненужности и бесцельности существования. Единственным социально-полезным актом было бы ликвидировать крепостное поместье, но это значило бы совершить классовое самоубийство, перейти в ряды другого класса и отказаться от всех наследственных материальных и психических ценностей. Для огромного большинства такая глубокая революция была невозможна, и оставалась роль мечущегося по лицу земли русской лишнего человека рудинского склада или сонного небокоптителя в роде гоголевского Тентентникова.

У неприспособленных людей в роде Адуева, вся полнота жизни в будущем. В условиях старой помещичьей Руси они играли очень скромную роль. Особенной культурностью они не отличались, на политическое значение никогда не претендовали. Капиталистическая эволюция не подрывала их экономического положения, а, наоборот, открывала им торную дорогу к завоеванию большего веса в общественной жизни. Адуевы инстинктивно это чувствуют и понемногу не совсем еще ловко подвигаются по этой дороге. Они приобщаются к умственной культуре, но еще далеко не доросли до гражданского и политического сознания. Сравнительно с лишними людьми Александр Адуев—политический и культурный младенец. Но он растет, дорос до дядюшкиной философии и комфорта и будет еще расти и развиваться. А лишние люди—это отставные старики и инвалиды, чувствующие, что они лежат бременем на плечах русского общества

По умственному развитию и политическому самосознанию лишние люди стоят несравненно выше Адуевых. Они доросли в пору крепостничества до сознательного и принципиального отрицания крепостного права. Они выносили в своей груди мучительное, но хорошее чувство

неоплатного долга перед народом и покаяния в грехе жестокой эксплуатации. Отрицая самих себя, они осудили в лице правящего сословия весь крепостной строй, но вместе с крепостным строем они хоронили и себя самих. У них хватало сил только на отрицание, но для созидания новой жизни они чувствовали себя бесполезными, и не им суждено было выступать в роли новых строителей. Этим определяются положительная и отрицательная стороны типа лишнего человека. Каясь, протестуя, сознательно отрицая старый социальный порядок, они играли объективно полезную роль. К их глубокому несчастью, эту роль они только и могли играть, культивируя в себе чувства своей бесполезности. Это очень тягостное и трагическое положение быть полезным только открытым признанием своей бесполезности. Здесь минус лишнего человека, его Ахиллесова пята.

Адуевы малокультурны, не дошли до сознательного отрицания старого крепостного уклада, не выработали сознательного идеала будущего социального порядка. Это—их минус, их недостаток. Но хоть бессознательно, а Адуевы строят этот будущий порядок, кладут его первые камни. Они, правда, не отрицают сознанием крепостного порядка, но они и нисколько не заинтересованы в его сохранении, и отрицают его, так сказать, практически, строя свою личную жизнь не на труде крепостного мужика, а на деньгах и личной энергии. Они не слагают в сознании нового порядка, но зато слагают его своей деятельностью, открывая своей борьбой за карьеру и фортуну эру капиталистической погони за наживой

ЗВУКОПИСЬ ПУШКИНА.

Валерий Брюсов.

1.

Особая, неподражаемая «музыкальность» пушкинских стихов признана всеми давно. Что зависит она от изумительного мастерства, с каким Пушкин располагал в стихе звуки слов,—объяснение, единственно возможное. Что это так и есть, показывается и доказывается последнее время работниками нашей «формальной» школы. Все же, поныне, далеко не общепризнано, не проникло широко в сознание читателей, что звуки в стихах Пушкина расположены преднамеренно, «сознательно»,—поскольку можно говорить о сознательности в художественном творчестве. Поныне еще многим и очень многим строй звуков в стихах (их евфония) кажется чем-то второстепенным, на что поэт обращает внимание лишь «в меру возможности».

Многим представляется чем-то несообразным, каким-то декадентским изыском, чтобы великий, гениальный, подлинный поэт, творя свое поэтическое произведение, следил пристально, почти преимущественно за тем, какие звуки и в каком порядке заполняют его стих. Что писатель избегает некрасивых, неприятных сочетаний звуков (какофонии),—это, конечно, понятно всем; что он *иногда* живописует звуками, давая, так называемые, «звукоподражания»,—с этим тоже все согласны; наконец, допускают, что *в некоторых случаях* в стихах звуки слов помогают смыслу речи, когда, напр., поэт накопляет мягкие звуки *л*, *ль*, *нь* и т. п. или суровые *р*, *гр*, *тр* и т. под., но—*и только*. Чтобы каждый стих был обдуман в звуковом отношении, чтобы каждая буква занимала свое место в зависимости от звука, какой она выражает, чтобы стихи Пушкина были сложным, но вполне закономерным узором звуков,—узором, который можно подвести под определенные законы,—это, повторяю, поныне еще многим кажется унижением высокого призвания поэта.

Думают, что поэт ищет только *слов* для выражения своей мысли; что ему важно подобрать выражение, образ, которые наиболее точно и наиболее наглядно передали бы его замысел и его чувство. Как будут звучать эти слова,—в значительной мере зависит от характера языка;

язык сам позаботится, чтобы в слове «гром» были суровые согласные «*гр*», а в слове «милый», «любовь»—нежное «*л*»... Подбирать звуки, для многих значит—жертвовать смыслом. Но практика всех великих поэтов противоречит таким взглядам. От Гомера и Эсхила до Гёте и Виктора Гюго, все поэты согласно утверждают своими стихами, что иначе, как *звуками*, они и не могут выразить того, что хотят сказать. И во всемирной литературе именно наш Пушкин, вместе с римским Виргилием, являются двумя поэтами, в стихах которых это выступает с особой отчетливостью и несомненностью. У Пушкина, как и у Виргилия, действительно, *каждый* стих, *каждая* буква в словах стиха поставлены на свое место прежде всего по законам евфонии. Пушкин говорил об Онегине:

Высокой страсти не имея,
Для *звуков* жизни не щадить...

Сам Пушкин был одержим этой «высокой страстью» в высшей степени, хотя и задавал себе вопрос:

...Но дорожит
Одними ль звуками пиит?

Если читать Пушкина бегло, никакие особые звукосочетания не останавливают внимания. Изредка мелькнет звукоподражание,—«конь скакал», «по потрясенной мостовой», «шипенье пенистых бокалов» или что-нибудь подобное. Вся остальная масса слов в стихах Пушкина кажется выбранной совсем по другим, не звуковым, признакам. Кажется, что Пушкин искал только *точности* и *яркости* выражений, а никак не особой, преднамеренной звучности речи. Иное открывается, если изучать стихи Пушкина внимательно, если следить за рядами звуков в них, а также—если сравнивать черновые наброски Пушкина с окончательными редакциями и давать себе отчет, почему изменено то или другое слово. Тогда-то открывается этот сложный звуковой узор пушкинских стихов; тогда-то становится явно, что именно звуки слов часто руководили Пушкиным в его творчестве. Временами почти кажется, что звуки имели для него значение первенствующее.

Те, кто не допускает возможности, чтобы Пушкин сознательно рассчитывал расположение звуков в стихах, настаивают, что кажущаяся преднамеренность — фикция, что исследователи-формалисты вкладывают от себя в стихи Пушкина то, чего сам автор не подозревал нисколько. Однако, остановимся на нескольких примерах, особенно убедительных в этом отношении. Разумеется, в стихе:

*М*илой *М*эри моей

последовательность трех *м* можно объяснить «случайностью». Но что сказать о стихах:

*К*нигохранилища, *к*умиры и *к*артины,
И *с*тройные *с*ады *с*видетельствуют мне...

где сначала имеем под ряд три *к*, потом под ряд три *с*. И о длинном ряде аналогичных стихов:

*П*ечальный *п*асынок *п*рироды...

*П*резренной *п*алкой *п*алача...

*П*ушки с *п*ристани *п*алят...

И *б*ога *б*раней *б*лагодатью...

И *м*ладости *м*оей *м*ятежное теченье...

Запутанный в сетях *с*удьбы *с*уровой...

Улыбка на *у*стах *у*вянувших видна...

Когда под *с*оболем *с*огрета и свежа...

А тем более о повторении под ряд, в начале слов, одного и того же звука *четыре* раза, и *пять* раз, и *шесть* раз.

И *п*альцы *п*росятся к *п*еру, *п*еро—к бумаге...

*П*олночный *п*арус *п*осетит,
И *п*утник слово *п*римиренья...

Куда как *в*есело; *в*от *в*ечер; *в*ьюга *в*оет...

И *с*мерти *м*ысль *м*ила душе *м*оей...

*П*астух, *п*летя свой *п*естрый лапоть,
*П*оет *п*ро волжских рыбарей...

«Сегодня случай, завтра случай,—говорил Суворов,—помилуй бог, дайте сколько-нибудь и ума».

2.

Повторение сходных звуков в *начале* слов называется в евфонии *анафора* или *скреп*. Точнее—анафорой называется повторение сходных звуков в одной из начальных частей евфонической единицы.

Такой единицей или «словом», в терминологическом смысле, является то сочетание звуков, которое произносится с одним ударением (отделяется в стихах «малой цезурой»); напр., в стихе: «Мой дядя || самых || честных || правил», для евфонии—*четыре* слова; в стихе: «На всякий звук»—*два* слова и т. под. Анафорическим повтором считается повторение звука или в самом начале слова или в начале ударного слога; при этом анафора може быть не только *чистой*, т.-е. стоящей точно в начале, но и с затактным звуком или затактной, когда повторяющимся звукам предшествует другой (один, реже два), как в некоторых выше приведенных примерах: «смерти мысль» и т. под. Существуют и иные виды анафоры, о которых здесь нет надобности говорить.

Пушкин очень любил именно анафору. Огромное число его стихов содержит в себе разнообразнейшие виды анафоры. Особенное пристрастие было у Пушкина кончать стих анафорой, притом очень часто—чистой, так что два последних слова начинаются с одного и того же звука [1]):

Освободил он *м*ысль мою..,

Будить мечту *с*ердечной *с*илой...

К веселью, роскоши знак *п*ервый *п*одавая...

Жестоких опытов сбирая *п*оздний *п*лод...

В тени олив *л*юбви *л*обзанья...

Мгновенным *п*ламенем *п*окрыты...

Послал к анчару *в*ластным *в*зглядом...

На холмах *п*ушки *п*рисмирев...

Браздами, *с*аблями *с*туча...

И счастья *б*аловень *б*езродный...

Штыки смыкает; *т*яжкой *т*учей...

Подобный *в*етреной *В*енере...

Останься век со мной на *г*орестной *г*руди...

Затворщиц *ж*ирных и *ж*ивых...

В те дни, как *П*ресенское *п*оле
Еще *з*абор не *з*аграждал...

Как гром *п*роклятие *п*лемен,
И длань *н*ародной *Н*емезиды
Подъяту *в*идит *в*еликан...

В некоторых из последних примеров одна из анафор, в сущности,—затактная.

Почти наравне с анафорой в конце стиха Пушкин любил анафору в начале, и очень многие его стихи начинаются двумя словами на один и тот же звук:

*В*осхвалим *в*ольности дары...

*Г*ордись, *г*усар! но помни, вечно...

*М*олчит *м*узыка боевая...

*В*от *в*ерный брат его, герой Архипелага...

[1]) Само собой понятно, что в евфонии принимаются в расчет *звуки*, а не *буквы*. Одна и та же буква в русской азбуке означает разные звуки, напр., ударное *о* и *о* без ударения, тоже—*е*, *к* перед твердой гласной и перед мягкой и т. д.; наоборот, один и тот же звук часто изображается разными буквами, напр., *в* и *ф*, *б* и *п*, *а* и *о* и т. д.

*С*тоит *с*едой утес; вотще брега трепещут...

*С*ын *с*евера, бродя в краю чужом...

*У*меет *у*слаждать свой путь над бездной волн...

От нас *от*торгнется ль Литва...
И *м*олодежь *м*инувших дней...

Сочетание этих двух приемов дает анафоры в начале и в конце стиха:

*Д*ивились *д*олгому любви *м*оей *м*ученью...

*Х*озяйка *х*мурится в *п*одобие *п*огоде...

И *п*уть *п*о нем *ш*ирокий *ш*ел...

*М*ы жгли *М*оскву, был *п*лен *П*арижу...

Несколько реже ставит Пушкин анафору в середине стиха, но часто делает это особенно изящно, выбирая действительно самую середину звукоряда:

Еще ты *д*ремлешь *д*руг прелестный...

Скажи, как *п*адает *п*исьмо из-за решетки...
Где жены *в*ечером *в*ыходят на балкон...

Подымем *с*таканы, *с*одвинем их разом...

Так ложная *м*удрость *м*ерцает и тлеет...

О волн и *б*урь любимое дитя...

Кружится *в*альса *в*ихорь шумный...

3.

Думается, что все эти явления объяснять случайностью—трудно. Но дело в том, что анафора, тем более чистая анафора, в той элементарной форме, в какой она является в приведенных примерах, есть простейший, примитивнейший прием евфонии. Если мы могли дать много примеров (и их число не трудно довести до многих сотен) такой анафоры у Пушкина, то потому, что его стихи вообще изумительно богаты в эвфоническом отношении. Но подлинное мастерство Пушкина в звуковом строении стиха сказывается в других, более сложных приемах. Однако, чтобы показать их, необходимо дать несколько теоретических объяснений.

Существуют четыре основные формы *аллитераций* или *повторов: анафора* или *скреп*—повторение начальных звуков; *эпифора* или *концовка*—повторение конечных звуков; *зевгма* или *стык*—повторение конечного звука одного слова и начального звука следующего; *рондо* или *кольцо*—повторение начального звука одного слова и конечного звука другого. Повторы, т.-е. слова с повторяющимися звуками, могут стоять рядом, это—*смежные* повторы; или быть разделены одним или несколь-

кими словами, это—*раздельные* повторы; или еще занимать определенные места в звукоряде (в стихе). Наконец, повторы могут быть *простые*—повторение одного звука, и *сложные*—повторение ряда звуков, напр., целого слога, притом повторение *точное, неточное, обратное* и т. под., *однократные, двукратные, многократные* и т. д. Повторы соединяются между собою в определенные *системы*, которых различается несколько форм: *последовательная, перекрестная, обхватная, спиральная* и др., с применением еще *пролепса, силлепса, интеркаляции* и т. под. Все эти явления поэтического языка изучаются особой наукой *эвфонией*, преимущественно той ее частью, которая называется «учением об аллитерациях или повторах», но также и другими: «учением о звукописи» и «учением об инструментовке». Внимательному читателю этих кратких положений будет достаточно для понимания последующего.

Мы встречаем у Пушкина, в чистом виде, все четыре основных формы аллитераций. Вот несколько примеров из числа многих сотен:

Анафора:

*Б*лагословляя *б*огомольно...

*Б*лаговонием *б*огаты...

*Н*емая *н*очь...

*П*ейте, *п*евцы...

Эпифора:

Кип*ит*, бе*жит*, сверкая и журча...

Напоминают мн*е* он*е*...

Небес*е* жилец...

Зевгма:

Свои уст*а* от*орвала*...

Но *о*ба с крыльями и с пламенным мечем...

Беспечный, влюбчив*ый*. *Вы* знаете, друзья...

Рондо:

И *р*опщет *б*ор...

Недавно черных туч грядой...

И оба говорят мне мертвым языком...

Точно так же легко найти у Пушкина все роды и виды аллитераций. Вот, напр., аллитерации сложные, т.-е. из нескольких звуков:

Воспомни *пр*ежние *пр*ава...

Волненье *ст*раха и *ст*ыда...

Я слышу вновь друзей *пр*едательский *пр*ивет...

Вот также примеры сложных аллитераций, притом частью *гласных*, частью *раздельных*, частью *затактных*, частью *неточных*:

*К*орме родного *к*орабля..

Феб *о*днажды у *А*дмета...

*О*днако, в сей *О*дессе влажной...

Унылая пора *о*чей *о*чарованье...

*Е*два *о*тветствуешь, не внемлешь ничему...

Где луна *т*еплее *б*лещет...

Вот еще примеры аллитераций *прерывных*, т.-е. таких, где между повторяющимися звуками стоят другие:

*М*ладенца ль *м*илого ласкаю...

*Б*родил у *б*ерегов...

Его дыханья *ж*адно *ж*дет...

Или еще примеры аллитераций *обратных*, где звуки повторяются в обратном порядке:

Свой *в*етхий не*в*од; ныне там..

Едва *о*помнились младые *п*околенья...

Понятна мне *в*ремен пре*в*ратность...

Се, ярый му*ч*еник, в *ночи* скитаясь, воет...

Печальные стихи *т*вердили *в т*ишине...

Беспечно *о*кружась *К*ореджием, Кановой...

*С*вятыню *в*сех *с*воих гробов...

Чтобы не обращать статьи в учебник евфонии, скажем, что и *всем*, без исключения, явлениям аллитераций в стихах Пушкина можно найти блистательнейшие, классические образцы. Но сила Пушкина, как евфониста, повторяем, в ином, в большем. Гармония стиха Пушкина основана на *системах* аллитераций и на *разложении* аллитеративных комплексов

4.

Простейшей системой аллитерации является *последовательная* (secutio), т.-е. сопоставление ряда аллитеративных комбинаций одна за другой, напр., ряда анафор или рондо и анафоры и т. под.:

И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел...

*П*орывом *п*ылких ласк и язвою лобзаний...

Журчат ручьи, блестят брега безмолвны...

Уж угадали; точно так...

Мелькают мимо будки, бабы...

Все видел, вспыхнул сам не свой...

Мой милый друг, мы входим в новый свет...

Ревет ли зверь в лесу глухом...

Более сложной и более изящной является система *перекрестная* (geminatio), где сначала является один звук, потом другой, потом опять первый, потом опять второй. Пушкин очень охотно пользовался этой системой:

На мутном небе мгла носилась...

Славянские ль ручьи сольются в русском море...

В покойном сне, в привычном сновиденьи...

В тиши полей, в тени лесной...

Пылай камин в моей пустынной келье...

Может-быть, наиболее изящной из простых систем является *обхватная* (antithesis), где два сходных звука «обхвачены» двумя другими сходными:

Мутно небо, ночь мутна..

Свободы Вакха верный сын...

От сна вновь отрекся он...

Воскресла греков древних слава...

Спеши любить, о Лила,
И снова изменяй...

Другие системы, спираль, цепь, квадрат и т. п., в сущности, — комбинации трех основных. Не останавливаясь на них, приведем только один пример того, как вообще системы аллитераций тонко и отчасти причудливо располагаются в ряде стихов у Пушкина или, говоря терминами, в последовательной системе звукорядов:

Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальний свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит.

Если взять только те звуки, которые нами отмечены (из числа начинающих слово или ударный слог и кончающих одновременно слово и ударный слог), получатся следующие ряды:

н, н,—н—;
д, д,—д; с,—с;
с—в, в,—в—с;
зв, з—в;
т—т, т—т; н, с—т;
т, с, н,—т.

Однако, явно, что в общей звуковой гармонии участвуют и другие звуки, напр., *н* в слове «небес» (что̀ образует рондо в двустишии: «*Н*астанет... *н*ебес»); *д* в слове «древес» (другое рондо в двустишии: «*Д*озором... *д*ревес») и др.; кроме того, гармонии много способствуют рядом повторяющиеся гласные, *о* (обходит, дозором, свод), *а* (настанет, луна), *е* (соловей, мгле, древес), *и* (спит, тихо) и др., но эта игра на гласных относится уже к другому отделу евфонии, к «учению об инструментовке».

5.

Вообще те явления, которые мы здесь рассматриваем, ни в коем случае не ограничиваются пределом одного стиха. В системах звукорядов, т.-е. в ряде стихов, в строфе, в целом стихотворении звуки располагаются, в частности у Пушкина, по тем же законам. Вот несколько простейших примеров того, как Пушкин принимал во внимание звуки слов, строя стихотворные периоды.

Таковы анафоры, стоящие в начале полустиший или в начале отдельных стихов:

*Сво*ею кистью *сво*бодной и широкой...

*Про*роческих очей не *про*стирая в даль...

*Кото*рый Мельпомены
*Кото*урны и кинжал...

*По*рхая над травой,
*Па*стушка робко дышит...

*Го*сподский дом уединенный,
*Го*рой от ветров огражденный...

*По*меркни, солнце Аустерлица,
*Пы*лай, великая Москва...

Эпифорами можно считать все рифмы; но, помимо них, встречаются эпифорические аллитерации, дававсмые звуками сходными, но не тождественными:

И плюет на алтарь, где твой огонь горит...

Но как вино печаль минувших дней...

Сердечной ревностью горя,
Он взором опытным героя...

Но дни младые пролетят,
Веселье, нега нас покинут...

Зевгмами являются все случаи срединной анафоры, перед цесурой и после цесуры, а в ряде стихов анафоры конечного слова одного стиха и начального другого:

Скажи, как в двадцать лет любовник под окном...

Веселый Бомарше блеснул перед тобой...

Исполнен отвагой,
Окутан плащом...

Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья...

Но не бесчестишь сгоряча
Свою воинственную руку...

Рондо может принимать различные формы; Пушкин особенно любил начинать и кончать стих одним и тем же звуком; встречаются также сходные звуки в начале и конце двустишия, или еще в начале слов, стоящих в начале и конце стиха или двустишия (анафорическое рондо):

Как сей увянувший цветок...

Не любит споров властелин

Того царя в живых уж нет...

Невозмутимый вечный сон...

Вечор она так величаво...

Мы не напомним ныне им...

На печальные поляны
Льет печальный свет она...

Привык я думой провождать...

Красавиц наших бледный круг...

Смеркалось; на столе блистая,
Шипел вечерний самовар...

В целом стихотворении такие аллитерации также образуют целые системы. Простейшим примером могут служить многократные анафоры в начале ряда стихов: напр., в стихотворении «Пророк» из 30 стихов 16 начинаются звуком *и*.

Добавим, что, кроме повторов звуковых (аллитераций), важное значение в поэтическом языке имеют повторы словесные, располагающиеся по тем же формам анафоры, эпифоры, зевгмы и рондо. Естественно, что они в то же время дают и повторение звуков. Повторы смысловые уже выходят из пределов евфонии.

6.

Мы подошли теперь к наиболее замечательной стороне пушкинской евфонии, — к тому, что технически называется «разложение аллитераций».

Под «разложением» понимается такое явление, когда в одно слово входит комплекс каких-либо звуков, и те же звуки в отдельности встречаются в словах смежных или близстоящих. То слово, где эти повторяющиеся звуки соединены в комплекс, может стоять *после* слов, где те же звуки встречаются в отдельности, и тогда разложение называется *суммирующим*, или—*раньше*, и тогда разложение называется *детализующим*, или, наконец, в середине (редкий случай), и тогда получается разложение *амфибрахическое*. Разложение притом может быть *прямое*, когда звуки повторяются в том же порядке, как в комплексе, *обратное*, когда—в обратном порядке, и *метатесическое*,—когда порядок изменен.

Пушкин извлекает изумительнейшие результаты из этих приемов, с одной стороны—простых, с другой—как будто бы налагающих нестерпимые путы на свободу художественного творчества.

Вот несколько примеров прямых разложений, сначала суммирующих, потом—детализующих, в конце—амфибрахических:

*С*тою *над сн*егами у края стремнины...

В *кус*тах рассыпались *стр*елки...

*Все хл*опают; Онегин *вх*одит...

Душа твоя *ж*ива для *дружбы*, для любви...

И *п*есен и любви *п*оследним вдохновеньем...

Каких *встр*ечаем *в*сюду *т*ьму...

С *п*рестола *п*ал другой Бурбон...

*П*олезный *п*ромысел избрав...

Вот еще несколько примеров разложений обратных и метатесических:

*С*квозь *них*, *низ*вергаясь, шумят водопады...

Сквозь сон *встр*ечает *у*тро года...

*Вн*овь *н*аши *в*торглись знамена...

Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься....

Твоя краса, твои страданья...

То стан совьет, то разовьет...

К разложению аллитераций относится еще ряд приемов, применяемых Пушкиным очень часто: *пролепс*, когда один звук из сложной (комплексной) аллитерации встречается раньше; *силлепс*, когда такой звук встречается позже; *интеркаляция*, когда такой звук стоит между двумя повторяющимися комплексами звуков и т. под. В то же время эти приемы разнообразнейшим образом комбинируются с основными формами разложения и с построением систем.

Вот примеры таких пролепсов, силлепсов, интеркаляций:

В густой грязи погружена...

Люблю войны кровавые забавы...

На звонкое дно...

И ветер, лаская листочки древес...

И он промчался пред полками...

И скроется за край окружных гор...

Потребны тяжкие труды...

Не требуй от меня опасных откровений...

Треща горит костер, и вскоре пламя, воя...

Строптиву Греку в стыд и страх...

Существуют еще другие разновидности этого приема. Среди них наименее заметен при беглом чтении, но производит наибольшее звуковое впечатление,—*тоталитет*: случай, когда одно слово объединяет в себе звуки, в других словах или в другом слове стоящие разрозненно. Естественно, что и тоталитет может иметь несколько видоизменений, в зависимости от того, стоит ли это объединяющее слово раньше других или после них, заключает ли оно в себе добавочные звуки или нет, и получают ли эти добавочные звуки также свой отзвук в дальнейшем (в последнем случае можно сказать, что тоталитирующее слово стоит в середине между объединяемыми звуками). Слух читателя воспринимает эту особенность звукового строя совершенно бессознательно, но ряд звуков получает какую-то особую законченность. Вот разнообразные примеры такого приема:

Прервали свой голодный рев...

Спой мне песню, как синица...

В божественной крови яд быстрый побежал...

Под *небом* *нежно* голубым...

Один *ночной* гребец, *гондолой* управляя...

Потом в *отплату* *лепетанья*...

Особо изящной разновидностью тоталитета являются случаи, когда слово или значительная часть слова повторяет, с некоторой перестановкой звуков, часть другого, более длинного слова или его основные звуки:

Пирует *Петр;* и горд и ясен...

Под *сенью* чуждою *небес*...

Прекрасных лет *первоначальны* *нравы*...

По*кров*, упитанный язвительною *кровью*...

Сюда же, наконец, относятся случаи, когда два слова заключают в себе почти те же звуки, только размещенные в различном порядке (метаграмма), или когда два слова различаются только одним звуковым элементом, напр., ударной гласной:

Звенит промерзлый *дол* и трескается *лед*...

Лишиться я боюсь по*следних* *наслаждений*...

На *оном* *камне* начертит...

Звучал мне *долго* *голос* нежный...

И *гад* морских под*водный* *ход*...

Мой *модный* *дом* и вечера...

В тени *олив* *любви* *лобзанья*...

7.

Все приведенные выше примеры намеренно дают простейшие формы звуковых построений. Цель этих примеров—показать, и тем доказать, что звуковое строение стихов Пушкина—не случайно. Звуки слов располагаются в них по определенным формам, которые можно объединить в законы. Но, разумеется, эти формы, на практике, прихотливо сочетаются одна с другой: анафоры проходят через рондо, разложения совмещаются с системами, пролепсы и силлепсы участвуют в образовании систем и т. д. и т. д. Если брать цельные отрывки пушкинской стихотворной речи, она окажется насквозь пропитанной аллитерациями, усложненными еще инструментовкой гласных (о чем мы почти ничего не говорили).

Вот несколько образцов, расположенных, так сказать, по возрастающей сложности звукового строения:

Не множеством картин старинных мастеров...

О люди, жалкий род, достойный слез и смеха...

Меня с слезами заклинаний
Молила мать, для бедной Тани...

Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать...

Швед, русский, колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,
Рев пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...

Вот, наконец, целое маленькое стихотворение Пушкина:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печальна сидит, праздный держа черепок.
Чудо. Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой:
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

Если взять исключительно звуки, начинающие слово и начинающие ударный слог, получатся следующие ряды:

урн,—св,—ур,—н,—ут,—д,—р,—б,—
д,—п,—ч,—с,—д,—пр,—д,—ж,—ч,—
ч,—н,—с,—в,—д,—из,—в,—из,—урн,—р,—б,—
д,—н,—в,—стр,—в,—п,—ч,—с,—д.

В этих рядах мы имеем: сложную анафору с пролепсом (*урну—уронив—утес*); многократную анафору (*дева—сидит—держа*); детализующее разложение (*печальна—праздный—черепок*), со следующим силлепсом (*чудо*); амфибрахическое разложение (*вода—изливаясь—из*), с силлепсом (*вода*), к предыдущим системам (*дева—сидит—держа*); рондо (*дева—сидит*); анафорическую метатесу (*не сякнет вода—над вечной струей*) и, наконец, ряд повторов, помимо всех этих систем (*урну—разбила; из урны—разбитой*), (*сякнет—струя—сидит*), (*разбила—праздный—разбитой—струей*) и т. под.

Несомненно, что некоторые звуки, не начинающие слога, также участвуют в общей звуковой гармонии (*утес—сидит, чудо—вечной—печальна* и т. под.). Кроме того, ударные гласные подчинены законам инструментовки, и, напр., первый стих представляет замечательный пример применения в одном ряду чуть не всех основных гласных:

у — о — и — ё — е — и

Недостающее *а* отчетливо звучит в неударных слогах: «водой», «уронив».

Подобных примеров можно привести произвольное количество: каждый стих Пушкина, за очень, очень редкими исключениями, есть пример. Повторяю: во всей мировой литературе я знаю только двух поэтов, сти-

хи которых до такой степени закономерны в звуковом отношении: Вергилий и Пушкин. Ни Гёте, ни Виктор Гюго, ни Данте—не могут сравниться с ними в этом. Среди русских поэтов, Жуковский, Лермонтов, Тютчев, Фет, с ихи которых тоже богаты звуковыми построениями, все же уступают Пушкину, тем более поэты следующих поколений. Кроме того, многие поэты, особенно символисты, выставляют свою звукопись напоказ; у них аллитерации колют глаз, в роде Бальмонтова: «чуждый чарам черный челн...» У Пушкина звуковой строй скрыт; надо всматриваться, чтобы его увидеть. Сложнейшие звуковые рисунки у Пушкина становятся очевидны лишь тогда, когда проследишь букву за буквой, звук за звуком.

В этом-то, вероятно, и таится недосягаемая, до сих пор не достигнутая никем «пленительность» пушкинских стихов. Кажется, у другого поэта, у Лермонтова, напр., то же, что у Пушкина: меткость эпитетов, яркость образов, выразительность языка, глубина мысли, но пушкинского *очарования* часто нет. Всего естественнее объясняется это именно тем, что у Пушкина достигнута полная гармония между содержанием, т.-е. выражаемыми поэтическими идеями, и обеими сторонами формы, т.-е. формою, в смысле композиции, и формою, в смысле звукового построения. Бессознательно мы, читая, воспринимаем этот звуковой строй, и он дает стихам Пушкина их предельную завершонность.

Самое же важное то, что Пушкин умел не жертвовать ни одним из элементов поэзии ради другого. Он не поступался ни смыслом ради звуков, ни звуками ради смысла. То и другое было таким, каким он хотел, чтобы оно было. Строились утонченные звуковые системы, один звук чередовался или перекрещивался с другим, а слова естественно становились на свои места, ничто не насиловало языка, образы и картины вырисовывались четко, основная мысль развивалась столь же стройно, как в любой ученой диссертации. Как достигал этого поэт? Думал ли он сам, в процессе творчества, о сочетании звуков? выискивал ли их? Приведенных примеров, кажется нам, достаточно, чтобы дать хотя бы такой ответ: Пушкин *искал* определенных звуковых сочетаний. Объяснить «случайностью» все звукосочетания в пушкинских стихах—невозможно. «Вдохновение нужно в геометрии», говорил Пушкин, и, наоборот: «геометрия» нужна в поэтическом творчестве. Но как достигал Пушкин своей гармонии, почему у него с виду все так просто и легко, это, конечно, тайна поэта.

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

(По поводу книги П. Н. Сакулина: «Русская литература и социализм». Госуд. Изд-во. 1922 г. Часть I.)

В. Фриче.

Новая книга П. Н. Сакулина представляет первую систематическую попытку показать, как в русской литературе XIX в. отразились «социалистические настроения, идеи и движения» (57)—отсюда ее несомненное значение.

В предисловии автор подчеркивает, что пользовался, «главным образом», произведениями художественной литературы, но в «интересах полноты и ясности» привлекал и иной не художественно-литературный материал. Отражению в художественной литературе «социалистических настроений и идей» в книге отведено менее ее половины (страниц, приблизительно, 200), тогда как большая часть трактует или об отношении к социализму писателей-художников, не облеченном в образную форму, или же об отношении к нему публицистов, ученых, общественных деятелей. Не правильнее ли было бы озаглавить книгу: «Русская интеллигенция и социализм»?

История русского социализма начинается «надлежащим образом» с тридцатых годов XIX в., распадаясь на три основных периода: ранний (утопический) социализм (30 и 40 гг.), народнический (60—80 гг.) и научный (от 80 г. до наших дней) (74).

Первая часть исследования П. Н. Сакулина посвящена «первому периоду», эпохе утопического социализма.

Естественно встает вопрос, в какой социальной среде (в широком смысле) возник и развивался ранний русский социализм?

Что такое представляла Россия второй четверти XIX в.? Автор отвечает: страна «крепостническая и самодержавная, количественно и качественно (!) крестьянство преобладало над городским населением... промышленность все еще слабо развита... дворянству принадлежала роль господствующего класса»... (75). «Вторая четверть XIX в.,—заключает он,—была периодом дворянской культуры по преимуществу».

Если эта характеристика России второй четверти XIX в. исчерпывающая, то как объяснить, что в этой «мужицкой, земледельческой» стране в 30 и 40 гг. вдруг заговорили о новом индустриальном обществе, о

значении и роли буржуазии, о социализме утопическом и неутопическом, о фаланстерах, о рабочем вопросе и т. д. Если правильна вышеприведенная характеристика России второй четверти XIX в., то, очевидно, все это идейное течение, широкой волной наводнившее литературу и публицистику, может быть истолковано только как наносное, как в высокой степени «книжное». Автор, в самом деле, иногда как будто склонен объяснять таким «книжным» влиянием интерес тогдашней русской интеллигенции к тем или иным социальным проблемам, в частности, напр., интерес к буржуазии (268), хотя страницей дальше он становится на позицию более реалистическую. «По верному замечанию П. Б. Струве, источник этого интереса (к буржуазии) лежит не в тех или иных книжных влияниях, а в историческом моменте». Что это за «исторический момент», в точности мы не узнаем, разве только в примечании (269) приводятся слова Герцена о превращении в период 1811—1840 гг. части русского дворянства в буржуазию.

Россия второй четверти XIX в. была, конечно, страной «дворянской и земледельческой». Но достаточно ли этого определения, чтобы быть точным? Ведь в начале 40 годов проводятся первые железные дороги, и петербургские купцы посылают к Николаю I депутацию с приветствием. Дворянство в самом деле en masse превращается в буржуазию,—явление, подмеченное в начале 40 гг. Гакстгаузеном. «Последнее время Россия сделала необыкновенные успехи в фабричной деятельности. Большая часть дворян обратилась в фабрикантов и заводчиков. Москва превратилась из дворянского города в фабричный». (Отдельные примеры см., напр., Берлин: «Русская буржуазия»). Новый буржуазный дух проникал и в сельское хозяйство, где, по словам Киреевского (1845 г.), «прежний естественный характер сельских отношений заменился характером фабричной напряженности». Выступают идеологи буржуазного дворянства, в роде Левшина, автора «Русского полного фабриканта и мануфактуриста», обращающего взоры русских помещиков на английское дворянство, которое «торгует», «завело толико отличные фабрики и мануфактуры и усовершило равно земледелие, как скотоводство», потом гр. Мордвинов, ратующий за развитие промышленности, машинизма, переселение крестьян в городе и т. п.—«тогда только водворится всеобщее изобилие». А снизу из недр крепостного крестьянства вырастала иного типа буржуазия. Богатеи-крестьяне откупались и становились фабрикантами. В 1825 г. в Иванове насчитывалось уже 125 весьма крупных фабрик, принадлежавших крестьянам или бывшим крестьянам гр. Шереметьева. Выступают: Гучков, Савва Морозов, Жуков, Прохоров—все крепостные (Туган-Барановский: «Русская фабрика»). Уже в 20 гг. имеются машины, в 50 гг. их становится все больше. Число фабрик и рабочих растет довольно быстро, удвоилось, напр., в период от 1812—1828 гг. (Покровский: «Русская история» IV). «Дворянство продолжало господствовать, но историю двигало не оно или, по крайней мере, не оно одно» (Покровский). И Николаю при всем его страхе перед буржуазией ничего не оставалось делать, как издать «закон об уравнении состояний», учредить Мануфактурный совет с представителями от фабрикантов и т. д. Существовал уже и в 30—40 гг. и «ра-

бочий вопрос». Словом, «мужицкая и дворянская» страна явно превращалась в «буржуазную», и потому все разговоры и споры, писания и мечты об «индустриализме», о буржуазии, о фаланстерах и т. д. были вовсе не «книжным» наваждением, а отражением в мозгу говоривших и писавших происходившего в жизни процесса развития капитализма. Социализм, проникавший в русскую жизнь в 30 и 40 гг., был многими писателями встречен, естественно, недоброжелательно. В шестой главе автор характеризует отношение к нему Жуковского, Гоголя, славянофилов, декабристов, Одоевского, Грановского—почему эти писатели относились к социализму отрицательно, притом одни с желчной ненавистью, другие как-то раздвоенно—совершенно не видно из слов автора. Получается впечатление, что это их чисто индивидуальное отношение к вопросу. И здесь мы подходим к другой особенности книги—как не вырисован всеохватывающе социальный фон, на котором возник и развился русский социализм, так нет и анализа отдельных групп интеллигенции, бывшей преимущественною носительницей как антисоциалистического умонастроения, так и социалистических идей в 30 и 40 гг. Ибо ясно, что, напр., славянофилы и Грановский—это разные группы интеллигенции, представители разных общественных групп.

Нет детального обследования ни социологического, ни социально-психологического и той интеллигенции, которая была носительницей социалистических идей. Где зародился ранний русский социализм? «Интеллигенты-одиночки и в лучшем случае небольшие интимные кружки юной интеллигенции... оторвавшейся от своей общественной среды—вот где зарождается социалистическое движение» (79). Речь идет, очевидно, о (деклассированной) дворянской интеллигенции. Переходя затем к кружку петрашевцев, автор указывает на его более демократический характер—по сравнению с обществом декабристов,—преобладает «трудовая интеллигенция», но представлены и «купцы, мещане, вплоть до лавочников, торгующих табаком, как выразился агент Липранди» (301). Столь важное социальное явление констатируется лишь мельком.

Если бы автор подверг детальному анализу состав тогдашней интеллигенции, то отчетливее и правильнее выступили бы разные течения социалистической и «социалистической» мысли (и ее отражение в художественной литературе). Автор прекрасно понимает, что не все писатели, о которых он говорит, имеют право на почетный титул социалистов. Напр., Достоевский. «В творчестве автора «Бедных людей», вплоть до ссылки, найдем не мало образов и идей большого социального значения, но без социалистического освещения» (357). Или Салтыков. «В своей продолжительной литературной деятельности Салтыков ни разу не пытался изобразить социалистов. Но социализм от времени до времени приходил ему на ум, и он говорил о нем то с оттенком иронии, то с симпатией к благородным увлечениям юноши» (381). Еще решительнее относительно Ап. Григорьева, которого некоторые новейшие исследователи склонны зачислить в ряды фурьеристов. Из целого ряда данных автор делает вывод (вполне правильный): «не только в 50 и 60 гг., но и в 40 гг. душа Ап. Григорьева «не переваривала» социализма» (404).

Хотя вообще говоря, автор книги не очень щедр на титул социалиста, однако, иногда понятие это получает у него, несомненно, до чрезвычайности расплывчатый смысл. Называя Т. Шевченко иногда «христианским социалистом» (291), иногда просто «социалистом (299), он приводит как иллюстрацию такие стихотворения, о которых можно сказать то же, что он сам говорит о стихотворениях Ап. Григорьева: «их мог написать и не социалист»... А если, говоря о «платоническом сочувствии к социализму», напр., Никитенки (464), он приводит в доказательство выписку из его дневника, где Никитенко одобряет европейские народы за то, что они (1848 г.) «порешили жить самостоятельно», поставив на место «авторитета лиц» «авторитет человечности, законности и права», то если это, по мнению автора, социализм, то это, конечно, более, чем странно. Вообще автор порою превращает в «социализм» мысль и настроение заведомо «либеральные». Масонство и декабризм для него «пролог» к истории русского социализма,—социализм в эмбриональном состоянии, так сказать. Масонство было, конечно, в лучшем случае лишь идеализированное предвосхищение грядущего, не знающего разделения на сословия и нации объединенного (торговлей и промышленностью) буржуазного человечества, подобно тому, как и декабристское движение было лишь особым выражением либерализма. Или: установив, что Т. Шевченко добивался «народного счастья» (289), автор продолжает: «Но можно ли говорить о каком-нибудь социализме Шевченки?» И отвечает категорически: «Можно, ибо раскрепощение и воля—первые необходимые предпосылки для новой жизни, ключ, открывающий дверь в царство социальной правды» (290). Что при господстве самодержавия и крепостничества невозможен социализм, это ясно, но что «раскрепощение и воля» не для всякого за них стоящего «ключ от царства социальной правды», это столь же бесспорно, как объективно «раскрепощение и воля» ключ лишь от дверей в буржуазное царство. Если иногда социализм понимается автором как нечто совпадающее с либерализмом, то иногда он видит «предпосылки для социализма» там, где их на самом деле нет, потому что не разграничивает отдельные группы, входившие в состав тогдашней интеллигенции и не считается с особой психологией этих разных групп.

Говоря о повести Достоевского «Бедные люди», автор замечает, что здесь нет «социализма в строгом значении этого слова», но есть «социальное жизнеощущение, без которого нет социализма». Что без «социального жизнеощущения» нет социализма, это так, но не всякое «социальное жизнеощущение» представляет непременно «предпосылку для социализма» Подобное жизнеощущение имелось, напр., несомненно, у Карлейля или В. Гюго, которые, однако, не были социалистами, как не был социалистом и Достоевский. Или вот смешение настроений интеллигента-плебея в дворянском обществе с умонастроением социалистическим. «Вне всякого сомнения, Ап. Григорьев ненавидит столицу. город деспота, чиновников и аристократов. Видно боевое и демократическое настроение. Интерес к социально-политической стороне жизни—повышенный. Налицо—все психологические предпосылки для социализма, особенно

в его утопической форме». На самом деле, это типическое настроение бесправного разночинца в барском обществе (что может быть характернее следующего признания Григорьева: «Если бы я родился аристократом... но теперь я только оскорблен и раздражен. Да, я подвержен зависти: чуждый среди этого блестящего мира» и т. д. 389). Чтобы этого недовольного обществом плебея превратить в социалиста, для этого нужны «психологические предпосылки» еще и иного характера.

При освещении «социализма» интеллигенции, все равно русской или западно-европейской, необходимо считаться не только с тем, что не всякое «социальное жизнеощущение» и не всякое недовольство данным общественным укладом, особенно если речь идет о барском укладе, являются непременно «психологическими предпосылками для социализма», но и с тем, что самое зарождающееся новое общество—капиталистическое—предвосхищается интеллигенцией (известными ее слоями, да и не только интеллигенцией) в идеализированном виде, в дымке социальной справедливости и социального совершенства. Таков был сен-симонизм. Сен-симонизм по существу не что иное, как идеализированное промышленное общество, каким оно представлялось его вестникам и пророкам, но каким оно, конечно, не осуществилось. Что Сен-Симон был глашатаем именно промышленного капитализма, этот взгляд все больше упрочивается. Его недавно проводил Кунов в своей «Социологии Маркса» (см. также статью о нем в «Красной Нови» И. Степанова). Не даром многие сен-симонисты кончили банкирами и промышленниками. И не всякий «марксизм» есть марксизм.

Если автор книги «Русская литература и социализм» посвящает не мало места доказательству, что ни Вл. Милютин ни Вал. Майков не были марксистами (как полагал И. И. Иванов), то с ним нельзя не согласиться. Но вот Боткин. С одной стороны, он «принадлежит к числу самых ранних русских социалистов», хотя с оговоркой—«социализм его особого рода» (198). И в самом деле. Этот «ранний социалист» двумя страницами дальше (200) ратует за промышленность, выступает затем защитником буржуазии против Герцена (204), является в 50 гг. уже врагом социалистов (21 л.), поклонником конституционной (читай, буржуазной) Англии (210) и, наконец, на стр. 265 преблагополучно объявляется тем, чем он был всегда—«идеологом буржуазии». К какому же лагерю социализма принадлежал этот «идеолог буржуазии»? Он не был, конечно, «ортодоксальным марксистом» (267), но «нечто марксистское, во всяком случае, было в его воззрениях». Было «нечто марксистское» и в воззрениях П. Б. Струве, как известно. Автор книги, нами разбираемой, вполне естественно вспоминает автора «Критических заметок», вспоминает его интерес к Боткину и его невольное признание, что он в своем известном «пойдем на выучку к капитализму» скопировал боткинское «дай бог, чтобы у нас была буржуазия», совершил «плагиат» (268). «Легальный марксизм» 90 годов ничего общего с социализмом не имел. То была прикрытая марксистской фразеологией идеология капитализма, идеология буржуазии, дружившая с истинным марксизмом только потому, что надо было покончить с народнической, мелкобуржуазной традицией. Боткин—это Струве 40 годов.

Он был «марксистом», поскольку марксизм не отрицает капитализма, как неизбежной стадии развития русского общества.

К числу русских марксистов с «большими оговорками» относит автор и двух петрашевцев, Спешнева и Тимковского (повторяя гипотезу Семевского). Что Спешнев брал из библиотеки Петрашевского «Нищету философии»,—это факт; что предполагалось выписать и «Положение рабочего класса» Энгельса,—это тоже факт (Семевский: «М. В. Буташевич-Петрашевский», I, стр. 169, прим. 3). Но должно пожалеть, что автор так мало отвел этому «левому» крылу в группе петрашевцев, умолчав о горячем споре между фурьеристами и коммунистами, об интереснейшем письме Петрашевского к Тимковскому (см. Семевский), и т. д.

Не будем останавливаться на частностях и мелочах. Но вот, напр., излагая первую работу Вал. Майкова, автор замечает: «наш «социалист» ретиво защищает имущественное неравенство». Взяв слово социалист в кавычки, он, очевидно, хочет подчеркнуть, что тот не был подлинным социалистом, когда писал эту свою первую работу. Впоследствии Вал. Майков вступил в кружок петрашевцев, т.-е., очевидно, сделался социалистом. Но вот пара цитат из социалиста Фурье: «Неравенство—вот то основание, которое должно положить конец всем философским химерам. Достаточно допустить хотя бы тень равенства в материальных условиях членов фаланги, чтобы нарушилась взаимная доброжелательность. Та фаланга достигнет наиболее совершенной гармонии, в которой неравенство капиталов будет всего сильнее» (Traité d'unité universélle). См. также описание программы дневного труда и развлечений богатого и бедного члена фаланги (в Nouveau monde industriel et sociétaire).

Итак, если бы автор исходил из факта (пусть медленного) превращения «мужицкой и дворянской» России в страну буржуазную и если бы он показал, как эта социальная драма отразилась в психологии и мировоззрении (и далее в творчестве) разных групп интеллигенции, то «история русского социализма» и его отзвуков в художественной литературе получила бы, с одной стороны, более правильное и точное освещение, а с другой стороны, не сбивалась бы в такой степени (в особенности местами) на простую регистрацию взглядов по этому вопросу русских писателей.

Но и в том виде, как она написана, книга П. Н. Сакулина представляется нам имеющей большую ценность, особенно как первый в этом направлении почин, и мы не можем в заключение не указать не только на большую эрудицию автора, но и на несомненно искреннее расположение его к социалистической интеллигенции эпохи утопизма. Конечно, нас не могут удовлетворить объяснения зарождения среди интеллигенции социалистических идей и настроений, в роде следующих: «своих товарищей социализм нашел среди русской молодежи, отзывчивой на все чистое и светлое» (79), или «невмоготу была жизнь в николаевской тюрьме (и вот) у приветных огней европейского социализма собрались русские люди, чтобы отогреть свои окоченевшие члены» (490), но подобные чувствительно-идеалистические пассажи, несомненно, свидетельствуют о большой симпатии автора к социалистической интеллигенции эпохи раннего русского социализма.

С. В. Чехонин.

Титульный лист из книги „Современная русская графика".

С. В. Чехонин. — Заставка из книги «Фарфор Государственного завода».

РУССКИЕ ГРАФИКИ.

С. В. ЧЕХОНИН.

Елена Данько.

Всякий, кто более или менее внимательно относился к зрительным впечатлениям, проходя по улицам послереволюционного Петрограда, в годы блокады, гражданской войны и пресловутой разрухи,—помнит, конечно, разрушающиеся дома, запустелые прорастающие травой площади, голодных, необутых людей на измызганных тротуарах,—но помнит, конечно, и виденные им—в окнах книжных магазинов, на плакатах, на зданиях, на чашках и блюдах фарфоровой витрины на Невском—то безукоризненно четкие, то бесконечно нежные графические рисунки С. В. Чехонина. Чехонинские розы, листья и травы неразрывно связаны в зрительном воспоминании с Петроградом первых послереволюционных лет. Они завивались в венки вокруг портретов вождей времени, они украшали плавные буквы лозунгов, за которые боролся и страдал город. Тяжелые в материальном и нравственном отношениях годы, многих художников заставившие прервать работу или понизить ее интенсивность, были для С. В. Чехонина временем усиленной и плодовитой работы, вынесшей его произведения на улицу, на дом, в витрину, в газету, потому что, как художник, Чехонин неразрывно связан с жизнью и активным участием в ней.

Отвлеченность графики, ее книжность, ее оценка и понимание узким кругом утонченных читателей книг — оказались кажущимися. С. В. Чехонин—график pur sang воспринял и отразил современность, Калашниковские амбары за Невской заставой до сих пор сохраняют на себе эмблемы и лозунги, написанные им здесь к первой годовщине Октябрьской революции. Им же был исполнен ряд плакатов к открытию первых домов отдыха в 1920 году, им же были даны проекты: герба Р. С. Ф. С. Р.,

С. В. Чехонин. — Иллюстрация к «Руслану и Людмиле».

почтовых марок, бумажных и серебряных денег, эскизы тарелок, блюд и чашек революционными лозунгами, для Государственного фарфорового завода, не говоря уже о постоянной работе для печати.

Это — по содержанию; а по самому приему творчества С. В. Чехонин, может-быть, еще неразрывнее связан с жизнью. Его творческая работа неотделима от техники, от материала и орудий производства, от сил и возможностей, заключенных в материи и ждущих художника, чтобы быть вызванными к жизни для творческой согласованной работы с его художественной волей.

Техника. О ней много говорили и много спорили. Ее подчас (например, в живописи по фарфору) отожествляли с продуктом буржуазных требований к искусству—с застылостью традиционных форм, противопоставляя ей непосредственный художественный импульс, нашедший себе выражение в форме, краске, линии—пускай безотчетно, пускай с пренебрежением к традиционному использованию материала, но зато с подлинным творческим исканием, с подлинной жизнью.

И то и другое,—конечно, абстракция, деление нераздельного художественного произведения, культивирование одной его части за счет другой. Чехонин работает над материалом не только для того, чтобы победить его и заставить исполнять свою волю (например, фарфор можно расписать под дерево или под камень до полной иллюзии), но для того, чтобы найти и употреблять его самые выразительные свойства, определить материал орудиями производства.

Чехонинская графика.—Виньетка.—Фантастические цветы, свисающие листья и травы, сочетание белых и черных пятен и сероватого полутона, образованного штриховкой или пунктиром — всегда строго конструктивное; прежде всего, это—графика кисти, графика мазка.

С. В. Чехонин.

Портрет Г. И. НАРБУТА.

Самые тонкие и отточенные рисунки Чехонина сделаны кистью. Кажется, что общая композиция рисунка родилась из классически-плавного движения руки, вооруженной кистью, а дугообразно повисшие или легко взметнувшиеся кверху листья—определенно суть не что иное, как только удары кистью, игра мазков под мастерской рукой, использование мазка в его силе нажима и направлении.

Кажется, что цветок, лист, чаша—только предлоги для художника, чтобы любовно провести тот или иной мазок. С этой точки зрения орнаменты Чехонина (хотя бы цветочные) могут восприниматься, как беспредметная игра белого и черного и переплетающихся линий. Поэтому легок и незаметен его переход к чисто беспредметной графике. Она родилась из эффектов наложения на бумагу черных пятен туши. Если же мы посмотрим на его орнаментальную графику «предметно», мы увидим не только любовь к мазку, но равную любовь к цветку, камню, человеческому лицу—всему, что служит предлогом для мазка. Цветы—причудливые и сказочные—рисованы безукоризненно; лица—всегда строго портретны.

Эта любовь, вернее, первоначальный художественный импульс, разработанный художником в образе и в технике, связует части рисунка в одно целое, делает технику живой,—сообщает каждому маленькому рисунку подлинную конструктивную гармонию. Искусство и ремесло вместе. Не только красочное и линейное искание — но деланье вещи; не только графический портрет—но обложка для книги; не только иллюстрация к тексту — но украшенная страница. Над книгой Чехонин работает много и внимательно. Рисунок подготовлен для воспроизведения в печати, орнаментальные украшения указывают на содержание книги. Его обложки последнего времени — богатые по пятнам, заполняющим почти всю поверхность листа: обложка для журнала «Пламя», обложка для журнала Фото-Кино-Отдела с фигурой рабочего в центре рисунка, обложка для журнала «Москва». Обложки с особой подчеркнутостью шрифтов заглавий: для книги «Фауст и Город» (декоративность шриф-

С. В. Чехонин. — Буква «Б» из сказочной азбуки.

С. В. Чехонин. — Книжный знак И. И. Лазаревского

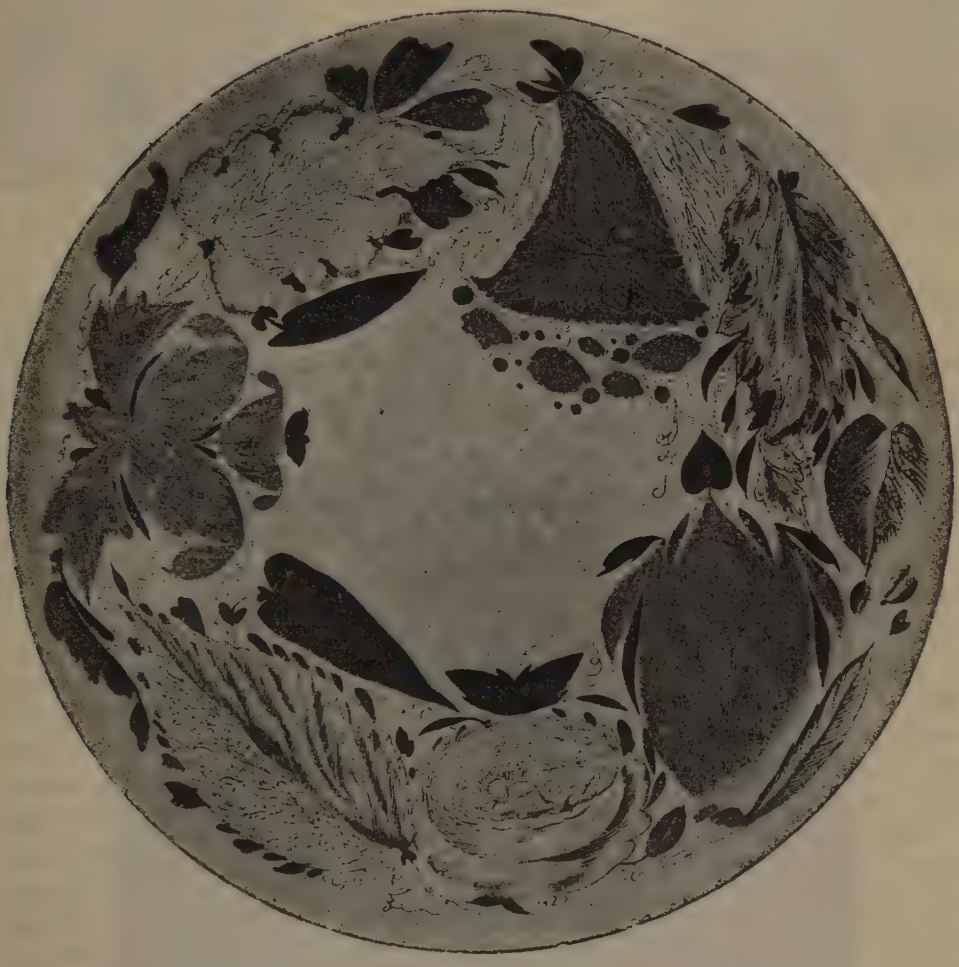
та), для книги о Государственном фарфоровом заводе, для журнала «Аргонавты», для книги Фреймана «История ex libris'a», для сборника II Конгресса III Интернационала, для Всеобщего Календаря на 1923 год, для книги Н. Евреинова «Что такое театр», для «Еврейской Летописи» и сборника «Театр для детей».

Чехониным дан ряд обложек с портретами — монографии: о Станиславском, Качалове, Немировиче-Данченко и Горьком; серия портретных обложек к монографиям великих музыкантов и изысканная обложка к книге Зиновьева «Мировая революция и Коммунистический Интернационал» с силуэтным портретом автора на золотом фоне.

В иллюстрации Чехонин сказывается, как любовный читатель книги. Две его иллюстрации к «Фаусту и Городу» Луначарского — символичны. Одна — огненный ангел, сыплющий молнии над городом труб, другая—мощная фигура труда, на фоне гигантских построек высекающая в камне нежный узор украшения.

С. В. Чехонин. — Собственный книжный знак.

Иллюстрации к заграничному изданию «Руслана и Людмилы» подчеркивают романтику этой поэмы классичностью форм и линий. Портрет Руслана и портрет Людмилы—акварельные миниатюры. Черномор, Наина, мертвая голова и похищение Людмилы—графика белого и черного. Большая работа исполнена им для журнала «Музей



С. В. Чехонин.—Тарелка.

Революции»: портреты декабристов и первомартовцев, зарисовки камер и казематов Шлиссельбурга и Петропавловской крепости и вообще вся графическая сторона книги. Последняя иллюстративная работа Чехонина—25 рисунков и обложка к сказке К. Чуковского «Тараканище».

Как любитель книги и печати, С. В. Чехонин—знаток шрифтов. Им была задумана и частью выполнена фантастическая азбука, каждую букву которой образует какое-нибудь существо из русских сказок—бес, водяной, мохнач, шишига и др.

Виньетки Чехонина многочисленны и разнообразны и, конечно, известны каждому читателю русской книги и русского журнала.

На фарфоре Чехонин остается верным своему подходу к художественному произведению. Та же любовь к его техническим особенностям—мазку по фарфору, прозрачности краски на белой поверхности, расчет на сплавление краски с глазурью после обжига.

С. В. Чехонин. — Блюдо «Скорбь».

Та же игра контрастов—темного и светлого, крупных однотонных плоскостей и тончайших линий, примитивного живописного приема и неподражаемого Tour de force'a. Творчество, рождающееся в самом процессе техники, под ее контролем и вдохновением. Став в 1918 году во главе художественной части Государственного фарфорового завода, С. В. Чехонин не только дал ряд эскизов для фарфора, но сам исполнил большое количество вещей непосредственно на фарфоре, без предварительного рисунка. Так были сделаны блюда: «Печаль», «Скорбь» (для аукциона в

С. В. Чехонин.—Проект почтовой марки.

С. В. Чехонин.—Проект почтовой марки.

пользу голодающих Поволжья), тарелка «Весна» и ряд чашек. Изобретатель—он ищет новые способы техники, пробует на фарфоре лаки и эмали, для ускорения производства заменяет живопись контурным рисунком, только расцвеченным красками (массовый заказ на столовые и чайные сервизы для больших петроградских отелей, исполненный заводом в 1922 году).

Белизна фарфора белее листа бумаги, а черная глянцевитая краска чернее пятна туши—он переносит на фарфор свои рисунки blanc et noir, вкрапливая в них золото и серебро, обработанные с необычайным мастерством. На матовой поверхности золота или серебра он гравирует нежные и четкие узоры. Эта техника (в производстве — цировка), требующая особой твердости руки и безошибочности глаза, доведена им до неподражаемости.

От фарфора Чехонин, искатель совершенной техники, естественно, переходит к финифти, — искусству не столь декоративному, но более интимному и открывающему более широкие возможности, — в силу самой нежности и чуткости материала. И тут мы видим тот же подход— игру на слиянии красок с эмалью через огонь, прозрачные тона, получающиеся от вкрапливанья почти неуловимым для глаза пунктиром одной краски в другую. Следующий этап—материал еще более чуткий: миниатюра акварелью на пергаменте. Абсолютное портретное сходство, почти реалистическая форма, воздух, свет — но задача чистой живописи на втором плане, а на первом — орнаментальное разрешение композиции. Его миниатюра на финифти—миниатюра, доведенная до предела, портрет на пластинке, иногда величиной с ноготь мизинца, когда смотришь на нее вблизи, заставляет забывать о размерах. Будто из окошечка в удивительно ясный и прозрачный мир, где особенно грациозно располагаются деревья, листья и облака,

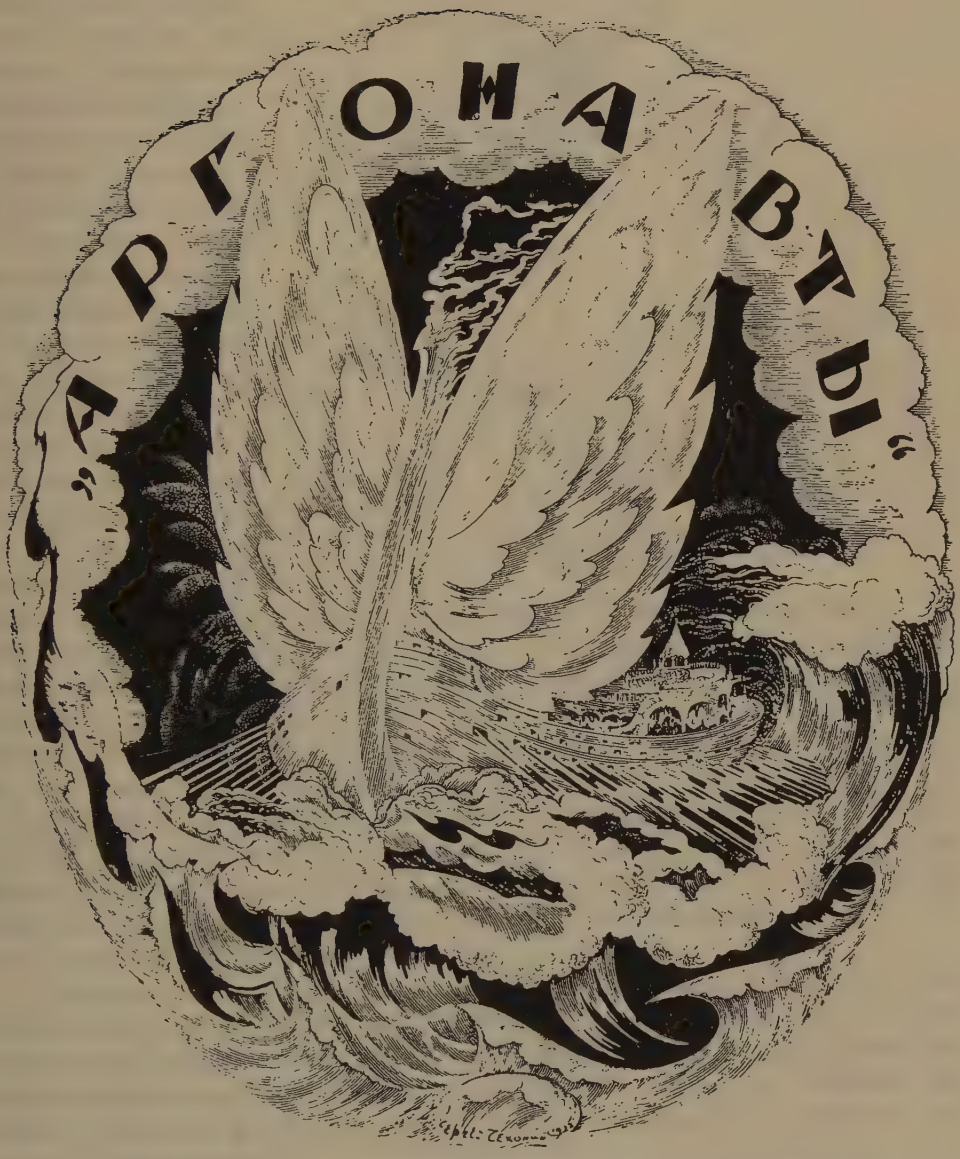
С. В. Чехонин. — Блюдо «Печаль».

смотрит живое лицо, окруженное воздухом. А если смотреть поодаль— это красивая, сияющая красками ювелирная вещица для пальца руки или ворота платья. По финифти Чехониным исполнены портреты: Степановой, Андрониковой, Мухина, пианиста Закка и его жены и портрет жены художника, приобретенный Русским Музеем.

На пергаменте он исполнил миниатюры Ленина и Зиновьева, находящиеся в Сборнике II Конгресса III Интернационала у т. Ленина.

Nulla dies sine linea (ни одного дня без линии) — эти слова Плиния могли бы быть девизом С. В. Чехонина. Родившись в 1878 году в Новгородской губернии, он рано начинает рисовать. Мальчиком 8 лет он попадает к помещику Новгородской губ. М. А. Струговщикову, в доме которого видит коллекции картин, гравюр, старого фарфора и большую библиотеку. 15-ти лет с рекомендательным письмом от М. А. Струговщикова к Д. В. Григоровичу (директору Училища Поощрения Художеств) едет учиться в Петербург. Недостаток средств не позволяет ему жить в Петербурге постоянно. Поступив в Училище Поощрения Художеств, он вскоре уезжает обратно в деревню, периодически возвращается в Петербург и учится в школе Штиглица, в школе нормального рисования и «поощрения». Периодически работает на кузнецовской фарфоровой фабрике и, наконец, поступает конторщиком на Николаевскую ж. д., где служит в течение двух лет, не бросая, однакоже, рисования. В это время знакомится с семьей Глеба Успенского (в Чудове, Новг. губ.), где встречается с Серовым, Манганари, Желтовским и др молодыми художниками Бросает службу и переезжает в Петроград, поступает в Тенишевское училище в мастерскую Репина. После закрытия этой мастерской, вместе с группой молодых художников организует «Свободную мастерскую» на Васильевском Острове, просуществовавшую 5 лет. В этот период исполняет работы для

С. В. Чехонин. — Буква «А» из сказочной азбуки.



С. В. Чехонин. Фронтиспис из журнала „Аргонавты“ № 1.

архитекторов по внутреннему украшению комнат. Первая самостоятельная работа С. В. Чехонина — участие в отделке гостиницы Метрополь в Москве. Майоликовое панно на фасаде исполнялось им в Абрамцеве у С. Мамонтова. Это была первая встреча с керамикой, и в этот период трехлетней жизни в Москве определилась и выявилась физиономия его творчества и план последующей работы. В Москве он знакомится с Сапуновым, Судейкиным, Павлом Кузнецовым, Борисовым-Мусатовым. По возвращении в Петербург сближается с группой «Мира Искусств» и одновременно начинает работать для книги. В 1913 году он принимает участие в устройстве Всероссийской Кустарной Выставки, после которой поступает на службу в Министерство Земледелия, как специалист по кустарному искусству в его отраслях: мебельной, ковровой и финифти.

С. В. Чехонин. — Иллюстрация к сказке К. Чуковского «Тараканище».

Получает заведывание ростовской Кустарной школой и в Ростове особенно занимается финифтью, изучая ее старинные образцы по соборам и церквам Ростова. В эпоху революции становится членом коллегии ИЗО и принимает на себя руководство художественной частью Государственного фарфорового завода.

Работа С. В. Чехонина—непрерывный творческий поток. Его орнаментальные источники—русские ткани, керамика, лубок, персидские узоры, икона, эмали XVIII века, претворенные и переработанные индивидуальностью художника, а источник творчества—жизнь. Он остро переживает и русский пейзаж, и русскую сказку, и прочитанную книгу, и современность.

Ведун лесных трав и мхов, населяющий пни косматыми существами, мудрый наблюдатель человеческого лица, знаток магии белого и черного—он приводит к радости глаза все, что ни изображает. Ужасны лица голодающих на блюде «Скорбь», но нельзя не засмотреться на нежность, с которой они писаны, и на всю гармоничную композицию. Портрет старухи—в зеленоватых тонах лица, близость смерти и тления, чуть-чуть окрашены только губы и глаза — но миниатюра так

стройна и прозрачна, но помертвелые складки кожи на старческой шее прекрасны — они напоминают только мертвую природу — не то скалистый пейзаж, не то лунные поля. «Черномор» — чудовищен, если с ним повстречаться наяву, — оттопыренные уши, уродливый череп, руки с присосками вместо пальцев, но он смотрит на нас из плана чехонинского искусства, и его страшная борода — прекрасный поток тончайших и грациозных линий.

Художник радуется тому, что он видит и слышит, — будь то высокий лоб Ленина или уморительные стихи о «Тараканище», и в этой беспечной радости выбрасывает миру свои маленькие сокровища — рисунки, чашки, миниатюры, где подпись мелким бисером «Сергей Чехонин», как последний штрих замыкает орнаментальную композицию.

КРАСНАЯ АРМИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ.

К. Скерский

В феврале текущего года Красная армия Союза Советских Социалистических республик празднует пятилетний юбилей своего существования.

В хаосе стихийного разрушения старого порядка в Красной армии и вокруг армии стали первыми оседать кристаллы организующего начала социальной революции. С постепенным развитием революции, чем дальше, тем больше, крепла и росла Красная армия, неуклонно привлекая к себе внимание и любовь трудящихся России.

А на ряду с ними и в прямой к ним пропорциональности росли злоба и ненависть к армии революции среди врагов революционной России. Но высокомерно-пренебрежительное отношение к советским «сражателям» и «бандам» сменилось вскоре изумлением, а потом и интересом к этим «бандам», по мере того, как, благодаря их содействию, исчезали одна за другой многочисленные «раковые опухоли» интервенции, периодически появлявшиеся на окраинах России.

Настоящий очерк имеет своею целью дать представление о том, какое получается отражение действительного образа в наиболее совершенных буржуазных зеркалах.

Один из наших недавних противников [1]) утверждает, что «весь мир с величайшим интересом и вниманием следит за действиями советской армии, особенно ее конницы, стремясь предугадать причины ее успехов и тактические приемы и способы ее действий».

Внимание к Красной армии за рубежом—огромное. Это можно видеть хотя бы из того, что утвержденный 28 сентября прошлого года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов декрет о введении в Советской России всеобщей воинской повинности был опубликован уже 18 октября, т.-е. через 20 дней, с надлежащими комментариями в «Праж-

[1]) Ген. А. К. Кельчевский, бывш. начальник штаба ген. Мамонтова, а затем Донской армии, ныне редактор берлинского журнала «Война и мир». См. его брошюру «Думенко и Буденный», стр. 1

ской Прессе» [1]). Еще раньше реагировала на этот декрет германская печать, при чем «Франкфуртская газета» [2]) по вопросу о причинах перехода к всеобщей воинской повинности писала: «фактически Россия находится в таком политическом соседстве, которое делает понятными ее меры защиты. Москва знает и чувствует, что ее не любит ни одно из окраинных государств».

Отзывы и заметки в иностранной периодической печати появляются нередко; чувствуется в этих заметках стремление подавить в себе страх перед новой силой.

Частичной иллюстрацией может служить статья, обошедшая ряд американских и германских газет и напечатанная, между прочим, в «Daily News» [3]). Как явствует из рекомендации редакции, статья эта принадлежит некоему Георгу Попову, русскому аристократу, который, по поручению «Международного Бюро Известий», провел шесть месяцев в России в целях «тщательного исследования всех сторон государственной деятельности во всех областях Советской России».

В начале статьи Г. Попов указывает на то, что распространяются «совершенно ошибочные представления о характере и составе Красной армии». «После шестимесячного пребывания в России» он считает возможным осветить вопрос соответствующим действительности образом. В настоящее время,—сообщает он,—Красная армия насчитывает около миллиона молодых людей от 18 до 23 лет. «Эти молодые сыновья крестьян представляют собою по сей день незрелых, малоразвитых полудетей. Их позицию по отношению к московскому правительству можно поэтому определить, как нейтральную—ни за, ни против большевиков».

Эти глубокомысленные соображения автор развивает, желая доказать, что—

«Красную армию поэтому, вопреки ошибочному мнению, столь часто распространяемому, нельзя рассматривать, как политический фактор, который сегодня или завтра мог бы с драматической неожиданностью предпринять то или иное самостоятельное действие. Это—армия аполитичная, индифферентная и безропотная» (?).

Как видно, Западную Европу очень интересует, не создались ли в России, «стране неограниченных возможностей», в условиях социальной революции, те преторианцы революции, на которых при случае можно было бы строить политические расчеты. Но какой органической неспособностью понять дух русской революции должна была обладать голова, дышавшая воздухом России шесть месяцев, чтобы признать Красную армию... аполитичной (!?) индифферентной и безропотной!..

Не менее замечательны наблюдения Г. Попова и его выводы в отношении института шефства.

«Снабжение армии организовано таким образом что каждый полк находится на попечении преданного правительству учреждения—промыш-

---

[1]) «Prager Presse», № 287 от 18 октября 1922 г.; ст. д-ра Э. Гурвича.
[2]) «Frankfurter Zeitung», № от 4 октября 1922 г.
[3]) «Daily News», № от 29 августа 1922 г.: ст. «Красная армия России».

ленного предприятия, треста или рудника. Подробные данные об этом обстоятельстве Троцким держатся в секрете».

Секрет доходит до того, что «даже по случаю XI съезда коммунистической партии в конце апреля он (Троцкий) отказался сообщить какие-либо сведения по этому вопросу. Как бы то ни было, является фактом, что даже до настоящего времени 60% всей армии в силу необходимости снабжается частным путем. Поэтому армия не является непосредственным бременем для казначейства, не говоря уже о том, что этот план снабжения... является одной из самых остроумных идей, когда-либо придуманных Троцким-организатором».

За границей всегда можно услышать рассчитанные на эффект рассказы о том, что Красная армия «одета в лохмотья», что она страдает от недостатка во всем и что солдаты ходят босиком,—в то время как другие настаивают на противоположном,—на том, что советские войска «великолепно одеты и снабжены» (equiped).

Обе версии Г. Попов считает неправильными: «Красная армия не одета в лохмотья и не снабжена великолепно. Она умеренно хорошо снабжена всем необходимым. Солдаты одеты чисто и опрятно по русской форме, и, конечно, гораздо лучше, чем в 1918—1921 гг. Это относится как к солдатам в больших городах, так и к войскам, расквартированным в провинции».

Наблюдения автора в отношении дисциплины сформулированы так: «В противоположность первым годам революции Красная армия ныне управляется при помощи железной дисциплины. Но прусская выправка, бестолковое слепое повиновение, которое раньше наблюдалось в русской армии, исчезло. Во внеслужебное время русский солдат ныне чувствует себя в присутствии своего высшего начальника совершенно свободно и легко»

«Из каких элементов состоит корпус красных офицеров?—Здесь точно так же необходимо рассеять общераспространенное заблуждение. Неверно, будто бы 80% офицеров являются офицерами старой царской армии. Напротив, 90% строевых офицеров ныне представляют собой вновь обученных бывших солдат и рабочих. Только около 10% из них состояли офицерами в старой армии».

Останавливаясь на контроле коммунистов, осуществляемом институтом комиссаров, Г. Попов пишет, что «этот институт, между прочим, введен в систему в большинстве советских правительственных учреждений, так же как и в сельско-хозяйственных и промышленных предприятиях», и признает, что «система, вообще говоря, действует довольно хорошо». Дальше следуют такие рассуждения: «Царский офицер и коммунистический комиссар редко нравятся друг другу и исподтишка «подставляют друг другу ножку» («Knock each other behind their backs»); однако, Троцкий достигает своей цели: он получает хорошо вымуштрованных и преданных офицеров. Несомненный факт, что Троцкий за последние пять лет уже успел получить хорошо обученную группу офицеров в 30—40.000 человек, происходящих из крестьянской среды. Это—фактор, с которым необходимо считаться».

Автор дает характеристики вождей Красной армии, тт. Троцкого, Каменева, Лебедева, Буденного и Тухачевского; упоминает о Брусилове. По его словам, «Троцкий—признанный вождь Красной армии. Можно сказать с достоверностью, что солдаты любят его».

Очень интересны заключительные замечания информатора буржуазии. «Прогуливаясь ныне по улицам Москвы, Петербурга или некоторых провинциальных городов, можно видеть повсюду обучающихся солдат. Это обстоятельство создает почти такое впечатление, будто Россия старательно готовится к новой войне. Я полагаю. что это заключение ошибочно».

Автор высказывает твердое убеждение, что Советская Россия определенно не желает войны, и коммунисты стремятся «избежать ее любой ценой».

«Тем не менее.—говорит он далее,—они довели Красную армию до высокого состояния боеспособности и сделали ее готовой к войне. Красная армия—ныне единственная армия в мире, которая готова следовать за Троцким или другим большевистским вождем на любой театр войны, который он укажет,—даже на край света, если это будет необходимо. Русский солдат пойдет туда, куда ему укажут: в Пекин или в Париж—это для него все равно, он пойдет слепо. безмолвно, покорно. Вот причина—и причина единственная,—почему русская армия является фактором, с которым необходимо считаться».

Интерес к Красной армии получил свое яркое выражение в статье ген. Мальтерр [1]), опубликование которой относится ко времени, непосредственно следовавшему за Генуэзской конференцией. «Призрак Красной армии парил над Генуэзской конференцией... Из-за спины Чичерина, оставшегося дипломатом старого режима, из-за спины Красина, делового человека революции, под золочеными сводами дворцов Ривьеры звучал отдаленный голос Троцкого»...

Республика французской биржи, занявшая место Германии кайзера и являющаяся ныне военным гегемоном Европы, как в сфере мысли, так и в области практики военного дела, из всех государств мира проявляет наибольший интерес к состоянию Красной армии. Французы внимательно следят за всеми данными, получающимися из России, и тщательно их изучают. Красная армия вызывает у них тем большее внимание, что, как возвестил Франции ген. Лакруа [2]), «после кампании 1920 г. в Польше истощенная Красная армия была перестроена на новых началах».

Рассматривая дислокацию частей, он подчеркивает, что «80% численного состава войск мирного времени стоят против запада и юга—от Эстонии до Кавказа». Грозное значение этой силы увеличивается еще тем, что, по его сведениям [3]), «продолжительность мобилизационного периода исчисляется в 7 дней для западного фронта и Украины, т.-е. для всей армии; для остальной части России она исчисляется в 9 дней».

---

[1]) «Temps», № от 11 июня 1922 г.; ст. «Русская армия 1914—1917 гг.».
[2]) «Temps», № от 12 мая 1922 г.; ст. «L'armée rouge».
[3]) «Temps», № от 3 мая 1922 г. «L'armée rouge».

Он запугивает наших ближайших соседей тем, что «с прошлого года была произведена довольно значительная работа в отношении изготовления носимого оружия в России на оружейных, патронных и капсюльных заводах. Их производительность была увеличена, при чем были приняты меры для того, чтобы ее удвоить или, быть-может, даже утроить в случае надобности».

Раз почти вся Красная армия расквартирована «против Польши и Румынии, эти два государства находятся под непосредственной угрозой внезапного вторжения многочисленной кавалерии, которая для начала внесла бы смуту и беспорядок в их мобилизацию и при этом без всякого кровопролития».

Характерными чертами Красной армии являются «живая сила ее пехоты и численное значение ее кавалерии; но эти два фактора лишь лучше выявляют слабое соотношение ее артиллерии и недостаток транспортных средств». По мнению Лакруа, польская кампания доказала «дух смелости советской кавалерии, но также и зыбкость ее успехов» без своевременной поддержки ее пехотными частями.

Само собою понятно, что интерес к Красной армии обнаруживают не только отдельные публицисты. Французский генеральный штаб тщательно разработал все материалы, имевшиеся у него о Красной армии, и эта работа вылилась в обстоятельную статью майора Фурнье [1]).

Картина, им нарисованная, во многом не совпадает с действительностью, факты, конечно, утрированы в желательном для французов направлении. Да и фотография снята была, видимо, в эпоху конца гражданской войны или непосредственно за ней следующих месяцев, и то, что было сделано в армии после этого и о чем говорит ген. Лакруа, не получило своего освещения в статье.

После обзора организации, структуры и численности Красной армии автор останавливается на характеристике различных родов войск.

«В течение операций (очевидно, гражданской и польской войны. *К. С.*) пехота была среднего качества. Можно было констатировать отсутствие чувства долга у солдата—последний повинуется только из страха наказания. дезертирство было многочисленным; материальную нищету; недостаточное питание; жалкое обмундирование. Пехота часто представляла собой сборище голоштанников и босяков».

Здесь зафиксирована эпоха 1919 — 1920 гг. Повествование Г. Попова, несомненно, ближе к современности.

«Коллективная дисциплина сурова. В присутствии офицера красноармеец вежлив и подобран; в его отсутствии он распущен, нищенствует, иногда приворовывает, продает патроны и казенное обмундирование».

«Обучение слабое; в частности пехота не умеет использовать силу своего огня; солдат плохо обучен, как стрелок; командир не умеет руководить огнем; оружие содержится очень дурно».

---

[1]) «L'armée rouge bolchévique». См. «Revue militaire française», № 13, juillet 1922, p. 74, et № 14, août 1922, p. 233.

«Унтер-офицерский корпус плох. Многие из низшего командного состава—рабочие и крестьяне без обучения».

«Под энергичным давлением сверху и из боязни коммунистов пехоту охватывал скоропреходящий порыв, она одерживала успех исключительно путем наступления. В случае сопротивления или неудач войскам недостает твердости, и они легко распадаются».

«Однако,—не может затушевать этого автор,—принимаются серьезные меры, чтобы преодолеть расхлябанность, поднять уровень обучения и улучшить боевые качества армии. Создается ряд учреждений, чтобы повысить интеллектуальный уровень солдата: школы для неграмотных, газеты в гарнизонах и частях, солдатские университеты и т. д. Троцкий стремится улучшить жалкие материальные условия, столь вредные для обучения, гигиены и дисциплины. Задача—трудная: нет компетентного административного персонала и нет средств. Несмотря на энергию и изобретательность, военный организм зависит от рессурсов истощенной страны. Трудно хорошо кормить армию, даже в ущерб населению, когда в стране голод; удается обеспечить хлебом, но недостает мяса. Точно так же нет возможности снабдить армию одеждой, бельем, обувью, казарменной обстановкой, раз слаба гражданская промышленность».

«Прибегают к специальным средствам: неделя красноармейца, специальный налог в пользу красноармейца (?), день казармы и т. д. Обращаются с призывом к местным советам, рабочим и крестьянским организациям».

Автор не интересуется, оказывается ли помощь Красной армии этими организациями. Равным образом ему совершенно непонятна та крепкая внутренняя спайка, которая существует между трудящимися и их армией и которая позволяет вождям последней прибегать к тем остроумным средствам, которыми восхищается Георг Попов; точно так же ему остается непонятной внутренняя сила и сознательность Красной армии, обеспечивающие будущий рост и развитие ее, несмотря на столь тяжкие бытовые условия.

«В сущности с трудом,—заканчивает с нескрываемым злорадством Фурнье,—удерживают армию на гребне волн нищеты и голода, которые заливают страну, и нет уверенности, что это удастся и дальше».

Стремление к объективности побуждает автора отдать должное героическим усилиям вождей Красной армии, а врожденное классовое чувство ненависти сквозит в последних строках: когда же, наконец, Красная армия потонет в этих волнах.

Как же оценивает французский генеральный штаб политическую организацию Красной армии?—Эти строки представляют, конечно, особый интерес, причем следует иметь в виду, что представители его менее всего, надо думать, расположены писать комплименты коммунистам. Вот дословно, что пишет Фурнье:

«Политическая организация Красной армии дала доказательство своей целесообразности. Кроме особняком стоящего бунта в Кронштадте, нельзя указать ни одного военного возмущения, представлявшего действительную опасность, ни переворота, задуманного каким-либо генера-

лом. Вначале беспорядочная деятельность комиссаров могла стеснять командование. Ныне комиссар не вмешивается в разработку оперативных приказов, но последние подлежат выполнению лишь в том случае, если на них есть виза комиссара. Комиссарская рамка... способствовала восстановлению дисциплины. Без комиссаров не было возможности положить предел притязаниям солдатских советов и вернуть офицерам право командовать. В бою коммунисты увлекали массы; на их долю падает большая часть успехов Красной армии».

Далее автор высказывает суждения, представляющие полемический выпад и ответ на выше цитированные афоризмы Г. Попова:

«Политическая организация гарантирует моральное, социальное и политическое воспитание Красной армии. Средством для этого служит организация митингов, концертов, кинематографические сеансы, плакаты».

«В дивизиях существует газета: на первой странице фигурируют тезисы политотдела, на второй описывается интимная жизнь частей, жалобы, празднества, письма военных корреспондентов и т. д. Коммунисты... втягивают солдата в политические, артистические, спортивные клубы».

«Кадровая Красная армия составляет наилучшую почву для изобретательной и комбинированной пропаганды большевизма. И с этой специальной точки зрения, постоянная армия несравненно выгоднее, чем милиция. Отрывая крестьянина 19—20 лет от деревенской жизни,—цитирует Фурнье слова т. Троцкого,—чтобы привести его в соприкосновение с рабочим-коммунистом, мы ставим его в среду, наиболее благоприятную для коммунистического воздействия. Казарма должна сделаться для молодого поколения школой военного обучения и политического воспитания».

Окончательная оценка Красной армии, наших усилий и достижений в деле ее организации за пять лет ее существования не может, естественно, быть благоприятной под пером представителя наших самых злобных и выдержанных врагов.

«Для мирного времени Красная армия представляет военную силу, численно превосходящую всякую другую европейскую армию. Однако, она остается еще военным организмом чизшего качества, как в отношении общей слабости обучения кадров и войск, так и недостаточности, по количеству и по качеству, материального военного снабжения».

«Красная армия одержала победы. Дух решительности и энергии ее руководителей, повидимому, были главным фактором успехов, достигнутых над импровизированными армиями или находившимися в периоде организации».

«В настоящее время Красная армия, кажется, неспособна к глубокой операции длительной продолжительности вне границ русской территории».

Как видит читатель, отзывы из-за рубежа отличаются и разнообразием и своеобразием. Но и в строках, пропитанных ненавистью, невзирая на частые попытки к подтасовке фактов, чувствуется, что за пять лет своего существования Красная армия стала силой, за ростом и совершенствованием которой внимательно следят наши враги.

О СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Мих. Левидов.

В 1921 году в Англии был хороший урожай — почти не пришлось прибегать к импорту. Урожай 1922 г. будет, повидимому, еще лучше. Нация спокойна: будет что делать долгими вечерами двум миллионам старых дев, сотням тысяч капризных холостяков и прочим нуждающимся в культурном развлечении людям...

Позвольте, при чем здесь старые девы, холостяки и культурные развлечения? Ведь речь идет об урожае...

Да, об урожае... беллетристики. И в сущности говоря, сравнение это не совсем подходящее: урожай хлебов хотя бы на 20%—явление стихийное, а урожай беллетристики в современной Англии—явление организованное, нормализированное, стандартизированное и, наконец, механизированное—на все сто процентов. Дело в том, видите ли, что человеческий талант и человеческое творчество гораздо легче организовать, механизировать, нормализировать и стандартизировать, чем талант и творчество природы—неизвестные и случайные факторы тут совсем не входят в расчет, все дело в умении, а англичане умеют,—умеют весьма.

Вряд ли кто в России слыхал когда-либо о Чарльзе Гарвисе. Ручаюсь, что и наиболее «образованные» читатели незнакомы с творчеством Ната Гульда. И если есть (или, вернее, были) такие эрудиты среди читательской массы, которые наслаждались романами Марии Корелли, то, конечно, и для них имена Этель Делль или Виктории Кросс—звук пустой. А между тем—вот кажущийся странным факт—эти самые пять имен являются самыми популярными за последние пятьдесят лет литературными именами, и не только в Англии, а во всем читающем англосаксонском мире: не Шекспир, Диккенс и Уайльд, и даже не хорошо известные нам Уэллс и Уильям Локк, а вот эти пять безвестных имен. И примите теперь во внимание, что английский язык является материнским или обиходным для трехсот почти миллионов человек, что не менее шестой части из них, т.-е. пятидесяти миллионов (на то есть специальная статистика), принадлежит к числу читающих беллетристику. После этих предварительных цифр уж не покажется удивительным то обстоятель-

ство, что сочинения указанных пяти лиц вышли в общем счете в количестве около двух миллионов экземпляров и были прочитаны считая пять читателей на книгу, приблизительно десятью миллионами человек.

Двое из этих наиболее популярных во всем мире беллетристов (наши цифры дают нам право сделать это смелое утверждение) уже умерли. Оба в почтенном возрасте—восьмидесяти с лишним лет, из коих не менее пятидесяти лет было посвящено творчеству: в нормальный год каждый из них производил по одному роману, а в особо урожайный—по два и по три. Неурожайных годов почти не было. Каждый из них оставил, таким образом, потомству около 70 романов. Почти каждый из этих романов насчитывает одинаковое в среднем количество букв (в Англии учет печатного материала ведется не по печатным листам, как у нас, да и во всем мире, а по количеству букв—оно точнее).

Но почему же, в конце-концов, так популярны эти Чарльз Гарвис и Нат Гульд?—воскликнет в отчаянии читающий эти строки.

Не знаю, ибо, по правде говоря, я ни одного из их романов не читал. Знаю лишь, что английские литературные критики считают этих «писателей» классическим образцом пошлости, скудоумия, антилитературности. Знаю также, что Гарвис писал, главным образом, романы из жизни английских аристократических семейств, а Гульд счел за благо—и на самом деле это оказалось благом для него—отображать в своем творчестве несколько специфический и своеобразный уголок жизни: рысистые бега и скачки. Это—не шутка, не анекдот, не гипербола: девять десятых романов Гульда посвящены—целиком, либо частично—этому любимому спорту англичан.

Но зато я читал трех остальных из «великих пяти». И нашел, что эти три дамы делают втроем то, что с неменьшим успехом делала у нас одна Вербицкая, и, пожалуй, Вербицкая делала это дело с большей примесью литературности. Но безусловно, Вербицкой и не снилась та популярность, которой пользуется самая молодая из этой троицы—Этель Делль, успевшая к сорока годам написать около сорока романов по трита с лишним страниц каждый: ее романы наиболее ходкая книга современной англо-саксонской литературы.

Итак, современная литература английская состоит из произведений «пяти великих», десятков двух «средних» того же жанра и нескольких сот «мелких». Различие между тремя этими категориями лишь в том, что первым повезло максимально, благодаря случайным обстоятельствам, вторым—меньше, третьим—еще меньше. Других различий нет. Весь этот класс—не писателей, конечно, в том смысле, как мы привыкли употреблять этот термин, а поставщиков легкого чтения, или, вернее, «чтива», делится на несколько групп или категорий. Так, существует группа, специально возделывающая область детективного романа. Другая группа, в которую входит, между прочим, Уильям Локк, избрала своим уделом легкую сатиру нравов. Третьи специализируются на «экзотических» повестях. Четвертые заняты приключениями на море. Пятые ра-

ботают в области великосветского романа. Этих групп и подгрупп, жанров и сортов очень много, не меньше, чем сортов вязаных галстуков или сгущенного молока. Но вот торжество техники и организованности: на фабрике, поставляющей чтиво, существует строжайшее разделение труда, области работы строго размежеваны, каждый работает за своим станком, никто не вторгается в сферу другого,—одним словом, профессиональная этика развита весьма высоко. А также и трудовая дисциплина. Вот, например, несколько основных правил производства. Каков бы ни был сюжет, материал и сорт данного чтива,—благополучный конец обязателен. Смерть героев допускается лишь тогда, если она не противоречит возможности благоприятного конца. Конечно, положительный тип торжествует над злодеем, но помимо того, поскольку в романе сталкивается на какомнибудь поприще англичанин и иностранец—победа должна остаться за первым. Не рекомендуется вводить в роман англичанина социалиста или анархиста (после войны—большевика); в качестве таковых в первую голову фигурируют, конечно, русские, а затем лица романских национальностей—испанцы, пожалуй, итальянцы, но не французы. Порнография запрещается абсолютно, но понятие порнографии несколько своеобразно: порнографичным, напримеp, считается роман из жизни «падшей девушки», поскольку она упорствует в своем грехе, но если конец этого же самого романа доводит до сведения читателя, что заблудшая девушка перестала быть заблудшей, а вышла, например, замуж, то, конечно, одиум порнографии с романа снимается.

Это, так сказать, по существу производства, но есть еще ряд чисто технических навыков у поставщиков чтива, точно так же не подлежащих нарушению. Каждый уважающий себя поставщик должен быть точен и аккуратен в своей работе: он должен поставлять продукт своего производства в определенные, лучше всего разделенные одинаковыми промежутками сроки, он должен избегать недовыработки в количестве букв, он должен в своем стиле пользоваться приблизительно одинаковым, стандартным количеством слов—богатство или бедность языка одинаково нежелательны, он должен...

Впрочем, довольно. Итак, уже все вышесказанное смахивает на шарж.

Но нет, это совсем не шарж. Фабрика чтива действительно существует в Англии. И существование ее обусловлено причинами важными и подлинно социальными. Наличностью громадного читательского рынка и специфического его спроса.

В том-то и дело, что в Англии, как и в Америке, существует массовый читатель беллетристики. Массовый читатель, рекрутирующийся из средней и мелкой буржуазии, лавочников, мещанства, городской обывательщины,—твердо и ясно знает, чего он хочет: раньше всего и прежде всего—развлечения. И, как любят подчеркивать англичане,—«здорового развлечения». Роль беллетристики в жизни читающего англичанина определена совершенно точно и ясно: чтение ее не должно вызывать в нем не-

приятных, болезненных эмоций, страха, неудовлетворенности, тоски, досады. Нет, чувство интереса, немножко смеха, немножко грусти и приятное удовлетворение в конце, так,чтобы можно было, окончив книгу, приятно потянуться и лечь спать со спокойным сердцем и оптимистически настроенным разумом—вот чего ищет английский мелкий буржуа и мещанин в книге, точно так же как и в искусстве, в театре, в кинематографе.

Ищет—и находит. Ибо в этой отрасли потребления, не меньше, чем в какой-либо другой, если не больше, предложение точно и детально соответствует спросу. Существование фабрики чтива только и возможно потому, что посредники между производителем и потребителем чтива знают свое дело отнюдь не хуже, нежели посредники в любой другой отрасли торговли. В торговле эмоциями на ролях оптовых покупателей и розничных продавцов выступают издательства и народные библиотеки. Толстых журналов общеевропейского типа с литературными редакторами и критиками в Англии не существует, обычая печатать роман или повесть в журнале до выхода в свет отдельным изданием—Англия не знает. Писатель должен либо сам издать свою рукопись, либо обратиться в издательство—институт, являющийся для английского литератора учреждением таким же значительным, пугающим и давящим, каким когда-то была для русского литератора цензура.

Читают в издательствах поступающие рукописи не литературные критики, а, так сказать, литературные дегустаторы. Несколько страниц в начале и несколько страниц в конце рукописи для них достаточно,—ведь им приходится «пробовать» сотни рукописей в месяц. Достаточно для того, чтоб определить—возьмет ли рынок предлагаемый товар, либо нет. Правда, большое издательство может завоевать рынок любой книгой, при помощи хорошо поставленной рекламы. Но обычно в этой роли издательства не выступают. Обычно они работают не на отдельного потребителя, а на организации, объединяющие потребителя—на библиотеки. Дело в том, что в Англии хотя очень много читают—больше, чем где-либо на континенте, но очень мало покупают книг: цена книги стандартизована и невероятно высока: уже до войны она составляла три золотых рубля за том в 250—300 страниц. И потому 90% постоянных потребителей получают свою книгу через библиотеки, являющиеся цитаделью чисто английского ханжества, лицемерия и дурного вкуса.

В Англии насчитывается около десяти тысяч библиотек, в одном Лондоне их не менее двух тысяч. Эти библиотеки—не книгохранилища в европейском смысле слова, существующие для целей научных, но также и не коммерческие предприятия, в тесном смысле слова. Они существуют при районных школах и церквах, и имеют субсидию города, и носят полублаготворительный характер. В правление таких библиотек, заведующее приобретением новых книг, входят обычно наиболее уважаемые жители данного района: какой-нибудь отставной полковник, местная благотворительница, как представитель молодежи, начинающий карьеру, но уже получающий солидное жалованье банковский клерк, лет

сорока пяти, часто местный пастор и т. д.—компания невеликая, но весьма приличная. Все правления библиотек находятся между собой в тесной организационной связи, и совместные их выступления, не только в лондонском, но и в общеанглийском масштабе, явление далеко не редкое. И так как процентов 70 тиража каждой вновь изданной книги поглощается этими библиотеками, то и выходит, что законодателями литературного вкуса Англии являются отставные полковники и банковские клерки, которые в конечном счете определяют производство фабрик чтива. И горе тому автору, которому объявят бойкот отставные полковники и банковские клерки: этот бойкот значит—смерть его книги, это значит—закрытие ему доступа в издательства, это значит—сооружение непроницаемой стены между ним и читателем. Такие случаи бывали, их бывало много, и не один только Оскар Уайльд пал жертвою оскорбленнаго вкуса отставного полковника и шокированного чувства приличия банковского клерка. О, конечно, в Англии нет правительственной цензуры, англичане ведь самый свободный народ в мире! А что касается цензуры полковника и клерка, библиотек и издательств, хозяев и управляющих фабриками чтива,—цензуры железной, хищной и безжалостной, воплотившей в себе каменную тупость, мертвящую ограниченность, развратное лицемерие, давящее ханжество мелкой буржуазии и трусливую ненависть их ко всему таящему в себе робкую, хотя бы, искру революционности, будь то революционность формы или мысли,—что касается этой цензуры, то, помилуйте, ведь ее существование не зафиксировано никакими постановлениями свода законов или парламентскими актами, она как будто и не существует для тех, кто через нее благополучно проходит, ведь этот институт, подобного которому по действенности, силе и организованности не существовало во всей истории человеческой мысли и творчества,—направлен против тех, кого благонамеренная, буржуазная Англия не хочет признать своими детьми, кто изгои, кто вне закона, кто покусился на духовный комфорт английского обывателя, кто хочет отравить его здоровое развлечение, кто хочет будить в нем мысль и разум, кто хочет столкнуть его лицо к лицу с подлинно существующим миром, кто хочет вместо чтива дать ему чтение... А это желание—уже само по себе—тягчайшее, незабываемое и непрощаемое преступление...

И все же преступники существуют, и все же преступления совершаются,—совершаются регулярно и систематически, и все же каждый год на книжном рынке появляются не только продукты фабрик чтива,—правда, в весьма небольшом количестве, и все же ежегодный урожай родит не только полезные и душеспасительные злаки, но и плевелы.

Джозеф Конрад, Гэлсуорси, Вильям Джордж, Бирсфорд, Комптон Мекензи, Арнольд Беннет, Джордж Моор, Д. Лауренс, Джильберт Каннан, Герберт Уэллс,—вот имена этих преступников в области беллетристики, романа, в тесном смысле слова. И только этот десяток подлинных писателей среди сотен и тысяч пишущих свидетельствует, что англий-

ский роман, бывший когда-то лучшим в Европе, еще жив, что полковник отставной и клерк банковский не убили его на-смерть.

Эти десять-пятнадцать подлинных беллетристов не являют собой какой-либо литературной школы, некоего литературного течения, они не объединены единым исповеданием искусства или общей социальной идеей. Англии чужды все эти, столь привычные для нас, понятия. Нет, каждый из них—свой, своеобразный, одиночка, анархист, и каждый из них ведет свою, самодовлеющую борьбу с цензурой рынка, с тиранией его агентов: борьбу только за себя, за свое право быть выслушанным. И каждый, конечно, ведет борьбу особыми путями, индивидуальными приемами.

Голько в современной Англии мог появиться *Джозеф Конрад*,— писатель с необычайным талантом и иронической судьбой...

Мыслимы ли романы Достоевского без их бытовой оболочки? Мыслимо ли, чтобы фабула «Преступления и наказания» развертывалась на необитаемых островах и южных морях?

Можно ли себе представить, что бальзаковская «Человеческая Комедия» оторвана от Франции Директории и Реставрации, что парижане уступили место на страницах романов его малайцам?

Не случайно упоминаю я имена великанов—Достоевского и Бальзака, говоря о Конраде, и со всей настойчивостью скажу: единственный писатель в современной мировой литературе, приближающийся к этим великанам, единственный фантаст реализма и реалист фантасмагории в современной литературе—это он, Джозеф Конрад. Но этот величайший писатель нынешней Англии, этот лучший, может-быть, английский стилист, ни в одном из многочисленных романов своих не пишет об Англии. Он будто ненавидит Англию, он словно бойкотирует ее, он как бы иностранец в английской литературе.

Конрад—фантаст от реализма, реалист в фантасмагории. Пусть не пугают эти кажущиеся парадоксами определения.

Конрад не бытовик. Он не хочет быть бытовиком. Он не может оперировать наиболее доступными, как будто, элементами. Он гнушается повседневной жизнью. На фоне типически-авантюрного романа он дает тонкий и сильный рисунок отточенным карандашом психологического реализма. Место действия романов Конрада, главным образом,—Великий океан и разбросанные на нескончаемой равнине его острова. Люди романов его—малайцы, канаки, полинезийцы. Действительные герои—одинокие белые люди, изгои, миром белых людей, нормальным белым миром изъятые, исторгнутые. А фабула романов его — захватывающая авантюра, небывалое приключение.

Взятое в плане эстетически-художественном—это небывалое доселе сочетание реально-психологического содержания с авантюрной оболочкой представляет некую новую ценность, дает новое достижение. Но творчество Конрада является, помимо того, интересным и многозначительным социологическим явлением. Этот протестант, бунтарь, революцио-

нер словно говорит каждой строчкой своей: буржуазная Англия (а другой Англии он не знает) мала и тесна для меня, ее мещанский быт давит и душит человека, не дает возможности выявить и рассказать о тех переживаниях, которые истинно ценны, убивает то настоящее в человеке, о чем я только и могу говорить. Для меня настоящий человек рождается лишь тогда, когда он освобождается от цепей нормальной своей жизни, когда он вне обычных человеческих законов, когда его законы и грани, пределы и цели—море и небо... Это—анархизм, конечно, но вспомним: анархизм ведь первый стихийный и инстинктивный протест против буржуазного мира.

Итак, этот писатель с типичной анархической идеологией, но в противовес прочим анархистам от литературы—Байронам, Уайльдам, благословенный колоссальным реалистическим талантом—бежит в своем творчестве из Англии. Но—ирония судьбы!—он признан в Англии, и не только эстетами, но и рынком, и цензурой библиотек, и одобрением обывателя, который берет у Конрада то, что ему, обывателю, нужно,—авантюрную оболочку его творчества, внешне интересную фабулу, закрывая глаза на конрадовское подлинное, на его бунт и протест, на его анархическую идеологию. И вот встает вопрос, одна возможность постановки которого типична для анализа судеб литературы в современной буржуазной Англии: эта оболочка конрадовского творчества—не является ли она свидетельством мимикрии писателя, его приспособления, подсознательного, конечно, к требованиям рынка?

По отношению к Конраду не следует спешить с ответом на этот вопрос. Конрад ведь вообще—исключительное явление. Чего стоит одна его биография... Он—не англичанин. Он—русский поляк, родился в одном из городов старого Царства Польского, жил до 15 лет на юге России, затем поступил юнгой на английское судно, стоявшее в одном из южных русских портов, в течение 15 лет непрерывно плавал, главным образом, в южных морях, в это время научился английскому языку, и начал писать лишь в возрасте 35 лет, осев в Англии, где живет до сих пор; сейчас ему больше 60-ти. К такой фигуре нужны совершенно особые подходы...

Но если Конрад—романтик, анархист, то *Арнольд Беннет*—циник-анархист. И он путешествовал по океанам, но не в качестве юнги, а как пассажир первого класса, и он видал весь мир, но как элегантный турист, и он презирает Англию,—но очень ценит ее комфорт, ценит признание читателей и свою популярность, и активно, и сознательно приспособляет свой громадный талант к требованиям и спросу рынка.

Арнольд Беннет—изящный, салонный анархист. В своих ранних романах («Сказка старых женщин», «Великий Человек», «Пять городов», «Регент») он дал насмешливую, циничную эпопею, посвященную английской провинциальной буржуазии. Он, можно сказать, открыл новый литературный жанр: мещанство английской провинции. И был безжалостным обличителем в этом жанре. Был мастером злого сарказма. Изящной, но больно жалящей иронии. Элегантного, циничного анализа. Но таковым он не остался. Громадный талант его не потускнел, но явно приспосо-

бился. Из обличителя он превратился в насмешника, пожалуй, пересмешника. Изумительный, единственный знаток быта английской буржуазии, почти английский Мопассан, он не благословлен чувством трагической ненависти к буржуазному строю, которое было столь могущественно и властно у Мопассана. И это чувство подменяет он суррогатом изящного светского презрения, которое, однако, искусно маскируется и вуалируется: Беннет не может позволить себе оскорблять слишком откровенно чувство приличия рынка.

В последние годы Беннет, подхлестываемый, видно, нуждой заработка, начал халтурить: давать до два романа в год, что позволяют себе лишь поставщики чтива, писать о чем угодно и как угодно. Но вот в последней вещи его—«Мистер Прохак»—чувствуется старый Беннет: это лучший роман послевоенной английской литературы. Темой этого романа является основной социальный факт послевоенной Англии: появление нуворишей. Роман этот напоен изящной сатирой, блеском, остроумием, напоминающем о Франсе; конечно, Беннет лишь шутит и улыбается там, где Франс бичует. Но и этот салонный анархист сделал свое социальное дело: пусть он не бичует буржуа, а лишь ударяет его розой,—эта роза с шипами.

Типы литературных анархистов не ограничиваются романтиками и циниками. *Джильберт Каннан*, писатель странный и интересный,—третий тип анархиста-мистического. Если искать родственных ему писателей в русской литературе, придется вспомнить о Леониде Андрееве. Каннан берет темой своих романов лондонскую богему, проституток, бывших людей, он ставит проблемы, мучительно ищет, вкрапляет в роман главы из философских трактатов, он тяжел, неуклюж, ударяется в словесный мистицизм, в грубую теософию. Конечно, он мелко-буржуазен с ног до головы, он типичный одиночка в подходе к социально-психологическим проблемам. Но он подлинно интересен своим тяжеловесным исканием выхода для себя и для героев своих из того тупика в области мысли и в области жизни, который создало буржуазное общество. А это общество, этот строй Каннан ненавидит неоформленной, некристаллизовавшейся ненавистью. Рынок Каннана не признает, библиотеки его почти бойкотируют, литературная критика игнорирует, хотя Каннан наделен талантом своеобразным, тяжело и глубоко внедряющимся, подобно лому, во взятую тему. Его военный роман—«Время и вечность», пожалуй, самый сильный протест против войны в английской литературе.

Джон Гэлсуорси—совсем не анархист. Если хотите русский термин—идеалист-шестидесятник. Он пишет по-старинке—спокойно, медлительно, весьма подробно, без всяких эффектов и ухищрений, скучновато, но очень честно и вдумчиво. Радикально мыслящие англичане его уважают, библиотеки его приобретают, но рынок не читает. Он слишком труден для рынка: он социолог не меньше, чем романист, и творчество его, скорее, социологический, нежели художественный документ. В этом году вышла книга его жизни, его главный труд, колоссальная трилогия (полторы тысячи страниц) под общим заглавием «Сказание о Форситах». Ска-

зание это повествует о жизни семьи Форситов, представителей крупной лондонской буржуазии за период с восьмидесятых годов—начало экспансии английского империализма—и вплоть до послевоенного времени. Гэлсуорси рисует крупными мазками на широком полотне, он дает картину грандиозного обхвата, его трилогия переполнена цифрами, выкладками, социологическими и экономическими рассуждениями, он, напоминая Золя, впадает в стиль научного исследования, он сторонник лозунга—бытие определяется сознанием, и искусно пользуется методами исторического материализма; судьбы своих героев, их мировоззрение он подчиняет колебаниям учетной ставки английского банка. И в предисловии к трилогии он пишет: «Если класс крупной буржуазии совместно с другими классами обречен на переход к небытию, то здесь, на этих страницах, он лежит под стеклом, доступный наблюдению и изучению. Здесь, как в музее, он лежит, сохраняясь в своем собственном соку. Сок этот—чувство собственности». И на самом деле, сказание о Форситах—в конечном итоге сказание о том, как вырождалась, медленно, но неуклонно, могучая и упорная семья Форситов, параллельно с вырождением и отмиранием основного стимула ее жизни—чувства собственности. Трилогия Гэлсуорси—это массивный, тяжелый, из гранита высеченный, прочно обтесанный монумент, объективное свидетельство о том, что и английская буржуазия не бессмертна. И нужно добавить—доказательство художественное.

Никого в нынешней английской литературе так ненавидит мелкий буржуа и мещанин, как *Лауренса*. И не даром родилась эта ненависть, не даром Лауренс подвергнут бойкоту—такому основательному и эффективному, что даже в книжных магазинах трудно найти его книги. Он, видите ли, порнограф. Одна книга его—«Радуга» была даже объектом судебного преследования и подверглась сожжению. Самая развратная в мире английская мелкая буржуазия не может, конечно, не возмущаться. Справедливость требует, однако, признать, что Лауренс на самом деле отводит вопросам пола большое место в своем творчестве и трактует их очень реалистически. Лауренс—запоздалый Золя. Но для Англии он, пожалуй, не запоздал. Дело в том, что в английской литературе вопросы семьи, брака, полигамии и узаконенной проституции—почти не затрогивались в виду неприличия этих тем, с точки зрения совершенно фантастического английского лицемерия. Лауренс первый разворошил эти темы—и вдобавок весьма бесцеремонно и энергично. Лауренс выполняет в двадцатых годах двадцатого века то, что было сделано в европейской литературе в 70—90 годах XIX века: он бьет буржуазное общество в наиболее чувствительное и уязвимое его место—половую мораль. Лауренс—не тонкий писатель, он большой, но сырой талант, обладающий подлинным моральным пафосом, но страдающий от косноязычия; его романы, из которых лучший—«Потерянная девушка», читаются с большим интересом, но и с не меньшим трудом. Он—настоящий бытовик.

Бытовиком является и *Комптон Мекензи*. Сильным, безжалостным бытовиком. Его тема—жизнь лондонской богемы, лондонского «Хитрова

рынка». Он пишет не романы, а один бесконечный роман. Во всех почти вышедших его книгах (их уже десять) встречаются одни и те же лица, фигурируют те же герои в разных комбинациях. Мекензи не признает эпизодов в жизни,—вся жизнь единый эпизод, и все перипетии жизни его героев должны быть описаны во всех деталях, с самой точной обстоятельностью. Он так и делает. Его главный труд—«Мрачная улица», в двух томах, на тысяче страниц, описывает жизнь главного действующего лица, начиная с раннего детства и до 30-летнего возраста. Мекензи—труден и утомителен, но он дает громадное количество материала для изучения подлинной жизни Лондона. К сожалению, он не синтетик, его творчество не пронизано какой-либо единой, большой, основной мыслью. Чувство социального протеста в нем сильно, но оно не сведено в исчерпывающую формулу.

Вильям Джордж—человек одной книги, но книги исключительной по своему интересу и значению. Он—автор романа «Калибан». Этим шекспировским образом Джордж характеризует одну из крупнейших фигур английской современности—недавно скончавшегося газетного короля, лорда Нортклиффа. Роман Джорджа—блестящий, убийственный памфлет о Нортклиффе и его прессе. Ни одно научное исследование не даст столько материала о роли и смысле желтой прессы, сколько этот роман, написанный, к тому же, исключительно талантливо. Джордж сохраняет объективность, его симпатии зачастую даже на стороне Нортклиффа, но художественное чутье и художественная правдивость делают свое дело, и перед читателем во весь рост встает олицетворение буржуазного строя, его сердце и мозг—великий Калибан. Джордж уделяет в романе много места исторической роли Нортклиффа во время войны, откровенность его доходит здесь до предела, роман превращается в протокол, но интерес и значение его от этого только выигрывают. Остальные произведения Джорджа написаны для рынка, и интереса ни художественного, ни социологического не имеют.

Бирсфорд пишет одиннадцать лет и написал 16 романов. Из них останется в подлинной литературе, повидимому, лишь один: «Революция», написанный в 1920 году. И не потому, что в нем отражаются столь модные среди английской интеллигенции настроения толстовства: они мало оригинальны у Бирсфорда и выражены вяло и туманно. Но этот роман ценен, как роман беспокойства, как роман предчувствия. Схема романа известна уже русскому читателю по появлявшимся в нашей прессе отзывам [1]): Англию охватывает рабочая революция, оканчивающаяся, однако, торжеством военной реакции, хотя и успешная вначале. Социологические построения автора бедны и примитивны, психологический анализ движущих мотивов революции довольно убог, но, тем не менее, эта книга вызвала в Англии бурю, повидимому, потому, что впервые за все время существования английской литературы Бирсфорд представил кро-

[1]) См. «Печать и Революция», книга вторая за 1921 год, стр. 60, статья М. Лейтейзена.

вавую революцию и гражданскую войну, как реальную возможность недалекого будущего. И если книга эта не подверглась бойкоту библиотек, то лишь потому, повидимому, что Бирсфорд кончает весьма благоразумно торжеством военной реакции. Трудно сказать, является ли такой конец специальной страховкой, рассчитанной на пожелания рынка. Вероятнее все же, что Бирсфорд, как интеллигент, да еще и английский, просто, оставаясь честным с собой, не мог художественно осмыслить другого конца. Болезненным, неврастеничным интеллигентом, интересующимся специфически интеллигентскими проблемами, Бирсфорд остается и в других своих произведениях. Его же перу принадлежит мрачная утопия «Гослинги», остро и захватывающе рисующая падение и гибель западной цивилизации и возвращение уцелевшего от катастрофы человечества к первобытному состоянию. Бирсфорд—интересный для нас писатель. Он свидетельствует своим творчеством, что типично предреволюционный пессимизм и неврастеническое мироощущение не составляли монополии одной лишь русской интеллигенции.

Если бывают писатели «самые умные», то *Герберт Джордж Уэллс*, так хорошо известный русскому читателю—самый умный английский писатель. Он пишет не только романы, но исторические и философские исследования и политические статьи. У него не в пример прочим английским писателям есть свое мировоззрение, и весьма сложное, он интересуется социальными проблемами, и даже сам как будто бы социалист...

Но только странно, что в то время, как рынок относится к Уэллсу высоко равнодушно, в кругах интеллектуальных на него смотрят даже иронически. И вместе с тем, Уэллс—признанный выразитель идеологии демократической части мелкой буржуазии, искренно желающей путем демократизации общественного строя и уступок рабочим смягчить максимально остроту грядущего социального конфликта. Уэллс многократно, и в романах и в статьях своих, указывал на непредотвратимость этого конфликта и взывал к разуму английской буржуазии. Уэллс был также активным, непреклонным антимилитаристом, и почти накануне войны издал свой знаменитый «Освобожденный мир». Но пришла война, и произошла вещь неожиданная: Уэллс выступил с резко милитаристскими и шовинистскими статьями. Прошел недолгий, но мучительный период, в настроениях английской интеллигенции и мелкой буржуазии наметилось отрезвление, и Уэллс написал мудрого и философски спокойного «Мистера Бриттинга». И после войны несколько раз менял он свое отношение к актуальным проблемам,—как русская революция, Версальский мир, политика Англии. Выступая всегда как реалист, позитивист, человек науки, в 1919 г. написал Уэллс скептический, проникнутый веяниями Экклезиаста и Шопенгауера философский роман «Огонь неумирающий». А в в 1922 г., только что закончивши свое ярко-оптимистическое, напоенное радостью бытия—«Обозрение Истории», он написал роман «Тайники сердца», роман почти в вольтеровском духе, насыщенный

саркастическим скепсисом и тоскливой резиньяцией. И в каждой строке своей Уэллс глубоко серьезен, подлинно искренен. В чем секрет Уэллса?

Он прост. Уэллс не вождь, не мыслитель, не творец, пожалуй, даже не художник. Уэллс зато наделен своеобразным, весьма ценным и редким даром. Он—зеркало, рефлектор, сейсмограф, радиоприемник. В нем нет ничего своего, он весь отражение и восприятие вибрирующих в воздухе идей,—и преимущественно идей мелкой буржуазии и интеллигенции. Он—самые точные аптекарские весы настроений, он—повинующийся самому легкому давлению подземных волн маятник, он, писатель Уэллс,—раньше всего самый внимательный и добросовестный читатель.—читатель скрытых зачастую письмен. В этом секрет Уэллса.

И вот ту тревогу о будущем, которую отразил Бирсфорд, в еще большей степени отражает в настоящий момент Уэллс. И вместе с тем типическую надежду радикальной, просветительской интеллигенции, что чистый, абстрактный разум может вмешаться в ход истории и парализовать надвигающийся социальный конфликт.

Эти краткие строки отнюдь не претендуют быть обзором современной английской литературы. Все указанные писатели отмечены мною лишь вскользь, а многие и не указаны. Я не остановился на своеобразных рабочих писателях, как Патрик Макхилль и Барбор, Свиннертон и Лайонс; я обошел молчанием новеллистов, как Мильн, Мэнсфильд, Бибеско, Вест; я не указал на группу беллетристов, являющихся переходной стадией от поставщиков чтива к подлинным писателям, в каковую входят Стефен Маккена, Хьюг Волпол, Джильберт Франкау, Джон Бухан, Роза Маколей; я, наконец, ни словом не упомянул об английских драматургах. Обо всем этом, быть-может, придется говорить впоследствии. Цель же этих строк—выявить и обосновать лишь одну мысль, которая, думается, логически вытекает из предыдущего.

Как и в прочих буржуазных странах, литература в Англии резко делится на две неравные количественно и качественно группы. 99% всех произведений литературы относится к литературе развлечения и играет в обиходе обывателя чисто служебную роль, поставляя ему продукты духовного быта, подобно тому, как большие магазины поставляют продукты материального быта. Никакой материальной и идеологической разницы между теми и другими нет, литература развлечения потребляется им точно так же, как потребляется мыло или сахар. И, конечно, к этой литературе развлечения отнюдь не применимо классическое правило, что литература является критерием и мерилом идеологических настроений общества. Но зато в еще большей мере оно применимо к остающемуся одному проценту—к литературе в подлинном смысле слова. И этот процент в Англии, как и в прочих странах, состоит, главным образом, из литературы обличения и протеста—если позволено будет воспользоваться этим несколько схематическим термином. Поставщики чтива развлекают, писатели обличают. Число первых все увеличивается, количество последних все уменьшается. Чисто техническая ловкость первых все совер-

шенствуется, неорганизованные таланты вторых все суживаются в своем размахе и обхвате. Это естественно, ибо мелкобуржуазное общество и интеллигенция (крупная буржуазия вообще не читает) предъявляют все меньший спрос на обличение, все большую жадность к развлечению. Вывод ясен: если в недрах буржуазного общества не возникнет самостоятельная литература пролетариата, то смерть литературы, как комплекса художественно выявленных идей периода—неизбежна. Золотой век буржуазии породил литературу в нынешнем смысле слова, собачья старость буржуазии убьет ее. Те, кто развлекаются перед смертью—не терпят обличения. Духовный быт буржуазии разваливается. И первой обвалится основная балка его—изящная литература, беллетристика, роман.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ.

С. Пионтковский.

Систематическое изучение истории русской революции пока еще не ведется, несмотря на то, что библиография работ, посвященных ее истории, насчитывает уже не один десяток изданий на одном русском языке. Большинство работ, посвященных современной революции, по крайней мере крупнейшие, писаны непосредственными участниками и могут служить примером, как понимался ход ее представителями общественных классов, как понимался ход событий в том или ином лагере. Все издания, посвященные истории нынешней революции, можно разбить на несколько больших групп,—первую составят работы, дающие обзор истории в дооктябрьский период и вскрывающие причины и ход самого Октября; вторую большую группу могут составить работы, намечающие историю советского строительства, и; наконец, в третью группу можно отнести все книги, дающие очерки контр-революционных течений.

Из работ, дающих общий очерк 17 года и вскрывающих непосредственные причины, приведшие к Октябрю, в первую голову необходимо отметить работы, вышедшие из-под пера представителей пролетариата. Общий очерк событий от февраля до октября дан в работе тов. Троцкого «Октябрьская революция» (изд. «Коммунист», № 18), в книжке т. Бухарина—«Классовая борьба и революция в России» (вышло несколько изданий); общий очерк, правда, очень конспективный, событий, приведших к Октябрьской революции и анализ самой Октябрьской революции дан в брошюре т. Яковлева «Об историческом смысле Октября». Фактический очерк событий 17 года изложен в книжке т. Новицкого «От самодержавия к диктатуре пролетариата» (2-е изд. Гос. Изд., М. 20 г.). Все эти работы написаны марксистами и имеют большой интерес. Из них особенно нужно выделить работы Троцкого и Бухарина. Книга Троцкого—полумемуары, полуистория. Она написана с специальной целью «ознакомить общественное мнение мирового пролетариата с причинами, ходом и смыслом Октябрьской революции в России». Написанная блестящим языком, очерчивая ряд законченных характеристик, эта книга дает беглый обзор истории русской революции

в предоктябрьский период выясняет участие в ней различных классов и партий, точно и ясно устанавливает организующую и планомерную деятельность Р. К. П., ведущую к Октябрьской революции. В книге Троцкого так же, как и в книге Бухарина, мало документального материала. Вся ценность этих работ в анализе событий, в изображении и объяснении их хода, в выявлении основных черт в классовой борьбе, приведших к Октябрьской революции.

Из противоположного лагеря можно назвать только две книги, пытавшиеся дать общий очерк событий, приведших к Октябрьской революции. Эти книги принадлежат двум идеологическим представителям и вдохновителям российской буржуазии.

Представитель мелкой буржуазии, левый эс-эр Штейнберг, выпустил книжку под названием «От февраля по октябрь 1917 года»; в книжке этой он пытается разрешить задачу, почему и как умерло учредительное собрание, ответить на вопрос, «как это случилось, что в трагическую минуту своего роспуска, оно (учсобрание), воплощавшее в идее революционный народ в целом, оказалось одиноким и бессильным, оставленным народом».

Штейнберг понял и в своей книжке определенно утверждает, что за советами стояло большинство, но, как это случилось, каким образом это произошло,—он толком объяснить не может. По его мнению, как он сам формулирует его, «Октябрь был вызван ошибками марта», т.-е. ошибками вождей правого крыла демократии, находившихся под гипнозом демократических построений и идей. Все объяснения событий у Штейнберга крайне смутны и спутаны и, поняв, что Октябрь творился массами, исторического смысла Октября и его причин Штейнберг не уловил и не понял. Другой книгой, вышедшей из лагеря буржуазного, посвященной истории революции, является книга Милюкова: «История 2-ой русской революции». Эта работа в научном отношении стоит еще ниже, чем книга Штейнберга. Начинает Милюков свою историю, как и подобает старому профессору, очень серьезно: «факты,—заявляет он,—подлежат объективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны и вытекающие из них выводы». После такого заявления ждешь встретить в книге научно поставленный критический аппарат, документальную обоснованность положений. Ничего подобного в работе Милюкова нет, и в первом и во втором выпусках своей книги он нудно тянет о немецких деньгах, которыми были подкуплены большевики. Милюков обнаруживает полное пренебрежение и растерянность перед источниками, он позабыл и перепутал все приемы работы над текстами, умением оперировать над которыми так гордилась буржуазная историческая наука. Эта сторона работы Милюкова великолепно разобрана в статье М. Покровского «Противоречия г. Милюкова», вышедшей отдельным изданием. В своем историческом анализе Милюков стоит на одном уровне с построениями Спиридовича, высказанными им в его «Истории большевизма». В двух больших томах, охватывающих период, кончая корниловщиной, Милюков рассказывает о борьбе за власть во временном правительстве и во-

круг него, но у Милюкова нет ничего о массах, о классах, об экономике во время революции. Подробно описывая и разбирая московское Государственное Совещание или корниловщину, по отношению к массам и классам, Милюков возрождает исторические приемы Иловайского, прибегая к эпитетам. История Милюкова совершенно лишена всякого анализа: она не дает объяснения событий. Борьба за власть в его изложении, бывшая основным стержнем революции, лишенная классового характера, приобретает вид каких-то личных столкновений и интриг. В книге Милюкова имеется одно неоспоримое достоинство—это личные воспоминания автора, передача личных встреч и бесед.

Об Октябрьской революции написано немало брошюр и статей, объясняющих ее смысл и значение. Укажем хотя бы брошюру Преображенского «Трехлетие Октябрьской революции», брошюру Радека «Октябрьская революция и ее место в истории» (Гос. Изд., М. 22 г.). На ряду с такими общими очерками стали появляться отдельные книги и статьи, пытающиеся документально обрисовать ход Октября в том или другом месте. Таких работ пока, правда, не много, из них следует упомянуть статью Анулова «Тактика Октября в Питере и Москве», напечатанную в № 4 «Пролетарской Революции», книгу Лелевича «Октябрь в ставке» (изд. Коопер. Гомельск. Раб., 22 г.), брошюру Драудина «Октябрь и рижский фронт» (М. 22 г.). Но точной и ясной картины всего хода событий, как в Петрограде, так и в провинции, пока еще не дано. Сейчас, главным образом; собираются материалы для исторической работы. В смысле сборки материалов по истории Октября сделано немало. В Москве, например, для изучения событий собраны воспоминания как руководителей движения, так и рядовых бойцов. Кроме воспоминаний, собрано и довольно много документов. Ход Октябрьских дней в Москве сейчас можно восстановить довольно точно и подробно. Материалы по истории Октября в Москве заключаются, главным образом, в 5 сборниках: «Октябрь на Пресне», «Октябрь в Сокольниках», «Октябрьские дни в Москве и районах», «Октябрьское восстание в Москве» и «Москва в Октябре 1917 г.».

Подобные же издания материалов по истории Октября имеются и для других мест; в Ростове-на-Дону издано 3 книги воспоминаний и материалов, рисующих ход Октябрьской революции на Дону. В ряде провинциальных сборников, выходивших к юбилею Октябрьской революции, на ряду с отчетным материалом даны воспоминания и документы. Такие сборники вышли в Астрахани, Самаре, Нижнем, Ярославле, Рыбинске, Новгороде, Уфе, Петрограде, Тюмени. Масса материалов и воспоминаний об Октябре печатается в выходящих сейчас исторических журналах, в частности журнал «Пролетарская Революция» посвятил Октябрю специальную десятую книгу, дающую богатый мемуарный и документальный материал об Октябре. Первая книга выходящего в Харькове исторического журнала «Летопись Революции» сплошь посвящена истории Октября на Украине. На ряду с изданием документов по Октябрьской революции сделана попытка их системати-

зации А. Я. Поповым под редакцией Рожкова; составлен, главным образом, по газетам интересный сборник документов, обрисовывавших как подход к Октябрю, так и самый ход Октября; сборник издан под названием «Октябрь 17-го года».

Октябрьская революция провела глубокую борозду в мировой истории. Ею началась постройка пролетариатом первой в мире пролетарской социалистической республики. Несмотря на то, что Советская Россия возбуждала обостреннейшее внимание всего мира, история этого строительства еще не написана. Литература о Советской России существует на всех языках; на русском языке о советском строительстве существует масса брошюр, статей и книг. Большинство из них стремилось ответить на злобы дня, и сами являются в значительной своей части уже историческим материалом. Здесь приходится упомянуть лишь о некоторых из этих работ, дающих более или менее отчетливое представление о конструкции и эволюции Советской России в донэповский период. Вопросы организации хозяйства, рабочий и земельный вопрос, внешняя политика—привлекали к себе больше всего внимания. Изображению состояния и организации хозяйства в Советской России посвящена небольшая книга В. П. Милютина: «Народное хозяйство Советской России.—Краткий очерк организации управления и положения промышленности Советской России» (изд. С. Н. Х., М. 20 г.). Эти же вопросы разработаны в большой коллективной работе Ларина и Крицмана: «Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России» (Гос. Изд., М. 20 г.). Работа была написана с информационной целью дать вполне законченное, точное и ясное представление о состоянии и организации хозяйства в Советской России в донэповский период. Своеобразие хозяйственной структуры и деятельности Советской России вызвало ряд работ, излагающих и объясняющих отдельные области хозяйственной деятельности. Продовольственная политика Советской власти—организация сбора, заготовка и распределение продуктов продовольствия—вызвала несколько работ, излагающих принципы этой политики. Н. Орлов выпустил объемистую работу, посвященную лишь первому году продовольственной работы: «Продовольственная работа Советской власти к годовщине Октябрьской революции» (издана в 18 году Народн. Комиссар. Продовольствия). Изложению и объяснению принципов продовольственной работы посвящена и изданная в 20 году в Москве книга «Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства Советской власти.—Сборник материалов» (Гос. Изд., 20 г.). Книга издана в качестве пособия и содержит обширный цифровой материал. Много данных по этому вопросу, как и по организации промышленности, дают отчеты Съездам Советов В. С. Н. Х. и Наркоматов.

Рабочий и земельный вопросы, бывшие основными и краеугольными камнями революции, отразились в литературе довольно сильно. Имеется ряд работ, посвященных рассмотрению текущих практических мероприятий. В области рабочего и профессионального движения име-

ются попытки изложения эволюции классовых организаций и состава самого класса. Из работ, посвященных специально рабочему вопросу, больше всего на себя обращают внимание работы, посвященные профессиональному движению, организационным принципам строительства профсоюзов, вопросам их участия в управлении производством. Из книг, носящих такой характер, в первую голову следует назвать работы Лозовского. Его книжка «Рабочий контроль» сейчас уже устарела (издана в 18 г.), время ее прошло, но она дает очень интересные данные по вопросу, бывшему одно время боевым для русского рабочего класса. Другая книжка Лозовского «Профессиональные союзы в Советской России» (изд. В.Ц.С.П.С., М. 20 г.) излагает организационные принципы строительства профсоюзов в России и борьбу за них. История профессионального движения за время нынешней революции дана в соответствующих главах книг: Перепечко, «Организационное строительство профдвижения в России» (Харьков. 21 год), и Томского, «Очерки профессионального движения в России» (изданная в Москве в 20 г.), изд. В. Ц. С. П. С.

В книжке Фина «Фабрично-заводские комитеты в России» дан очерк деятельности фаб.-зав. комитетов и переизданные резолюции, декреты и постановления, регулирующие их деятельность. Отдельные профессиональные союзы пытались дать свою историю как за годы революции, так и до нее; упомянем хотя бы работу Тихонова: «Всероссийский союз рабочих полиграфических производств» (М. 21 г.), работу Антошкина: «Очерк движения служащих в России» (М. 21 г.), сборник «Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности», изданные в Харькове в 22 г., книгу Крейзеля: «К истории профессиональных союзов г. Харькова» (Харьков. 21 г.). Горячая политическая борьба, шедшая вокруг профсоюзов, их роли и значение в организации и регулировании производства, не нашла еще своего историка, но представление о ней дает большой том статей разных авторов, изданный под названием «Партия и союзы» (Гос. Изд., Пет. 21 г.).

Вопросы эволюции самого рабочего класса в его количественном и качественном изменениях условий труда и быта, хотя и трактовались оживленно в газетной и журнальной прессе, но больших работ сводного характера, посвященных этим вопросам, нет. Много материала по этим вопросам было дано в журнале «Статистика Труда». Из специальных работ, посвященных рабочему законодательству, следует назвать работы Гойхбарга и Теттенборн, посвященных кодексу законов о труде и рабочему законодательству. Большая работа Каплуна посвящена вопросам охраны труда. Эти работы преследуют практические цели и дают лишь материал для историка.

По земельному вопросу, если оставить в стороне работы и статьи, обсуждающие практическую необходимость той или иной меры, имеется ряд интересных работ, обрисовывающих почти все стороны земельного вопроса. Интересна работа К. Н. Книповича «Очерки деятельности Нар. Ком. Земл. за 3 года» (1917—1920) (Гос. Изд., М. 20 г.). Работа эта дает связный очерк земельной политики русской революции за первые

3 года. Книпович устанавливает основные вехи, которые прошло советское законодательство в земле, и дает ряд цифровых иллюстраций, освещающих судьбы деревни за годы революции. Интересна и другая работа К. Н. Книповича «Главные черты сел.-хоз. эволюции Европейской России в 16—21 гг.» (изд. Н. К. З., М. 23 г.). Истории аграрной политики русской революции посвящена книжка Першина: «Очерки земельной политики русской революции», вышедшая в 18 году. Общий очерк, обстоятельный и выдержанный, с марксистской точки зрения, аграрной политики Советской России дан в небольшой книге Месяцева: «Земельная и сельско-хозяйственная политика в России» (изд. Н. К. З. «Новая Деревня», М. 22 г.). Вопросы землеустройства разобраны в большой работе Кириллова «Очерки землеустройства за 3 года» (изд. Н. К. З. «Новая Деревня», Петр. 22 г.). Эволюции крестьянского хозяйства в период нынешней революции посвящена небольшая статья Хрящевой «Крестьянство в войне и революции» (М. 21 г.); обширный материал по этому вопросу дан в статистическом сборнике «Экономическое расслоение крестьянства в 17 и 19 гг.», изданному под редакцией и с предисловием Хрящевой. Эволюции классов вообще, вопросу чрезвычайно интересному и важному, как исторически, так и практически, посвящена чрезвычайно содержательная брошюра, изданная Политпросветом и составленная из 3 статей: Осинского, Ю. Ларина и Хрящевой, напечатанных раньше в юбилейном номере «Правды» за 1921 год. История советского законодательства изложена в небольшой брошюре Ашкинази «Очерк социального законодательства в Советской России» (изд. «Книга», Петерб. 20 г.).

Вопросы внешней политики Советской России были предметом оживленной газетной полемики. В настоящее время имеется популярный обзор внешней полемики, написанный Майским: «Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р. 1917—1922 гг.» (изд. «Красн. Новь», М. 23 г.) Обзор носит по преимуществу хронологический характер. Истории внешней политики посвящен небольшой сборник статей К. Радека, изданный под названием «Внешняя политика Советской России» (Гос. Изд., М. 23 г.). В сборнике напечатаны статьи, вышедшие в свое время на русском и немецком языках. Сводный характер имеет и очерк Г. В. Чичерина «Внешняя политика Советской России за 2 года» (Гос. Изд., М. 20 г.). По отдельным вопросам внешней политики имеется своя довольно богатая литература. По вопросу о Брестском мире имеется книга Ю. Каменева «Борьба за мир» (Петр. 18 г.), ряд брошюр Павловича посвящены разбору отношений между капиталистической Францией, Англией и Японией. Наркоминделом издан хронологический указатель по международной политике Р. С. Ф. С. Р., составленный Борисом Ваксом под названием «От Октября до Генуи» (изд. Н. К. И. Д., М. 22 г.). Из материалов по истории внешней политики изданы стенограммы брестских переговоров—«Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I (изд. Н. К. И. Д., 20 г.), материалы Генуэзской конференции, стенографический отчет Гаагской конференции, «Красная книга», посвященная дипломатическим переговорам с Польшей перед войной (Гос. Изд., М. 20 г.), небольшой сборник на французском яз. нот Н. К. И Д.,

изданных за 1 год революции. Много материала по истории внешней политики Советской России дает журнал «Вестник Нар. Ком. Ин. Дел».

По истории идеологических течений в русской революции имеется ряд книг и брошюр. Процесс эс-эров вызвал к жизни довольно обширную литературу, обрисовывающую пути и дела народнических партий в русской революции. Здесь имеются брошюры Стеклова и Луначарского, речи обвинителей и защиты, дающие в общем яркую картину деятельности эс-эров. Ценный документальный материал имеется в брошюре М. Покровского «Что установил процесс так называемых соц.-рев.» (изд. «Кр. Новь», 23 г.). Истории меньшевизма в России посвящены брошюры Быстрянского и Вардина «Партия меньшевиков и русская революция» (изд. «Кр. Новь», 22 г.). В статье, напечатанной в сборнике «За 5 лет», И. Вардин дает марксистски выдержанный и очень интересный очерк истории меньшевизма в России. Анархические течения русской революции, теория и практика русского анархизма изложены в книге Яковлева «Русский анархизм в Великой русской революции» (Всеукр. Гос. Изд., Харьков. 21 г.).

Из отдельных работ, посвященных революции, обращает на себя внимание работа Кноринга «Революция и контр-революция в Белоруссии», ч. I (Февраль 17 г.—февраль 18 г.); небольшая брошюра Павловича «На высотах Красного Дагестана—из истории контр-революции на Кавказе»; интересным для истории революции является и большой том, посвященный защите Петрограда от банд Юденича,—«Борьба за Петроград 15 октября—6 ноября 1919 г.», издан Петроградским Госиздатом. В книге опубликованы приказы и воззвания, речи Зиновьева и Троцкого, выдержки из газет и другие материалы, дающие представление об этом эпизоде борьбы Советской России с мировым империализмом и его наемниками. Одному из трагических моментов русской революции посвящена книга Вадима Чайкина «К истории Российской революции. Казнь 26 бакинских комиссаров» (М. 22 г.). Это кошмарное происшествие, совершонное по приказу англичан, дает яркую картину того, в каких условиях проходила гражданская война в России, где на каждом шагу, в каждой схватке за русской белогвардейщиной стоял мировой капитал. Не безынтересна брошюра Рафаила «Кронштадтский мятеж. Из дневника политработника» (Всеукр. Госизд., 21 г.). Разносторонний материал по истории социалистического строительства дается в коллективных сборниках статей и обзоров, выходивших к юбилею Октябрьской революции. Из них нужно особенно отметить 4 книги: сборник «За 5 лет» (изд. «Кр. Новь», М. 22 г.), дающий статьи по самым разнообразным вопросам истории и экономики, как России, так и всего мира, насыщенный содержанием и, пока нет цельной книги по истории Советской России, являющийся незаменимым; такого же типа сборник, посвященный итогам пятилетнего строительства на Украине, «Октябрьская революция. Первое пятилетие» (Харьков. 23 г. Ук. Гос. Изд.). Другие две книги вышли несколько раньше и в некоторых своих статьях сейчас являются уже не только историческими работами, но и историческими материалами, — это изданный в свое время Сов. Нар. Хоз. сборник

«Два года диктатуры пролетариата» и сборник «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» (Гос. Изд., М. 19 г.).

Хронология истории нынешней революции дана как в общих работах, так и в специальных трудах. Специально хронологии революции посвящены 2 книжки. Книга В. Кряжина и Б. Павлова «Два красных года — Ноябрь 1917—ноябрь 1919 г. Хронология пролетарской диктатуры» и книга Максакова и Нелидова «Хроника революции»; изданы Истпартом. Пока вышел первый выпуск, охватывающий лишь 1917 год.

Без изучения статей и брошюр Ленина совершенно немыслимо понять как историю коммунистической партии в революции, так и хода самой революции. В работах Ленина дан ясный, полный и необыкновенно законченный анализ всех поворотных пунктов нынешней революции. В них дана определенная схема хода революции. Пока вышли 14 и 15 томы собраний сочинений Ленина, охватывающие события 17 и 18 годов.

Против пролетариата выступала мелкая и крупная буржуазия на Кавказе, на Волге, в степях Украины и Сибири—везде были попытки создания и организации контр-революционных государственных образований. Везде и всюду открывали этот поход меньшевики и с.-р.

Самара с учредительным собранием была царством с.-р. История этого царства пока не написана, но уже сейчас имеется ряд работ и брошюр, дающих яркое описание событий, вскрывающих и описывающих, как партия с.-р. попала на службу к контр-революционным реставраторам, генералам: Алексееву, Корнилову, Дутову. Из крупных работ, посвященных этому периоду, много материала дает сборник: «Четыре месяца Учредиловщины», историко-литературный сборник, изданный в Самаре в 1919 году. Этот сборник очень интересен и ценен: он не только собирает и регистрирует факты, но и пытается дать классовый анализ их. Менее выдержанной со стороны анализа, но интересной собранными в ней фактами является брошюра Лелевича: «В дни Самарской Учредилки». Изданная Истпартом, брошюра эта дает яркую картину с.-р. террора и некоторые сведения по истории самарского движения. Больше всего по истории самарского движения дали сами с.-р. Для с.-р. опыт Самары имел огромное значение, он поставил перед более вдумчивыми и чуткими из них ребром вопрос о том, как случилось, как могло случиться, что учредительное собрание, это старое знамя революционной борьбы, покрыло своими крыльями подвиги Дутова и Колчака, дало на практике не демократизм, а кровожадный разгул бешеной реакции. Активные участники и руководители самарского движения из партии с.-р.—Буревой, Ракитников, Святицкий выпустили ряд публицистических брошюр, дающих общий очерк событий на Волге летом 18 года.

Наиболее интересной из этой с.-р. литературы является книга Н. Святицкого: «К истории Всероссийского учредительного собрания. Съезд членов учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре—декабре 18 года» (М. 21 г.). Эта книга—собственно не историческая работа, а мемуары. Она интересна и важна, как источник для истории поволжского движения 18 года. Она описывает заклю-

чительные эпизоды этого движения, и никто так не сумел показать всю ненужность, все ничтожество учредиловцев, как учредиловец Святицкий. Книга Святицкого рисует не только окончательную смерть учредительного собрания, как учреждения, но она изображает и идеологическую и политическую смерть партии, сделавшей учредительное собрание своим знаменем. Интересна в частях, посвященных этому периоду, и книга, изданная группой «Народ» в память Когана-Бернштейна: «М. Л. Коган-Бернштейн, сборник статей» (изд. Коопер. изд. «Народ», М. 21 г.). Подробная библиография литературы о самарской учредилке дана в статье Лелевича в 7 книге «Пролетарской Революции».

Другой попыткой буржуазии взять власть в свои руки является Грузия. Судьба Грузии удивительно напоминает судьбу Самары: и там и тут демократия стала служанкой крупной буржуазии и мирового империализма. Исторический очерк меньшевистского господства в Грузии, снабженный рядом интереснейших документов, дан в двух книгах Шафира «Тайны меньшевистского царства», с предисловием Орхедишвили (издана в Тифлисе в 21 г.), и «Гражданская война в России и меньшевистская Грузия», с предисловием М. Цхакая (издана в Москве в 21 г.). Особенно интересна первая книга Шафира; в ней приведена масса документов, заимствованных из архива грузинского правительства, рисующих связь между меньшевистской Грузией, Деникиным и Врангелем; ряд интереснейших документов обрисовывает внутреннее положение Грузии и отношение грузинского меньшевистского правительства к Англии. Подробный анализ деятельности меньшевиков в Грузии дан в книге Махарадзе: «Диктатура меньшевистской партии в Грузии» (Гос. Изд., М. 21 г.), и Л. Троцкого: «Между империализмом и революцией» (Гос. Изд., М. 22 г.). Книга Махарадзе, а особенно книга Л. Троцкого, подошли к истории Грузии и деятельности меньшевистской партии в ней не только с исторической точки зрения, но и с теоретической—меньшевики всю революцию болтались под ногами у пролетариата. Тов. Л. Троцкий в своей книге указывает, кого, в сущности, прикрывали, кому способствовали, на самом деле, меньшевики, где истинный путь революции и где откровенная реставрация и империалистический грабеж, прикрашенный словами о демократизме.

Власть демократии сменялась властью открытой реставрационной реакции — так было в Сибири и Самаре—где учредительное собрание было разогнано, и власть досталась адмиралу Колчаку; так было на севере, в Архангельске, где с.-р. правительство сменилось правительством англичан и русского генерала; так было на Украине, где мелко-буржуазные правительства уступили свое место Деникину.

История крупно-буржуазной контр-революции еще беднее историками и историческими работами, чем история мелко-буржуазной контр-революции. Социальная программа реставраторов, их практические методы действия хорошо известны рабочим и крестьянам Сибири, Украины, Севера; о действиях и планах буржуазных строителей и реставраторов твердили в свое время газеты, сейчас об их деяниях рассказывают иногда

мемуаристы, но исторических работ, посвященных этому периоду, очень и очень мало. О Сибири—о колчаковщине писали больше: здесь можно назвать несколько работ, дающих обильный фактический и документальный материал по истории этого периода. Работа П. С. Парфенова «Уроки прошлого», «Гражданская война в Сибири 18, 19, 20 гг.», вышедшая в 21 г. в Харбине, хотя и чужда серьезного исторического анализа, дает великолепное собрание фактического материала, в свое время печатавшегося в газетах. Для вдумчивого читателя она дает много и прежде всего яркое изображение правления крупной буржуазии, методов и приемов ее действия, вскрывает ее внутренние связи и отношения. Небольшая брошюра Эспэ: «Год в стане Колчака, материалы по истории рабочего движения в Сибири» (Казань. 19 г.), посвящена исключительно истории рабочего движения, главным образом, профессионального, за годы власти Колчака. Составленная на основании личных воспоминаний и наблюдений, она приводит много фактов из рабочей жизни, почерпнутых из сибирской прессы и, главным образом, из сибирских рабочих и профессиональных журналов. Интересная статья Колосова о партизанском движении в Сибири была напечатана в 20 кн. журнала «Былое». Важным для истории Сибири за годы Колчака является сборник «Три года борьбы», изданный в 20-ом году в Омске; в нем, на ряду с сырым материалом в роде воспоминаний, имеются статьи, рисующие экономику Сибири за годы колчаковщины. Большую книгу по истории этого периода написал член омского правительства Гинс, Г. К.: «Сибирь, союзники и Колчак» (3 т., изд. в Харбине), но, несмотря на то, что Гинс и был членом правительства, книга его заставляет желать очень и очень многого как в смысле фактической обоснованности положений, так и в методологическом. Интересна для истории сибирской контр-революции вышедшая в 20 г. в Благовещенске книга «Красная Голгофа», дающая замечательный материал для обрисовки борьбы пролетариата с контр-революцией на Дальне-Восточной окраине.

Истории контр-революционного буржуазного государства на севере, в Архангельске, посвящена большая работа Добровольского: «Борьба за возрождение России в Северной области», напечатанная в третьем томе «Архива русской революции» под. ред. Гессена. Работа эта написана одним из крупнейших сановников архангельского правительства и написана с вполне определенной политической целью. Хотя автор и старается всеми силами изобразить себя стоящим над классовой государственной точкой зрения, но классовый характер борьбы, происходящей на территории, подчиненной архангельскому правительству, сказывается сам собой. Факты—упрямая вещь, и их никак не удается переделать. Фактическая сторона работы, хотя и прикрытая густым флером непонимания и отсебятины, придает несомненный интерес работе.

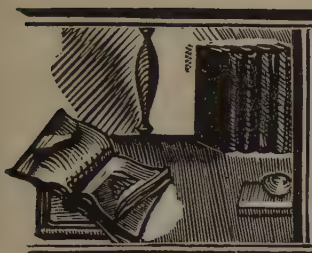
Работ, посвященных истории скоропадчины и деникинщины исключительно, пока нет. На территории Украины имелось не одно правительство, столкновение классовых сил и государственных образований Украины было необыкновенно пестро и разнообразно. Общую

сводку истории революции на Украине попытался дать Винниченко в своем трехтомном труде: «Відродження націі»; эта большая работа написана на основании личных впечатлений и воспоминаний. Винниченко сам был одним из крупных участников петлюровского движения. Слабо использованы в работе Винниченко документы, по преимуществу официальные акты—несколько глав посвящает Винниченко скоропадчине и деникинщине. Много интересного для истории деникинщины дается в воспоминаниях К. Н. Соколова «Правление генерала Деникина» (София. 21 г.), но эта книга—не история, а материал для истории. Немногим лучше обстоит дело с историей других эпизодов контр-революционных попыток на Украине, больше всего посчастливилось, в историческом отношении, корниловщине. Об этом моменте напечатан ряд документов и воспоминаний, имеется книжка В. Волина: «Дон и Добровольческая армия», очерки недавнего прошлого; издана книга в Ростове-на-Дону в 19 г. во время владычества там белых. Несмотря на свой панегирический тон, книжка, правда, очень поверхностно, но все же дает общий очерк событий на Дону и учреждения там Добровольческой армии. Автор книги—сторонник добровольцев; как историк, он никуда не годится, но, стоя в курсе событий, он в своей книге сообщает ряд сведений, не имеющихся у других. Из воспоминаний о Корнилове и его деятельности можно упомянуть воспоминания Половцева «Рыцари тернового венца», Суворина «Поход Корнилова» и Романа Гуль «Ледяной поход» (с Корниловым) (Берлин. 21 г.). История Дона и Кубани за период гражданской войны еще не написана, только теперь стали появляться документы и воспоминания, посвященные этим областям. Поверхностный, чисто хронологический очерк борьбы Дона с Советской Россией дан в книге Добрынина: «Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917—март 1920 гг.». Отдельные вопросы из истории революции на Украине затронуты в ряде книг. Так, в Харькове вышли два выпуска работы В. Качинского: «Очерки аграрной революции на Украине» (первый выпуск вышел в 22 г., второй—в 23 г.). Первый выпуск носит подзаголовок: «Уравнительный раздел земли»; он ставит вопрос чисто количественно—какое количество земли, сколько и в каком размере перешло к крестьянству. Второй выпуск озаглавлен «Обобществление сельского хозяйства». Истории крестьянского и чисто украинского движения посвящена книга тов. Лебедь, рисующая идеологию и практику деятельности Махно: «Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины». (Всеукраинск. Гос. Изд., Харьков. 21 г.).

М. Рафес в книге «Два года революции на Украине. Раскол Бунда» (Гос. Изд., Москва. 20 г.), посвященной истории одной только партии, дает богатейший исторический материал как по истории Бунда, так и по истории революционного движения на Украине за это время вообще. Небольшая книжка Золотарева «Из истории Центральной украинской рады» (Гос. Изд. Укр., 22 г.) дает общий очерк этого учреждения. Много интересного для истории революции на Украине дано в воспоминаниях Майорова «Из истории революционной борьбы на Украине»

(Киев. 22 г.) и в воспоминаниях И. Алексеева «Из воспоминаний левого эс-эра. Подпольная работа на Украине» (Главполитпросвет, М. 22 г.).

На ряду с обширной литературой, посвященной отдельным вопросам русской революции, в исторический оборот сейчас вошло и большое количество первоисточников. Источники по истории нынешней революции резко распадаются на две группы: это—воспоминания и записки участников революции и все возможные специальные акты, отчеты съездов и конференций, воззвания и переписка,—словом, документы. Мемуаров сейчас выходит великое множество. Несмотря на то, что вообще мемуары, как исторические источники, крайне не надежны, все же в них дан богатый запас сведений и фактов по истории нынешней революции. Мемуары даны рядом активных участников событий, часть из них была уже упомянута. Свои воспоминания напечатали—Родзянко: «Государственная Дума и февральская революция 1917 г.»; Деникин: «Очерки русской смуты»; Лукомский, Керенский: «Где истина» (М. 22 г.), «Дело Корнилова» (изд. «Задруга», М. 18 г.); Лебедев (о «самарской учредилке»): «Борьба русской демократии против большевиков» (Нью-Йорк, 20 г.); Станкевич: «Воспоминания 14—19» (Берлин. 20 г.); Мстиславский: «Пять дней. Начало и конец февральской революции» (изд. Гржебина, М. 22 г.); Суханов, вышло шесть томов «Записок о революции»; Г. Раковский: «В стане белых» (Константинополь. 20 г.) и «Конец белых» (Константинополь. 20 г.). В большем количестве мемауры печатаются в издаваемых сейчас исторических журналах. Истпартом издается сейчас 4 исторических журнала. В Москве выходит журнал «Пролетарская Революция», дающий огромное количество материалов мемуарного характера. В Петрограде выходит журнал «Красная Летопись», печатающий по преимуществу документы, в Казани выходит журнал «Пути Революции» и в Харькове «Летопись Революции», резко не выявившая еще своей физиономии. Белогвардейская пресса имеет свой исторический журнал, издаваемый в Берлине: «Архив русской революции». Источники по истории революции издаются в большом количестве. Изданы стенографические протоколы всех съездов и конференции Р. К. П., протоколы Съездов Советов, начиная со II, протоколы съездов и конференций профсоюзов и совнархозов, заседаний В. Ц.И. К. Из материалов по истории экономики обширный материал дается в статистических изданиях Ц. С. У.; из них сводный характер имеет двухтомный статистический ежегодник за 18—21 года. В отчетах Наркоматов Съездам Советов тоже сосредоточен обширнейший сырой материал по истории революции. Подробный список всех изданий воспоминаний и источников по истории революции насчитывают не один десяток. Все это вводит в оборот массу фактов, дает возможность восстановить многие события по истории революции. Вопрос сейчас сводится, с одной стороны, к приведению в известную систему того, что уже известно, сводится к систематической обработке имеющегося в обороте сырого материала, а с другой—к такой же систематической сборке и изданию материалов.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. «Письма». *Г. И. Бройдо.*—2. С. Ю. СЕМКОВСКИЙ. Марксистская хрестоматия. *В. Адоратский.*—3. В. В. СВЯТЛОВСКИЙ. История социализма. *Б. Горев.* — 4. АРК. А-Н. Шарль Фурье. Его личность, учение и социальная система. *Б. Горев.* — 5. ПОЛЬ ЛУИ. История социалистической партии во Франции. *А. Слуцкий.* — 6. Б. И. ГОРЕВ. От Томаса Мора до Ленина. *Вл. Виленский (Сибиряков).*

КАРЛ МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. «Письма», со статьей и прим. т. Адоратского. Изд. „Московский Рабочий". 1923 г.

Когда просматриваешь довольно большое количество всякой «популярной» марксистской литературы, издаваемой нами, очень часто приходится делать заключение о том, что лучшими популяризаторами марксизма были Маркс и Энгельс.

«Письма» являются ярким доказательством этого: ясность мысли, четкость формулировки, простота изложения. Письма представляют собой богатейшее литературное наследство. В переписке затронуты и освещены самые трудные вопросы философии, политической экономии, естествознания, истории и т. д. и т. п.

Письма представляют собой громадную ценность еще и потому, что в них отражается самое рождение теории, программы и тактики борьбы пролетариата. Целый ряд писем представляют собой наброски, схемы, до сих пор исчерпывающим образом не использованные. Таково, напр., письмо Энгельса к Марксу от 30 мая 73 г. по поводу «диалектического построения естественных наук».

Письма отражают сферу научной детальности Маркса и Энгельса. Весь сборник писем дает яркий ответ на вопрос, как нужно подойти пролетариату к завоеванию буржуазной науки. Все научные богатства буржуазии, в какой бы области они ни были (в математике, естествознании, истории и т. п.), пересматриваются с фундаментальным их изучением, с изъятием из-под идеалистических декораций, идеологических извращений истинно-научного зерна, очищенного диалектическим материализмом от всякой шелухи.

К какому бы вопросу Маркс и Энгельс ни подходили (а к какому они не подходили?), в их переписке отражается колоссальная работа по исчерпывающему ознакомлению со всеми материалами и источниками.

Каждое письмо—образец, по которому можно учиться марксистскому мышлению и действию. Все равно—будь то письмо о понятии святости у первобытного человека или об оценке Мадзини.

Но это в области теории. А тактика пролетариата? На ряду с блестящим анализом событий и прогнозом их (декабрьский переворот 51 г., движение Мадзини, Коммуна 71 г., Польша, Россия и т. п.), каждое письмо—урок пролетарской тактики. Письма представляют собой лучшее средство для разоблачения тех марксистов, которые думают, что можно быть марксистом и не коммунистом.

Письма представляют собой яркое доказательство, что еще в 50—60 годах Маркс и Энгельс создали тактику про-

летарской борьбы, извращенную меньшевиками и социал-соглашателями всего мира и выношенную, примененную и проверенную Р. К. П. в ходе революции.

Еще и сейчас, после 5 лет революции, письма дают уроки сегодняшнему дню. Методы разоблачения классовых противоречий на конкретной работе буржуазии, ее партии и правительств (письмо 23, 93), решительная борьба с мелко-буржуазными течениями, партиями, вождями и уклонами в самой партии (1, 5, 9, 89, 143), вплоть до безбоязненного решения в известных исторических условиях, остается в одиночестве (10, 17), четкая ясность в вопросах взаимоотношений класса, партии, штаба, вождей (10, 12), разрешение всех вопросов текущей политики, с точки зрения интересов создания массового движения, роль крестьянских движений в пролетарской революции (16, 38, 23), роль колониальных движений (128, 154) и начала пролетарской военной стратегии, создания революционных армий (195) и т. д. и т. п.

Эти письма должны стать настольной книгой для всех марксистских кружков, партшкол и тех товарищей, которые не имеют достаточного досуга для чтения. Лучше прочитать этот том писем, чем десяток книг и журналов текущей литературы, которым даже по свежести далеко до этих писем.

Прекрасным введением к изучению писем является статья т. Адоратского.

Сжато, ясно на протяжении 62 страниц он дает исчерпывающее изложение метода диалектического материализма и революционной тактики Маркса.

Систематизированные им правила диалектического материализма (стран. XXXIII) и основные положения революционной тактики марксизма (стр. XIX) являются отличным пособием для приведения в ясность и систему многого написанного и проделанного в этой области партией.

Сборник писем необходимо ввести как учебное пособие во всех наших губ. партшколах, коммуниверситетах.

С нетерпением будем ждать дополнительного тома.

Из отрицательных сторон сборника укажем на то, что автор, очевидно, был стеснен предуказанными ему размерами сборника, что повлекло за собой иногда весьма досадные сокращения. Так, напр., из письма от 29 VI—91 г. Энгельса к Каутскому дан весьма незначительный, и притом не существенный, отрывок и опущены: характеристика концентрации капитала и весьма ценные и интересные, по своей злободневности, заметки о федерации, автономии и т. д.

Предметный указатель составлен очень (слишком) экономно и не дает достаточно возможности ориентироваться в богатом материале писем.

Вместе с тем, мы полагаем, давно пора приступить к изданию всей переписки Маркса и Энгельса.

В стране, где пролетариат 6-й год у власти, стыдновато не позволить себе такой роскоши.

Г. И. Бройдо.

С. Ю. СЕМКОВСКИЙ. Марксистская хрестоматия. Пособие для преподавателей и студентов. Часть 1-я. Державне Видавництво Украіни. Катеринослав—Харків. 1922. Стр. 584.

Потребность в сборниках, составленных из отрывков классических произведений марксистской литературы, в настоящее время очень велика. Подобные сборники должны вводить в изучение марксизма по его первоисточникам, делать так, чтобы мысли Маркса и Энгельса становились более доступными широким кругам. Хрестоматию, составленную С. Ю. Семковским, нельзя признать вполне удовлетворительной. Книга очень объемиста, а в таких сборниках надо экономить место. При 584 страницах большого формата—полное отсутствие какого бы то ни было указателя, за исключением 16 строчек весьма краткого оглавления. Но при своей величине сборник страдает неполнотой. Отсутствует ряд ярких и сжатых формулировок, которые должны быть обязательно приведены во всяком подобном издании. Например, нет отрывка из письма Маркса к Вейдемейеру, прекрасно излагающего в нескольких строках сущность теории классовой борьбы Маркса. Неиспользовано место из предисловия Энгельса к Мани-

фесту, издания 1883 года, где очень сжато и удачно излагается сущность исторической теории Маркса. Это первые попавшиеся примеры, взятые наудачу. Для такого сборника непременно должен быть использован «Капитал». Вообще, правильнее отводить больше места самим Марксу и Энгельсу.

Совершенно излишне загружать сборник такими выписками, как, например, сомнительные рассуждения Ш. Андлера (стр. 554) с формулировками и терминологией, способными породить путаницу («*метафизический* смысл философии марксизма»). Излишне также обилие выписок из Гортера: «Исторический материализм»-книги, далеко не отличающейся классичностью формулировок. Излишни чрезмерно длинные выписки из брошюры Каутского «К. Маркс и его историческое значение» (стр. 120—126; 144—149; 545—551; 566—567)—брошюры слишком академичной. В свое время, в противовес этой брошюре вышла брошюра Клары Цеткин «Карл Маркс и дело его жизни», являющаяся образцовой популяризацией. Эта брошюра совсем не использована. Но это—мелочь.

Гораздо существеннее, что совершенно отсутствует ряд чрезвычайно важных проблем. Совсем, например, не освещен вопрос о диктатуре пролетариата. Не использованы ни «критика Готской программы», ни «Гражданская война во Франции», ни письма к Кугельману, ни сочинения Ленина. Если не ограничиваться одними сочинениями Маркса и Энгельса, а привлекать и других марксистов и продолжателей дела Маркса, то в таком случае необходимо воспользоваться многими отрывками из сочинений Ленина.

На странице 248 приводится выписка из предисловия Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» о ходе буржуазных революций. Это место обычно используют меньшевики. Приводя это место, надо его соответственно пояснить.

По поводу этого предисловия Каутский в своей брошюре «Путь к власти» приводит выписку из письма Энгельса к нему от 25 марта 1895 г., где Энгельс, давая согласие на напечатание своего предисловия в журнале «Neue Zeit», замечает: «Мой текст несколько пострадал под влиянием опасений наших берлинских друзей,—опасений, вызванных боязнью проекта исключительного закона; мне, конечно, при настоящих обстоятельствах пришлось считаться с ними». Каутский замечает ниже, что Энгельс, оставаясь по существу на непримиримой позиции, все же должен был выражаться возможно сдержаннее.

Если говорить о революции, то нельзя ограничиваться рассуждениями о буржуазной революции, а надо говорить и о пролетарской революции, и это тем более необходимо, что первое относится к прошлому, второе же является настоящим. У Маркса и Энгельса можно найти много мест, освещающих этот вопрос.

«Хрестоматия» Семковского — первая попытка; при переиздании надо исправить ее недостатки; надо быть более строгим в выборе отрывков; экономить место; не загружать чрезмерным количеством иллюстраций; осветить более подробно вопросы классовой борьбы, вопрос о диктатуре пролетариата, о переходном периоде; использовать шире сочинения Маркса, Энгельса и Ленина. Непременно надо снабжать подобные сборники подробными указателями, чтобы облегчить пользование ими.

В. Адоратский.

Проф. В. В. СВЯТЛОВСКИЙ. История социализма. Конспект лекций. Издат. «Былое». Петр. 1922 г. Стр. 240.

Книга В. В. Святловского представляет собой не «конспект лекций», как скромно назвал ее автор, а связную историю социалистических учений с древнейших времен до Маркса включительно, и как к таковой и нужно предъявлять к ней требования. С этой точки зрения поражает в книге отсутствие какой-либо системы, какого-либо принципиального критерия в подборе и группировке материала, в выборе и расположении тех или иных имен. С типичной профессорской «ученостью» в такой небольшой книжке даются биографии и характеристики малоизвестных и не имевших влияния социалистов, как Томас Спенс; в ка-

честве предшественников научного социализма вытаскиваются на свет божий не только Родбертус, но даже Фихте; и в то же время мы совершенно не находим таких имен, как Прудон и Бакунин, сыгравших огромную, хотя чисто-отрицательную роль в развитии социалистического миросозерцания рабочих романских стран. Далее, глава о «социализме в Англии», затрагивающая конец XVIII и начало XIX в., стоит совершенно в стороне от Оуэна и отделена от него главой о Кабэ. Личной биографии Сен-Симона, имеющей очень мало общего с его учением, отводится непропорционально много места, очевидно, ради ее «занимательности». Наконец, не только Родбертус, но *даже Лассаль* занимает место *до* Маркса, как его предшественник, хотя он сам называл себя учеником Маркса.

Кроме того, вся история социализма заканчивается Марксом. Хотя научные симпатии автора, повидимому, на стороне Маркса, но марксизму, как учению, у него посвящено $2^1/_2$ страницы, имеющие, действительно, конспективный характер, а на следующих *трех страницах*, носящих заглавие «Ф. Энгельс и школа Маркса», даются сведения о марксистских партиях в Европе до 1922 г.

Если книга представляет собою *незаконченный курс* лекций, читанных автором, то не следовало ее издавать в таком виде, или во всяком случае не следовало давать ей громкое название «Истории социализма».

Что касается содержания книги, то, поскольку она лишь излагает общепринятые характеристики, это сделано вполне литературно. Но там, где автор пытается давать нечто свое, самостоятельное, он нередко или сообщает неверные вещи, или впадает в противоречия с самим собою. Такова во многих отношениях неверная, во всяком случае неполная, характеристика утопического социализма, который представляется уже слишком наивным и упрощенным. Такова, в частности, противоречивая и неправильная оценка Кабэ. На стр. 118 мы читаем, что «влияние его учения на французский пролетариат того времени было весьма значительно», а на стр. 154 последователи Кабэ, или «икарийцы», так же, как сенсимонисты и фурьеристы, «представляли собою небольшие разрозненные... кружки писателей, врачей, инженеров, банкиров и рантье, к которым изредка примыкали и представители мелкой буржуазии».

Итак, охватившее десятки тысяч рабочих движение «икарийских коммунистов» тоже представляется праздной забавой «банкиров и рантье».

Вот эта-то небрежность, плохо прикрываемая внешним аппаратом «учености», т.-е. массой забытых и даже ненужных имен и обилием библиографических указаний, и является характерной чертой книги проф. Святловского.

Впрочем, эта последняя особенность, именно подробная библиография, дополненная указателями (к каждой главе) соответственной литературы на русском языке, искупает отчасти перечисленные недостатки книги, и в качестве *справочника* по истории социализма до Маркса она может принести известную пользу.

Б. Горев.

АРК. А-Н. Шарль Фурье. Его личность, учение и социальная система. Моск. Отд. Госуд. Изд. 1922 г. Стр. 200.

Фурье принадлежит к тем великим умам, идеи которых особенно уместно вспомнить в наше глубоко интересное время. Между тем до сих пор у нас не было книги, которая давала бы достаточно исчерпывающую характеристику его учения. Книга Ш. Жида, представляющая хрестоматию из сочинений Фурье, и неполна и лишена необходимых исторических и критических комментариев. А интересная во многих отношениях книга Бебеля написана настолько бессистемно, что оставляет читателя в значительной мере неудовлетворенным.

Вышедшая недавно книга Арк. Ана, автора очерков о рабочем движении в Европе в XIX в., несомненно, восполняет этот пробел. Составленная отчасти на основании подлинных со-

чинений Фурье (главным образом, «Theorie de quatre mouvements»), отчасти по Жиду, Бебелю и другим источникам, она в стройном и систематическом виде, легким и живым языком излагает биографию Фурье, его гениальную критику современной цивилизации, общие основы учения и миросозерцания Фурье, в том числе его теорию страстей и, наконец, особенно подробно его систему гармонии и кооперации, иначе говоря—фалангу. Попутно автор дает некоторые справки о предшественниках Фурье и удачно иллюстрирует его идеи применением их у позднейших марксистских писателей, особенно Каутского и Лафарга. При этом автор не ограничивается простым изложением идей Фурье, а дает также их критику и оценку и указывает на то влияние, которое имело на него французская революция.

Впрочем, историческая часть несколько хромает у автора. Его книге не хватает широкого исторического фона. Другим важным пробелом является полное отсутствие в книге характеристики важнейших последователей Фурье во Франции и Америке (не говоря уже о России), равно как сведений об американских опытах с созданием фаланстеров.

Все же та задача, которою автор сознательно ограничил себя, а именно—дать критическое изложение учения самого Фурье, по возможности его собственными словами, выполнена им очень хорошо, и в этом отношении его книга является наиболее полной и обстоятельной работой о Фурье, из имеющихся на русском языке (подробный список всех этих работ приложен в конце книги). Издана она весьма прилично и снабжена удачным портретом.

Б. Горев.

ПОЛЬ ЛУИ. История социалистической партии во Франции (1871—1914). Перевод с французского. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 55.

«Социалистическая партия... является матерью-прародительницей нашей коммунистической партии... Желая распространить в рабочих массах наши материалы и документы, мы ставили себе задачей... широко распространить сведения о нашей партии», так заявляет автор в введении к своему краткому этюду, посвященному 35 годам (1871—1914 гг.) французского социализма. Но напрасно бы пытался читатель, ознакомившись с настоящей брошюрой, представить себе действительную историю социалистической партии за период до войны.

Это происходит оттого, что П. Луи поставил себе слишком узкие рамки «краткого этюда», отчего изложение вышло схематичным и неполным, а увлечение желанием дать «сведения о партии», а не насаждение «исторической эрудиции» привело к внешнему изложению фактов, без освещения их под соответствующим углом зрения, без анализа причин и той исторической обстановки, в которой действовала социалистическая партия Франции.

Трудно дать историю социалистической партии, особенно французской, столь богатой событиями, проследить ее идеологическое и тактическое формирование за довольно продолжительный период времени в маленькой брошюре на 55 страницах. П. Луи занялся внешней описательной историей, регистрирующей только факты, без анализа их. А это привело к тому, что автор изображает, например, пресловутый «мильеранизм», как результат «отсутствия совести в некоторых якобы социалистических кругах» (стр. 16), а формирование французского социализма—следствием процесса Геда и произнесенных на нем речей.

Этот же схематизм и краткость помешали автору, знатоку французского социалистического движения, ярко обрисовать многочисленные фракции французского социализма до объединения партии, их идеологические и тактические отличия, raison d'être их существования.

П. Луи приводит данные о количестве голосов, собранных этими фракциями на различных выборах, но у него нет данных о том, из каких социальных групп вырастали эти фракции, что, несомненно, многое бы разъяснило читателю. Обрисовывая партию после объединения 1904 г. до войны, П. Луи недостаточно

рельефно подчеркнул ее реформистские уклоны и ее здоровые революционно-марксистские тенденции.

Трудно понять социалистическое движение Франции без знакомства с синдикализмом, с одной стороны, условиями его развития в рамках буржуазной республики—с другой. А об этом ничего нет в брошюре. Таким образом, «История социалистической партии во Франции» П. Луи является кратким историческим очерком, этюдом, а не историей партии.

Но, несмотря на указанные недостатки, брошюрка интересна для русского читателя, и особенно тем, что дает достаточный материал по первоисточникам из истории французской партии. Это относится особенно ко второй ее части, где приведены декларация объединенной партии, ее устав, выдержки из резолюций всех национальных конгрессов по наиболее существенным вопросам. Все эти материалы дают возможность читателю сделать необходимые выводы о французской социалистической партии. Уже по этим кратким выдержкам из резолюций конгресса обнаруживаются те грехи партии, которые особенно дали себя чувствовать во время войны и привели к распаду социалистическое движение.

Несмотря на указанные недостатки, брошюра, переведенная популярным языком, легко читается и может служить пособием по истории социализма.

Д. Слуцкий.

Б. И. ГОРЕВ. От Томаса Мора до Ленина. 1516—1917. Популярные очерки по истории социализма в биографиях и характеристиках. 2-е издание. Издательство Л. Д. Френкеля. Москва. 1922. Тираж 7.500 экз., 119 стр.

Перед нами книжка, которая выходит вторым изданием, причем первое издание, по сообщению автора в его предисловии ко второму изданию, разошлось в течение месяца. Это свидетельствует о том, что книжка Горева нашла своего читателя и что спрос на такую книжку на нашем книжном рынке большой.

Книжка Горева—популярные очерки по истории социализма в биографиях и характеристиках. Это дает возможность автору сочетать в исторической последовательности ряд социалистических доктрин и имен деятелей социализма, а главное—дать это сочетание в интересной и живой форме биографий и характеристик.

«От Томаса Мора до Ленина»—это история социализма за последние 400 лет. Томас Мор—великий утопист-коммунист, который на заре капитализма дает теоретическое обоснование социализма. Это—первая попытка, быть-может, не совсем удачная, но именно первая, поэтому имеющая для нас большое историческое значение. Ленин—это жгучая современность, которую современный пытливый ум пытается сопоставить с прошлым, найти сходство, преемственность и дать ей оценку в контексте с общей историей социализма.

Систематик-историк, вероятно, будет недоволен работой Горева в силу того, что она представляет механическое сочетание имен деятелей социализма: утопического и научного, европейского и русского, без общепринятой классификации. Но автор рецензируемой нами книжки ищет внутреннего сродства и внутренней связности. Для него история социализма—путь «единый, хотя и извилистый и мучительный, путь развития, исканий и борьбы, путь, становящийся все более международным», который идет через утопистов, могучую теорию Маркса, заветы Бабефа и Бланки, революционную страстность Бакунина, спокойный и деловой расчет Чернышевского и завершающийся Лениным, который может быть назван «русским Бабефом», вооруженным научной теорией Маркса и природным чутьем действительности и, сверх того, впитавшим в себя всю революционную сущность старого русского народничества и весь огромный опыт европейской классовой борьбы и русского революционного движения.

То обстоятельство, что автор во втором издании ввел очерк, посвященный К. Каутскому, еще больше оттеняет характеристику Ленина и делает ее более выпуклой на фоне растерянности и колебаний, которые были проявлены Каутским после начала мировой войны, когда перед социалистами встал роковой

вопрос о том, что делать рабочему классу в новой исторической обстановке. Каутский и Ленин—оба ученики и последователи Маркса. Первый отказался от методов революционного действия и стал брюзжать и безнадежно топтаться на одном месте. Ленин принял методы революционного действия и сделался всемирно-исторической фигурой, вождем мирового пролетариата.

Интересно написаны характеристики Прудона, Карла Маркса, Бакунина. Вообще книжка написана живо.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. «Международная Жизнь». Журнал № 15 (133). *М. Брагинский.* **— 2. В. СТАНКЕВИЧ. Россия и Германия.. Прошлое, настоящее, будущее.** *Ф. Калелюш.* **— 3. Р. Ф. ПЕТТИГРУ. Торжествующая плутократия.** *В. Виленский (Сибиряков).* **— 4. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны.** *В. Кряжин.*

ПЯТЬ ЛЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. «Международная Жизнь». № 15 (133), 7 ноября 1922 г. Изд. Н. К. И. Д. Стр. 66.

Очередной номер «Международной Жизни» заслуживает быть особо отмеченным. Несмотря на небольшой объем помещенных в нем статей, рассматривающих отдельные стороны нашей международной политики, основные линии последней вычерчены авторами с достаточной выпуклостью, и в результате их коллективного труда получилась цельная и ясная картина борьбы и достижений Советской власти на арене мировой политики.

Есть, однако, в сборнике одно весьма досадное исключение. Это—статья т. Сабанина: «Советская власть и международное право». На ней нам приходится остановиться подробнее, как потому, что она идет совершенно в разрез с идеологическими построениями авторов всех остальных статей, так и потому, что она сама по себе способна породить в уме читателя крупные недоразумения.

Автор взял на себя крайне неблагодарную задачу доказать («оставаясь в пределах заглавия», добавляет он при этом), что действующее, так называемое, международное право является самостоятельной научной дисциплиной. В защиту «науки международного права» т. Сабанин ничего лучшего не мог привести, как указание на то, что Советская власть, аннулировавшая XVI томов Свода Зак. Российской империи, «признала вместе с тем возможным и *соответствующим своим идеологическим предпосылкам* сохранить для своих внешних правовых отношений в силе *основные* положения международного права и ссылаться на них в заявлениях своей дипломатии» (курсив везде наш. *М. Б.*). Эта мысль показалась автору, очевидно, столь убедительной, что вслед за этим он с победоносным видом восклицает: «Не есть ли это лучшее доказательство устойчивости международного права, как науки?»

Однако, автор достаточно предусмотрителен, чтобы предвидеть само собою напрашивающееся возражение, «что подобный образ действий Советской власти лежит до некоторой степени вне ее воли, в необходимости» и т. д. Возражение, кажется, вполне основательное. Но т. Сабанин, нисколько не задумываясь, парирует его следующей поистине изумительной тирадой: «Но, с одной стороны, такое рассуждение недопустимо *с точки зрения элементарного уважения к мощи и решимости Советской власти* (!) (курсив наш), с другой же стороны, мы видим, что некоторые существенные элементы международного права, как, например, права посольства, договорное право

получают свое выявление также и во взаимоотношениях советских государств между собою, т.-е. во взаимоотношениях, в которых упомянутое выше понятие вынужденности не может, казалось бы, иметь место» (стр. 10).

Не будем останавливаться на второй части приведенной цитаты. Уподобление значения «договорного права» и «права посольства» во взаимных отношениях буржуазных стран и значения тех же «прав» во взаимоотношениях советских государств — слишком явная натяжка, пустая словесность, не заслуживающая того, чтобы останавливаться на ней. Но вот опорочивание приведенного выше возражения указанием на то, что оно якобы свидетельствует о недостаточном уважении к Советской власти,—прием совершенно неожиданный.

Факт, однако, остается фактом: в капиталистическом окружении Советская власть действительно вынуждена, и не только «до некоторой степени», а порою и в полной мере, мириться с некоторыми обычаями и нормами так называемого международного права. Этого никто от себя не скрывает и прежде всего не скрывают этого вожди Советской власти.

Ведь заявляет же без всякого смущения т. Чичерин в статье «За пять лет», которой открывается рецензируемый нами сборник: «Когда мы (после Бреста) обменивались дружественными приветствиями с представителями императорского германского правительства, мы все время знали, что оно готовит нам гибель» (стр. 4). Надо ли приводить более яркий пример *вынужденной* для нас необходимости считаться с традиционными формами международного права. И, однако, т. Сабанин, конечно, не найдет в приведенном заявлении и тени неуважения к Советской власти.

Скажут, что это заявление относится к моменту, когда Советская власть была действительно слаба, едва только становилась на ноги. Но ведь и сейчас Советская власть, уже внутренне окрепшая и прочная, по признанию даже ее врагов, вынуждена, однако, садиться на конференциях за общий стол с Керзоном, Пуанкаре, Муссолини, которые в жажде удушения Советской России не уступят Вильгельму II. И если советским делегациям на конференциях приходится вести разговоры с такими мало почтенными джентльменами, то это не ее вина, а ее беда.

Мы не будем далее следить за наукообразными попытками автора и его упорной тенденцией установить какую-то преемственность между международными выступлениями советской дипломатии и обычаями и нормами действующего международного права. Укажем лишь, что в той же статье т. Сабанина приводится не мало международно-правовых актов советской дипломатии, которые совершенно опрокидывают ветхое здание той мнимой науки, которую наш автор берет под свою защиту от нападок со стороны поверхностных наблюдателей.

Это здание прежде других затрещало под ударами Октябрьской революции и явно обречено на полное (и притом в первую голову) крушение со всеми другими классово-идеологическими надстройками капиталистического мира.

Буржуазной международно-правовой идеологии противостоит, как непримиримо враждебная сила, «то новое государственное сознание», о котором говорится в упомянутой уже нами статье т. Чичерина «За пять лет» и «которое послужило психологической спайкой и пружиной вновь народившегося рабоче-крестьянского государства». С чувством глубокого удовлетворения и в выражениях, исполненных благоговения к жертвенным подвигам революционных борцов и славной Красной армии, говорит т. Чичерин о пройденном Советской Россией за пять лет крестном пути, в исходе которого первая рабоче-крестьянская республика «вступила, как великая рабоче-крестьянская держава, в коллектив европейских государств и стала принимать участие во всех международных делах, в частности, в попытках улажения мирового кризиса».

Вынужденная в капиталистическом окружении пользоваться традиционными обычаями и формулами международного общения, Советская власть, однако, последовательно и настойчиво проводит свои международно-правовые принципы, столь же резко расходящиеся с принци-

пами буржуазного права, как принципы советско-социалистического строя расходятся с принципами буржуазно-капиталистического режима. И в этом смысле с полным основанием заявляет т. Чичерин, что «среди невероятно пестрой игры неустойчивых сил (западных держав) и их вечных шатаний, колебаний и перегруппировок советское правительство одно обладает твердой и устойчивой политикой».

В следующей статье сборника: «Международный пролетариат, как союзник Советской России», т. Иорданский группирует те акты советского правительства, которые коренным образом изменяют господствующую доктрину буржуазного международного права и расшатывают его традиционные устои в самом основании. Официальные непосредственные обращения советского правительства, через головы буржуазных правительств, к трудящимся массам Запада кладут резкую грань между советской дипломатией и дипломатией буржуазного мира и начинают собою новую эру в истории международного общения. Они привели к тому прочному союзу Советской республики с международным пролетариатом, который, по справедливому замечанию автора, в своем роде является «первым, как в летописях дипломатической истории, так и в летописях международного движения». Отмечая целый ряд выступлений международного пролетариата в защиту российской революции от хищников империализма, автор приходит к весьма важным выводам, подчеркивающим глубокий переворот, вызванный политикой Советской власти в области международно-правовых отношений. «Союз,—пишет т. Иорданский, — приобрел значение нового могущественного фактора наступающего периода в истории человечества... Возникновение первой в мире социалистической республики и животворная сила коммунистических идей вызвали рабочий класс в качестве прямого участника на арену международной борьбы и показали ему его решающее значение в судьбах народов... Участие пролетариата в международных отношениях, благодаря пятилетнему существованию Советской власти, стало непреложным завоеванием, непререкаемым правом, от которого рабочие массы уже никогда не откажутся вплоть до полного торжества рабочего класса». Ясно, что чем решительнее и шире будет становиться роль этих новых факторов, властно вторгающихся в оставшуюся для них до сих пор запретной область дипломатии, тем быстрее традиционное буржуазное международное право будет приближаться к своему полному и неизбежному банкротству.

К сожалению, ограниченность места не позволяет нам остановиться на остальных интересных статьях сборника. Отметим только среди них статью т. Майского, давшего удачное резюме пятилетних отношений между Россией и государствами Антанты; статью т. Осетрова «Отражение Октябрьской революции на Востоке», где отчетливо намечены основные моменты политики Советской власти в восточных странах, и прекрасно написанную статью т. Игельстрома: «Россия и окраинные государства».

В заключение хотелось бы еще обратить особое внимание на живо и ярко написанные статьи т. Залкинда («Из первых месяцев деятельности Н.К.И.Д.») и т. Симонова («Три с половиной года советского дипломатического представительства»), которые читаются с захватывающим интересом.

М. Брагинский

В. СТАНКЕВИЧ. Россия и Германия. Прошлое, настоящее, будущее. Русское универсальное издательство. Берлин. 1922 г Стр. 120.

Книга написана живым, увлекательным языком; ей нельзя также отказать в содержательности и интересе. Но в ней господствует самая откровенная пацифистская маниловщина. Для автора словно и не бывало теории экономического материализма, он — сознательно или бессознательно — совершенно игнорирует ее там, где даже буржуазные историки вынуждены подчеркивать экономический базис. Но именно это и делает для нас эту книгу поучительной— так сказать, как доказательство от противного.

Так как эта заграничная книжка вряд ли попадет в руки нашего читателя, мы считаем не лишним привести из нее характерные выдержки.

«Трагический кризис» наступил в России от давления извне, от войны: «от чудовищного военного напряжения получился взрыв». Автор приводит это в связь с Петром I, с Щербатовым, Радищевым, Чаадаевым и др., с тем, отмеченным уже профессором Ключевским, несоответствием, что вместе с ростом внешней силы народа у нас все более стеснялась его внутренняя свобода. «Не естественно ли укладывается в эту схему знаменитое «SOS» Андреева, посылавшего миру от имени старой русской культуры сигнал гибели в тот момент, когда русский народ взял власть в свои руки». Как понимать эти умничающие, схематизирующие громкие фразы? Автор ссылается на Ключевского, что русский народ ценой своей собственной свободы заплатил за покорение чужих стран, но почему это знаменитое «SOS» должно означать, что, когда русский народ взял власть в свои руки, это равносильно гибели культуры? Казалось бы, наоборот: это равносильно освобождению покоренных народов! Или же автор вместе с Андреевым выступает за допетровскую «старую русскую культуру»? Это было бы, по крайней мере, последовательно.

Впрочем, все эти мертвые, симметрические «схемы» получают страницей дальше вполне реальный смысл, быть-может, неожиданно для самого автора. «Был ли,—спрашивает он,—путь сближения власти с народом? (Какой потусторонний стиль? О каком это внеклассовом народе идет речь? Совершенно нововременская стилизация. *Ф. К.)* Во всяком случае, путь непосредственных политических реформ не приводил к примирению. Тот курс, который был взят первой государственной думой, если бы его выдержать последовательно, привел бы, как мы видим теперь, к анархии и развалу, неизбежным при разгаре аграрной революции в земледельческой стране. Несомненно, более здоровой и верной была столыпинская реформа». Итак, вот где торчит копыто дьявола.

Однако, в полном несоответствии с этими столыпинскими симпатиями, автор продолжает: «Старая Россия уже не оживет! В России более немыслима власть, которая могла бы править против народа. Если при прежнем строе и укладе всей русской жизни самое народное по форме (что сие означает? Тоже нововременщина? *Ф. К.)* правительство могло быть по существу антинародным, то теперь самое антинародное по форме правительство вынуждено будет по существу осуществлять народную программу. Петровский период русской истории безвозвратно кончился». Страсть как любит наш автор «схемы».

Так же схематичен подход автора к Германии. В России он констатирует «недостаток государственности», в Германии же гипертрофия инстинктов государственности создала «социал-демократическую партию государственников par excellence». Этим же автор объясняет «самое поразительное в истории Германии, ее политическую устойчивость в дни поражения и смуты, несмотря на отчаянную пропаганду коммунистов». Как видим, и здесь автор остается верен самому себе: классового анализа у него не ищи. Он вообще уверяет, что в Германии не Стиннес и не Шейдеман, а «сам народ правит собой»...

Анализируя злободневный ныне вопрос о проливах и Константинополе, автор находит, что экономические интересы обеспечения свободной торговли могли иметь здесь место при Петре, но не теперь; стратегические соображения тоже не выдерживают критики, так что для России остается только идеологическая византийская традиция, и, в конце-концов, получается следующий абсурд или, как выражается автор, замкнутое кольцо политической диалектики.

С Германией нужно воевать, так как России нужно отнять у Турции Константинополь.

С Турцией надо воевать, так как она является агентом Германии.

Это «кольцо», этот холостой ход истории не лишен своего рода фельетонной пикантности и может, пожалуй, сослужить службу для проповеди пацифизма, которой посвящена вся книжка В. Станкевича. Однако, достаточно вспомнить хотя бы про мосульскую нефть, чтобы увидеть, как абсурдно

игнорировать конкретную экономическую подоплеку в столь важной проблеме мирового империализма, как вопрос о Константинополе и проливах. Можно допустить, что вопрос о свободном проходе торговых судов через проливы не играет теперь существенной роли; однако, экономический базис империализма гораздо шире и этим одним не исчерпывается.

«Поскольку на восток продвигались немецкие купцы, фабриканты, банкиры,—все это не выходило из рамок развития международных отношений, которое характеризует всю нашу эпоху. Но стоило только вмешаться политикам и публицистам, как дело сразу приняло трагический оборот». Это—классическая маниловщина. Так проповедники буржуазного пацифизма понимают современный империализм: экономическая его сторона—вообще невинная вещь, а политическая — выдумка журналистов. «Страх перед чужим ростом и беспокойство по поводу своего собственного роста—это вера дикаря, что в жизни имеется только один выбор: или самому съесть соседа, или быть съеденным им». Нет, гр. Станкевич, это вы рассуждаете как Пятница и Робинзон Крузо, занесенные на необитаемый остров, вне условий времени и места.

Впрочем, как это ни странно, этот абсурд находит себе отчасти оправдание. А именно—в другом абсурде, в ультрапатриотических под научным соусом заявлениях у нас перед войной: «Германия опутывает Россию своими экономическими сетями», «Россия превращается в германскую колонию» и т. д. Между прочим, автор вспоминает, что во время войны Милюков писал о необходимости присоединить к России (Польше) даже Кенигсберг. «Теперь кажется просто невероятным, как могли быть написаны подобные слова»... Да, не напрасно глава у Станкевича озаглавлена: «Уроки войны».

Автор, следуя по стопам Норман Энджеля, пытается доказать, что экономический антагонизм народов такая же бессмыслица, «как, например, противоречие интересов Псковской и Тверской губерний». «Два десятка новых отелей в Константинополе, небольшие колонии иностранцев в Багдаде, Дамаске и Смирне, толпа бойких комиссионеров, груды пересылаемых товаров,—вот все, что нужно для самой широкой и всесторонней экспансии». Автор старательно избегает слова «империализм», но здесь в сущности дается анекдотическая пародия на империализм. «Груды пересылаемых товаров» в качестве quantité negligeable характерны для автора. (Впрочем, мы сами не преувеличиваем значения *товарного* экспорта в колониальные страны). «Пароходные линии, гавани, доки и т. д., нужные для одной страны, могут одновременно прекрасно обслуживать и другую», распинается наш проповедник пацифизма. Могут-то могут, но почему-то во всем буржуазном мире это не так, и даже в пустынях Африки немцы и англичане проводили соперничающие *параллельные* железнодорожные линии, затрачивали на них уйму денег, а грузов-то не было. Это автору кажется абсурдом, но одним убеждением тут ничего не поделаешь. За этим кроются сложные экономические причины; излагать их здесь не позволяет недостаток места, отсылаем читателя к трудам тов. Павловича.

Хорошо изложено у автора, как в России формула «активная внешняя политика нуждается во внешних реформах» переходила в свою противоположность, в формулу: «ссора с внешним врагом заставит власть примириться с народом». Хорошо изложено, как русские националисты, Струве и Милюковы, «невольно подделывались под тон пангерманских писаний». Очень хорошо доказывается, что ныне непосредственной границы между Россией и Германией нет, и что целый ряд новых государств между ними не создал границ, которые могут считаться военными, с точки зрения современной техники. Политические комбинации и союзы не упрощают, а усложняют дело. В самом деле комбинации:

Россия и Польша против Германии,
Германия и Россия против Польши,
Германия и Украина против России,
Россия и Польша против Украины...
и т. д. и т. д.

могут калейдоскопически сменять друг друга. Единственный выход автор видит в общем договоре о разоружении.

Но как добиться этого? К сожалению, автор лишь вскользь приводит «злорадно-

пессимистическое» предсказание Ленина: *«Европа умеет воевать, но она не сумеет кончить войны»*, хотя признает, что здесь «имеется тревожащая доля правды». Противоречия современного капитализма и империализма нельзя разрешить маниловщиной, и очень уж оптимистична и утопична возможность, что «пусть рассеется угар ожесточения, пусть уляжется раздражение, и создатели Версальского договора своими же руками первые устранят недостатки его».

Заглавие книги В. Станкевича не совсем оправдывается ее содержанием. Те, кто ищут в ней конкретных данных о возможности дальнейшего развития торгового и политического союза между Россией и Германией в определенных условиях нашего времени, будут разочарованы.

Ф. Капелюш.

Р. Ф. ПЕТТИГРУ. Торжествующая плутократия. Перевод с английского под редакцией Д. А. Ихока с предисловием Б. Горева. Издание „Московский Рабочий". Москва. 1922 г. 392 стр. Издано в кол. 10.000 экземпляров.

Книга Петтигру—обвинительный акт капиталистической Америке. Эта книга не блещет литературными достоинствами, но она убийственна по тому огромному количеству фактов и документов, которыми бывший американский сенатор Петтигру клеймит правящий класс так наз. «великой заокеанской демократии».

Еще совсем недавно в Америке наделала большой шум книга священника Брауна, который плюнул в лицо американскому «обществу», и последнее обругало Брауна «епископом большевизма и атеизма». Петтигру выступает в качестве обвинителя, и его обвинения базируются на его личном участии в делах правящей Америки, он знает всю ту правительственную кухню, на которой «делается» американская политика.

Петтигру имеет почти полвека непосредственного участия в американской общественной жизни; ему сейчас восьмой десяток лет. За это время он побывал на самых разнообразных ступенях должностной лестницы Америки, начиная от члена местного самоуправления штата Южная Дакота, кончая американским сенатом, где Петтигру заседал около двенадцати лет. Он очень популярен, ему лично известно большинство общественной и правительственной Америки; когда он говорит, что он лично знал последних десять американских президентов, то это только подчеркивает его осведомленность в закулисных тайниках американского правящего мира.

Наконец, Петтигру сам активный общественный деятель. Достаточно прочесть книгу, чтобы видеть десятки стенограмм его выступлений по самым разнообразным вопросам в Сенате. При чем эти выступления не просто случайные выступления. Нет, это активная борьба политического деятеля, который ведет упорную борьбу за известные ему цели.

Какие же это цели?

Центральной идеей Петтигру является утверждение, что современными Соединенными Штатами управляет капитал, а «капитал,—говорит Петтигру,—есть украденный труд, и единственная функция капитала—это украсть как можно больше труда». Основной вывод его книги: «Соединенные Штаты играют с огнем. Они делают опыты с негодной социальной системой, которая многократно уже была испробована в течение 3—4 тысяч лет и каждый раз способствовала лишь разрушению цивилизации. Формы эксперимента были различны, но в основных чертах они одинаковы. И общей чертой их является эксплуатация чужого труда, которая до Октябрьской революции лежала в основе всякого общества, яркие образцы чего дает Америка.

Интересно здесь то, что к этим выводам приходит Петтигру—типичный мелкий буржуа, явившийся в американский сенат представителем от фермеров штата Южная Дакота и честно отстаивавший там интересы своих избирателей против акул американского капиталистического мира. Он—утопист-идеалист, и прав автор предисловия к русскому переводу Б. Горев, который пишет: «Для Петтигру—и это еще со времени Прудона типично для мелко-буржуазного мышления—деньги, денежные си-

стемы, кредит,—все это не функция капиталистического общества, не его орудия, а какие-то самодовлеющие сущности, какие-то фетиши, которых он боится и заклинает». Действительно, всякий читающий книгу Петтигру должен поразиться тому почти суеверному отношению его к могуществу банков, равно как и ненависти к адвокатам. Причиной этого являются, несомненно, отражение страха к этим двум институтам капиталистического мира со стороны мелкого производителя-фермера, интересы которого защищал Петтигру.

Защищая биметаллизм, выступая против трестов и т. п., Петтигру во всех случаях, на протяжении долгих лет являлся типичным выразителем интересов американского фермера. Но тем интереснее его беспощадная критика капиталистического общества, получившего свое наивысшее выражение в современной Америке. Тем интереснее его выводы, к которым он приходит.

Он пишет: «Общество захвачено и эксплуатируется представителями капитала и во имя его выгоды—концентрация капиталов в руках банкиров, их махинации с деньгами для их собственной пользы, тарифы, фигурирующие в виде утвержденной конгрессом награды кучки людей, грабящих большинство, бесстыдное и беспечное накопление капитала, безграничная сила магнатов железных дорог и других монополистов общественных доходов; жестокое равнодушие этих представителей частной собственности к общественному благополучию и благосостоянию народных масс,—когда я над всеми этими данными задумывался, я мог прийти только к одному выводу, что власть над американской общественной жизнью, как политической, так экономической и социальной, находится в руках бесчестных людей. Плутократия есть слово для обозначения правления богатых для богатых. Соединенные Штаты—страна, управляемая богатыми для богатых. Поэтому это—страна плутократии. Плутократии торжествующей, ибо несколько богачей владеют Соединенными Штатами и, торжествуя, направляют их общественную политику».

Для подтверждения своей мысли Петтигру приводит цифровые данные, характеризующие распределение имущества в Соединенных Штатах по докладу промышленной комиссии в 1915 году:

Класс.	Число.	%	Среднее состояние.	Общее состояние.	%
Богачи	2.000.000	2	42.000	84.000.000.000	60
Средний класс .	33.000.000	33	1.480	49.000.000.000	35
Бедняки	65.000.000	65	107	7.000.000.000	5
Всего	100.000.000	100	1.400	140.000.000.000	100

Правительство, сенат, парламент — орудия в руках плутократии. Железнодорожные магнаты, банкиры и стальные короли—вот кто управляет Соединенными Штатами и диктует свою волю правительству. Правительство—«комиссионная контора» американских миллиардеров.

С особой ожесточенностью Петтигру клеймит беспринципных адвокатов, которые являются наемниками плутократии. В парламенте их находится 66,7%, в сенате—67,4%. Он пишет: «Адвокаты являются агентами дельцов, они никогда не задавались вопросом: что нужнее для общественного благополучия? Их интересует лишь вопрос, чего хотят мои клиэнты, и потому их деятельность направлена к удовлетворению интересов частных собственников, а не рабочих». И автор дает ряд фактов, свидетельствующих о той продажности правящего сословия,

которая существует в «великой заокеанской демократии». Там нет взятки, но есть гонорар, при помощи которого всесильный капитал покупает себе надежных слуг в лице правительственных чиновников.

Петтигру рисует сенат, две трети которого являются служащими трестов, способных на все, что им прикажет капитал. Судьи, по определению автора, являются худшими врагами правосудия и величайшей угрозой свободному режиму».

Автор не щадит президентов, которых он «лично знал» и про которых он рассказывает убийственные вещи. Президент Клевеленд — пьяница, Мак-Кинлей — клятвопреступник, Вильсон — упрямый и коварный тупица, Рузвельт—хвастун и шарлатан...

Безотрадную картину рисуют свидетельские показания Петтигру и в отношении американской «общественности». На республиканскую и демократическую партии трудящихся Соединенных Штатов рассчитывать нечего — эти партии,—говорит Петтигру,—за время моего двенадцатилетнего пребывания в сенате не внесли ни одного законопроекта, направленного на защиту интересов трудящихся. Но и Американская Федерация Труда, во главе которой стоит пресловутый Гомперс, получает убийственную оценку.

Петтигру пишет:

«Я убежден, что он—сторонник способов борьбы против больших забастовок и что стачки, рекомендуемые ими, затеваются больше в интересах капиталистов, чем рабочих», и далее: «Я скоро пришел к выводу, что С. Гомперс и Американская Федерация Труда представляют нечто в роде треста. Я нашел, что Гомперс отстаивает интересы предпринимателей». Это дает основание Петтигру открыто называть С. Гомперса «наемным слугою буржуазии».

Не меньший интерес представляют те страницы книги Петтигру, где он вскрывает закулисную сторону империалистической политики Америки, начиная с истории с захватом Гавая, Мексики и Кубы и кончая участием Америки в мировой империалистической войне.

Если вообще роль Соединенных Штатов Америки в качестве мировой державы сейчас колоссально возросла, и последняя, являясь кредитором Европы, по существу представляет наиважнейший фактор мировой политики, то в приложении к международной обстановке Восточного полушария роль Америки исключительна. Для того, кто прочитает книгу Петтигру, станет многое понятным из тех пружин империалистической политики, которую Америка сейчас ведет.

Империалистическая война на Западе кончилась. Америка в лице Вильсона выдвинула проект «Лиги Наций», но Петтигру не верит в эту затею капиталистического мира и называет «Лигой для продолжения войны». И он направляет свои взоры в сторону Великой русской революции. «Русская революция,— говорит он,—величайшее событие настоящего времени, она обозначает начало новой эпохи».

Для Петтигру Советская Россия указала народам путь, по которому им надлежит итти. Здесь интересно его сопоставление Советской России с Америкой. Он сравнивает пресловутую «американскую демократию» с результатами русской революции и делает вывод, что не современной «американской демократии» рассуждать о том, что большевики не осуществили своей программы. Петтигру предлагает вспомнить, что русская революция уничтожила институт частной собственности.

Вероятно, американские правящие сферы и та американская «общественность», которая обслуживает эти сферы, проклянут Петтигру, объявят его «выжившим из ума стариком», но, тем не менее, его книга—это обвинительный акт капиталистическому обществу, наиболее ярким воплощением которого являются Соединенные Штаты Америки. И поскольку Петтигру противопоставляет капиталистической Америке Советскую Россию, постольку его книга является не только суровой критикой прошлого, но одновременно она указывает тот путь, куда должны держать курс все, кто борется с торжествующей плутократией.

Русский читатель должен прочитать эту книгу, из нее он может извлечь много

интересных фактов о современной капиталистической Америке, для того, чтобы сопоставить капитализм с теми новыми формами, которые сейчас кристаллизуются в процессе нашего хозяйственного строительства в первой в мире республике рабочих и крестьян.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ГРЕЦИЯ В ЭПОХУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. По секретным материалам б. мин. иностр. дел с приложением копий дипломатических документов. Под редакцией и со вступительной статьей Е. А. Адамова. Изд. Наркоминдела. Москва. 1922 г. Стр. 336.

Рецензируемая книга дает нам неоценимую возможность разобраться в динамике империализма, т.-е. документально точно установить те методы, при помощи которых великие державы устанавливают свое господство на Ближнем Востоке. Пример Греции, попавшей на свое несчастье в орбиту политики западных держав уже сто лет тому назад, является как нельзя более удачным.

Вступительная статья Е. Адамова «Европейские державы и Греция» дает сжатый очерк возникновения последней и ее политической эволюции вплоть до настоящего времени. Уже с 90-х годов XVIII века в Греции происходит борьба влияний: русского и британского. Вся борьба Греции за независимость происходит под знаком этого антагонизма. Последовательно, Россия и Англия устраивают государственные перевороты, выдвигают на важнейшие посты своих прямых агентов, устраняют противников посредством убийств и т. п. Некоторые этапы этой борьбы России с Англией буквально повторяются в последующие десятилетия XIX века. Так, например, мы знаем, что когда во время кампании 1877—78 гг. русские войска вплотную подступили к Константинополю, то в Мраморное море вошла английская эскадра, после чего русским пришлось ретироваться; но точь в точь то же самое происходило в 1829 году, когда Дибич подступал к Константинополю—в Босфор на всех парах входила великобританская эскадра. В настоящее время английская эскадра значительно опередила русскую армию, но революционная Россия, на этот раз совместно с Турцией, упорно ведут дипломатическое контр-наступление на Англию. История, действительно, иногда повторяется...

В 30-х годах в судьбах Греции заинтересовывается Франция, а во второй половине XIX века—Германия и Италия, и, таким образом, Греция становится точкой приложения империалистических интересов и влияний всех великих держав.

При наличии этой постоянной международной конъюнктуры понятно, что политическая жизнь Греции получила крайне уродливый характер. Политические партии Греции, которых кстати великое множество, отличаются одна от другой не столько программами, сколько ориентацией на ту или иную великую державу. За их спиной всей жизнью маленькой Греции заправляют эти последние. Достаточно привести один красочный пример: в 1843 году одна из греческих партий, под непосредственным руководством английского посла Лайонса, производит в Афинах «революцию» под забавным лозунгом «долой министров иностранцев (баварцев) и да здравствует конституционное правительство» (т.-е. английская партия). Спустя 10 лет, по тому же рецепту производится новый переворот: король объявляется низложенным; заместитель его должен быть выбран греками, но по указанию англичан. В ожидании же этого временное правительство составляется из... болгар.

Центр всей книги занимает политика великих держав в Греции во время мировой войны. Этому периоду посвящена наибольшая часть очерка Е. Адамова, при чем яркими иллюстрациями к очерку является дипломатическая переписка по греческим делам, обнимающая время с начала 1915 года и по октябрь 1917 года. Именно эти телеграфные донесения представителей царской России: в Афинах (Демидов), в Париже (Извольский), Лондоне и Риме и составляют главную ценность рецензируемой книги.

Какова же была политика Антанты в Греции в первые три года мировой войны? Как известно, Греция категорически отказалась принять участие в разыгравшемся мировом конфликте. Греческий народ слишком устал от предшествовавших двух балканских войн, страна была обессилена, и популярность короля Константина объясняется как раз тем, что он упорно сопротивлялся вовлечению Греции в войну дипломатией Антанты и агентом последней—Венизелосом.

Какая же приманка была выставлена Антантой для того, чтобы вывести Грецию из состояния нейтралитета? Как оказывается, союзники обещали Греции Константинополь, уже уступленный ими по секретному соглашению 1917 г. России. Константинополь, таким образом, служил одновременно средством обольщения Афин и Петербурга.

Греческий народ и его правительство, однако, не пошли на эти посулы и начинается упорная борьба за нейтралитет, происходящая с необычайным упорством в течение трех лет. Нет тех способов, к которым не прибегли бы союзники для вовлечения Греции в войну. Блокада, политическая провокация, оккупация Салоник и значительной части территории Греции, наконец, создание революционного правительства, возглавляемого Венизелосом, действующим кстати... от имени Константина,—таковы последовательные этапы политики Антанты в беззащитной Греции. Любопытно, что даже Демидов, этот матерый царский дипломат, чувствует себя несколько сконфуженным от хозяйничанья союзников в чужой стране. После одного ультиматума, переданного афинскому кабинету, он замечает: «Трудно в самом деле требовать, чтобы правительство (греческое) письменно обязалось допустить у себя действия, идущие прямо в разрез со всякими правами нейтралитета». В дальнейших донесениях Демидова эта нота сомнения повторяется все чаще и чаще.

Наиболее активную роль играет в греческих делах Франция. Именно Бриан, по словам Демидова, «взял на себя инициативу поистине чудовищного плана — голодом вынудить Грецию к отказу от нейтралитета» и, не дожидаясь согласия остальных союзников, принял меры для стеснения доставки продовольствия в Грецию. Венизелос, этот «великий панэллинский патриот», в этот период является пешкой в руках Франции, которая ссужает ему два миллиона франков на предмет пропаганды в войсках и удовлетворяет его патриотическую просьбу о присылке французской эскадры в Пирей. Зависимость «революционного» правительства, созданного на деньги французов от Антанты, была так велика, что, по его собственному признанию, Греция была низведена на «степень рекрутского отделения» для союзников.

Но каковы же были истинные цели, руководившие французской дипломатией в Греции? Документы, приложенные к книге, совершенно неопровержимо доказывают, что Франция далеко не ограничивала своей задачи выведением Греции из состояния нейтралитета; на самом деле она систематически стремилась установить над ней свою военную и политическую гегемонию. Эти французские планы вызывают тревогу не только в России, но и в Англии и в Италии. Однако, компенсируя Италию в Эпире и определенно шантажируя близорукую царскую дипломатию, Франция беспрепятственно осуществляет свои замыслы. Цинизм в выборе средств для нажима на Грецию, проявляемый при этом Францией, удивляет не только нас, но даже царскую дипломатию. Достаточно сказать, что в инструкциях, посланных Брианом французскому посланнику в Афинах, фигурируют: десант, разрушение бомбардировкой с моря мостов через Коринфский залив, а в случае упорства греков бомбардировка Саламинского арсенала, уничтожение греческого военного флота и занятие Афин. Несколько позже французский дипломат в Афинах заявляет даже о предложении адмирала Дартижа бомбардировать Афины. Если сопоставить с этим французские высокопарные разглагольствования о варварах-бошах, разрушивших Реймс и Лувен, то получится возможность измерить всю глубину лицемерия французских империалистов—защитников культуры и искусства.

Шаг за шагом французы приближаются в Афинах к достижению намеченной ими

цели: под предлогом обеспечения с тыла салоникской армии, они демобилизуют греческие войска и реквизуют все оружие; греческий флот уже ранее целиком попал в их руки. Остается лишь переменить политические декорации и вместо «изменника» Константина—передать всю правительственную власть в руки верного Венизелоса. Попытки вызвать внутренний переворот оканчиваются полным крахом: население, нежелающее воевать, побивает в уличных боях в Афинах и венизелистов и их защитников французов. Остаются два способа: десант и голодная блокада. Даже наш Николай II не выдерживает французской марки и на одном из донесений Извольского пишет: «я называю это полным вмешательством в дела Греции. Очень скользкий путь». Что касается до Демидова, то он совершенно правильно оценивает складывающееся положение вещей, указывая, что события ведут к «будущему экономическому и политическому закабалению Греции Францией».

Последняя, однако, не обращает внимания на эти робкие протесты. Устанавливается свирепая блокада мирного греческого народа, вызывающая *смертные случаи*. Когда греческое правительство указывает на это, французская дипломатия цинически заявляет, что «если блокада вызвала смертные случаи, то это является следствием неправильного распределения припасов, и что судьба блокируемых ее не разжалобит, раз король и королевская семья продолжают попрежнему посещать вечера и зрелища и предаваться всякого рода увеселениям».

Обработав таким образом почву, французы, наконец, приступают к решительным действиям. В Афины командируется чрезвычайный комиссар Жоннар, который и производит государственный переворот, т.-е. низлагает несговорчивого Константина. «Поход на безоружную мирную Грецию», по характеристике Демидова, окончился. Начинается стремительное экономическое завоевание страны. Жоннар сообщает, что он приступит к осуществлению обширной военно-промышленной программы; он намечает создание в стране новых отраслей промышленности, устройство фабрик для изготовления обуви, сукна и прочее. Действительно, короткое время спустя, в Афины прибывает французская финансовая миссия, во главе с самим Сержаном, вице-директором государственного французского банка. Так, вслед за военно-политическим завоеванием страны, немедленно начинается ее экономическое закабаление.

Англия, конечно, не выдерживает вида этой идиллической картины. Она круто меняет свою тактику: вместо прежнего, правда нерешительного, противодействия Венизелосу, она берет его под свое покровительство, т.-е., как правильно указывает Е. Адамов, «начинает бороться с конкуренцией своей решительной союзницы ее же оружием».

Одновременно Ллойд-Джордж решается на временное удаление Константина, но с тем, чтобы он затем возвратился, конечно, к величайшему ущербу для Франции. Дальнейшие события, выходящие хронологически за рамки настоящей книги, доказали, насколько правильными оказались эти расчеты английской дипломатии.

Краткое содержание новой публикации Нар. Ком. по Иностранным Делам, мне думается, достаточно показывает, насколько она важна и ценна, притом не только для уяснения современной политической действительности на Ближнем Востоке, но и для оценки и изучения общих методов империализма. Сжатый и чисто деловой очерк Е. Адамова прекрасно ориентирует читателя в объемистой дипломатической переписке, которая занимает целых 233 стр. убористого текста. Чрезвычайно облегчает пользование последней предметный указатель, приложенный к книге.

В статье встречаются кое-какие чисто фактические промахи. Так, Е. Адамов указывает, что быстрый рост французских интересов в Турции (в 90-х годах), в частности ввоз товаров, заставил правительство Франции приняться за восстановление ее прежнего влияния на Востоке (стр. 22). На самом деле, в этот период мы видим огромный рост французских *финансовых* интересов в Турции, при беспрерывно падающих торговых сношениях. Говоря о борьбе кемалистов в 1919—20 гг., автор указывает лишь на два фронта: греческий и армянский,

совершенно забывая о третьем чрезвычайно важном фронте—французском в Киликии и т. д. Несколько неприятно действуют черезчур претенциозные подзаголовки отдельных глав очерка, например: «настал день славы», «Медовый месяц» и т. п. Чрезвычайно дельная статья благодаря этому получает какой-то специфически - фельетонный душок, совершенно не идущий к ней. Наконец, к сожалению, книга пестрит грубейшими, опечатками: довольно мудрено, напр., прочесть в «Le jonan de la gloire estarile» строфу из марсельезы.

В. Кряжин.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. ДЖ. М. КЕЙНС. Пересмотр мирного договора. *С. Членов.* — **2. М. НАХИМСОН. Мировое хозяйство до и после войны. Т. I. Мировое хозяйство перед войной.** *Ф. Капелюш.* — **3. Проф. М. И. БОГОЛЕПОВ. Европа во власти кризиса.** *С. Членов.* — **4. С. О. ЗАГОРСКИЙ. Международные экономические проблемы.** *М. Зеликман.* — **5. Проф. ГУСТАВ КАССЕЛЬ. Мировая денежная проблема.** *А. Кон.* — **6. Проф. А. К. ЛАХТИН. Кривые распределения и построения для интерполяционных формул по способам Пирсона и Брунса.** *В. А. Костицын.* — **7. Н. И. ЩЕТИНИН. Что надо знать земледельцу о почве.** *А. Бессер.*

ДЖ. М. КЕЙНС. Пересмотр мирного договора. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. Стр. 144. (Перевод с английского Д. П. Кончаловского).

Вышеназванная книга Д. М. Кейнса представляет собой продолжение его знаменитой книги «Экономические последствия мирного договора».

Автор правильно отмечает, что вторая книга представляет собой даже не столько продолжение первой, сколько приложение к ней. Ничего принципиально нового в ней нет.

Кейнс систематизирует в своей новой работе факты и данные, собранные за 2 года, прошедшие между выходом первой книги и окончанием второй, и дает богатый материал «для рационального обсуждения проблемы репараций».

Проблемы Версальского договора, вопросы о репарациях и санкциях сейчас встали на очередь с необычайной остротой. Пуанкаре и Тардье, которых Кейнс называет «дикими людьми», снова поставили Европу перед угрозой войны. «Их появление у власти,—писал Кейнс больше года назад,—нарушило бы мир Европы, прежде чем они были бы вынуждены отказаться от нее». Эти слова оказались пророческими. Равным образом, оказалась пророческой вся пессимистическая часть первой книги Кейнса и—увы!—не сбылось ничего из ее оптимистической или, вернее, утопической части.

И горькой иронией звучат сейчас, когда французские войска заняли Рурскую область, слова, написанные Кейнсом уже в его второй книге: «В чувствах общества за последние два года произошла огромная перемена. Тяга к спокойной жизни, к смягчению изоляции, к спокойным отношениям с соседями становится все более значительной. Мегалломания, вызванная войной, исчезла без следа, и всякий старается согласовать свою жизнь с фактическими условиями. Вот почему статьи Версальского договора, касающиеся возмещения убытков, теряют свое значение. Теперь уже почти не приходится беспокоиться о губительных последствиях их применения».

Эта цитата лишний раз показывает, что, говоря о современной нам эпохе, никогда нельзя быть в достаточной степени пессимистом.

Переходя к обзору содержания книги Кейнса, мы должны отметить ее насыщенность фактическим материалом.

Книга начинается маленькой написанной с хорошим английским юмором главой об «общественном мнении». Дальше

идет историческая глава, охватывающая события от ратификации Версальского договора (10 января 1920 года) до второго Лондонского ультиматума—5 мая 1921 г. (Публике этот второй ультиматум известен под названием просто «Лондонского ультиматума», ибо первый ультиматум (в марте 1921 г.) практических следствий не имел и сейчас уже забыт).

Ко второй главе приложены два экскурса, сейчас особенно интересных: 1-й «об угле», а 2-й «о правомерности оккупации Германии к востоку от Рейна». В этом последнем Кейнс весьма убедительно доказывает, что союзники не имеют ни малейшего права оккупировать правый берег Рейна «в случае предполагаемого или действительного нарушения Версальского договора со стороны Германии», и что такого рода действия противоречат этому договору. Однако, сам Кейнс меланхолически замечает, что «уважение к законности ныне вышло из моды».

Третья глава посвящена детальному и весьма интересному анализу платежного бремени, возложенного на Германию лондонским соглашением. Это соглашение есть, так сказать, действующее право в вопросе о германских обязательствах, и его детальный анализ представляет актуальный интерес.

Резюме Кейнса таково: «Лондонское соглашение, правда, дало Германии возможность передышки до конца 1921 года, но длительным оно стать не может так же, как соглашение, ему предшествовавшее». Любопытно, что в своих расчетах Кейнс принимает, что одна золотая марка равна 20 бумажным. Между тем до последнего вторжения французов курс колебался между 1700 и 2000 бумажных марок за золотую марку. От этого, конечно, выполнимость лондонских условий стала гораздо проблематичнее.

Экскурсы III и IV посвящены Висбаденскому соглашению и курсу марки. Прогноз Кейнса о судьбе последнего таков: «Если нынешнее обесценение марки будет продолжаться, и уровень цен приспособится к нему, то вытекающее отсюда перераспределение богатств между различными классами общества превратится в социальную катастрофу. С другой стороны, если курс марки восстановится, то исчезновение нынешнего стимула к промышленной деятельности и биржевому ажиотажу—этих следствий обесценения марки, может привести к финансовой катастрофе».

В дальнейших главах Кейнс анализирует «счет репараций», пытается установить, что именно союзники уже получили от Германии (до 1 мая 1921 г.) и как распределили между собой.

Глава о «репарациях, взаимной задолженности союзников и международной торговле» затрагивает общий вопрос о влиянии репарационных платежей и взыскания долгов на работу механизма мирового хозяйства и дает по этому поводу некоторые интересные соображения.

В заключение Кейнс дает свой план «пересмотра мирного договора и устройства Европы».

Резюме его формулируется автором так:

«1) Великобритания и, если—возможно, также Америка аннулируют все долги европейских правительств и отказываются от всякой доли в германских репарациях; 2) Германия уплачивает 1260 миллионов золотых марок ежегодно в течение 30 лет и предоставляет круглую сумму в 1000 золотых марок в качестве вспомоществования Польше и Австрии; 3) из ежегодного платежа Германии 1080 золотых марок получает Франция, а 180 миллионов—Бельгия».

Англия, как видит читатель, по плану Кейнса не получает ничего из платежей Германии (по лондонскому соглашению Великобритания получает 22% всех поступлений) и отказывается от взыскания долгов с союзников.

Но Кейнс резонно замечает: «У Англии просят только, чтобы она отказалась от того, чего она все равно не получит никаким способом. Но, если этого не будет сделано, то ее требования, равно как требования Америки, останутся без удовлетворения, с той лишь разницей, что отношения между народами будут в конец испорчены».

К книге приложены 8 официальных документов и таблица взаимной задолженности правительств.

С. Членов.

Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege. Band I. Die Weltwirtschaft vor dem Kriege. Von Dr. M. Nachimson. Berlin. 1922.

М. НАХИМСОН. Мировое хозяйство до и после войны. Том I. Мировое хозяйство перед войной. Берлин. 1922 г. Стр. 211.

В предисловии автор сообщает, что он в свое время был первым занявшим критическую позицию по отношению к «финансовому капиталу» Гильфердинга и что предлагаемое обследование первоисточников было задумано им еще в то время. Он прибавляет, что нашел сходящиеся со своими взгляды на роль картелей и банков в современном хозяйстве у Финн-Енотаевского в его книге «Маркс и современный социализм», Петроград, 1922 г.

Автор начинает с изложения проблемы воспроизводства капитала по Марксу. В связи с этим излагается также теория Розы Люксембург. «Реализация прибавочной стоимости в целях накопления немыслима в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих», говорит Р. Люксембург. Она считает, что рабочие и капиталисты могут сами реализировать только переменный капитал и использованную часть постоянного капитала, но ни в коем случае не ту часть прибавочной стоимости, которая капитализуется. В этих условиях невозможен требуемый развитием органического состава капитала более быстрый рост темпа производства средств производства сравнительно с ростом темпа производства средств потребления [1]). Люксембург приходит к заключению, что реализация прибавочной стоимости обязательно предполагает существование некапиталистических производителей и потребителей. Другими словами, что колонии являются имманентным условием, conditio sine qua non для капиталистического накопления. Она делает Марксу упрек, что он со своей схемой имел в виду только переход от простого производства к расширенному...

Автор считает, что решение проблемы Розой Люксембург вовсе не есть решение, ибо товары и капитал вывозятся в колонии не без эквивалента и, кроме того, на деле колонии дают промышленным странам гораздо более товаров, чем получают от них. Помещение капитала в колониях есть лишь другая сторона того же самого процесса воспроизводства капитала в метрополии. А главный аргумент дан самим Марксом («Капитал», III том, 1 часть, стр. 238, нем. изд.): «Вывоз капитала имеет место не потому, что капиталу абсолютно невозможно быть полностью помещенным в стране, а потому, что он может быть помещен за границей по более высокой норме прибыли».

Между прочим, Вернер Зомбарт выставил диаметрально-противоположный теории Р. Люксембург «закон падения доли экспорта».

В 1913—14 гг. капитал германских акционерных обществ составлял 19,78 миллиардов, из этой цифры только 416 миллионов, т.-е. 2%, приходилось на заграницу. А из всего капитала Германии находилась за границей только $^1/_{10}$. Цифры эти тоже убеждают автора, что «для этих 416 миллионов нашлось бы применение и в самой Германии», в особенности имея в виду жилищный голод и т. д.

В главе о картельной ренте автор возражает против Гильфердинга, видящего предел картельной цели в емкости рынка и в высоте нормы прибыли некартелированной индустрии. Уже Бауер доказывал, что для картелей выгодны высокие цены даже при условии сокращения потребления. Что касается предела в виде нормы прибыли некартелированной индустрии, то автор указывает, что в период дороговизны она сама повышается и поэтому не может служить пределом. А в общем Нахимсон принципиально высказывается в том смысле, что полная монополизация рынка в промышленности невозможна. Картельная цена определяется у него издержками производства при наинеблагоприятных условиях, а именно, преимущественно у некартели-

[1]) «Das raschere Wachstum der Abteilung I im Vergleich zur Abteilung II ist somit innerhalb des Marxschen Schemas schlechterdings nicht zu erreichen» (R. Luxemburg, Akkumulation des Kapitals. 1913. Стр. 310—311).

рованных производителей. За последние два десятилетия перед войной товарные цены все поднимались, несмотря на усовершенствование техники производства; технический прогресс служил только на пользу картелей. Автор приводит цифры «разводнения» капитала в американских трестах: стальной трест выпустил бумаг на 1402 миллиона, из них, однако, реальных ценностей было только на 682 миллиона. В этой «воде» и проявляется, по автору, картельная рента. Эти огромные прибыли, — говорит автор, — проистекают не от повышения цен, а от понижения издержек производства.

За исключением вышеприведенных нами слов автора из предисловия, да разве еще вопроса относительно картельной цены, автор сам нигде не подчеркивает, в чем заключается его расхождение с Гильфердингом, предоставляет самому читателю делать этот вывод. Мы не решаемся утверждать, что теория дифференциальной картельной ренты должна, по мысли автора, заменить собой учредительскую прибыль Гильфердинга.

Впрочем, при анализе конкретных условий Германии, автор, в противоположность своей теории, допускает, что некартелированные угольные шахты часто работают в более благоприятных условиях, чем синдикат, не несут его расходов и извлекают выгоду из устанавливаемых им высоких цен. На основании анализа цифр автор, вопреки вышеприведенному его положению (огромные прибыли картелей проистекают не от повышения цен), приходит к выводу, что картели были одной из важнейших причин наступившей к концу XIX века волны дороговизны.

Цена жирного угля в Эссене за 1911—1913 гг. поднялась в сравнении с 1876 г. ровно на 100%, тогда как английская экспортная цена за то же время поднялась только на 14%. Из этих цифр автор делает вывод, что вздорожание угля в Германии было делом угольного синдиката. На одном угле получалась в довоенной Германии картельная рента свыше 622 миллионов марок в год.

Впрочем, «повидимому, издержки производства действительно поднялись», говорит автор не в главе о дороговизне, а об «иммобилизации капитала». По данным прусского горного ведомства, себестоимость тонны саарского угля составляла в 1887 г. 5,71 марок, в 1910—9,99 м. Автор ссылается также на то, что применение машин в угольном деле Германии увеличилось вдвое, а между тем производительность поднялась лишь крайне незначительно. Объясняется это у автора, в частности, тем, что по мере углубления шахты издержки добычи увеличиваются; в металлургии с глубиной уменьшается доля содержания железа в руде. В Соед. Штатах за 1899—1914 гг. капитал, вложенный в доменные печи, утроился, а производство увеличилось лишь на 62% (число печей уменьшилось на 27,8%, число рабочих—на 33,6%).

С половины 90-х годов вплоть до войны капитализм всего мира переживает период бури и натиска, колоссально увеличивается производство и—как полагает автор, вследствие роста спроса—беспрерывно растут цены. Отто Бауер и Каутский высказали предположение, что добыча золота стала дешевле, благодаря этому поднялись товарные цены. Автор на основании цифр доказывает, что повышение золотого запаса банков было слишком мало в сравнении с увеличившимся оборотом народного хозяйства: так, например, от 1895 до 1910 г. золотые запасы эмиссионных банков и обращение банковых билетов увеличились на 21%, а внешняя торговля Англии—на 72%. Автор ставит вопрос: поднялись ли издержки производства в земледелии или мировое снабжение хлебом было недостаточно? Что из этих двух факторов было причиной дороговизны? Ответ: развитие мирового посева хлебов шло скорее, чем рост народонаселения. Одним из важнейших моментов дороговизны—также для Европы—является то, что американское земледелие начинает переходить к интенсивным методам и продвигается с востока все более на запад, свободных земель становится все меньше. Из американских цифр автор приходит к заключению, что интенсивное земледелие менее продуктивно, чем экстенсивное. Итак, производительность упала в последнее время как в горном деле, так и в сельском хозяйстве.

Из цифр увеличения производства угля, железа, стали в Америке, Англии, Германии автор приходит к выводу, что «внутреннее развитие гораздо более быстро подвинулось вперед, чем мировое». Если Англия и Германия подошли уже к тому пункту развития, когда внешний рынок получает очень важное значение, то другие страны лишь консолидируются в качестве капиталистических, в них рост основного капитала опережает рост производства средств потребления и рост внешней торговли. Их спрос на машины еще не насыщен.

Если б дороговизна распространялась равномерно на все предметы, она была бы иллюзорна. Но фактически продукты питания и сырье вздорожали больше, чем фабрикаты. Цена земли в Соед. Штатах поднялась за 1900—1910 гг. на 100%. С другой стороны, сам канцлер Гогенлоэ заявил в рейхстаге (25, III, 1895), что только 21% сельско-хозяйственного населения заинтересованы в высоких хлебных ценах. Дороговизна кормовых средств задерживает развитие скотоводства. Соответственно, мелкие участки до 20 акров поднялись в Штатах в цене на 69%, а латифундии свыше 1000 акров—на 168,7%; то же наблюдается и в Германии. Итак, выигрывают получатели земельной ренты. Только картели в состоянии противостоять этому. Козлом отпущения является некартелированная индустрия. Отсюда—союз картелированной тяжелой индустрии с крупным землевладением,—основа экономической и политической реакции. Крестьянство поддерживает эту реакцию, соблазняемое высокими ценами на овощи, мясо и молоко; однако, это—самообман. Только поскольку кооперация действительно дает крестьянству возможность участвовать в повышенных прибылях, оно тоже делается соучастником картельной ренты эксплуататоров. Автор находит, что кооперация превратилась здесь в орудие реакции. Обрабатывающая промышленность спасается от дороговизны сырья, вступая в вертикальные комбинаты с тяжелой индустрией. Кто же, в конце-концов, несет на своей спине всю тяжесть дороговизны? Пролетариат. Анкета английского правительства установила для 88 городов Англии, что розничные цены жизненных припасов поднялись за 1905—1912 гг. на 13,7%, квартирная плата—на 1,8%, общая цифра расходов—на 11,3%, тогда как заработная плата поднялась только на 1,9—4,1%. С 1900 г. реальная заработная плата падает в Германии на 20%, в Англии—на 8%.

Еще до войны, с середины 1913 г. на мировых рынках начинается реакция, а во Франции и России, отчасти также в Англии и Америке, наступает даже кризис. Германия тоже была накануне внутреннего кризиса перепроизводства. Это облегчило ей вступление в войну. Во время Алжесирасского конфликта Вильгельм на свой вопрос к банкам, подготовлены ли они к европейской войне, получил отрицательный ответ. Тогда была эпоха экономического преуспеяния, и война была не в интересах банков. Вильгельм предупредил банки, чтоб «в следующий раз они дали другой ответ», т.-е., другими словами, чтобы они укрепили свою позицию. Действительно, с тех пор имперский банк старается собрать золото в своих кассах и оказывает в этом же духе давление на частные банки. В 1914 г. банковый специалист Гехт признается в «Берлинер Тагеблатт», что банки и промышленность ожидают от войны подъема. Война послужила громоотводом против надвигающегося кризиса.

В главе о характере последней экономической эпохи автор становится на оригинальную точку зрения, действительно расходящуюся с Гильфердингом: он отрицает самый факт существования мирового хозяйства. (Это последнее и теоретически не укладывается «в имеющиеся деления стади.. экономического развития у Бюхера и Шмоллера»; у первого конечная стадия—«народное хозяйство», т.-е. товарное производство, у второго—«государственное хозяйство», в отличие от областного. Однако, эти схоластические деления явно не достаточны.) Фактически же автор считает возможным говорить о мировом хозяйстве лишь в том случае, если внешняя торговля охватывает, по крайней мере, 30—50% производства страны. На самом деле, в 1913 г. в мировой торговле участвовали Англия в размере 16,1%, Германия—12,6%, Со-

единенные Штаты—10,1%, Франция—9%, затем идут Бельгия и Голландия, как страны транзита, потом Россия с 3,5%, Австро-Венгрия с 3,1%, Италия с 2,1%, Швейцария с 1,5%. В мировой торговле активную часть играют только 3—4 государства. Да и вообще большинство европейских стран по своему потреблению угля стоит на той стадии, на которой Англия стояла 60 лет тому назад. В Штатах экспорт фабрикатов не составляет даже $^1/_3$ всего экспорта. Внутренний рынок здесь вполне доминирует. Что касается распределения по частям света, то роль Европы далеко не падает, напротив, повышается, даже в торговле Англии. Внешняя торговля Англии составляет лишь $^1/_4$—$^1/_5$ туземного производства. Экспорт Германии только 17—22%, при чем $^3/_4$ его шли в Европу, даже железа вывозилось из Германии только $^1/_3$. Великая мировая война возгорелась из-за колоний, говорит автор, а между тем колонии играют крайне незначительную роль в торговле капиталистических стран. Эту же мысль автор проводит в книге «Торговые войны и империализм» (на немецком языке). Берн. 1917 г. Довоенная Германия скорее могла говорить об «европейском хозяйстве», нежели о мировом хозяйстве. В этой связи автор возвращается здесь к своей полемике с Р. Люксембург и подчеркивает, что погоня за аграрными рынками вызвана стремлением продать там свои товары выше их стоимости и, таким образом, избежать падения нормы прибыли. Это проявлялось не только перед войной, «а во всей истории капитализма». Отчасти картели вызывают искусственное усиление вывоза за счет внутреннего потребления; это—борьба за сохранение картельной ренты, за монополизирование источников сырья. Это—самая характерная черта последнего периода, основа новейшей империалистской экспансии.

Книга д-ра Нахимсона дает крайне ценный фактический материал. К сожалению, он преподносится не достаточно систематически, в несколько сыром виде. Это затрудняет чтение книги. Точка зрения автора не всегда выясняется с желательной рельефностью. Тем не менее, повторяем, собранный им материал очень важен и можно с большими надеждами ожидать второго тома.

Ф. Капелюш.

Проф. М. И. БОГОЛЕПОВ. Европа во власти кризиса. 1920—1922 гг. Петербург. Издательство «Право». 1922 г. Стр. 136.

Новая работа проф. Боголепова представляет собой переработку его книжки «Европа после войны», вышедшей в 1921 году. Она разбивается на 6 глав, из которых первая характеризует общие условия, в которых очутилось мировое хозяйство после войны. Вторая глава дает картину движения производства, обмена и транспорта в 1920—1922 гг. (до середины последнего).

В третьей главе проф. Боголепов дает довольно подробный обзор движения цен, четвертая—посвящена собственно кризису, пятая—долгам, налогам и дефицитам, шестая—восстановлению экономического равновесия.

У книжки проф. Боголепова две характерных особенности: с одной стороны, обильный, довольно хорошо подобранный и свежий фактический материал; с другой стороны, очень слабый теоретический анализ и неприятно поражающая аморфность всего изложения. Большая и умелая работа ножницами, очень слабая работа анализирующей и обобщающей научной мысли.

Читатель узнает довольно много интересного о том, что происходило в экономике Европы за последние два года, но он вряд ли поймет, почему это происходило.

Но в общем книжку проф. Боголепова стоит прочесть.

С. Членов.

С. О. ЗАГОРСКИЙ, приват-доцент Петроградского университета. Международные экономические проблемы. Факты и идеи. Прага. Издательство «Воля России». 1922 г. Стр. 186.

Хотя в предисловии разбираемой книги автор обещает изложить «идеи» во втором томе (который, очевидно, дол-

жен быть продолжением разбираемой нами книги, не имеющей, между прочим, никакой пометки, что она является первым томом), но, тем не менее, он не может удержаться, чтобы не освещать приводимые им «факты» определенными «идеями». Но прежде о фактах, а об идеях затем.

С. Загорский собрал в книге очень много материала. И в этом отношении следует отметить тот большой труд, который автору пришлось проделать для выборки, систематизации и разработки обильного цифрового материала. Обилие фактических данных по вопросам дезорганизации международного обмена в послевоенный период разразившегося затем экономического кризиса, военной задолженности, расчленения Европы, борьбы за новые рынки,—показывает, что Загорский хотел собрать как можно больше фактов. Довольно обстоятельно проанализирован автором ход кризиса, начавшегося в Японии, обогнувшего затем Новый Свет и перебросившегося вскоре в Европу.

Очерчивая траекторию кризиса, автор попутно приводит довольно интересные данные об экономическом и финансовом развитии Японии, Северо-Американск. Соедин. Штатов и Англии за время войны и послевоенного периода. В этой главе «Кризис 1922 г. и его уроки» Загорский достигает даже некоторой объективности в оценке приводимых им фактов. «Весьма характерно,—правильно замечает автор в начале упомянутой главы,—что кризис прежде всего разразился в странах, наиболее разбогатевших на войне и отличающихся наиболее нормальными экономическими и финансовыми условиями» (страница 53). Продемонстрировав соответствующими данными положение, создавшееся вследствие кризиса в трех экономически сильнейших странах мира, автор опять-таки делает правильный вывод, что «именно эти страны, именно они-то, сильнее стран обедневших и разоренных, оказываются связанными с мировым хозяйством. Эти страны зависят от других стран не менее сильно, чем эти последние от них» (страница 73).

Довольно обстоятельно автор останавливается на вопросе обеднения и разорения Германии, Австрии, на так называемой балканизации Европы, получившейся в результате Версальского мира и всей послевоенной политики победителей. Но все данные, приводимые автором, устарели для настоящего времени, так как они кончаются 1920 годом и в редких случаях, как, например, сведения о количестве безработных в Англии, внешней торговли последней, приводятся за первое полугодие 1921 года. Такой цифровой материал, вследствие своей давности, лишает книгу жгучести затрагиваемого ею вопроса и превращает ее некоторым образом в архивный материал. Какое понятие, например, можно иметь о финансовом положении европейских стран из приведенной в книге стоимости английского фунта стерлингов в 258 германских марок, или 2250 польских марок, или 1525 австрийских крон, когда эти данные не дают даже приблизительного понятия о действительном положении этих валют в настоящее время на международной бирже? То же самое можно сказать о любой приведенной в книге цифре динамического характера. Но данные статического характера (как, например, о территории расчлененной Европы, перераспределении естественных богатств и т. п.) сохраняют, разумеется, всю свою ценность.

Но если приводимые в книге цифровые данные сами по себе интересны, зато курьезны, мягко выражаясь, бывают иногда объяснения, которыми Загорский сопровождает приводимые им данные. Возьмем для образца следующий «научный» анализ цифр. Беря относительное увеличение фунта стерлингов по отношению к валюте некоторых стран (например, к французскому франку, австрийской кроне, польской марке и т. д.), Загорский заключает: «Во Франции теперь за 1 ф. стерл. можно купить то же количество товаров, за какое до войны нужно было заплатить 2 ф. 7 шил. 4 пенс., в Австрии—63 ф. 9 шил. 9 пенс., в Польше—110 ф. 4 шил.» и т. д. (стран. 34). Не дурна арифметика, не правда ли? Она очень упрощена Загорским: в любой данный момент, чтобы найти реальную покупательную силу фунта стерл. на французском, австрийском, польском или другом каком-

нибудь рынке, достаточно разделить количество франков, крон, марок по курсу дня на паритет этих валют по отношению к фунту стерлингов. Полученное от этого деления частное и является, по мнению Загорского, покупательной силой фунта. Такой «научный» подход к анализу цифр может вызвать улыбку у любого, знакомого с четырьмя правилами арифметики Ибо по теории Загорского выходит, что сегодня, когда за фунт стерлингов платят в Берлине 37—38 тысяч марок, за этот фунт стерлингов можно получить теперь в Германии столько же товара, сколько в довоенное время можно было купить за 1850 фунт. приблизительно. Всякому очевидно, что такое рассуждение является, по меньшей мере, абсурдом.

Таков и «научный» подход Загорского к оценке денежной инфляции последних лет. «Денежная система,—читаем мы на стр. 23,—всюду пришла в полное расстройство. Бумажная денежная инфляция охватила все страны. Ей мировое хозяйство в значительной степени обязано тем жестоким кризисом, под влиянием которого оно неослабно находится в течение двух с половиной лет после прекращения войны». Выходит, по Загорскому, что мировой кризис в значительной степени является следствием (?) денежной инфляции, а не наоборот. Мы ограничимся пока приведенными выдержками и теми краткими замечаниями, которые мы сделали по поводу освещения и объяснения Загорским фактов, изложенных им в его книге.

Гораздо хуже обстоят дела с «идеями», которые Загорский пытается выводить из фактов. Через всю книгу автор проводит вполне самое по себе правильную мысль, что современное экономическое развитие достигло той стадии, которая требует замены национальных хозяйственных организмов интернациональной организацией регулирования мирового хозяйства, объединенного в нечто цельное, гармонично связанное. Но рационально организованное мировое хозяйство Загорский, как враг всяких коммунизмов, хочет втиснуть в рамки современного капиталистического хаоса. Он пытается это сделать и так и этак, и, понятно, ничего у него не выходит.

Вот, что мы читаем на 12 странице: «Две идеи, два плана организации мирового хозяйства борются между собою в течение всей войны и после заключения мира. План «экономической войны» и план «Серединной Европы»—на одной стороне и план международного регулирования мирового хозяйства—на другой Осуществление первых двух планов означало сохранение после мира двух враждебных друг другу коалиций, осуществление второй идеи неизбежно ведет к созданию подлинной Лиги Народов. Так как победила вторая «идея», т.-е. Антанта, то, следовательно, по Загорскому должна была наступить идиллия Лиги Народов с ее регулированием мирового хозяйства. Но, поворачивая несколько страниц книги, мы убеждаемся, что от «лиги», долженствовавшей объединить все освободившиеся и самоопределившиеся народы, равно как и от регулирования мирового хозяйства, остается пустое место Вот что мы читаем на странице 18: «Раньше система политического равновесия создавала непрочность и неустойчивость международного положения. Мирный договор привел к другой крайности — к раздроблению, балканизации Европы, к расчленению прежде единых хозяйственных государственных территорий, к атомизированию мирового хозяйства. Новая политика, основанная отчасти на необдуманном в некоторых случаях применении принципа «самоопределения народов», отчасти на вновь обострившихся эгоистических стремлениях отдельных держав, стремящихся использовать расчленение Европы в своих интересах, вызвала еще бо́льшую неустойчивость в политических и экономических международных отношениях». Как видим, «мир», основанный на победе союзников, привел к *расчленению прежде единых хозяйственных территорий, к атомизированию мирового хозяйства*. Но это, видимо, наивно замечает автор, следствие *необдуманного* (хм!) применения принципа самоопределения народов, хотя последнее обстоятельство не мешает Загорскому заявить (очевидно, тоже необдуманно?) на странице 101, что ни для кого не могло быть сомнений в том, что победа держав Согласия неизбежно должна про-

вести к практическому осуществлению принципа самоопределения народов». В то же время автор относится отрицательно к новообразованным государствам на окраинах бывш. Российской империи, замечая, что прибалтийские государственные образования находятся в полной зависимости от покровительствующих им иностранных держав. Здесь автор не преминул, как полагается этому рангу людей, выразить надежду на падение Советской власти, после которой станет-де наглядней необходимость экономического единства России в довоенных границах.

Путаницей мыслей, выводов, противоречивых заявлений разбираемая нами книга чрезвычайно богата. Приведем в конце еще один «перл» из сокровищницы приват-доцента С. О. Загорского: «Только на почве права могут быть закреплены и стабилизованы созревшие уже в мировом хозяйстве новые формы международных экономических отношений, требующих создания Экономической Лиги Народов. Договор о Лиге Народов и ряд постановлений в мирных договорах заключают в себе возможности дальнейшего развития и совершенствования заложенного в них международного права» (стр. 183).

Это в наш-то век безудержного ограбления Германии, циничного натравливания Греции на Турцию, постоянного игнорирования самых элементарных прав угнетенных народностей и т.п. и т.д., Загорские ждут усовершенствования международого права на основании постановления в мирных договорах?.. Блажен, кто верует!

М. Зелкиман.

Проф. ГУСТАВ КАССЕЛЬ. Мировая денежная проблема. Перевод с немецкого, под редакцией проф. С. Членова. В. С. Н. Х. Отд. Ред. Изд. Москва. 1922. Стр. VIII+91.

Имя профессора Стокгольмского университета Густава Касселя приобрело большую популярность в Европе и особенно в Германии.

Этой популярностью проф. Кассель обязан не сомнительной глубине своей теоретической мысли и даже не эрудиции в области денежных вопросов. Стокгольмский профессор на ряду с Джоном Мейнардом Кейнсом и Нормэном Энджеллом является в настоящее время одним из крупнейших представителей фритредерства. В период ограбления Германии, обложения ее бременем непосильных репараций, стеснения ее торговли и разрушения ее промышленности, каждый «союзный» или «нейтральный» представитель теории, проповедующий братство и равенство наций и призывающий к созданию условий, обеспечивающих свободное развитие всех частей мирового хозяйства, превращается в глазах германского общественного мнения в бога.

Слава Касселя носит на себе отчетливую печать «made in Germany». «Шумиха, поднятая вокруг его имени у нас, в России, в значительной мере занесена к нам из Германии».

По существу же нашумевшие труды проф. Касселя производят весьма убогое впечатление. Мы не говорим уже о курсе политической экономии, выпущенном им в 1919 г. совместно с Людвигом Поле (См. Ludwig Pohle und Gustav Cassel—«Lehrbuch der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre»), где Кассель дал теоретическую систему, из которой совершенно выхолощена категория ценности. Но и в своих двух нашумевших меморандумах о мировой денежной проблеме, поданных им Совету Лиги Наций под общим заголовком—«Memorandums on the worlds monetary problems» (в июне 1920 года и сентябре 1921 г.), первый из которых лежит перед нами, автор не отступает от своей убогой теории, представляющей собою количественную теорию денег, подчищенную и доведенную ad absurdum.

По мнению Касселя, ни товар ни деньги не обладают ценностью, имманентной им. Товар имеет *цену*, которая определяется соотношением массы товаров с количеством денег, деньги обладают *покупательной способностью*, определяемой теми же факторами и лишь для удобства называемой ценностью. Автор считает мыслимым безграничное увеличение цены товаров. Так же без границ может изменяться «ценность» денег. Уве-

личение количества денег (безразлично бумажных или металлических) влечет за собою повышение товарных цен. Сокращение товарной массы вызывает падение «ценности» денег. Опираясь на столь убогую «теорию», автор берется за разрешение такого сложного вопроса, как денежная проблема в период упадка капитализма.

Оружие проф. Касселя достаточно несовершенно, и читатель, увидевший его имя на обложке книги, посвященной мировой денежной проблеме, может быть заранее уверен, что автор не разрешит интересующих его вопросов сколько-нибудь удовлетворительно.

Кассель—один из крупнейших авторитетов в области финансовой науки, а между тем самое его имя исключает возможность правильной постановки и разрешения денежной проблемы. Такая мысль кажется парадоксальной только на первый взгляд.

В денежной сфере, как в фокусе, отражаются все изменения хозяйственной жизни, на ней отзывается каждый перебой всего капиталистического механизма. Понять явления денежного порядка и регулировать их может лишь тот, кто: 1) правильно определяет место, занимаемое денежной сферой в хозяйственной жизни, и 2) понимает весь механизм капиталистического хозяйства.

Проф. Кассель склонен считать денежную область основой хозяйственной жизни. Для него не финансы определяются состоянием народного хозяйства, а, наоборот, хозяйственная жизнь во всех ее отраслях определяется состоянием финансов. Денежные отношения, являющиеся *надстройкой* над отношениями внутри производства, у Касселя превращаются в *базис* хозяйственной жизни. Он ставит хозяйственную жизнь на голову. Отражение общехозяйственных явлений в зеркале денежного механизма он принимает за самое явление.

Взгляды проф. Касселя имеют грубо валеристический уклон. И этот уклон обрекает его на полное бесплодие в области теории. Дороговизна оказывается у Касселя результатом инфляции. Инфляция, в обычном толковании этого слова, может вызывать только относительную, только кажущуюся дороговизну — рост номинальных цен. Реальные же цены могут расти только под влиянием изменения условий производства. Но для Касселя нет принципиальной разницы между бумажными и золотыми деньгами. Как те, так и другие, в его представлении, не обладают имманентной им стоимостью. «Ценность» как тех, так и других падает от увеличения их количества. Итак, рост реальных, золотых цен во время войны в целом ряде стран вызывается своеобразной инфляцией золота. Бумажные деньги вытеснили золото из обращения в большинстве европейских стран. Золото устремилось в заокеанские и нейтральные страны. Здесь его оказалось слишком много, и «ценность» его пала. Факторы, лежащие по стороне товаров, игнорируются. Кризис перепроизводства, потрясающий основы мирового хозяйства, оказывается тоже не более, как результатом денежной политики. Стоит только правительствам начать проводить политику дефляции, чтобы номинальные цены стали быстро падать, а это, по мнению Касселя, приводит к кризису перепроизводства. Нужды нет, что *реальные* цены не падают под влиянием дефляции,—самая теория Касселя исключает возможность разграничения номинальных и реальных цен...

Даже революция (социальная!) происходит вследствие определенного состояния денежного рынка. Доказательства? «Достаточно взглянуть на карту Европы. На ней одновременно представлены все следующие друг за другом стадии инфляции—Англия, Франция, Италия, Германия, Австрия и Россия,—в качестве типических вех на наклонном пути к заключительной катастрофе. Ни одна страна, соскальзывающая к этой пропасти, не может чувствовать себя в безопасности от неопределенных последствий»... Ясно, конечно, насколько такая «глубина теории» дает автору возможность сколько-нибудь правильно разобраться в окружающих его явлениях.

Не понимая, каким образом и в какой степени процессы, происходящие в глубинах мирового хозяйства, влияют на денежную сферу, Кассель видит, однако, сколь пагубно действует денежная разруха на хозяйственную жизнь. Для него ясно, что денежная разруха должна

быть изжита—иначе немыслимо восстановление капиталистического хозяйства.

Начиная с 8-й главы и до конца книги, автор нагромождает груды рецептов, тоже не отличающихся излишней глубиной мысли, но долженствующих привести капиталистический мир к идиллическому благоденствию. Здесь и свобода торговли, и уничтожение таможенных стен, и международные соглашения, и отказ от вооружений, и займы побежденным, и прочие либеральные пожелания, осуществление которых перенесло бы нас без пересадки из эпохи империализма в XVIII век.

Впрочем, в этой части своей работы Кассель высказывает целый ряд мыслей, с которыми нельзя не согласиться. Не следует стремиться к восстановлению довоенных паритетов. Важен не определенный паритет курсов, а устойчивость курса каждой валюты. Нужна не политика *дефляции*—возвращения к довоенному положению, а политика *стабилизации*—закрепление вновь возникших паритетов. Страшно не то, что валюты отдельных стран достигли низкого уровня, а то, что они продолжают падать.

Впрочем, и эта мысль не нова. Она высказывалась марксистами задолго до Касселя.

Книга, пожалуй, интересна в качестве иллюстрации, насколько сложным является положение капиталистического общества и насколько бессильна буржуазная мысль его осознать и исправить, но большего ждать от нее не следует.

Брошюре сопутствует предисловие проф. С. Членова, в котором дана блестящая критика взглядов проф. Касселя. К сожалению, уважаемый автор проникнут излишним пиететом по отношению к буржуазному светилу.

Д. Кон.

Проф. А. К. ЛАХТИН. Кривые распределения и построения для интерполяционных формул по способам Пирсона и Брунса. IV+152 страницы. Государственное Издательство. Москва. 1922 год.

За сложным и несколько неуклюжим названием скрывается чрезвычайно нужная и полезная книга. Статистические исследования в настоящее время ведутся не только научными работниками, но и огромным количеством различных учреждений. О важности их для народного хозяйства теперь уже не спорят... Менее известен, однако, тот факт, что статистические исследования, ведущие к построению эмпирических законов, есть первый шаг на пути к математизации данной области опыта, а ведь каждая наука есть лишь постольку наука, поскольку в ней есть математика. Именно в наши дни началось приобщение к математике новых областей опыта, а в старых, казалось бы, уже математизированных областях, обнаружилась необходимость широко пользоваться теорией вероятностей. Эта потребность отразилась и в математике тем, что чрезвычайно вырос среди научно-работающих математиков интерес к теории вероятностей и ее разнообразнейшим применениям. У нас, в России, имеется уже довольно много работников в этой области: проф. А. К. Лахтин в Москве, проф. В. И. Романовский в Ташкенте, проф. Н. Н. Парфентьев в Казани и др. Недалеко то время, когда на математических отделениях физико-математических факультетов появится новая специальность—математическая статистика.

Первым шагом в обработке статистического материала является построение кривой распределения. Недостаточность Гауссовой кривой была видна давно, и вполне естественными были попытки Фехнера, Пирсона и Брунса различными путями ее обобщить. Особенно интересными и плодотворными являются работы Пирсона и Брунса, которыми пользуются с успехом английские и немецкие биологи и экономисты.

В русской литературе до сих пор не было учебника, который одинаково годился бы и для математики и для статистики, давал одному теорию метода Пирсона, как исходный пункт для дальнейшей работы, а другому—все необходимые данные и указания для практического применения метода. Книга А. К. Лахтина весьма успешно справляется с этими задачами. В первой главе сообщаются все необходимые основные понятия в чрезвычайно ясной и доступной форме. Во второй главе рассматриваются главнейшие виды кривой распределения.

Третья глава посвящена методу Пирсона; четвертая глава—методу Брунса.

В пятой главе дается сводка важнейших формул и на ряде хорошо подобранных и рассмотренных до конца примеров показывается пользование ими. Книга заканчивается крайне важными для практика таблицами, дающими возможность, пользуясь указаниями пятой главы, обрабатывать статистический материал, и толково составленным библиографическим указателем. Математический аппарат сведен к минимуму в том смысле, что для чтения и понимания книги достаточно очень небольшой математической подготовки: знакомства с элементами математического анализа и с элементами теории вероятностей. С внешней стороны книга издана вполне прилично. Нет сомнения, что она найдет себе широкое распространение среди русских статистиков и применение в качестве учебного руководства во всех школах, где проходится математическая статистика. Пожелаем, чтобы поскорее вышла в свет и обещанная автором теория корреляции.

Проф. В. А. Костицын.

Агроном Н. И. ЩЕТИНИН. Что надо знать земледельцу о почве. Руководство к познанию почвы, ее состава и основных свойств. Петербургское Государственное Издательство. 1922 г. Стр. 92.

Книга Н. И. Щетинина дает довольно полное знакомство с основными началами почвоведения и обладает весьма существенным достоинством: верны идея и план ее построения.

Начинается она введением в основные понятия о почве и дает элементарные сведения о происхождении почвы, о главнейших горных породах, о происхождении минеральной части почвы, об образовании материнских пород. Далее знакомит читателя с органическими и азотистыми веществами почвы, с почвенной жидкостью и почвенным воздухом, с поглотительною способностью почвы, с ее химическими, механическими и физическими свойствами: удельный вес, скважность, связность, влажность, водопроницаемость, волосность, испарение, отношение ее к теплу и к газам.

Касаясь классификационных вопросов, автор дает понятие об основах почвенных классификаций, начиная с типов геолого-петрографических (Тэер, Фаллу), химических (Кнопп), кончая научными классификациями русских ученых, положивших в основу происхождение (генезис) почв, объединив в общие группы те почвы, в которых общи главные условия происхождения, при чем включены климатические факторы, определяющие закономерное размещение почв в пространстве (В. В. Докучаев); ученик Докучаева проф. Н. М. Сибирцев в числе климатических деятелей в процессах почвообразования, выделил на первое место влажность и температуру, имеющие громадное влияние на ход выветривания и разложение органических веществ. Классификация Докучаева, переработанная Н. М. Сибирцевым, является у нас, в России, общепринятой.

В последнее время, в связи с новыми достижениями в области изучения почв, проф. Глинка дал две группы почв: эндодинамоморфные и эктодинамоморфные, из коих первые отражают внутренние условия почвообразования и, главным образом, характер материнской породы и вторые выявляют значение факторов климатических и в частности влаги.

Сделав общие замечания о географическом распределении почвенных типов и зон по земному шару, Н. И. Щетинин описывает отдельные почвенные типы, установленные проф. Сибирцевым: латеритные, атмосферно-пылевые или эолово-лессовые, пустынно-степные, черноземные, серые лесные, подзолистые, тундровые, интрозональные, болотные, перегнойно-карбонатные, азональные (скелетные, грубые и аллювиальные или пойменные).

В конце книги автор делает краткий обзор того, что дает земледельцу изучение почвоведения, что роль ее в деле ведения хозяйства всеобъемлюща и что только знакомство с учением о почве и понимание совершающихся в ней явлений даст возможность земледельцу правильно и разумно вести свое хозяйство.

К сожалению, эту полезную книгу нельзя назвать популярной в полном смысле слова, и едва ли она может быть прочитана, даже с большим напряжением, мало подготовленным читателем, не знакомым с основными началами химии.

А. А. Бессер.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

1. Проф. Н. Н. ЛЮБАВИН. Техническая химия. *И. К. Траубенберг.*—2. К. КРЭГ. Поиски нефти. *В. А. Обручев.* — 3. А. Ф. ДОБРЯНСКИЙ. Пирогенетическое разложение нефти. *И. К. Траубенберг.* — 4. П. М. ЛУКЬЯНОВ. Производство серной кислоты методом контактного окисления. *Б. Тычинин.*—5. В. Л. КИРПИЧЕВ. Сопротивление материалов. *И. Бобырнов.*—6. В. С. СМИРНОВ и А. К. ИВАНОВ. Пищевые продукты. *Я. Никитинский.*—7. М. И. КУЗНЕЦОВ. Производство бумаги и исследование ее. *М. Щелкунов.* — 8. I. «Геологический Вестник». Том IV. II. «Поверхность и Недра». III. «Вестник Московской Горной Академии». Том I. *С. Обручев.*

ЛЮБАВИН, Н. Н., проф. Техническая химия. Том VII. Органические вещества. 3-я часть. I выпуск. «Сахары». Под ред. проф. А. М. Настюкова. Государственное Техническое Издательство (Н. Т. О.—В. С. Н. Х.). Москва. 1922. Стр. 376.

Настоящий выпуск является частью посмертного издания незаконченного автором VII тома «Технической химии». Кроме вышедшего выпуска, в VII том входят: «Крахмал и крахмальный сахар», «Клей и альбумин», «Брожения» и «Спирт». В середине последней главы рукопись обрывается. Н. Н. Любавину не суждено было завершить этот многолетний труд, которому исключительно посвятил он последние годы своей жизни.

В свое время не было напечатано некролога Любавина; в виду этого мы считаем уместным привести здесь некоторые сведения из его биографии.

Н. Н. Любавин родился в 1845 г. Образование получил в Петербургском университете. По окончании последнего работал в лаборатории Байера в Берлине в Gewerbe-Academie (1868—1869) и в лаборатории Бунзена в Гейдельберге (1869—1870). Из лаборатории Байера вышла его первая научная работа. В 1874 г. Любавин получил степень магистра химии, защитив диссертацию: «Аммиачные соединения валерианового альдегида». В 1887 г. защитил диссертацию: «О пиридинных соединениях»— на степень доктора химии. По возвращении из-за границы Н. Н. Любавин с 1871 г. состоял в Петербургском университете сначала лаборантом, а затем и приват-доцентом до 1886 года. В 1886 г. Любавин перешел в Московский университет на кафедру технической химии, которую занимал до 1908 года, когда вышел в отставку. Кроме вышеуказанных трудов, Любавиным опубликован целый ряд лабораторных научных исследований. В журнале Русского Физико-Химического Общества им напечатано было за 30 лет (1871—1901) 45 статей, относящихся к различным областям химии. В семидесятых годах им напечатана «Физическая химия»—первое не только на русском языке руководство по физической химии.

Но, несомненно, главный труд Любавина, справедливо названный проф. А. М. Настюковым классическим,—это его «Техническая химия», которую хорошо знают и ценят русские химики, как работающие в научных лабораториях, так и занятые практической деятельностью. Этим трудом имя Н. Н. Любавина крупными буквами вписано в историю русской химии. Несмотря на свои 75 лет, Любавин вполне сохранил трудоспособ-

ность и выглядел еще довольно бодро, и смерть его в декабре 1919 года явилась неожиданной. Выпуск «Сахары» содержит две главы. В первой с той же полнотой, как и в первых шести томах, обработаны сведения, относящиеся к химии сахаристых веществ; вторая глава посвящена свекло-сахарному производству. Издана книга вполне удовлетворительно.

В своем предисловии, приложенном к книге в виде отдельного листка, проф. Настюков, выражая надежду на столь же благополучное появление в свет остальных глав, оговаривается, что не имеет в том полной уверенности. Дело в том, что рукопись: «Крахмал и крахмальный сахар» *затеряна Гостехиздатом*... Нельзя спокойно отнестись к этому, скажем прямо, позорному факту, нельзя с ним примириться, и *должны быть приняты все меры, чтобы рукопись была найдена.*

Из шести первых томов «Технической химии» пять разошлись еще при жизни Любавина, и надо теперь уже подумать о дальнейшей судьбе столь ценного для нашей науки и нашей химической промышленности сочинения.

Естественнее всего было бы Русскому Физ.-Химич. Обществу, деятельным членом которого с самого его основания был Н. Н. Любавин, или Научно-Техническому Отделу В. С. Н. Х. взять на себя заботу о втором издании «Технической химии», о дополнениях к ней (первые томы вышли ведь еще в 90-х годах) и даже об окончании этого сочинения.

Отдельному человеку этот труд не по силам: Бейльштейны и Любавины—исключительные явления. Да и времени потребовалось бы слишком много. Этот труд должен быть коллективным. Материальные затраты на это не пропадут даром: русская наука и русская промышленность возвратят их с процентами.

Проф. И. К. Траубенберг.

К. КРЭГ. Поиски нефти. Перев. с англ. В. П. Измалковой, под редакцией К. П. Калицкого. Серия редакции журн. «Нефтяное и Сланцевое Хозяйство». Изд. Совета Нефт. Промышленности. Москва—Петроград. 1923 г. 325 стр., с 20 рис.

Книга о поисках нефти (Oil-finding) написана английским геологом Craig, имеющим большой опыт по исследованию нефтяных месторождений в Канаде, Соединенных Штатах, в Венецуэле и на островах Барбадос и Тринидад, в Египте и Трансваале, в Персии, Белуджистане и Бирме. Большинство этих нефтеносных районов мало или совсем неизвестны русскому читателю, так что сведения о них, рассеянные в книге Крэга, представляют значительный интерес. Но цель книги не в том, чтобы знакомить читателя с отдельными, хотя бы малоизвестными месторождениями нефти: она должна служить руководством для поисков, назначенным в особенности для молодых, начинающих геологов. Инструктированию последних посвящены две заключительные главы, которые разъясняют, как нужно вести поиски нефти, производить съемку местности, составлять разрезы и карты, писать отчеты и доклады, как снарядиться для полевой работы и даже, как работать без всякого снаряжения, конечно, в крайнем случае.

Крэг начинает свою книгу главой о происхождении нефти, справедливо замечая, что до сих пор во всех сочинениях о нефти, за редкими исключениями, вопрос о генезисе этого ископаемого считался хотя и интересным, но не важным. Между тем разве можно указывать, как и где искать нефть, не зная или не умея доказать, из каких веществ и при каких условиях она образуется. Поэтому он разбирает существующие теории неорганического и органического происхождения нефти, при чем наибольшее внимание уделяет теориям, принимающим образование нефти из погребенных в морских заливах остатков животных. Из теорий неорганического происхождения он уделяет всего несколько слов наиболее старой теории Менделеева, не упоминая даже имени нашего знаменитого химика; между тем эта теория, в особенности с внесенными в нее позже

поправками, вовсе не заслуживает такого пренебрежительного отношения и в свое время имела много защитников. Не упомянута вовсе теория космического происхождения, которую защищал другой наш соотечественник, геолог В. Д. Соколов. Сам Крэг является сторонником растительного происхождения нефти; он отмечает, что в ископаемых углях различного возраста мы имеем убедительное доказательство возможности массового накопления растительных осадков; в одних условиях из этих остатков образуются торф, бурый или каменный уголь, а в других условиях—нефть. Те и другие условия автор разбирает подробно, но отвергает также теорию происхождения нефти из скоплений морских водорослей, принимая в качестве единственного возможного материала растения наземные. Он забывает или умалчивает умышленно,—так как не может не знать,—что целый ряд углей, именно богхедов и кэннельских, представляют сапропелиты, т.-е. образовались из сапропеля, гнилого ила, накопляющегося на дне бассейнов и состоящего из очень мелких остатков, как животного, так и растительного происхождения, в том числе и из водорослей. Имя Потонье, германского ученого, разработавшего учение о сапропелитах, нашему англичанину как будто совсем неизвестно. Вообще эта глава написана более красноречиво, чем убедительно, хотя она должна была бы вполне подготовить читателя к пониманию дальнейшего и заставить его признать правильность взгляда автора на генезис нефти.

В следующих главах рассмотрены: процесс образования нефти; ее миграция, фильтрация и подземное скопление; изменчивость по простиранию; геологическое строение (местности); признаки присутствия нефти; естественный газ или газообразная нефть; горючие сланцы и торбэниты; стратиграфия (нефтяных залежей); выбор места для буровой скважины и, наконец, перспективы добычи нефти в Великобритании (о двух последних главах «для начинающих» мы уже говорили).

Во всех главах рассеяно много интересных данных и ценных указаний, но попадаются также неверные мнения, напр., о составе торбэнитов (богхедов), о том, что грязевые вулканы всегда являются признаком нефти и, в большинстве случаев, даже благоприятным. Пренебрежительно отзывается автор о «появившихся в последние годы электрических аппаратах, при помощи которых, как уверяют изобретатели, можно не только обнаружить присутствие нефти под землей, но даже определить глубину залегания нефтеносных пород и содержание в них нефти». Такое отношение ученого к новым физическим методам поисков воды, нефти, соли и руд посредством магнитометров, электрических приборов и крутильных весов кажется нам странным; магнитометры уже доказали свою применимость с полным успехом, остальные же приборы находятся еще в стадии испытаний и усовершенствований, и судить о них преждевременно.

В общем книга написана интересно, и читатель извлечет из нее многое. Но не даром же в предисловии к переводу, редактор его, русский геолог К. Калицкий, известный специалист по месторождениям нефти, говорит, что новичку в нефтяной геологии можно посоветовать не принимать всего изложенного в книге за непререкаемую истину, а, внимательно следя за аргументацией автора и вдумываясь в нее, стараться составить себе собственное мнение о правильности того или другого из его выводов. Совет совершенно основательный, потому что «не все безупречно в этой книге». И даже с внешней стороны—нет никаких указателей, а литературные ссылки весьма скудны; русская литература автору совершенно неизвестна, и русские месторождения нефти также, за редкими исключениями.

Перевод сделан с последнего (второго) английского издания, вышедшего в Лондоне в 1920 году. Издана книга прекрасно на плотной гладкой бумаге, четким шрифтом и в хорошей обложке.

Проф. В. А. Обручев.

А. Ф. ДОБРЯНСКИЙ. Пирогенетическое разложение нефти. Научное Химико-Техническое Издательство (Н. Т. О. В. С. Н. Х.). Петроград. 1922 г. Стр. 208.

Пирогенетическое разложение нефти, или разложение нефти действием жара, имеет громадное практическое значение, так как этим путем из нефти возможно получение так наз. ароматических углеводородов, служащих, в свою очередь, исходными материалами для производства красок, фармацевтических препаратов, вкусовых, душистых и взрывчатых веществ. Недостаточное количество в России каменноугольной смолы, из которой выделяются ароматические углеводороды, и чрезвычайно возросшая потребность в последних во время войны заставили обратиться к нефти, как к источнику получения исходных материалов для взрывчатых веществ, главным образом, толуола, служащего для приготовления тротила. Во время войны было оборудовано несколько заводов для добывания из нефти ароматических углеводородов.

Для русского общества не лишено интереса то обстоятельство, что разработка этого вопроса в отношении именно ароматизации нефти, не только лабораторная, но и техническая, выполнена, главным образом, силами русских химиков. Самая инициатива в этом деле и главная заслуга принадлежат рано умершему (в восьмидесятых годах) талантливому русскому химику А. А. Летнему, открывшему образование ценных ароматических углеводородов из нефти при действии на нее высокой температуры. Чрезвычайно важное практическое значение этих исследований Летнего известный Рудольф Вагнер в своем руководстве по химической технологии в то время уже оценил, характеризуя их как wettgehende в связи с возможностью в будущем получения в большом количестве из нефти столь ценных продуктов.

Рецензируемая книга касается, главным образом, химической стороны дела. В предисловии автор сообщает о составляющемся втором выпуске, посвященном технологии пирогенетического разложения нефти

Автором систематизирована обширная литература и отчасти материалы, еще неопубликованные, полученные во время войны на заводах и в заводских лабораториях, о действии высоких температур на нефть, на углеводороды различных гомологических рядов, об уплотнении жирных и ароматических углеводородов, о влиянии различных факторов на процесс пирогенизации, о каталитической дегидрогенизации нафтенов, об исследовании продуктов разложения нефти.

Книга содержит и собственные исследования автора.

Проф. И. К. Траубенберг.

ЛУКЬЯНОВ, П. М., инж.-технолог. Производство серной кислоты методом контактного окисления.

Н. Т. О. В. С. Н. Х. Инженерно-промышленная библиотека № VI—7. Гостехиздат, 1922 г. Москва. XVI+502 стр., с 166 рис. и картой серно-кислотных заводов России.

Контактный способ изготовления серной кислоты в настоящее время приобрел, во всяком случае, равное, если не преобладающее, значение, в сравнении с камерным. Если пока еще производство серной кислоты невысокой концентрации обходится дешевле по камерному способу, то изготовление дымящей кислоты, олеума, ведется почти исключительно по способу контактного окисления. И спрос на олеум все увеличивается с расширением областей его применения.

В России изготовление дымящей кислоты особенно сильно возросло в начале мировой войны и составляет теперь около 35% всего серно-кислотного производства. В технике этого процесса русская инженерная мысль сыграла не малую роль, и способ Тентелевского химического завода считается одним из наиболее удобных и распространенных.

Между тем на русском языке почти нет как оригинальной, так и переводной литературы по столь серьезному вопросу. Труд инж.-технолога Лукьянова является первым крупным произведением в этой области.

После кратких, но достаточных для дальнейшего изучения вопроса, глав, посвященных истории и теории контактного процесса, автор переходит к описанию отдельных способов: Баденской анилиновой фабрики, Тентелевского завода, Грилло-Шредера, Герресгофа, Якоба, Рабе, Фрейбергского, Маннгеймского и Фарбверке. Особенно подробно описаны три первых. Отдельные главы посвящены следующим практическим вопросам: очистка и подготовка газов, регулирование температуры, канализаторы, абсорпционные аппараты, компрессоры для газа, контроль производства. Кроме того, затронут весьма важный теоретически и много обещающий вопрос о получении серного ангидрида при действии света и электричества и исчерпывающе изложены современные данные о свойствах серной кислоты.

Одного лишь перечня всех этих вопросов достаточно, чтобы заинтересовать не только специалиста, но и всякого производственника, инженера и химика, так как область применения серной кислоты весьма обширна, а многие применяемые при ее производстве приемы имеют и общее значение.

В изложении необходимо отметить широкое пользование цитатами из патентов, правда, без критической их оценки (общей критической оценке различных способов посвящена особая глава); вследствие этого книга приобретает характер скорее справочника, чем руководства. Но чтобы принять вполне вид справочника по производству, ей не хватает данных для строительного расчета и деталей конструкций. Особые главы, со свежим цифровым материалом, посвящены состоянию контактного способа производства серной кислоты в России и за границей. К книге приложены детальные таблицы свойств серной кислоты. Особо надо отметить столь редко у нас встречающиеся подробные указатели: именной, предметный и патентный. Их наличие облегчает пользование книгой, как справочником.

Все вместе взятое ставит это издание Государственного Технического Издательства на ряду с лучшими иностранными техническими изданиями и оставляет лишь желать скорейшего появления подобных трудов русских авторов и в других областях технологии.

Б. Тычинин.

В. Л. КИРПИЧЕВ. Сопротивление материалов. Ч. 1. Учение о прочности построек и машин. 2-е издание. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. 388 стр. и 229 рис. в тексте.—То же. Часть 2-я. 504 стр. 237 рис. в тексте. Госуд. Изд. Москва. 1922 г.

Имя В. Л. Кирпичева пользуется громадной известностью среди русских инженеров различных специальностей. В настоящее время имеется еще много лиц, которые слушали его талантливые лекции. Неудивительно поэтому, что книга В. Л. Кирпичева «Сопротивление материалов» ожидалась давно и с большим нетерпением. Но В. Л. Кирпичев держался взгляда, что выпускать в печати курс лекций следует только после многолетнего преподавания. Вот почему «Сопротивление материалов», издававшееся неоднократно в литографированном виде, в печатной форме появилось лишь в 1898 году. Это первое печатное издание (в 2-х частях) разошлось чрезвычайно быстро и неудовлетворило спрос. Второе издание задержалось по разным причинам.

Рассматриваемая книга представляет собою переиздание 1-й части курса, исправленной и дополненной автором (В. Л. Кирпичев скончался в 1913 г.) и была готова в 1916 году, но появилась в свет лишь в 1922 г.

Книга содержит в себе подробное изложение так называемых простых сопротивлений, а именно, здесь рассмотрены явления растяжения, сжатия, сдвига, кручения и изгиба. По сравнению с 1-м изданием настоящая книга является повторением в смысле порядка и характера изложения.

Следуя порядку развития науки, В. Л. Кирпичев начинает каждый отдел рассмотрением опытных данных, которые позволяют прийти к известным допущениям и заключениям; затем излагается теория явления, поскольку она подтверждает данные экс-

перимента. Но во втором издании автором сделаны добавления, главным образом, в смысле пополнения относительно новыми данными опытов и наблюдений.

В главе о растяжении расширен отдел о влиянии отдыха на восстановление механических свойств материала: описано явление гистерезиса, приведены примеры аккомодации. В таком же смысле имеются дополнения в отделах о сжатии и изгибе. Появились описания некоторых приборов Баушингера, Стромейера. С теоретической стороны расширена глава о растяжении, о так называемых косых напряжениях, об ударном действии.

Можно высказать сожаление, что автор приводит весьма ограниченное количество расчетных примеров. Это затрудняет для изучающего понимание важности таких отделов, как, напр., статья о косых напряжениях; получается такое впечатление, как будто этот вопрос особого значения не имеет. Между тем автор вполне справедливо подчеркивает, что умение находить главные силы упругости весьма облегчает разрешение многих вопросов.

В главе о твердости автор лишь вскользь упоминает о методе Бринелля, получившем теперь громадное распространение.

Эти замечания не умаляют значительные достоинства книги, заключающиеся в прекрасном изложении предмета, ясном освещении вопросов многих внутренних явлений.

Вторая часть книги В. Л. Кирпичева под общим названием «Сопротивление материалов» содержит в себе главы: механические свойства материалов, общие правила определения прочных размеров, не разрезные балки, расчет ферм, сложное сопротивление, сопротивление раздавливанию, формула Ламе, задача Буссинеск, сопротивление геометрически подобных тел.

По сравнению с первым изданием (1898 г.) эта часть сочинения В. Л. Кирпичева, как и первая, увеличена в своем объеме, при чем увеличение это (сделанное после смерти автора) получилось, главным образом, за счет добавления различного рода опытных данных. Так, в первой главе расширены сведения об образовании трещин, о ликвидации, о влиянии отжига и закалки, увеличены параграфы о свойствах чугуна и некоторых сплавов, прибавлены сведения о цементе. Многие из приведенных данных, конечно, представляют собой известный интерес, но, в виду трудности и дороговизны печатания в настоящее время, могли быть опущенными без ущерба для достоинства книги.

Что касается теоретической стороны, то замечаются добавления в отделе о фермах, в особенности о расчете статически неопределимых систем (системы с лишними линиями). Обычно этот отдел помещается в статике сооружений, и его можно было бы не излагать в курсе сопротивления материала, являющемся первым отделом строительной механики.

Следует отметить, что, излагая способ сложения касательных и нормальных напряжений, автор не указывает на существование других приемов, как, напр., метод, основанный на наибольшем сдвиге. Приведены лишь арифметическая и геометрическая суммы изгибающего и кружащего моментов с упоминанием вскользь, что иногда применяют и такие выражения для фиктивного (результирующего) момента.

Это может поставить читателя в недоумение, чем же вызвано подобное сложение. Между тем гипотеза о превалирующем значении касательных напряжений заслуживает полного внимания.

В параграфе о проверке размеров плоских кривых тел автор производит расчет на том же основании, что и для прямолинейных брусьев. С этим можно согласиться лишь для брусьев очень малой кривизны. Вообще же при криволинейном брусе закон распределения напряжений будет не линейный, а гиперболический, и данные опытов подтверждают эту теорию достаточно хорошо.

Очень интересна глава об упругой почве, но отсутствие примеров возможного приложения полученных результатов поставят знакомящегося с предметом в затруднение.

Трудно согласиться с мнением автора, что на теореме о сопротивлении геометрически-подобных тел основано все машиностроение (§ 389), тем более, что сам В. Л. Кирпичев приводит большое коли-

чество случаев, когда эту теорему применять нельзя.

Как и по отношению к первой части книги, можно сказать и о второй ее части, что сделанные замечания не лишают ее значения в технической литературе, благодаря обилию материала и хорошему изложению.

Проф. И. Боборыков.

В. С. СМИРНОВ и А. К. ИВАНОВ. Пищевые продукты. Статья I. Общая часть. Зерновой хлеб. Мука, крупа и печеный хлеб. Москва. 1921 г. Госиздат. 112 стр. С 48 рис. и 2 таблицами.

Знакомство с основами учения о пище и питании необходимо для каждого человека, ибо дело идет о главнейшей функции жизни какого бы то ни было организма. Без питания не может быть жизни, а без правильного питания не может быть хорошей жизни. За последнее время многим, которые были ранее очень далеки от «кухонных» или «желудочных» вопросов, пришлось стать с ними лицом к лицу; многие заинтересовались вопросами о том, чем и как питается человек, поняли, что, как в частной, так и в государственной жизни, проблема питания стоит в ряду основных хозяйственных вопросов. Поэтому следует приветствовать появление всякого дельного пособия, помогающего гражданам разбираться в этом сложном и важном деле. Таковым дельным пособием является рассматриваемое. Оно назначается для школы, но вполне пригодно для всякого грамотного, так как изложено довольно общедоступно, и авторы серьезно поработали в этом направлении, несмотря на большие трудности задачи. Зачастую им удается сладить с задачей общедоступности, но, конечно, не всегда. Во всяком случае, в книге видна опытная рука педагогов. Особенно в этом отношении интересны первые главы книги—общая часть, в которой излагаются основные понятия о составе пищи, о пищеварении, питании; на 15 страницах даны материалы, приводящие к выяснению пищевой ценности пищевых средств. Несмотря на особенную сжатость и краткость изложения, суть дела изложена просто и ясно. Вкусовым средствам уделено лишь 11 строк; это, конечно, слишком мало по важности их для питания человека.

Из всех пищевых припасов авторы правильно остановились в первую очередь на хлебных продуктах в виду первенствующего их значения. Читатель знакомится со статистикой производства хлебных зерен, хранением, строением, химическим составом, переработкою и товароведением материалов и продуктов.

В общем изложение специальной части достаточно вразумительное и научное. Имеются отдельные недостатки, которые требуют исправления во II издании. Так, напрасно за краевым слоем эндосперма хлебного зерна удерживается ложное название «клеберный» (клейковинный) слой и недостаточно правильное—«алеуроновый» слой. Не оттенена как следует ошибочность придаваемого натуре зерна важного значения при оценке зерна. При отборе проб зерна не указано на применение делителей. Для такого элементарного руководства, как рассматриваемое, считаем совершенно лишним почти все, сделанные к книжке, приложения, напр., удостоверение от зернохранилищ государственного банка и другие подобные бланки, таблицы твердых цен на зерновой хлеб и т. под. Много выгоднее было бы усилить основной текст, напр., хотя бы по главе о хлебопечении, которое описано слишком кратко, без рисунков и без указаний на возможность механизации хлебопечения.

Но все эти недосмотры и некоторые недостатки вполне выкупаются основным достоинством книги—строгой научностью изложения в связи с общедоступностью и ясностью, и потому мы горячо рекомендуем книгу не только для соответственных школ, но и для граждан вообще: это—хорошая и дельная книга.

Проф. Я. Никитинский.

М. И. КУЗНЕЦОВ, проф. Производство бумаги и исследование ее. Изд. 2-е. Харьков. 1922 г. Стр. VIII+263+приложения.

Центральный Комитет и Южбюро Всероссийского Производственного Союза рабочих бумажной промышленности сделали очень полезное и нужное дело, выпустив вторым изданием вышеназванную книгу. Первое ее издание вышло еще в 1914 году и быстро было распродано, а «Практический курс писчебумажного производства» инженера Н. Мельникова, наиболее полный, но уступающий по научной ценности работе проф. М. И. Кузнецова, вышел еще в 1905 году и также совершенно отсутствует в продаже; между тем такое руководство очень нужно, и не столько «спецам» по бумажной промышленности, сколько рабочим, принявшим на себя управление бумажными фабриками. Едва ли нужно доказывать, как необходимо нам иметь по каждому производству основные руководства, которые бы в возможно доступной пониманию рабочих форме излагали процесс производства тех или иных фабрикатов. Книга проф. Кузнецова как раз удовлетворяет этому требованию: автор, при изложении сложного производства бумаги и картона, все время стремится быть понятным, в то же время не вульгаризируя науку. И это ему удается: при внимательном чтении, даже незнакомый с фабрикацией бумаги, поймет все изложенное в книге, кроме, вероятно, сложнейших, трехъэтажных химических формул, без которых, конечно, обойтись нельзя. Их обилие объясняется тем, что курс проф. Кузнецова читается студентам химического отделения харьковского Технологического института.

К сожалению, нам придется кое в чем упрекнуть почтенного автора. Издатели подчеркивают, что проф. М. И. Кузнецов ввел дополнения в это второе издание, и тем более мы в праве указать, что исторический очерк составлен крайне бедно—всего 6 страниц, из которых 4 посвящены папирусу и выделке бумаги до XV века; хотелось бы видеть, соответственно изменившимся в России условиям, более подробное изложение значения писчебумажного производства для страны и его исторического развития. Второй грех автора—отсутствие сведений о положении бумажной промышленности в Советской России. А если их здесь не нужно, то почему же даются подробные цифры для производства и привоза бумаги в России с 1761 до 1911 года? Следовало бы эти сведения пополнить материалами из отчетов Главбума и из отчетов по внешней торговле с 1911 г. по настоящее время. Далее—очень неполон отдел об исследовании бумаги; если для 1914 года ссылка автора на книгу Шевлягина: «Практика испытания бумаги», изданную в 1911 г., имела свои основания, то ныне «намеренно краткое» изложение соответственного отдела является значительным недостатком издания, тем более, что книгу Н. И. Шевлягина, как и другие издания по печатному делу, автор настоящей заметки не встречал в продаже в течение пяти лет.

Также очень бегло разработана глава о «производстве» бумажного листа и приготовлении специальных сортов бумаги. Из-за этого — досадные промахи, напр., указание на стр. 240, что на бумаге после ее сортировки «выбивается штемпель фабрики»; необходимо было оговориться, что речь идет *только* о почтовой и писчей бумаге, да и то далеко не всегда. Есть и другие недостатки; напр., нельзя указывать на стр. 11, что «до половины XVIII столетия материалом для производства бумаги служили исключительно льняные, пеньковые и хлопчато-бумажные волокна», когда на стр. 3 говорится о бамбуке и других растениях, а на стр. 4—об японском бумажном деревце, которые и до указанной автором эпохи широко служили для выработки бумаги в Азии. В той же исторической части—некоторые даты, весьма сомнительные для науки, приводятся, как безусловные; напр., «в 794 г. в Багдаде была построена первая фабрика, которая снабжала бумагой государственные канцелярии». Почему так уверенно, когда еще в начале VIII века арабы завоевали Восточный Туркестан и, несомненно, познакомились с употребле-

нием бумаги в Китае? И что это за «государственные канцелярии»?

Зато, переходя к изложению процесса производства бумаги в настоящее время, автор входит в родную сферу и становится неуязвимым, не считая, конечно, спорных деталей. Он охватывает: 1) обработку тряпья, 2) добывание волокон из дерева (производство древесной массы), 3) обработку дерева химическим путем (получение целлюлозы), 4) добывание волокна из соломы, 5) приготовление бумажной массы, 6) производство бумажного листа. Поскольку автор излагает, таким образом, всю технику производства бумаги, ему приходится сжимать свое изложение, но от этого книга, пожалуй, только выигрывает, ибо ее изучение становится более доступным для рабочих, серьезно желающих не только стоять каждый у своего колеса, но и понять всю сущность производства.

Мы должны упрекнуть издателей—Южбюро Союза—за неясность отпечатков некоторых клише, особенно главного—«бумагоделательная машина». Неужели же нельзя было, выпуская *единственную за пять лет на всю Республику книгу по своей специальности*, отнестись более тщательно к своей задаче? Правда, Южбюро в предисловии говорит, что всех препятствий и преград, кои пришлось испытать по изданию учебника, продолжавшемуся, кстати сказать, почти $1^1/_2$ года, не пересчитать. Главным тормозом, конечно, явилось отсутствие денег. Особенно резко это сказалось в последнее время... Но ведь книга напечатана в типографии, принадлежавшей издателям—Южбюро, и неужели же Бумтрест не мог помочь? И если даже не было средств, то неужели этим оправдывается небрежная брошюровка? Неужели можно, потратив на книгу прекрасную бумагу и дав очень хорошую, крепкую обложку, оставить книгу *не сшитой*, так что при первом же разрезании листы ползут в разные стороны? На нитки денег не хватило? Дело, очевидно, не в отсутствии средств, а в чьей-то халатности. Ведь совершенно же очевидно, что нужно сделать прочной книгу, которой место на столе каждого типографа и издателя, которая будет служить по многу лет рабочим-писчебумажникам, поскольку они должны овладеть бумажной промышленностью основательно. И чем скорее, тем лучше. А для этого нужны прежде всего широкие знания, которые и дает книга проф. Кузнецова.

М. Щелкунов.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. Том IV. 1918—1921. Петербург. 1921. 208 стр., in 8°.

ПОВЕРХНОСТЬ И НЕДРА. Том III, № 1 (16), апрель 1922 г. Петроград. 1922. 40 стр., in 4°.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ. Том I, № 1. Москва. 1922. 157 стр., in 8°. С 5 табл.

Истекший год, по сравнению с предыдущим, принес нам значительное оживление горно-геологического издательства. Кроме довольно значительного количества книг, возобновились некоторые старые журналы и появился ряд новых.

Из журналов 1922 года особого нашего внимания заслуживают рецензируемые. Первый из них—«Геологический Вестник»—хотя и помечен 1921 годом, но фактически вышел только к весне прошлого года. За свое трехлетнее существование перед невольным перерывом журнал по заслугам привлек к себе общие симпатии русских геологов. Мысль создать живой, тесно связанный с текущей русской геологической наукой, журнал была плодотворна, и осуществление ее было весьма удачно.

Правда, ко времени возникновения «Геологического Вестника» издавался еще «Ежегодник» Криштафовича, но издавался с большим запозданием в далекой провинции и носил гораздо более академический характер. Естественно, что геологический журнал в столице, у источника живых геологических сил, мог обслуживаться гораздо лучше и полнее. «Геологический Вестник» дал много статей, освещающих текущий ход геологии, и, что особенно ценно, острую полемику по некоторым спорным вопросам. Полемика в научном журнале, как и в литературном, если она ведется

умно и интересно, несомненно, представляет крупное достоинство и вносит большое оживление. Другими отделами, сильно способствующими живости журнала, являются текущая хроника и библиография,—и в этом отношении «Геологический Вестник» давал обильный и интересный материал. Теперь, после четырехлетнего перерыва, журнал возобновился в прежнем своем виде. Следует только пожелать, чтобы он начал выходить снова двухмесячными выпусками, а не годовыми и даже четырехлетними томами, как сейчас,—но это, конечно, вопрос средств. Вышедший том заключает 13 крупных и 14 мелких статей на разнообразные темы; обилие материала лишает нас возможности останавливаться на отдельных статьях. Отметим только важнейшие темы. Очень много статей посвящено теоретической петрографии, несколько меньше—региональной геологии (Евр. Россия, Сибирь, Персия). «Мелкие заметки» касаются, главным образом, стратиграфии, палеонтологии, физической геологии, месторождений полезных ископаемых, методики полевой геологии. Отдел библиографии богат и интересен: он заключает свыше 50 рефератов русских и иностранных работ по геологии. 20 последних страниц уделено хронике исследований и учебных заведений и некрологам. В общем, в выпуске—материал почти годового комплекта, не уступающий по достоинству предыдущим годам.

Журнал «Поверхность и Недра», также возобновляющийся после четырехлетнего перерыва, являлся в свое время одним из самых интересных горно-геологических журналов. Особенная ценность его заключалась в том, что все статьи по развитию производительных сил страны, изучению которых он был посвящен, давались в определенном экономическом освещении руководящей группы. Журнал почти не уделял внимания горно-техническим вопросам — основные его задачи были: учет минеральных и частью и других естественных рессурсов, установление методов рационального их использования и экономические условия развития страны. При большом публицистическом таланте руководителей — горных инженеров: П. Пальчинского и С. Малявкина — такое направление журнала и метод обработки статей позволили создать живой и компетентный орган, к мнению которого прислушивались. Первый после перерыва номер не может еще дать представления о том, как будет вестись работа журнала в новых, резко изменившихся условиях жизни. В передовой статье редакция журнала указывает, что задачи в области изучения естественных производительных сил страны сейчас гораздо шире, чем пять лет назад, и поэтому возобновление журнала с такими задачами, как «Поверхность и Недра», необходимо. Содержание первого номера в общем подходит к прежним рамкам журнала — в нем помещены статьи о методах топливоснабжения (П. Пальчинского), об учете запасов нефтяных месторождений (С. Чарноцкого), о пределах использования гидро-электрической энергии (А. Александрова) и о дазиметрической карте России (В. Семенова - Тянь - Шанского); вторая половина занята хроникой, мелкими заметками, некрологами и библиографией; последние отделы носят пока еще не систематический характер. В общем в первом номере сравнительно много места уделено неминеральным рессурсам, но редакция намерена главное внимание уделять попрежнему горным богатствам страны. Существование подобного, единственного в своем роде, журнала, очень желательно, и жаль, что материальные затруднения, неразрывно связанные с частным научным издательством, помешали редакции выпустить своевременно следующие номера.

Третий журнал —«Вестник Московской Горной Академии»—представляет обычные «Труды» высшего учебного заведения, но прибавлением нескольких текущих отделов редакция придала ему характер, позволяющий ставить его в ряды журналов. Этот новый тип издания высшей школы, может-быть, окажется более жизненным и удобным, чем старые. Неудобства соединения в одном издании статей на самые разнообразные темы, побудили уже давно некоторые университеты и техникумы издавать свои «Труды» отдельными сериями по факультетам или группам наук, но они всегда оставались сборниками научных статей. Ре-

цензируемый «Вестник» дает статьи, принадлежащие к более тесной группе наук, как исходящие из узко специальной школы (кроме, пожалуй, статей по чистой математике),—при чем значительное участие в нем принимают и студенты; далее следует академический отдел, содержащий сведения об истории и современном состоянии Моск. Горной Академии; наконец, довольно богатый библиографический отдел, содержащий 137 рефератов и библиографических ссылок—главным образом, иностранная литература по горному делу и близким ему теоретическим наукам. Все это превращает журнал в довольно живой орган, тесно связанный с издающим его высшим учебным заведением и интересный для всех специалистов горного дела. Помещенные в первом номере статьи относятся к области физической и региональной геологии, классификации рудных месторождений, описанию месторождений полезных ископаемых, электрификации горного дела, металлургии и математики. Многие статьи представляют значительный интерес, а некоторые являются и серьезным вкладом в науку. Очень хотелось бы, чтобы опыт самой юной русской горной школы по созданию нового типа издания был продолжен с неменьшим успехом и в следующих выпусках.

Сергей Обручев.

ЛИТЕРАТУРА О ВОСТОКЕ.

1. «Новый Восток». № 2 *В. Виленский (Сибиряков).*

НОВЫЙ ВОСТОК. Журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при Народном Комиссариате по делам Национальностей. Под редакцией М. Павловича (Вельтмана), Г. И. Бройдо и проф. И. Н. Бороздина. Книга II. 735 страниц. Со многими иллюстрациями. Цена 1 руб. 60 коп. золотом.

Восток, в условиях современной международной действительности, приковывает к себе внимание всего мира. В прошлом Восток был территорией, где капиталистический Запад утверждал свое колониальное могущество; сейчас Восток — арена большой национально-революционной борьбы сотен миллионов народов Азии, Африки и Тихоокеанских островов. Послевоенный мировой кризис капитализма очень ослабил колониальные позиции мирового империализма, чем обострил значение восточного вопроса в широком значении этого слова. Старый Восток уступил место новому Востоку, который сейчас стоит на дороге больших возможностей, не только своего освобождения от ярма империализма, но и перед большими перспективами развития своих производительных сил.

Не малую роль в деле пробуждения Востока сыграл Третий Коммунистический Интернационал, который, борясь против мирового империализма, учитывал, что слабость мирового империализма лежит на Востоке, в его колониальных владениях и что поэтому задача пробуждения народов Востока будет смертельным ударом по капиталистическому миру. Именно в таком разрезе был поставлен восточный вопрос Третьим Интернационалом и так он стоял на Конгрессах Коминтерна.

Исключительное значение для Востока будет иметь IV Конгресс Коминтерна, который, имея наиболее полное представительство народов Востока, смог вплотную подойти к национально-колониальному вопросу и дать не только его оценку, но и сделать соответствующие выводы.

Этому вопросу о «Новом Востоке» посвящена статья Сафарова «Национально-колониальный вопрос на IV Конгрессе Коминтерна». Рассматривая экономические причины колониальных революций, автор рядом статистических данных иллюстрирует колониальную практику капитализма, который стремился задержать естественное капиталистическое развитие колоний. Сейчас, поскольку

послевоенный кризис ослабил мировой империализм, постольку колонии вступили на путь промышленной революции, а последнее привело к развитию в них широкого национального движения. С другой стороны, автора интересует вопрос о классовых интересах колониальной революции. Здесь пестрая смесь феодально-патриархальных форм прошлого с потребностями капиталистического развития сегодняшнего дня. Но, коль скоро вторжение капитализма имеет место для стран Востока, это неизбежно, на ряду с ростом туземной буржуазии, ведет к пролетаризации широких слоев восточных народов и создает предпосылки классовой борьбы на Востоке. Единый анти-империалистический фронт на Востоке—вот вывод тов. Сафарова, вывод, который сейчас сделан и Коммунистическим Интернационалом.

Однако, говоря о Востоке, было бы большой ошибкой рассматривать последний суммарно, без соответствующих разграничений, тесно связанных с социально-экономической структурой стран Востока. Если внимательно присмотреться к Востоку, то там мы найдем такие страны, как Японию, которая сама по себе в настоящей международной обстановке Восточного полушария представляет собою страну восточного империализма, базирующегося на высоком уровне капиталистического развития. Поэтому всякий должен с большим интересом прочитать в «Новом Востоке» две статьи: Катаяма «Аграрный вопрос в Японии» и М. Павловича «Японский империализм на Дальнем Востоке».

На базе японского земледельческого хозяйства вырос японский капитализм, который свою судьбу тесно связал с большой империалистической политикой, направленной к тому, чтобы подчинить своему влиянию восточную часть азиатского материка. Т. Павлович дает описание попытки Японии стать твердой ногой на территории русского Дальнего Востока, которая, кстати сказать, сейчас окончательно потерпела крах, как и вся политика японского империализма, который не соразмерил своих сил и поставил перед Японией задачи, значительно превышавшие ее материальные рессурсы. Кризис японского империализма лежит именно в том, что капиталистическое развитие Японии оказалось непропорциональным собственным сырьевым рессурсам Японии. Лучшей иллюстрацией к этому в 1918 году были [так наз. «рисовые бунты», а ныне перспектива борьбы за железо на азиатском материке, где против Японии нарастает коалиция противояпонских сил.

В тесной связи с этим нельзя не отметить тех статей, которые связаны с Китаем, Тибетом, Манчжурией и Кореей. Словом, теми районами Восточной Азии, где идет сейчас национально-революционное движение и где складывается противояпонская коалиция, имеющая задачей противопоставить замыслам японского империализма в Азии свободное развитие народов Азии вне японского контроля.

Манчжурия, Китай (собственный так наз. «застенный» Китай) и Корея непосредственно соприкасаются с японским империализмом, поэтому «Манчжурская проблема» А. Ходорова, «В порабощенной Корее»—С. Д. и статьи, посвященные Китаю, должны представлять как бы естественное продолжение темы, касающейся с сферой влияния японского империализма; в то время, как Тибет дает уже другой разрез постановки вопроса об империализме в Азии, здесь мы сталкиваемся с английским империализмом, который до недавнего времени был в тесном союзе с Японией (кто не помнит т. н. «Англо-япон. союза», который расторгнут после Вашингтонской конференции).

Статья Л. Берлина—«Англия и Тибет» безусловно заслуживает того, чтобы читатель, желающий иметь представление о методах действия английского империализма, получил это представление. Но еще более интересную картину в этом отношении рисует И. Ванин в статье «Факты и впечатления из послевоенной Индии». Отсюда, через статью А. Тимофеева о Персии, где тоже английский империализм плетет сети своих интриг, мы переходим к Ближн. Востоку, где сейчас развертывается потрясающая драматическая борьба Турции с английским империализмом.

После мировой империалистической войны Турция по так наз. «Севрскому договору» была выброшена из Европы и фактически разделена между европейскими империалистами, которые поспе-

шили воспользоваться своими мандатами и оккупировали территории, принадлежащие Турции. Дирижерскую роль в разделе Турции играла Англия, которая, впрочем, действовала по традиции английского империализма руками других. На этот раз орудием Англии на Ближнем Востоке оказалась Греция. Е. А. Адамов в своей статье «Великодержавная политика Греции и великие державы» довольно интересно рассказывает, как это произошло.

Что из этого вышло, мы знаем. Турция Кемаль-Паши нашла средства для организации национальной борьбы Турции за свое восстановление, и в результате греко-английский империализм оказался разбитым, а «Севрский договор» разорванным в клочки штыком кемалистского солдата. На очереди встал вопрос о проливах. Борьба за Константинополь и проливы—старая борьба, это один из тех международных узлов, которые империализм настолько крепко запутал на Востоке, что сейчас сам не может развязать.

В связи с Лозаннской конференцией, где этот старый вопрос о Дарданеллах поставлен в новой международной обстановке, особый интерес представляют статьи В. Кряжина «Борьба за проливы» и А. Ф. Сперанского «Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны». Кряжин, с цифрами в руках анализируя значение проливов в международном товарообмене, приходит к выводу, что наиболее заинтересованным государством в проливах после Турции является, несомненно, Россия. Как известно, Россия на Лозаннской конференции отстаивала точку зрения свободы проливов для коммерческого мореплавания и закрытия проливов для военных судов. Эта точка зрения встретила ожесточенное противодействие со стороны английского империализма, который, учитывая стратегическое значение проливов, представляющих как бы Черноморский Гибралтар, решительно заявил о своем желании сохранить за собою контроль над ним.

Лозаннская конференция вскрыла еще один момент скрещивающихся противоречий мирового империализма на Ближнем Востоке, центром которых явилась моссульская нефть. Из-за этой нефти очень долгое время спорила Англия с Францией, из-за этой же нефти в настоящее время уравновешенная Америка потеряла свое спокойствие и удивила мир своим поведением в Лозанне. Для понимания франко-английских взаимоотношений читателю следует прочесть статью А. Сперанского.

Очень интересны статьи П. Арсеньева «Очерки современной Турции» и Д. Козмина «Рабочее движение в Турции», которые в общем довольно удачно дополняют картину борьбы Турции за свое освобождение.

Если же говорить об английском империализме на Ближнем Востоке, то сфера его влияния простирается на весь бассейн Средиземного моря. И нужно отдать справедливость английским империалистам, они методически упорно расставляют вехи своего влияния. Суэц, Гибралтар, Мальта, Чанак, Моссул, Египет... Проблема Средиземного моря уже давно стоит на очереди, дожидаясь своего исследователя. С тем большим интересом читается работа К. Трояновского «Проблема Египта и Судана», который вскрывает сущность английской заинтересованности в Египте и Судане. Нельзя также не отметить интересного этюда И. Ванина «Абиссиния», этой своеобразной страны, сохранившей пока свою независимость в колониальной Африке.

Перечисленными статьями мы отнюдь не исчерпали чрезвычайно богатый по своему разнообразию политико-экономический отд. «Нового Востока», где есть еще статьи в роде Бэнтинга—«Белые и черные рабочие в Южной Африке», «Пробуждение трудящейся женщины Востока», «Афганистан и Ангора»—Никулина и т. п.

К сожалению, не все отмеченные нами статьи одинакового достоинства в научном отношении. Большинство авторов дает публицистические обзоры, которые сами по себе, конечно, представляют интерес, но которые, конечно, не могут заменить собою научного исследования той или иной страны, или специального вопроса, посвященного Востоку. Нам понятно желание редакции «Новый Восток» популяризировать Восток, сделав его доступным пониманию широкого читателя, но все же, очевидно, в интересах научности изучения Востока, придется отказаться от преобладающе публицистического метода описания Восто-

ка и перейти к систематическому научному изучению последнего. Мы лично думаем, что хотя это и несколько сузит размеры «Нового Востока», зато он безусловно выиграет в смысле своего содержания.

На ряду с политико-экономическим отделом «Новый Восток» имеет также большой историко - этнологический отдел. Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения удалось собрать распыленные силы русских ученых. В минувшем году при В. Н. А. В. состоялся Первый Всероссийский Съезд египтологов, которому в журнале и освящена статья проф. И. Бороздина, а равно помещен доклад, сделанный на этом съезде египтологом проф. И. Франк-Каменецким, «Гениальное открытие Шампольона», чрезвычайно интересный и популярно изложенный.

С большим интересом читаются работы проф. Д. Анучина «Ископаемый человек в Азии и Африке» и проф. Б. Фармаковского «Ханаан и Израиль по данным последних раскопок в Иерихоне». Эта последняя работа представляет реферат, посвященный книге Э. Селлина и К. Вацингера, в которой последние дают картину больших раскопок в Палестине. Статья снабжена интересными иллюстрациями.

Вообще историко-этнологический отдел составлен интересно и содержательно.

Кроме вышеприведенных двух основных отделов, в журнале есть еще отделы писем и корреспонденций, материалы и документы, обзор прессы и библиография. Хроника.

При существующей у нас распыленности изданий, посвященных Востоку, отсутствию налаженных библиотек и книгохранилищ, отдел обзора прессы и библиография востоковедения должны представлять исключительный интерес и значение для читателя, интересующегося Востоком, поэтому нельзя не пожелать, чтобы на эти отделы редакция «Новый Восток» обратила наибольшее внимание, поставив перед ними задачу—не только библиографию, как отзыв о книге или статье, но и как систематизацию материалов, связанных с Востоком, чтобы для нашего молодого советского востоковедения была возможность воспользоваться книжками журнала «Новый Восток» не только как интересной книгой, но и как необходимым справочником-указателем.

Издана книга прекрасно, с массой интересных иллюстраций и схематических чертежей.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1. «За 5 лет». 1917—1922 гг. Сборник Ц. К. Р. К. П. *П. Лепешинский.*—**2. A. Mathiez. Le bolschévisme et le jacobinisme.** *Ц. Фридлянд.* — **3. А. ШИЛОВ Что читать по истории русского революционного движения.** *Г. Лелевич.* — **4. Т. Г. МАСАРИК. О большевизме.** *В. Адоратский.* — **5. Л. МАРТОВ. История российской социал-демократии. Период 1898—1907 гг.** *В. Невский.* — **6. Я. ФОРСТЕР. Волны рабочей революции Германии, Англии Италии, и Франции 1918 — 1921 гг.** *А. Слуцкий.* — **7 Русская революция и Р. К. П.** *И. Антонольский.* — **8. ИВАНОВ (Эмир). Пролетарская революция и чувашская интеллигенция.** *А. Вильдо.* — **9. С. АЙНЗАФТ. Зубатовщина и гапоновщина.** *С. Пионтковский.* — **10. Б. КОЗЬМИН П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х гг.** *Б. Горев.* — **11. ГЕРМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОПАТИН (1845 — 1918).** *Б. Козьмин.* — **12. П. СТОЛПЯНСКИЙ. Старый Петербург, колыбель русской свободы.** *К. Остроухова.*

ЗА 5 ЛЕТ. 1917—1922 гг. Сборник Ц. К. Р. К. П. Изд-во «Красная Новь». Москва. 1922 г. Стр. 422.

В предисловии к сборнику редакционная комиссия предупреждает, что он далеко не полон, и причину того обстоятельства комиссия видит в отсутствии у нашей партии сил и времени, чтобы вплотную подойти к изучению итогов переходного периода.

Поэтому требования к сборнику не должны превышать тех ожиданий, которые подсказываются вышеприведен-

ным предупреждением. На нет и суда нет. Feci, quod potui... Но это обстоятельство нисколько не помешает признать большое значение и крупные достоинства за книгой и в том ее виде, какой она имеет. Правда, ценность статей в сборнике не одинакова, и интерес к ним со стороны читателей будет иметь различную степень интенсивности. А все-таки хорошо уже и то, что есть попытка оглянуться назад и хотя бы бегло окинуть взором пройденный нами путь за 5 лет нашей великой революции,—путь по головокружительным высотам коммунистического строительства новой жизни, над безднами контр-революционных водоворотов и интервенционных волн,—путь через реки крови небывалой еще в мире гражданской войны.

Просто и интересно написана статья т. Луначарского «Идеология накануне Октября». Это—маленький набросок из кусочка идеологической жизни перед октябрем,—всего лишь несколько беглых штрихов. Но штрихи эти очень живо воскрешают в памяти то, что сознание, подстегиваемое революционным темпом событий, невольно относит к далекому-далекому прошлому. Как, например, любопытен и поучительно характерен рассказанный автором эпизод с предполагавшимся аллиянсом между «Новою Жизнью» и «Правдой». Между представителями партии и «благожелательно революционными словесниками» из «Новой Жизни».

Состоялось совещание. На этом совещании, по словам т. Луначарского, Троцкий был особенно великолепен. Он, можно сказать, убил новожизненских политических импотентов своей великолепной речью на тему о том, что сейчас политик не должен быть писателем, не должен литераторствовать, а должен быть бойцом.

К сожалению, т. Луначарский «раскачался» для сборника на дюжину страниц воспоминаний о кануне Октября. А то, что было непосредственно в поле его зрения за пять лет революции—опыт просветительной деятельности Наркомпроса со всеми его достижениями и неудачами, блистает на страницах сборника своим отсутствием. Наркомпросу не посвящено в книге ни одной строчки. Впрочем, нас уже предупреждали, что сборник по независящим обстоятельствам далеко не полон, а следовательно, нет смысла по этому поводу ламентировать.

Статья т. Вардина «От мелкобуржуазной контр-революции к реставрации капитализма» принадлежит к числу наиболее удачных в сборнике и по форме и по содержанию. В ней речь идет о меньшевиках. Тема нам уже знакомая,—«как допла ты до жизни такой»,—но автор удачным подбором эпизодов из жизни меньшевистской литературы сумел достигнуть большой отчетливости и выпуклости в характеристике этой межеумочной группы идеологов вступившего на скользкий путь контр-революции мещанства.

Т. Радек дает обзор внешней политики Советской России за 5 лет. Статья имеет много достоинств, свойственных перу этого талантливого политика и литератора, всегда умеющего очень простыми способами—не надуманной, не окутанной туманом пышной фразеологии, а естественно-свободной постановкой вопросов—вскрыть глубокую сущность и подоплеку в картине современных международных отношений. Но в то же время бросаются в глаза и недостатки статьи. Чувствуется, что она написана на-спех, без дальнейшего просмотра. Стиль небрежный, иногда даже грешащий против правил грамматики. Попадаются иногда не четко выявленные мысли. Например, на вопрос, почему мы заключили Брестский мир, автор отвечает: «мир был заключен потому, что войну нельзя было дальше вести» (стр. 62). Получается такое впечатление, что большевики-де готовы были бы и дальше тянуть каинтель империалистской войны, если бы русский мужик не сказал: «довольно, не хочу больше сражаться». Не совсем верно, что «вопреки воле масс нельзя вести войну» (стр. 63). Неужели же империалистская бойня произошла и опустошила Европу потому, что такова была воля масс?.. Не оказалось налицо противодействия со стороны неорганизованных масс,—это верно: но доброй воли их на кровавую бойню, как известно, не было. Другого сорта дело, когда трудящиеся массы перестают быть пу-

шечным мясом в распоряжении эксплуататорских классов и в лице своего авангарда (пролетариата) делаются сами хозяевами своих исторических судеб. Тогда и вопросы войны и мира становятся под знак воли масс. Таким образом, Октябрьская революция, расковавшая цепи пролетариата и крестьянства в России, предопределила дальнейший ход событий у нас, а в том числе сделала неизбежным и выход России из империалистической войны (хотя бы даже под формою «похабного» Брестского мира),—и это отнюдь не неожиданно для большевиков, для передовой партии пролетариата, и отнюдь не вопреки ее воле, а в полном согласии с теми революционными предпосылками, которые выражали сущность большевистской политики и большевистских лозунгов.

Довольно обширная статья т. Сафарова—«Национальный вопрос в послеоктябрьский период»—представляет простую перепечатку из книги того же автора «Национальный вопрос и пролетариат». Книга эта в свое время вызвала некоторые возражения в партийной прессе (см., напр., № 1—2 «Под знаменем марксизма»), и не все ее положения принадлежат к числу бесспорных.

В статье т. Тимирязева «Наука в Советской России за пять лет» говорится о некоторых достижениях в области научных исследований, сделанных русскими учеными. К сожалению, автор совершенно не касается вопроса о том, что сделано в Советской России для приближения науки к широким массам трудящихся и для борьбы с буржуазными уклонами мысли старой профессуры. Ни о наших рабфаках, ни об институте красных профессоров и т. д.—в статье ни слова.

Отметив по дороге хорошую, богатую фактами статью т. В. Антонова-Овсеенко о «Строительстве Красной армии в революции», а также интересную и красиво-написанную статейку т. Лозовского «Профсоюзы и Октябрьская революция». Статья т. Бронского «Проблемы мирового хозяйства» изобилует статистическими данными о мировом производстве тяжелой индустрии за годы войны и в послевоенный период, о государственной задолженности стран, о денежном обращении в них и т. д. Но немножко странно, почему в ряду этих данных совершенно отсутствуют цифровые показатели хозяйственного прогресса и регресса в России? Или наша страна в качестве quantité negligeable в счет не идет при рассмотрении мирового хозяйства? Или данные о России автор предполагал настолько известными русскому читателю, что не считал нужным помещать их в своих сравнительных таблицах?.. Во всяком случае этот пробел очень обесценивает статью т. Бронского. Кроме того, досадное впечатление производит небрежность ее стиля и значительное количество опечаток. Вот, напр., одна из фраз, взятая почти наудачу: «Тростниковый сахар, производство которого в 1913 г. было немногим больше производства всего свекловичного сахара, не только (не?) уменьшилось (что уменьшилось? сахар?) (!), но в общем увеличилось в Америке с 9,86 миллионов тонн до (в?) 1913—14 гг. до 11,98 миллионов тонн в 1918—19 гг.». В одной коротенькой фразе полдесятка неправильностей или опечаток. Небрежность в стиле иногда делает непонятной и самую мысль автора. Вот образчик: «Классовый характер государства и находящаяся в руках капиталистов правительственная власть использовалась капиталистами в смысле укрепления и закрепления финансовых результатов войны за капиталистами ценой других классов населения и даже ценой финансового положения государственного хозяйства».

Статьи наших хозяйственников — т. Богданова («Промышленность за пять лет революции»), т. Месяцева («Аграрный вопрос в России за время революции») и т. Теодоровича («Сельское хозяйство и Нэп») в неподкрашенных тонах рисуют картину нашей хозяйственной упадочности, с одной стороны, и некоторых (правда, очень еще слабых) признаков начинающегося возрождения хозяйства в России. Цифры, приводимые ими, не новы, и тот, кто внимательно следил за статистикой нашей промышленной и сельско-хозяйственной жизни хотя бы на страницах «Экономической Жизни»,—тот не найдет в этих статьях новых данных или неожиданных для

него выводов. Но для массового читателя, который заинтересуется сборником, не бесполезно будет узнать, что, например, в 1920 г. производство основных продуктов тяжелой индустрии упало до ничтожнейших размеров в $1^1/_2$, 2, 4 и т. д. процентов довоенного времени, и что, несмотря на некоторые улучшения с тех пор в отдельных отраслях промышленности, ряд других находится в самом зачаточном состоянии своего подъема после империалистической и гражданской войны. С интересом будет отмечен читателем и тот факт, что, несмотря на колоссальное сокращение посевной площади в России за годы войны и революции, несмотря на отказ советского государства от многих своих надежд в связи с опытами коллективизации сельского хозяйства, число коммун и артелей из года в год все же растет, особенно артелей, которых в начале 1918 г. насчитывалось 422, а в конце 1921 г.—свыше 10.000. И т. д., и т. д.

Правильно, как нам кажется, ставится проблема распределения в статье т. Милютина («Проблема распределения и потребления»). Подчинение (экономическое) рынка государственным и кооперативным организациям при наличии конкуренции с частным предпринимателем, целевое, а не уравнительное снабжение, сведение к минимуму непроизводительного потребления, снабжение рабочих крупной индустрии и Красной армии, гарантированное государственными органами полностью, зависимость, наконец, проблемы распределения и потребления от развития производства,— таковы основные тезисы статьи т. Милютина.

В статье т. Преображенского «Финансы и денежное обращение в Советской республике за 5 лет» отражается картина колоссального и быстрого (по закону логарифмической кривой) падения рубля, т.-е. повышения стоимости золотого рубля в денежных знаках— вплоть до тех астрономических цифр, которые всякому знакомы. Впрочем, по части предсказаний и указаний на то, каков выход из положения, автор более чем скромен, если не считать нескольких заключительных строк статьи, гласящих, что «страна вступила в период постепенного возрождения промышленности и сельского хозяйства, благодаря чему создается прочный базис для оздоровления советских финансов и денежного обращения».

Приятным дополнением к статьям в сборнике является «Хроника гражданской войны» календарного типа за революционное пятилетие, составленная Коллективом Военно-научного общества при Военной академии под руководством т. Семенова.

П. Лепешинский.

ALBERT MATHIEZ. «Le bolschévisme et le jacobinisme». Paris. 1920. Libraire du Parti Socialiste et de l'Humanité. Стр. 25.

Огромный волнующий интерес представляет собою сравнение двух революций: Великой французской на грани XIX века и Великой российской Октября 1917 г. Мы поэтому с большим вниманием должны отнестись ко всякой попытке подобного рода, особенно, если она исходит от специалиста исследователя французской революции. Казалось бы кто, как не историк великого переворота на исходе XVIII в. может оценить наш мощный переворот. Но здесь ярко и отчетливо выступает буржуазный характер исторической науки наших дней, которая поэтому органически неспособна понять российской революции. Олар, патриот эпохи войны 1914 г., восторженно встретил мартовскую революцию, но мы не знаем точно его отношения к «октябрю» (Анналы 2). А. Матье не столь значительная величина, как Олар, однако, видный историк французской революции, откликнулся на бессмертное событие эпохи в своей брошюре: «Якобинизм и большевизм», изд. «Humanité». Ни одной оригинальной мысли ни понимания пролетарской революции автор не обнаруживает: он только констатирует полное фотографическое сходство большевизма и якобинизма. Он *только* констатирует, как «беспристрастный» историк.

«Между якобинизмом (под этим мы понимаем правление монтаньяров от

июня 1793 г. до июля 1794 г.) и большевизмом нет никакой разницы. Это признал Ленин в своих речах. Поэтому большевизм и поставил памятник Робеспьеру». Это основное утверждение А. Матье. Это сходство не только в действиях, но и в общности причин их возникновения. «Якобинизм и большевизм— две диктатуры, рожденные гражданской войной и внешней войной, это две диктатуры класса (каково? *Д. Ф.*), действующего теми же средствами, террором, реквизицией, таксой, имеющие обе одну цель: изменить общество не только русское или французское, но всемирное». Посмотрим теперь, как конкретно А. Матье представляет себе совпадение целей и средств большевизма и якобинизма. Большевики и якобинцы привязали к себе крестьянство материальными интересами, тем самым они обеспечили себе поддержку огромного большинства народных масс; те и другие реалисты и подавляют оппозицию смертной казнью, террором. Они откажутся от этих средств тогда, когда, как говорил Сен-Жюст, «народ будет счастливым». Большевики и якобинцы выступают против собственности. Те и другие «подчиняют собственность социальным интересам, ставят ее распределение под опеку закона». И якобинцы реквизировали, национализировали мастерские для военных нужд и они применяли «твердые цены» к предметам первой необходимости. Коммунистов (Матье не употребляет этого термина) сравнивают иногда с гебертистами, но без всякого основания: Ленин, как и Робеспьер, против анархии. Тот и другой прежде всего имеет в виду «интересы маленьких людей против богачей». Говорят: «якобинская диктатура была легальной, а большевистская— нелегальна». Почему? Якобинцы господствовали с помощью «очищенного» парламента, большевики сразу «очистили» Учредительное Собрание. Где легальность первых и нелегальность вторых? Даже комитеты деревенской бедноты не изобретены большевиками. Ревкомитеты сан-кюлотов—это одно и то же. Большевики, как и «Гора», по вопросу о собственности думают лишь об уничтожении социальной силы и политической опасности контрреволюции. Национализации — это репрессивные меры и только. «Политики наших дней,—пишет А. Матье,—противопоставляют патриотизм якобинцев интернационализму большевиков». Но это абсурд. Декларация прав 1793 г. начиналась так: «люди всех стран братья»... Но и Ленин думает об интересах России. Большевики против религии, но это только временно. Если они до сих пор еще не воздвигли вместо христианской религии культ разума, то потому, что до сих пор у них не было в этом настоятельной потребности. Но они уже на пути, который их приведет к этой религии (?!). Большевики стремятся к миру: «будущее большевизма решится так же, как и судьба якобинизма, на полях сражения».

Без особых разъяснений очевидно, что сравнительно-исторический метод А. Матье—безнадежно формальный. Представители революционной диктатуры разных классов (мелкой буржуазии и пролетариата), разных эпох (начала и конца капитализма) идентичны в условиях борьбы, средствах и целях. При чем смешано и спутано революционно-бессмертное, что отличает обе диктатуры от исторически преходящего, что отличает одну от другой. Возьмем вопрос о собственности.

Якобинцы всецело стоят на почве собственности, они за мелкую собственность против крупной, они социально-реакционны и утопичны в своих выступлениях против развивающегося промышленного капитала и против всяких попыток коммунизма. Когда они декретируют реквизицию и максимум, они декретируют их в интересах мелких потребителей, но не забудем, что эти же меры Робеспьер распространяет на рабочую силу. В каком смысле здесь возможно установление идентичности с коммунизмом, отрицающим частную собственность на орудия производства?

Подобные сопоставления, как и утверждение, что большевизм и якобинизм одинаково патриотичны, свидетельствуют о том, что А. Матье, как и вся буржуазная наука, столь же мало понимает во французской революции, как и в русской.

Но в чем смысл подобного анализа? Ведь Матье сам вынужден признать, что «времена другие, другие теории»,

что цивилизация шагнула вперед... Дело в том, что надо доказать, что судьба большевизма та же, что и якобинизма. Якобинцы были «красными империалистами», но и Ленин «только укрепится и предпримет наступление Красной армии». Не имеет никакого значения то, что «октябрь» возник из стремления к миру, а диктатура 1793—1794 гг. должна была усилить войну и обеспечить победу. Будущее большевизма будет разрешено войною. 9 термидора и 18 брюмера неизбежны в России, как и во Франции; так же, как в первой, и во второй за изгнанием жирондистов пришла победа якобинцев и большевиков, мы теперь без труда поймем, почему брошюру А. Матье издала Partie Socialiste. Но подобная «беспристрастность» еще более оттеняет, что опыт А. Матье есть материал для будущего историка, чтобы знать, как не надо делать сравнительно-исторического анализа пролетарской и буржуазной революций. Но сам факт сопоставления выявляет то исторически-бессмертное, что есть в нашей Революции.

Ц. Фридлянд.

А. А. ШИЛОВ. Что читать по истории русского революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. 230 стр. in 8°. Госиздат. Петроград. 1922.

Потребность самой широкой массы в серьезном ознакомлении с нашим революционным прошлым по размерам может сравниться только с незнакомством этой массы с летописями революционной борьбы. Тяжесть этого положения усугубляется тем, что рядовой читатель, желающий более или менее серьезно изучить вчерашний день пролетарской революции, буквально тонет в безбрежном море самого разнообразного печатного материала—от капитальных исследований, монографий, мемуаров до журнальных статей включительно. Выбраться из этого лабиринта без волшебной нити Ариадны рядовой читатель не может, и перед ним встает альтернатива: или махнуть рукой на изучение истории нашего революционного прошлого, или потратить невообразимо много ценного времени на бессистемные разведки по библиотечным полкам. Книга Шилова является попыткой послужить такой Ариадниной нитью для читателя. «Отнюдь не считая свой указатель совершенным, даже в указанных пределах, составитель, тем не менее, надеется, что предлагаемый им библиографический справочник может принести пользу, как для читателя-неспециалиста, избавив его от необходимости самому рыться в журналах, так и для специалиста-историка революционного движения, давая ему указания на литературу для первых справок». Так смотрит сам А. Шилов на задачи и характер своей работы. Книга Шилова бесспорно является результатом значительного труда и представляет большую ценность как для специалиста, так, главным образом, для рядового читателя. Тем не менее, книга обладает чрезвычайно серьезным и крупным недочетом.

Не вдаваясь в длинные рассуждения, следует прямо указать, что на работе А. Шилова чрезвычайно вредно отразилось то обстоятельство, что автор, видимо, не стоит на точке зрения исторического материализма, и потому не подошел к своему труду с правильным научным критерием. Рецензент «Былого» («Былое», № 20, стр. 297) мельком заметил, что Шилов прямо не определяет, что он разумеет под «русским революционным движением». Это беглое замечание скользнуло по вопросу, который заслуживает более внимательного рассмотрения. Что понимает Шилов под русским революционным движением? Борьбу за политическую свободу, борьбу с царизмом. Но тогда движения Болотникова, Разина, Пугачева, движение 9 января,—все это не относится к истории революционного движения. Получается абсурд. Следовательно, этот критерий неприемлем. Быть-может, под революционным движением следует понимать освободительную политическую и экономическую борьбу трудящихся и эксплуатируемых классов? Но тогда выпадет история декабристов-дворян, ставших на точку зрения буржуазии. В библиографической заметке не место подробно останавливаться на этом, но полагаю, что и сделанные выше беглые замечания дают право подчеркнуть, что

наступило время покончить с фетишем «революционного движения». Вместо этого фальшивого и ненаучного термина следует различать две отрасли русской истории: 1) историю классовой борьбы в России и 2) историю пролетарской революции в России и ее предшественников. Так как первая отрасль превратила бы работу Шилова в огромный фолиант,—Шилову следовало (если, понятно, он хотел работать при помощи научных методов) ограничить свой указатель рамками второй отрасли, начав, примерно, с шестидесятых годов прошлого столетия. Шилов же даже не задумался над этим вопросом; он пошел по проторенной либерально-народническими историками дорожке, начав с Радищева и декабристов и создавая этим совершенно превратное представление о сущности революционного процесса. Отсюда «все качества». Отсюда несуразное распределение материалов *по царствованиям*, отсюда вопиющая непропорциональность в построении книги.

Либеральная оценка моментов и фактов революционной борьбы привела к непомерному раздуванию менее важных исторически этапов за счет более важных. В то время, как указатель литературы о движении декабристов дифференцирован до тонкостей («Волнения в Семеновском полку», «Популярные очерки о декабрьском движении», «Общие труды», «Жены декабристов», «День 14 декабря», «Декабристы в Сибири» и т. д.),—в то же время весь период истории рабочего движения и социал-демократии в конце 80—90 гг. помещен под одним заголовком, без всяких подразделений, так что в одну кучу свалены и деятельность «Союзов борьбы», и первый съезд партии, и Обуховская оборона. Еще недопустимее сваливание в одну кучу всего рабочего движения с 1901 по 1914 г. Не выделена эпоха «Звезды» и «Правды», имеющая несравненно большее историческое значение, чем, хотя бы, процессы Колесникова, Критских или Дэвонкевича, которым Шилов уделил особые графы. Наиболее ярким проявлением этой непропорциональности является тот поразительный факт, что в книге, доводящей обзор до февральской революции, *нет отдельной биографической графы о Ленине*, тогда как имеются отдельные графы о таких третьестепенных революционных деятелях, как декабристы Кривцов и Ингельстром.

Все это значительно обесценивает работу Шилова.

Необходимо также остановиться на вопросе об отдельных частных пропусках. Рецензент «Былого» пишет: «От достоинств указателя, обусловленных сознательно поставленными себе автором ограничениями, не осталось бы и следа, если бы критика сосредоточила свои усилия на том, чтобы в последующих изданиях не было «пробелов» (стр. 296). Это неверно или, во всяком случае, не вполне верно. Разумеется, было бы смешно заполнять библиографические отзывы о книге Шилова указаниями на отсутствие в книге названия той или иной мелкой брошюры или статьи, касающихся второстепенных подробностей революционной борьбы. Но бывают пропуски, которые лишают читателя возможности составить правильное суждение о характере того или иного события. Таким пробелом является, например, отсутствие названия известной книги Бухарина в указателе литературы о февральской революции. Точно так же, называя статью Надина о Стрельниковском процессе, А. Шилов должен был отметить очень существенные поправки к статье Надина, которые были даны в одной из последующих книг «Былого» за тот же 1906 год.

Общий вывод: при отсутствии каких бы то ни было аналогичных работ, книга Шилова сослужит определенную службу. Но читатель, пользуясь ей, должен учесть все вышесказанное.

Г. Лелевич.

ТОМАШ Г. МАСАРИК (президент Чехо-Словацкой республики). О большевизме. Издательство „Наша Речь". Прага. 1921 г. 60 стр.

На таком небольшом количестве страниц г. президент Чехо-Словацкой республики успел наговорить много неправды, но нового читатель не извлечет из брошюры ничего. Брошюра это одна из бесчисленных вариаций к вопросу, как помешать пролетарской революции,—по-

мешать борьбе за освобождение пролетариата от ига капитализма. Главное обвинение против большевиков—это обвинение в том, что они революционеры. Читатель найдет в брошюре обычный буржуазно-демократический вздор о том, что революция не нужна, «социализация пойдет постепенно» (15), «революция теперь нелепость» (17), так как при демократии обеспечено мирное развитие. В этих протестах против революции так же мало нового, как и в запугивании тем, что пролетарской революции будут противодействовать «миллионы мелких собственников, особенно крестьян» (48). В январе 1848 г. мелко-буржуазный демократ Флокон пугал Энгельса тем же самым: «Вы (коммунисты) ведете к деспотизму, вы убьете революцию во Франции, у нас 11 миллионов мелких крестьян, которые в то же время являются самыми отчаянными собственниками и т. д. (См. Маркс и Энгельс. «Письма». Изд. «Московского Рабочего», письмо № 5). Как видно, за 75 лет мало новых аргументов удалось изобрести г-дам буржуазным демократам.

«Маркс и Энгельс,—пишет Масарик,—в конце-концов, отказались от своего прежнего взгляда, что за буржуазной революцией последует пролетарская» (22—23). По словам Масарика, Маркс был в 1848 г. революционным романтиком и в период реакции продолжал им оставаться, пока не стал социалистом. «Когда же он пришел к научному социализму, то он уже смотрел на революцию иначе, чем это было в 1848 г., и иначе, чем он писал в первой книге «Капитала». В этом как раз и заключается разница между первой книгой «Капитала» и последующими». Но когда же Маркс стал «научным» социалистом в масариковском смысле? Повидимому, еще и в 1875 г. он им не был, потому что писал в «Критике готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть ничем иным, как *революционной диктатурой пролетариата*».

О разнице между первым томом «Капитала» и последующими г. Масарик пишет в расчете, что его читатели не заглянули в эти томы. Но в России теперь все больше людей, которые в эти томы заглядывают и знают, что первый том «Капитала» стал печататься уже после того, как все три тома были Марксом вчерне уже закончены.

Однако, среди массы извращений и лжи в брошюре г. Масарика один раз ему пришлось сказать и правду: «Само собой разумеется, что каждый мыслящий человек не может не понять, что как Маркс и Энгельс, с одной стороны, так и Ленин, Радек и другие, с другой стороны, вели и ведут за собой массы» (45).

В. Адоратский.

Л. МАРТОВ. История российской социал-демократии. Период 1898 — 1907 гг. Изд. „Книга". Москва—Петроград. 1922 г. Изд. второе с послесловием В. Ежова.

Второе издание книги Л. Мартова ничем не отличается по существу от первого издания, кроме небольшого послесловия В. Ежова, сделавшего необходимые поправки в связи с новыми фактами и накопившимися материалами по истории рабочего движения за последние пять лет.

Как и все, что выходит из-под пера блестящего публициста Л. Мартова, и эта книга написана прекрасным языком, отличается сжатостью и ясностью и изобилует достаточным количеством фактов, если принять во внимание, что в распоряжении автора не было еще тех материалов и фактов, которые опубликованы и освещены в последнее время.

Но если таковы достоинства этой книги, то ей вместе с тем присущи все те качества, какие должны быть присущи социал-демократу меньшевику, игравшему такую видную роль во всей истории меньшевизма. Здесь нет той объективности, какой можно было бы ожидать от такого опытного и выдающегося вождя правого крыла российской социал-демократии. Это отсутствие объективности особенно выявляется там, где Мартову приходится говорить о т. Ленине, той тактике, которую проводил вождь пролетариата и вообще, когда речь идет о

тех разногласиях, какие наметились со времени второго съезда партии.

Так, мы узнаем, напр., на стр. 60, что уже во время полемики искровцев с экономистами они, оказывается, были правы в своих нападках на т. Ленина, который, якобы, обнаруживал тенденцию в ту эпоху «объединить все оппозиционные общественные силы вокруг с.-д. партии и при этом сохранить за нею ее классовый характер исключительно средствами строгого отбора последовательных марксистов в руководящие центры». Здесь же в книге (на стр. 70 и 71) Мартов утверждает, что рабочедельцы стояли на правильной позиции, когда обвиняли т. Ленина в отходе от классовой позиции, потому что «в произведениях Ленина вопрос о взаимоотношении между социальной и либеральной демократией крайне упрощался в угоду, несомненно, владевшей в то время этим писателем идее образования какого-то революционного сверхцентра, объединяющего движение всех классов, борющихся против царизма».

Конечно, Мартов обрушивается на т. Ленина и за ту в высшей степени плодотворную мысль, воплощение которой в жизнь и создало из нашей партии ту непобедимую силу, какая заставляет считаться с пролетариатом России буржуазию всего мира.

Мы говорим о «профессиональных революционерах», стальном аппарате партии, его ядре, без чего наша партия, без сомнения, никогда не проявляла бы той силы и гибкости, которые и помогают так искусно маневрировать в самые серьезнейшие моменты жизни партии. По мнению Мартова, Ленин создавал «настоящий культ» этим профессиональным революционерам, как рычагу, «с помощью которого партия может приводить в движение громадные массы и маневрировать, используя борьбу самых различных классов с самодержавием».

Нечего, конечно, толковать, что, по мнению Мартова, ошибались большевики во главе с Лениным и тогда, когда боролись на втором съезде против мартовской формулировки § 1 устава партии, и тогда, когда обрушились с беспощадной критикой на пресловутую кампанию меньшевиков в 1904 г. в связи с земской банкетной кампанией и уж, конечно, тогда, когда т. Лениным в 1905 году был поставлен вопрос о диктатуре пролетариата и крестьянства.

Стоит ли доказывать теперь, после пяти лет существования Советской власти, кто оказался прав: заговорщики ли большевики (в одном месте Мартов так и называет т. Ленина заговорщиком, стр. 97), или меньшевики, находящиеся теперь по ту сторону баррикады вместе с буржуазией против пролетариата.

Молодым членам партии, пожалуй, мало говорят все эти понятия «профессиональные революционеры», «земский план и кампания «Искры» и т. д. и т. п., а эти самые профессиональные революционеры очень хорошо помнят, какое огромное значение имели эти вопросы для революции тогда, в разгар споров с меньшевиками.

Именно потому, что меньшевики не сумели понять всего огромного значения этого ядра, называемого «профессионалами», именно потому, что их устами говорила меньшевистская мелкобуржуазная сущность, когда они по вопросу о § 1 устава старались протащить в партию представителей враждебных пролетариату классов, именно потому, что в их борьбе против ленинской концепции о диктатуре пролетариата и крестьянства говорила мелкобуржуазная ограниченность, узость и нерешительность,— именно поэтому и в самые решительные моменты, и в период подполья 1910—1917 годов и в период Октябрьской революции, волны движения отбросили меньшевиков далеко от пролетариата.

Книжка Мартова—интересный исторический документ, мимо которого, конечно, не пройдет историк партии, но, без сомнения, не учебник, ибо слишком много в нем субъективного, фракционного, хотя и прикрытого прекрасным слогом некогда славного пролетарского борца и публициста.

Да, книжка Мартова—не учебник, а документ, свидетельствующий о том, что партия или фракция, идущая рука об руку с теми, кто предает рабочий класс, не может быть беспристрастным судьей того самого авангарда пролетариата который на полях битв доказал и пра

вильность, и силу, и непобедимость тактики тех самых «заговорщиков», имя которым коммунисты большевики.

В. Невский.

В. ФОРСТЕР. Волны рабочей революции Германии, Англии, Италии, Франции 1918—21 гг. 64 стр. Издание «Красная Новь». Москва. 1922 г. Перевод с английского.

Брошюра т. Форстера является ценной и заслуживающей внимания, тем более, что, будучи почти единственной на русском языке, дает сжатый очерк рабочего движения главных стран Запада в послевоенный период. Война провела резкую борозду в рабочем движении. Послевоенный период «волн рабочей революции» является особенно ценным и поучительным, как по грандиозности и размаху событий, так и по их последствиям.

Еще не настало время для изучения этой полосы движения, для его монографического исследования. Мы — современники и участники его. Оно—только наше «вчера».

Тов. Форстер, руководитель американского рабочего движения, и не задается подобной целью. В настоящей брошюре он делает попытку обрисовать в сжатом очерке «общий ход революции в Европе и причины ее поражения».

Он—не историк, а активный деятель и его интересуют те выводы, которые должен сделать рабочий класс в результате своего поражения, после того, как он вознесся на гребнях «волн рабочей революции».

И для того, чтобы яснее понять причины кризиса рабочего движения, т. В. Форстер останавливает внимание только на наиболее важных и грандиозных событиях послевоенного периода: германской революции 18 г., забастовке английских углекопов, на периоде захвата фабрик в Италии, на майской забастовке железнодорожников во Франции—этих признаках рабочей революции.

И по всей Европе «основная причина поражения пролетариата в момент великого революционного кризиса—предательство реформистских вождей» (стр. 64). Воспитанные «длинной эпохой медленной эволюции рабочего движения до войны», привыкшие к тактике компромисса и половинчатых мероприятий, они сыграли жалкую роль приспешников буржуазии, будучи могучим оружием в ее руках. Кратко, но ярко, т. Форстер обрисовывает истинную роль Шейдеманов, Жуо, Д. Томасов и им подобных «социалистов» в дни исторических испытаний.

Руками реформистов была задушена германская революция. Останавливаясь на наиболее существенных эпизодах германской революции, автор выясняет поведение соц. большинства. Усилия их во всех этих событиях были направлены к тому, чтобы «твердыни капитализма в эту огромную бурю оказались твердо защищенными» (15 стр.). Как случилось, что немецкий рабочий, единым натиском свергнувший монархию и взявший власть в свои руки, вновь очутился под ярмом капитализма? Поведение и социальная программа дает ключ к разгадке.

Тот знаменитый «бургфриден» (классовое сотрудничество), который намечался до войны, расцвел пышным цветом во время ее и, определив собою тактику соц. большинства в послевоенный период, предопределил и ход событий.

Т. Форстер приводит характерный факт соглашения центральных организаций предпринимателей и рабочих от 15 ноября 1918 г. В момент, когда вздымались «волны рабочей революции», реформистские вожди профессионального движения подписывали соглашение о том, что:

«1) професс. союзы признаются представителями пролетариата в производстве;

2) какое бы то ни было ограничение прав рабочих недопустимо»... (?!)

И это соглашение двух враждебных сил,—соглашение, обеспечивающее капиталу спокойное процветание, подписывалось тогда, когда по Германии бушевала революционная буря, когда власть была в руках рабочих. Реформисты отныне обязались неукоснительно выполнять этот договор, ставший

их социальной программой. Отныне они революцию втискивали всяческими мерами в ложе этого договора. Во имя этого соглашения Носке расстреливал рабочих, во имя этого договора душилась германская революция соц. большинства. Д-р Рейнерт, управляющий делами германской металлургии, выболтал тайну договора, который был подписан вождями професс. движения, сказав в своем докладе: «Уже в первых числах октября реальное положение вещей стало для нас вполне ясным. Вопрос заключался в том, каким образом мы можем спасти промышленность, как защитить класс капиталистов от надвигающейся социализации всех отраслей промышленности и вообще от угрозы революции» (стр. 19).

Такова роль реформистов в германском рабочем движении в послевоенный период. Но не только в Германии так проявили себя они. Сущность реформизма—боязнь революции, желание во что бы то ни стало укрепить капиталистические отношения, отрицание за рабочим классом возможности и уменья управлять государством—поистине интернациональна. Совершенно аналогичную роль реформисты сыграли и в Англии, и в Италии, и во Франции. На 50 с лишним страницах своей брошюры т. Форстер обрисовывает поведение старых вождей, их яростную борьбу с красными, приводя массу бьющих в глаза фактов.

И опять-таки во всех странах Европы реформисты применяли одну и ту же тактику удушения рабочей революции.

В Германии, где они стояли у власти, они разделываются с нею собственными руками; в Англии и Италии—на каждом шагу предавая ее.

Тов. Форстер приводит любопытный документ из тактического арсенала реформистов — соглашение между социалистами и фашистами от 24 сентября 1921 г. в Пьеве-Д'Олье.

Вот выдержки из этого знаменитого соглашения:

«а) не дать коммунистическому движению развиваться в данной местности, б) избрать комиссию из 2 фашистов, 2 социалистов и нейтрального председателя; этой комиссии должно быть сообщено о всех возникающих инцидентах, равно и о всех тех, кто участвует в коммунистическом движении, в) изгнать коммунистов из профессиональных союзов и запретить социалистам носить какие-либо советские значки; совершенное освобождение социалистов от ответственности за деятельность коммунистов, обязательство доносить о последней».

Но т. Форстер, давая обзор «волн рабочей революции» и останавливаясь на причинах ее поражения, знакомит нас не только с отрицательными сторонами рабочего движения. Он правильно подметил нарастающую волну недовольства реформистскими вождями, борьбу революционных рабочих, стоящих на почве завоевания старых союзов. Организация революционных меньшинств в рамках старых рабочих союзов с целью захвата их—вот в какой плоскости идет борьба в настоящее время.

В сжатой маленькой брошюрке невозможно сколько-нибудь подробно исчерпать огромные вопросы современного рабочего движения.

Но Форстеру удалось правильно изобразить основную тенденцию этого периода и сделать необходимые выводы и для рабочего движения своей страны, страдающего от тактики раскола и изоляции революционных элементов.

Русский читатель не без пользы и с интересом прочтет эту популярную брошюру.

А. Слуцкий.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и Р. К. П. Выпуск 2-ой. Период пролетарской диктатуры. Иркутск. 1922 г. Стр. 235.

Первый выпуск этой работы охватывает историю партии от ее зарождения до Октября—промежуток свыше 30 лет, второй выпуск — период от Октября до XI съезда включительно,—всего четырехлетний промежуток. Тем не менее, второй выпуск больше, чем вдвое объемистее первого. И неудивительно: ибо, если «выявление тактики нашей партии» составляло главную цель авторов, то

во второй период, когда перед партией стояли задачи руководства борьбой правящего класса, вопросы тактики были несравненно более значительны и количественно и качественно, чем в то время, когда партия находилась в подполье.

Вследствие особых условий развития капитализма в России сравнительно с другими капиталистическими странами, вопрос о диктатуре стал перед партией пролетариата практическим вопросом сейчас же после того, как партия образовалась. Уже на II ее съезде Плеханов вызвал возмущение многих участников съезда пренебрежительным отношением к парламентаризму, который был тогда кумиром не только для русских, но и европейских социалистов. Между тем, как в немецком рабочем классе еще в настоящее время ведется спор о том, нужно ли бережное отношение к парламентаризму и конституции, для русских марксистов очень рано вопрос тактики стал вопросом о борьбе за захват власти.

Верно говорится в предисловии ко второму выпуску, что «история—это концентрированный опыт, на котором ярче всего можно проследить все недочеты, все ошибки и выявить правильные решения, и в этом смысле знание истории помогает ориентироваться в вопросах и событиях сегодняшнего дня». С этой точки зрения авторы подошли к пролетарской революции и взялись проследить, как партия строила и видоизменяла свою тактику. Конечно, нам рано мечтать еще о беспристрастной истории русской революции, но мы лучше всего сможем ориентироваться в событиях сегодняшнего дня, если события вчерашнего дня будут освещаться нами с точки зрения партии, которая поставила себе задачу захвата власти пролетариатом и эту задачу осуществила.

Вот почему еще долгое время история Р. К. П. будет исходным пунктом для изучения русской революции. Авторы правильно поступили, определяя важнейшие этапы по-октябрьского времени резолюциями партийных съездов.

Во втором выпуске читатель знакомится с деятельностью всех пяти съездов, имевших место с октября, от VII до XI включительно.

На VII съезде партия постановила даже формально порвать связи с социалистическим соглашательством и именоваться впредь не социал-демократической, а коммунистической партией. Тогда же, в марте 1918 г., был утвердительно решен вопрос о подписании Брестского мира; в прениях, происходивших на съезде, выяснены мотивы, почему партия в интересах коммунизма должна итти на заключение этого унизительного мира.

Теперь революционный пролетариат и его партия стали перед задачей практического строительства социализма.

Восьмой съезд пересматривает программу партии. На очередь поставлено разрешение тех задач, которые в старой программе составляли программу-максимум, ибо перед пролетариатом стала задача построить новое государство. Съезд отвергает предрассудки и иллюзии о демократической природе государства.

На IX съезде разрабатывается план хозяйственного строительства в переходный к коммунизму период. На X съезде, учитывая внутреннее мелко-буржуазное и внешнее империалистическое окружение, партия ставит своей задачей воспитание членов партии для ее сплочения и борьбы со всеми антикоммунистическими влияниями. Наконец, на XI съезде жизнь поставила перед партией вопрос о переходе к новой экономической политике путем установления смычки между социалистической работой пролетариата по развитию крупной промышленности и мелким хозяйством многомиллионного крестьянства.

Отметив важнейшие моменты в работе съездов, авторы посвящают последнюю главу «мировой роли Р. К. П.»; в сжатом очерке излагаются вопросы, обсуждавшиеся на первых трех конгрессах Коминтерна,—вопросы о подготовке сил к дальнейшей борьбе с капитализмом.

Рассматриваемая работа является первой попыткой связать важнейшие моменты первых четырех лет существования Советской власти, и с этой точки зрения является очень полезным пособием для всякого, кто хочет ориентироваться в событиях пережитого нами великого социального сдвига.

И. Антокольский.

ИВАНОВ (ЭМИР). Пролетарская революция и чувашская интеллигенция. Издан. Чувашской секции Татобласткома Р. К. П. (б.). Казань. 1922 г. Стр. 15.

Какие цели ставит себе тов. Иванов в своей брошюре? «Представить читателю маленькую картину активной антиреволюционности и ошибочной идеологии чувашской ничтожно-культурной интеллигенции». На целых 6 страницах из 15 сделана примитивная попытка дать обзор классовой структуры буржуазного общества и наметить роль интеллигенции, в остальном—длинноты из газетных статей, несколько фактов предательства некоторых групп чувашских офицеров и наивные возгласы по адресу чувашских учителей (самим же автором именуемых «маменькиными сынками сельского кулачества»), что они-де «не должны были стремиться предавать чувашский народ на служение буржуазии», поняв, что «чуваш может спасти только левейшая (?) демократия». Вместо серьезного анализа положения и интересов чувашских трудовых масс в процессе революции и отношения к ней интеллигенции,—беглые обрывки фактов, даже не связанные воедино. К тому же на каждом шагу такие литературные перлы, что понимание брошюры делается совершенно невозможным,—образец: «вопрос об интеллигенции среди нас, чуваш, все еще имеет интересную позу». (?)

Конечно, подобное «произведение» ни в малейшей степени не может способствовать уяснению трактуемого вопроса, не давая даже и «маленькой картины», на что автор претендует. Приходится лишь поражаться тому, что подобная брошюра выпускается партийным издательством.

А. Вильдо.

С. АЙНЗАФТ. Зубатовщина и гапоновщина. 83 стр. Издание В. Ц. С. П. С. 1922 года.

История рабочего класса в России до сих пор еще не подвергалась систематическому изучению. Изучались более или менее вопросы, которые в свое время имели определенный политический интерес. В конце девяностых и в начале девятисотых годов большой политический интерес возбуждала своеобразная тактика охранного отделения в области рабочего вопроса, получившая название зубатовщины. На нее тогда же, при ее возникновении, обратили внимание, был напечатан ряд статей как в либеральном заграничном «Освобождении», так и в нелегальной социал-демократической прессе. С зубатовщиной в рабочих рядах энергично боролись социал-демократы. Эта острота политических интересов и оживленность политической схватки, завязавшейся вокруг зубатовщины, привела к тому, что о ней не переставали писать и после того, как волны рабочего движения смыли жалкие попытки охранки приостановить революцию. Об истории зубатовщины и связанных с нею организациях написан ряд статей и издано в последнее время не мало архивных документов, например, в статьях Бухбиндера в «Красной Летописи», почти во всех вышедших четырех номерах, и в первой книге «Красного Архива». Но, несмотря на то, что на зубатовщину обращалось такое большое внимание, все же исчерпывающей исторической работы о ней не имеется. Не было, в сущности говоря, даже работы, подводившей итог всему тому, что сейчас известно о зубатовщине по изданным материалам. Поэтому вышедшая сейчас книга т. Айнзафта далеко не лишняя. Основанная исключительно на печатных данных (правда, не все печатные источники использованы т. Айнзафтом), все же она является систематической, добросовестной и продуманной сводкой всего того, что сейчас известно о своеобразных рабочих организациях, получивших название зубатовщины. Тов. Айнзафт рассматривает в своей книге организации, созданные Зубатовым и руководимые им, а также организации, вышедшие из недр зубатовщины и получившие название от имени своего руководителя. Т. Айнзафт рассматривает зубатовские организации в широком смысле слова, давая подробную картину целей организации и деятельности как чисто зубатовских, так и гапоновских союзов. В своей книге он подходит вплотную к целому ряду чисто

организационных вопросов. Исследование его сосредоточено в разбираемой книге, главным образом, на целях организаций и деятельности зубатовских союзов. Все же остальное: рабочий класс, среди которого они действовали, его положение и состояние, причины краха зубатовщины, отношение к зубатовщине других рабочих организаций и борьба с ней в рабочих рядах,—все это затрагивается лишь мимоходом. Не со всеми положениями т. Айнзафта можно согласиться. Так, думается, он недостаточно резко выясняет корни происхождения зубатовщины, не заостряет ее классовой подоплеки. Междуведомственные трения были лишь фоном, на котором приходилось действовать зубатовщине, но породилась она и проводилась в жизнь представителями дворянско-феодальных групп, державших в своих руках государственный аппарат российского самодержавия. Эта мысль есть у тов. Айнзафта, но она не определенно выражена. Еще менее ясно выяснены им причины краха зубатовщины, не подчеркнуто состояние рабочего класса в 1903 году, которое и похоронило своими волнами зубатовщину. Причина ее краха заключалась в переходе массового рабочего движения к политической борьбе. Рабочий класс, рабочие организации перешли через зубатовщину и сделали ее политически бессмысленной и ненужной. Нельзя не отметить при этом, что т. Айнзафт указывает, как на одну из причин краха зубатовщины, на активное участие одесских независимцев в забастовке. Это положение не совсем верное. Наоборот, материалы, напечатанные т. Бухбиндером в «Красной Летописи», рисуют роль одесских независимцев, как препятствовавших и тормозивших забастовку. По свидетельству одесской администрации, «только независимцы сдерживают забастовщиков». По свидетельству ротмистра Васильева, «у властей сложилось ошибочное мнение, будто забастовки—дело независимцев. Такие слухи распускают революционные организации, пользующиеся фирмою независимцев, последние, особенно Шаевич, сдерживают забастовавших, иначе давно было бы буйство» («Красная Летопись», № 2—3, стр. 234).

С большим, чем следует, доверием относится, нам думается, Айнзафт к личности Гапона и его планам. Из того, что Гапон был в Москве и посещал московские организации, нельзя сделать вывод, что Гапон пробовал здесь осуществить свою особую программу. Для него, как для ловкого авантюриста, не чуждого охранки, было ясно, что о каждом его шаге в Москве Зубатов будет осведомлен. В историко-революционном архиве в деле, посвященном московским зубатовским союзам, имеется почти-что почасовое сообщение шпика, приставленного к Гапону во время его посещения Москвы. О том, как проходила работа в самих зубатовских организациях, довольно подробно рассказано лишь относительно петроградских организаций, так называемых гапоновских союзов, относительно же московских организаций данные, приводимые Айнзафтом, довольно бледны. Между тем и в заграничной нелегальной прессе, и в архивах имеются отчеты о том, как проводили рабочее время в зубатовских организациях. Социал-демократия Москвы вела ожесточенную борьбу с организациями Зубатова, против них выступали такие организации, как нелегальный союз московских печатников, находившийся под влиянием социал-демократии. И московские социал-демократические организации, и союз печатников выпускали против Зубатова ряд прокламаций. Они имеются в московском историко-революционном архиве. И вот на собраниях московских зубатовских союзов делались попытки разбора этих прокламаций и организации контр-выступлений против них. Данные об этом тоже имеются в архивном деле. Все эти вопросы у т. Айнзафта не затронуты. Вообще отношение к зубатовским организациям всех социал-демократических организаций совсем не разработано в книжке, а между тем по этому вопросу имеются богатые данные, как в заграничной партийной печати того времени, так и в изданных т. Бухбиндером материалах. Специально относительно московской социал-демократии и ее борьбы с зубатовщиной

богатый материал имеется в историко-революционном архиве в Москве.

Эти недостатки обусловлены тем, что вся книга т. Айнзафта носит хотя и продуманный, но компилятивный характер. Книга написана марксистом: это ее несомненное достоинство, но теперь уже, к счастью, прошло то время, когда приходилось быть довольным всякой исторической работой, выходившей из-под пера марксиста. Марксист-историк не может ограничиваться лишь компиляцией, перед ним стоит задача в самостоятельной разработке материала. Условия исторической работы в дореволюционной России приводили к тому, что при изучении вопроса о зубатовщине больше интересовались ее формальной стороной, изучали ее организационную сторону, а о том, как боролись революционные представители пролетариата с зубатовщиной, знали очень немногие. Знали, пожалуй, лишь те, кто непосредственно боролся с зубатовщиной. На работе тов. Айнзафта и отразилось это содержание его источников. Марксистски продуманная компиляция истории зубатовских организаций умолчала о том, как боролась социал-демократия с попытками охранки сыграть на экономизме рабочих масс.

С. Пионтковский.

Б. КОЗЬМИН. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Издат. «Новый Мир». М. 1922. Стр. 208.

Ткачев принадлежит к интереснейшим фигурам нашего революционного прошлого: последовательный и чистый бланкист, основоположник идеи «захвата власти», которую исповедывала часть народовольцев, он, несомненно, во многих отношениях близок к современности. Между тем до сих пор широкая публика знала о Ткачеве лишь по известной полемике с ним Энгельса и Плеханова да еще, пожалуй, Лаврова.

Поэтому мы приветствуем самым искренним образом работу Б. П. Козьмина, которая отчасти заполняет этот досадный пробел в нашей историко-революционной литературе; мы говорим «отчасти», потому что в книжке Козьмина характеризуется Ткачев лишь *шестидесятых* годов, т.-е. в ней нет Ткачева, редактора «Набата». Но зато та ограниченная задача, которую автор на этот раз себе поставил, выполнена им с большим успехом: характеристика Ткачева 60-х годов и его физиономия, как легального писателя, вышла всесторонней, яркой и выпуклой, при чем во многих отношениях, роясь в старых журнальных статьях и в архивном материале, автору удалось сделать настоящие открытия. Так, он устанавливает с большой долей убедительности, что Ткачев был *первым*, упомянувшим у нас имя Маркса в 60-х годах и сознательно, хотя не вполне последовательно, усвоившим основные положения исторического материализма (что, впрочем, не мешало ему в вопросах морали примыкать к теории «разумного эгоизма», а в политике быть чистым бланкистом). Чрезвычайно интересна глава, излагающая взгляды Ткачева на будущую социальную революцию: в этих взглядах ярко и отчетливо проводится и защищается идея диктатуры пролетариата *в ее почти современном понимании*. Очень интересна также глава об отношениях Ткачева к Нечаеву. В ней дается ряд новых и важных фактов, освещающих личность Нечаева и процесс нечаевцев.

Вообще вся книжка представляет собою весьма ценный вклад в нашу еще скудную литературу о революционном движении 60-х годов. После работы Б. П. Козьмина Ткачев займет принадлежащее ему по праву место в истории общественной мысли в России.

Б. Горев.

ГЕРМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОПАТИН (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Подготовил к печати А. А. Шилов. Историко-Революционная библиотека. Государственное Издательство. Петроград. 1922 г. Стр. 220.

Выдающаяся роль, сыгранная Г. А. Лопатиным в истории русского революционного движения, вполне заслу-

живает полного и детального освещения. Если более или менее выяснена героическая, но заранее обреченная на неудачу, попытка его возродить разъединенный дегаевщиной труп «Народной Воли», то более ранние периоды деятельности Лопатина известны гораздо менее. Особенно это приходится сказать про самое начало его революционной карьеры. Если не считать участия Лопатина в одной, не имевшей большого значения, студенческой истории, то началом революционной деятельности Лопатина надо считать его довольно слабую прикосновенность к каракозовскому делу и связанный с этим первый арест (1866 г.) и первое привлечение к следствию. С этого времени участие Лопатина в революционной борьбе не прерывалось, и приводимое составителем рецензируемого сборника предсказание одного из жандармов, допрашивавших Лопатина, сказавшего, что «такого милого юношу ничто не собьет с надлежащей жизненной дороги», по иронии судьбы оправдалось полностью, только не в том смысле, какой имел в виду предсказатель.

Ценность рецензируемого сборника заключается в том, что он содержит в себе целый ряд материалов, освещающих отмеченные выше наименее известные моменты жизни Лопатина. Сборник открывается краткой, но весьма содержательной автобиографической заметкой, написанной Лопатиным в 1906 году по просьбе В. В. Водовозова, составлявшего в то время биографию Лопатина для энциклопедического словаря. За нею следуют показания Лопатина по каракозовскому делу и по делу об участии в «Рублевом Обществе», отобранное при обыске у адресата письмо Лопатина к его товарищу Негрескулу с описанием жизни автора в Ставрополе, куда он был выслан за участие в «Рублевом Обществе», объяснения Лопатина по поводу этого письма и чрезвычайно интересное письмо, написанное Лопатиным в 1873 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Синельникову, в котором Лопатин рассказывает о своей жизни, о своих общественно-политических взглядах и о своем пребывании в Сибири с целью освобождения Н. Г. Чернышевского. Наибольший интерес из всех этих материалов представляют, пожалуй, показания Лопатина о «Рублевом Обществе». «Рублевое Общество» было основано Лопатиным и Феликсом Волховским в конце 1867 или в начале 1868 года. Основатели, стремясь «уплатить дань народу», собирались стать кочующими сельскими учителями, с тем, чтобы сблизиться с народом, открыть к нему доступ полезной книги, составлять подворные статистические описания сел и деревень и, наконец, выяснять, насколько народ доступен антиправительственной, революционной пропаганде. Относительно «Рублевого Общества» до сих пор в литературе не имелось почти никаких сведений; таким образом, показания Лопатина об его участии в этом обществе ценны не только для его биографии, но и вообще для истории революционного движения 60-х годов.

За показаниями и письмами Лопатина следуют его статьи и стихотворения. Среди статей мы находим как те, которые были напечатаны в нелегальных органах («Вперед», «Народная Воля»), так и те, которые появились в легальных изданиях. Среди статей необходимо отметить воспоминания об историке А. П. Щапове, с которым Лопатин близко сошелся во время пребывания своего в Сибири, о каракозовце И. А. Худякове и, наконец, о П. Л. Лаврове.

Богатство и разнообразие материалов, вошедших в состав сборника, заставляют признать его одним из интереснейших выпусков петербургской «Историко-Революционной Библиотеки». К сожалению, внешность сборника ниже всякой критики: ужасно серая оберточная бумага, обилие опечаток и т. д. Можно пожалеть также о том, что к книге не приложен алфавитный указатель лиц, в ней упоминаемых; такой указатель значительно облегчил бы пользование книгой.

Б. Козьмин.

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ. Старый Петербург, колыбель русской свободы (дело 1 марта 1881 г.). Посвящается В. Н. Фигнер, ко дню ее семидесятилетия. Госиздат. 1922 г. Стр. 85.

В самом начале книги автор допускает совершенно неприемлемый, с точки зрения беспристрастного исторического исследования, субъективный взгляд на описываемый им террористический акт, как на «безумство храбрых», которое нельзя обойти молчанием только потому, что оно является «звучным аккордом в петербургском песнопении», взросло на петербургской почве, «связано тысячами нитей с былым Петербургом» и т. д.

Неприятное впечатление, помимо утомительности, производят длинные отступления в области исследования обстоятельств, не имеющих прямого отношения к описываемому акту,—«Детальная» справка (на 9 страницах) о постройке церкви на месте смерти Александра II, и на ряду с этим отсутствие документальных данных при характеристике участников террористического акта, или же, наоборот, умалчивание о происхождении «документов», требующих к себе критического отношения. Автор передает, как факт, целование креста всеми осужденными и рассуждает: «Отчего осужденные несколько изменили свою тактику на эшафоте, отчего они приложились к кресту?»

«Возможно такое предположение: если бы осужденные отказались, то среди народной массы мог возникнуть ответ: собаке—собачья смерть». Дико звучит подобное предположение и заставляет очень сомневаться в умении автора понимать психологию революционера. Наконец, автор доходит до того, что называет участников покушения на царя просто «злоумышленниками» (60 страница).

К. Остроухова.

ИСТОРИЯ.

1. Е. В ТАРЛЕ. Печать во Франции при Наполеоне I, *Н. Лукин-Антонов.* — 2. Г. ВЫЗИНСКИЙ. Папство и Священная Римская Империя в XIV и XV стол. *В. Сергеев.*—3. А. В. ФРОЛОВСКИЙ. Воля панская и воля мужицкая. *В. Пичета.*

E. TARLÉ. Membre - correspondant de L'Académie des Sciences Russe. La presse en France sous le règne de Napoléon I.

Е. В. ТАРЛЕ. Печать во Франции при Наполеоне I по неизданным материалам. Издательство «Былое». Петроград. 1922. Стр. 56.

Исследование внутренней жизни Франции и Европы в эпоху наполеоновского владычества еще только начинается в исторической науке, хотя истории Наполеона посвящена уже необозримая литература на всех языках. В частности, малоизвестна культурная история времен первой империи» (стр. 3).

Одному из вопросов этой культурной истории—положению печати при Наполеоне I—и посвящена настоящая работа. Если не считать книги Henri Welschinger'a—La censure sous le Premier Empire, тема, взятая Е. Тарле, впервые становится предметом строго научного исследования. Небольшой, но весьма содержательный очерк Е. Тарле написан в результате изучения Correspondance (переписки Наполеона), а также специальных изысканий в Национальном архиве.

Работа распадается на четыре главы. В первой читатель знакомится с взглядами на печать самого императора, как известно, весьма ярко проявившего свою личную волю во всех областях государственной политики. С особенной ненавистью Наполеон относился к общественно-философской литературе XVIII века, которую он презрительно называл «идео-

логией». Поэтому книги и статьи, хотя бы в отдаленной степени касавшиеся выдвинутых этой литературой вопросов, запрещались. Нельзя было также касаться вопросов политики, экономики, религии и церкви. Что касается газет, то Наполеон считал их существование лишь неизбежным злом. Несмотря на неслыханное раболепство и прислужничество периодической печати, с умилением воспевавшей то беременность ее величества, то рождение «римского короля» (наследника престола), или предупредительно сообщавшей подробности о канарейке и собачке императрицы,—грозный Дамоклов меч всегда висел над редакторами и издателями, имевшими несчастье не угодить чем-нибудь «властелину Европы».

Вторая глава посвящена законодательству Наполеона по делам печати. Первым делом нового правительства было закрытие 60 газет из 73 существовавших. Уцелевшие были отданы в полную власть полиции и префектов, получивших право закрыть любой местный орган печати. Впоследствии префект назначал даже главного редактора единственной издававшейся в его департаменте газеты, обычно секретаря префектуры. Число парижских газет было сведено к четырем, но и эти четыре органа были превращены затем в собственность правительства и назначенных им «акционеров», и стали одним из источников государственных доходов.

В III главе автор дает очерк быта и нравов печати при Наполеоне, наконец, в гл. IV говорится о тех необычайно стеснительных правилах, которыми был обставлен выход «толстых» книг и брошюр.

Общий вывод, к которому приходит Е. Тарле, таков: «Нельзя сравнивать положение печати при Наполеоне ни с положением ее в той же Франции при старом режиме, ни с положением ее, напр., в России, хотя бы в эпоху Николая I (даже в годы Бутурлинского комитета), ни с состоянием прессы в Неаполе при Фердинандах или в Австрии при Меттернихе». Наполеоновский режим оставил далеко позади себя все эти тяжелые для печати времена. Автор считает, что в этом отношении Наполеон был «прямой продолжатель и наследник традиций комитета общественного спасения» (стр. 3 и 9). Первая империя и якобинская республика были режимом диктатуры, только первая была диктатурой, проводившейся в интересах крупных собственников, преимущественно промышленной буржуазии; вторая была диктатурой мелкой городской буржуазии, рабочих и отчасти крестьян—против помещиков и крупной буржуазии. Об этом, конечно, забывает упомянуть автор, который вообще стоит в вопросе о свободе печати на точке зрения буржуазной легальности.

Н. Лукин-Антонов.

Г. ВЫЗИНСКИЙ. Папство и Священная Римская Империя в XIV и XV столетиях (до Базельского собора). Стр. 10 + 152. Казань.

В зависимости от индивидуальных особенностей, интересов и симпатий писателя цель и форма исторических сочинений могут быть весьма разнообразны. Наиболее прямая и элементарная задача исторических работ, это—опубликование иногда с соответствующими комментариями еще неизданных и не вошедших в научный обиход материалов. Это—первая и самая общая фаза исторических исследований, где еще неотделимы археолог, филолог, этнолог и историк. Второю ступенью, уже предполагающею первую проработку материала, будет составление монографий по отдельным более или менее узким вопросам общественно-исторического знания.

Если на первых стадиях центр тяжести приходится на публикацию нового сырого материала при элементарной его систематизации, то на третьей стадии, когда дается обзор больших периодов и намечаются основные факторы общественной жизни, где в сущности и начинается работа, собственно, историка, особое внимание обращается на выбор и композицию этого материала, при чем выбор материала и его композиция определяются обще-философской точкой зрения автора и его художественно-эстетическим уровнем. Метод, значение которого немаловажно и при первом соприкос-

новении с сырьем, теперь приобретает исключительное значение. Без метода историческое исследование, вообще говоря, существовать не может; историческая книга, написанная без строгого, определенного и выдержанного метода, будь то ученейшая диссертация, курс лекции, учебник, популярная статья и т. д., почти всегда будет граничить с набором архивного хлама.

В одном только случае значение метода как будто уходит на второй план, да и то на первый взгляд: это бывает при художественно-психологическом подходе к материалу, когда из отдельных штрихов, из удачных комбинаций и сопоставлений, повидимому, мало связанных между собою фактов и моментов, стараются нарисовать картину прошлого. Художественная композиция и богатый красочный язык держат внимание читателя и оправдывают художественно-психологический подход. В этом случае автор непосредственно обращается к эмоциональной стороне своих читателей и уже посредственно к их логике и интеллекту. Но строго говоря, как историческое произведение не может обходиться без эстетического элемента, точно так же и ни одно произведение искусства не обходится без логики, таким образом принципиальная важность последовательного проведения метода становится обязательной и для художественно-психологического изображения эпохи. С другой стороны, и метод исследования и художественно-психологические мотивы и сама философия истории определяются современностью, т.-е. той общественно-культурной средой, в которой живет автор; тот, кто не живет современностью, кто не ощущает дыхания живой жизни,—тот никогда не почувствует и не поймет прошлого, следовательно, не будет и историком: История—наука о современности, но только на материале прошлого. В противном случае историческая наука становится ненужным и тяжелым балластом, от которого надо как можно скорее освободиться.

Если теперь все сказанное попробовать приложить к новой книге Г. Вызинского «Папство и Священная Римская Империя» и спросить, к какой категории или роду исторических работ она относится, то придется ответить—ни к какой. Автор определенно заявляет, что он убежден, что при современном состоянии исторической науки в России сочинения общего характера могут принести больше пользы, чем специальные монографии; несколько ниже прямо указывается на зависимость от новых изданий материалов, появившихся в Западной Европе. Таким образом, труд г. Вызинского нельзя отнести к разряду исследований в узком специфическом смысле этого слова. И это жаль, так как г. Вызинский по характеру своих дарований, вероятно, ничуть не хуже своих коллег мог бы читать сырье и склеивать из него какой-нибудь солидный ученый труд. Но нет, его такая работа не совсем удовлетворяет. По плану книги и согласно утверждению самого автора «Папство и Священная Римская Империя» претендует на третью, по нашему распределению, категорию, т.-е. относится к разряду таких исторических сочинений, где именно особенно важную роль играет композиция и выбор материала, другими словами—метод. К сожалению, несмотря на все старания, в новой книге Вызинского уловить какой-либо метод никак не удается. События рассказываются так, как они были, т.-е. в простом хронологическом порядке, и сплошь и рядом одну часть можно перенести на место другой, другую—на место третьей, а многие части без греха можно было бы и совсем выкинуть. В самом начале своего труда автор как будто намечает свою философию истории и тем самым косвенно устанавливает метод изложения. Философия же г. Вызинского сводится приблизительно к следующему. «Человечество в великом шествии своем к окончательным целям своего существования проходит постепенно разные ступени, останавливаясь на каждой в продолжение целых столетий. На каждой из этих ступеней, в основе быта народов лежат известные идеи, известные начала. Целая сумма понятий воплощается в жизнь, проникает все ее сферы, проявляется во всем разнообразии внешних форм и явлений, руководит всеми действиями и личностей и народов» (стр. 5). Основными же идеями средневекового общества оказывается идея императорской и папской власти, и «этот образ единого хри-

стианского общества, устроенного в виде огромного здания с двумя вершинами, всегда принадлежать будет к величайшим созданиям человеческого духа» (7 стр.).

«Император, как lex animata in terris, покрывает все отдельные народности и науки. У императора нет определенной резиденции, нет всепоглощающей столицы. Он везде присутствует лично, где только является потребность его действия» (8—9 стр.). Такова, читаем на той же странице (9), была идея, легшая в основу феодального общества, и хотя она никогда вполне и не осуществлялась, но все-таки господствовала в сознании...

С императорской властью, ставившей высокую нравственную задачу «утвердить вечный мир в христианстве, мир при всеобщем господстве закона, согласие всех народов» (9), конкурирует другая нравственная власть — папы, который «религиозным своим авторитетом останавливает руку тирана, предотвращает насилие, защищает народы от гнета, умеряет победителей, смягчает судьбу побежденных, смотрит за добрыми нравами высших духовных лиц, а также и светских властителей, строго преследует соблазн и дурные примеры». О соперничестве этих двух нравственных и высокогуманных сил—папы и императора рассказывается со всеми подробностями на протяжении 152 страниц. О своей философии, истории и методе автор совершенно забывает в последующем изложении. Он даже не дает определенного и ясного ответа на основной вопрос своей книги: к чему же, в конце-концов, конкретно сводилось содержание обеих высоко-нравственных идей, на какой реальной почве они выросли и т. п. Идеи повисли в воздухе! И как будто намечавшаяся вначале идеалистическая точка зрения в процессе изложения также исчезает, и все факты сваливаются в общую огромную кучу, в которой невозможно найти какую-либо руководящую нить. Вот тут-то и сказалось отсутствие руководящего принципа, т.-е. метода, и слабость комбинаторских способностей историка...

Неудовлетворительный с социологической точки зрения труд г. Вызинского еще более неудовлетворителен с художественно-психологической; прежде всего у автора абсолютно отсутствует чувство меры и внутреннего ритма: там, где надо дать два, три штриха, он дает десятка два строк, а то и страницу; в голову читателя напихивается множество фактов и притом таким образом, что в совокупности они, кроме скуки и утомления, не производят никакого впечатления. Примером психолого-педагогической нечуткости автора может служить любая страница. Как настоящий ученый, и Вызинский, конечно, убежден в том, что он пишет объективную историю и освещает события так, как они происходили на самом деле. Но, к сожалению, автор написал не то, что было, а то, что, по его мнению и настроению, должно было быть. Таким образом, и тут бытие определило сознание. По всей вероятности, даже незаметно для самого себя, г. Вызинский в своей исторической концепции отражает идеологию и настроения одной вполне определенной общественной группы. Это—своеобразный социально-психологический тип так называемых нейтральных людей, которые в далеком прошлом и мертвой науке стараются укрыться от ревущей и клокочущей современности. Отсюда и идеализация средневековья, теория о двух нравственных силах, повышенный интерес к внутренней истории церкви, к консервативному и либеральному течению среди католиков и т. д. До наивности сентиментальному автору одинаково симпатичны и папы и короли,— ведь все идет от бога, да и самый феодализм взят в какой-то радужной оболочке, хотя не менее симпатично и новое начало, т.-е. новая народная монархия, которая взяла перевес над феодализмом, и «начало это победило, но дорого поплатилось за свою победу: страшных нравственных потерь стоила человечеству эта победа» (29).

В общем ни с одной из вышеуказанных точек зрения «Папство и Священная Римская Империя» не может быть признана удовлетворительной; в ней нет ни нового материала, ни какого-либо метода изложения, ни психологического подхода к прошлому от современности, ни, наконец, удовлетворительного русского языка. Плохая бумага и плохой внешний вид дополняют общую картину.

В. Сергеев.

А. В. ФРОЛОВСКИЙ. Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии. 1821—1863. Одесса. 1922. Стр. 76.

Крестьянские волнения в пореформенную эпоху отчасти уже нашли отражение в наличной исторической литературе, но в ней дана только общая характеристика волнений, совершенно недостаточная для понимания ближайших причин волнений и их развития по отдельным районам. В настоящее время необходимо изучение крестьянских волнений по отдельным местностям, и это возможно только на основании обследования местных архивных фондов, остававшихся недоступными для исследователя вплоть до революции 1917 года. А. В. Фроловский поступил совершенно правильно, обратившись к изучению многочисленных дел архива генерал-губернаторского управления и других архивов.

Благодаря этому, его очерк дает исчерпывающую характеристику крестьянских волнений в Новороссии, вызванных тем, что «насущнейшие запросы и потребности крестьянского населения» не получили в положении 19 февраля удовлетворения. Всего в период 1821—1868 г.г. в Новороссийском крае было 146 крестьянских волнений, возникавших по отдельным селениям.

В. Пичета.

ФИЛОСОФИЯ.

1. Д-р ШОЛЬЦ. Значение философии Гегеля для современной философской мысли *В. Юринец.* **— 2. К. ФОРЛЕНДЕР. Общедоступная история философии.** *Г. Баммель.*

Die Bedeutung der Hegelschen Philosophie für das philosophische Denken der Gegenwart, von Dr. H. Scholz. Berlin. 1921.

Д-р ШОЛЬЦ. Значение философии Гегеля для современной философской мысли. Берлин. 1921.

В области философской мысли на Западе происходят в последнее время резкие перемены: мы являемся свидетелями все ярче намечающегося оживления интереса к гегелевской философии.

Талантливая, содержательная, богатая синтестическими обобщениями книга *Бенедетто Кроче* (под заглавием): «*Живое и мертвое в философии Гегеля* (Cio che é vivo e cio che è morte nella filosofia di Hegel), совершила большое дело: она обратила внимание историков философии на первоклассную философскую личность, сыгравшую такую исключительную роль не только в области чисто философской мысли.

Медленно, но верно теряет свое обаяние Кант, бывший кумиром философов и историков философии на протяжении нескольких десятилетий. Окостеневшее неокантианство, гносеологический браминизм марбургской школы перестал привлекать философскую мысль. Она задыхалась в сгущенной атмосфере современной кантовской схоластики, искала освобождения от цепей нового вольфианства, бесконечной «Begriffsspalterei», ей захотелось простора, новых горизонтов.

Намечается повальное бегство из выжженных степей «*неокритионизма*», с одной стороны, к Лейбницу и догматикам, с другой—к Гегелю.

Но тут и начинается заминка.

Мы знаем, какое гигантское влияние произвел Гегель на теоретическое обоснование и развитие марксизма. Его диалектический метод, поставленный на ноги, стал и методологическим орудием основателя научного социализма.

Эти идейные связи марксизма с гегельянством хорошо известны философ-

ской мысли Запада, — мысли насквозь буржуазной.

Ее возврат к Гегелю должен быть одновременно и теоретическим ударом по методологическим принципам марксизма. Особенно в наше «смутное» время, когда логика истории открыла все свои карты...

Буржуазная, архиреакционная мысль Запада (и не только Запада) должна была создать «своего» Гегеля, который соответствовал бы ее интересам. Те моменты его философии, которые считаются существенными с точки зрения марксизма, она должна была отодвинуть на задний план, перенести их в незаметный уголок рембрандтовых полутеней и, наоборот, выдвинуть на первый план то, что марксизм считает второстепенным ее придатком.

И намеченную задачу исполняют блестяще «различные историки философии и философы».

Можно написать целый трактат о том, какой вивисекции подвергалась гегелевская мысль со стороны искусных буржуазных критиков. Как на кинематографической ленте чередовались все новые «концепции» Гегеля, все новые «аспекты» на его философию, начиная от чисто интеллектуалистического ее истолкования у современных английских рационалистов и кончая чисто теологическим «углублением» ее в работах Пастора Лассона, современного монополиста по делам Гегеля в Германии, имеющего, между прочим, очень много точек соприкосновения в своих воззрениях на Гегеля с нашим Ильиным.

В наши дни тона портретов Гегеля меняются еще быстрее. Крах буржуазной идеологии на Западе налицо: доказательство — идейная «тарарабумбия» наших дней, дикий оргиазм стилей, течений, направлений, крикливое культурное танго от «дадаизма» до теософии включительно.

Вопрос той или иной культуры связан с вопросом об основах этой культуры, проблема новых идей «в культурной области—это проблема новых форм социального бытия». «Рабское сознание», говоря словами Гегеля, все больше и настойчивее требует своих прав.

Но о новых формах социального бытия ничего знать не хочет буржуазная мысль Запада.

Путь впереди закрыт,—остается, как единственный выход, попятное движение назад, воспоминание о прошлом, как культурная и философская программа. Это—лейтмотив всех истолкований Гегеля современной упадочной мыслью западной буржуазии. Она и знать не хочет о революционных моментах у Гегеля, о диалектике, как стихии его мышления, об его отношениях к бурям французской революции. Зато она подчеркивает охотно «историзм» Гегеля (конечно, понятый ею на свой лад), его неподражаемую способность переноситься в другие эпохи, схватывать их «духовную» атмосферу, вдыхать полной грудью их аромат, забываться в них.

Забыться в воспоминаниях, закрыть крепко глаза на настоящее,—вот чего ищет философия Запада сейчас, вот что хочет она найти у классиков философии [1]), в частности у Гегеля. «Zurück zu Kant» было символом первого глубокого кризиса буржуазной мысли и буржуазной действительности полного упадка, полной потери сознания исторической ответственности.

Гегель—без позвоночного столба диалектики, Гегель—созерцатель отживших культур, пройденных объективным абсолютным духом фазисов своего собственного развития, Гегель—защитник всего без исключения существующего, как разумного, Гегель—пошленький оптимист и автор новых «Теодицей»,—вот новые песни современных историков философии.

Анатоль Франс назвал однажды *культурное коллекционерство* самой характерной чертой идеологов гибнущей *буржуазии*. В их глазах превращается Гегель тоже в культурного коллекционера; Янусово лицо Гегеля, смотрящее и в прошлое и в будущее, но по преимуществу в будущее, в музыке настоящего, прислушивающееся к тонам будущего, заменяется истуканом, погруженным

[1]) Вся современная философия — это замаскированное прошлое. Гуссерль — замаскированный Аристотель. Бергсон — замаскированный Плотин и т. д.

мыслью в обетованной стране «laudatorum temporisacti».

Такие мысли возникают в голове при чтении книги Шольца, книжка безусловно «солидна», полна превосходных «apperçus», великолепных замечаний, удачных анализов, небезынтересных историко-философских сопоставлений. Но автор почему-то не хочет спросить себя, благодаря каким элементам своей философии мог Гегель стать учителем революционера Фейербаха, революционера Маркса? Гегеля в такой роли для Шольца даже не существует (хотя он говорит вскользь об идеализме Маркса «в противовес к приятию» мира Гегелем). Шольц задается в ней тремя вопросами: 1) отношением Гегеля к докантовской метафизике, 2) отношением Гегеля к Канту, 3) значением Гегеля для современной философской мысли.

Многие из критиков и историков философии видят в философии Гегеля только воскрешение докантовских, некритических приемов. Диалектический метод рассматривают они как такое же догматическое и рационалистическое построение, как и аналитический метод предшественников Канта. Шольц вооружается против таких сопоставлений. Диалектический метод вовсе не существенный для философии Гегеля. В истории философии он Гегелем даже не применяется, а логика и натурфилософия являются самыми слабыми местами в гегелевской философии. О диалектике в философски-исторических концепциях Гегеля можно говорить только в том смысле, что для него факт падения многих культур является аргументом против существования смысла в истории.

Три главных элемента отличают, по мнению Шольца, Гегеля от догматиков. Их понятию абсолютного бытия, как причины себя самого, противопоставил он идею абсолютной мысли, сознания, понятия, как абсолюта. Неизменную, неподвижную субстанцию догматиков заменил он идеей разума, *как органической силы*, движущейся по имманентным законам. Наконец, он первый выдвинул идею свободы и автономии разума. Последнее утверждение автора вполне неверно, так как автономия и свобода — чисто кантовские понятия. Впрочем, этому утверждению автора противоречат дальнейшие его же собственные рассуждения, касающиеся гегелевского понимания свободы. Первые два тезиса верны, но в такой общей постановке вопроса они нам ничего не дают. И сам автор старается в дальнейшей части своей работы быть более конкретным. Он называет Гегеля продолжателем философии Лейбница. Лейбницианский натурфилософский динамизм перенес Гегель, по мнению Шольца, в область истории. Мысль в корне неверна. Нельзя себе представить более противоположных философских структур, чем Гегель и Лейбниц. Достаточно только прочесть все примечания Гегеля о Лейбнице в «Науке Логики», чтобы в этом убедиться. Монады Лейбница образуют каждая замкнутый для себя мир, «без окон», *плюрализм*—основной тон лейбницианской философии.

Наоборот, для Гегеля каждое конкретное сознание является моментом целого; оно связано со всем миром действительности тысячью нитей противоречивого единства. Всякий плюрализм был чужд Гегелю. Несмотря на весь кажущийся динамизм, философия Лейбница была пассивной: деятельность монад заключается в «действиях» представлений. Созерцательный квиэтизм — главный мотив философии Лейбница.

Наконец, Лейбниц был самым решительным приверженцем идеи непрерывности развития, чуждый гегелевской концепции «скачков».

Многие неокантианцы старались по возможности стереть различия между Кантом и Гегелем таким образом, что отрицали принципиально значение кантовской эстетики, а рассматривали философию Гегеля, как платонизированное кантианство. Навстречу неокантианцам пошли и некоторые гегельянцы, напр., Лассон (этот последний особенно в своей небольшой книжке под заглавием: Was heisst Hegelianismus). Анализу и критике этих попыток посвящена вторая часть работы Шольца. Шольц стоит на той точке зрения, что никоим образом нельзя устранить кантовойск эстетики, его воззрений на интуитивный характер форм времени и пространства из целокупности всей его философии. С ее устранением

падает и теряет всякое значение вся кантовская «критическая» философия.

Шольц уверен, что только *синтетический метод Канта* может быть руководящим методом новой философии. В виду этого значение философии Гегеля в методологическом отношении сводится к нулю. В этой области дальше Канта или мимо Канта мы не можем пойти. Что ж тогда остается для нас из богатой сокровищницы философии Гегеля, спрашивает автор в последней части своей книги?

Кроме метода, кроме конкретного содержания философской системы, мы можем найти в ней еще третий, правда, «невесомый» и трудно уловимый, но все-таки не лишенный значения для будущего, элемент. Это—основные философские «настроения» (Gesinnungen) философа, подсознательная, не сводимая к формулам стихия его мышления, которая образует жизненную эмоциональную подоплеку его системы. Тут останется Гегель во все времена нашей путеводной звездой.

Каковы же самые характерные моменты этой стихии? Шольц старается собрать их в *три основных ядра*, вокруг которых расстилаются более подвижные и неопределенные туманности второстепенных, менее существенных вопросов: это—отношение философии к жизни, к истории, к «приятию» или «отрицанию» действительности. Деление довольно искусственное, так как последние категории действительности заключают в себе обе предыдущие. И автор восклицает торжественно: Гегель отличается от всех других философов доведенным до конца *реализмом*, сознанием необходимости всего того, что происходит в царстве жизни и истории, сознанием невозможности «вычеркнуть» что-либо, уничтожить даже незначительный момент в цепи процесса прошлого. Мы—дети истории и можем понять себя только в тесной связи со всей историей. Положение верное, любой марксист подпишется под ним; но тут же вместе и загвоздка. Шольц неоднократно подчеркивает в ходе своих размышлений мысль, высказанную, правда, тоже неоднократно Гегелем, но образующую только одну сторону его системы: философия может «осмыслить» только то, что уже прошло; ей чуждо всякое стремление перспектив будущего. «Тенденции» развития «действительности» и история для нее—книга за семью печатями. Эту мысль повторяет Шольц на все лады. Между тем она в корне не верна. Шольц совершенно некстати «забывает», что философии Гегеля свойственен диалектический метод, который влечет ее стихийно с непреодолимой силой в будущее.

И вдруг, неожиданно (неожиданно, конечно, для искушенного в современной «идеалистической» философии) обнаруживает автор свои шпенглеровские симпатии. И Шпенглер-де призывает к работе «осмысления» всего прошедшего, и он называет образование историософии единственной задачей, которую предстоит выполнить гибнущему человечеству. У Шпенглера появляется именно эта нотка «лиризма» в силу «трагизма» настоящего, которую Шольц странным образом находит у Гегеля. Трагизм Гегеля героического характера, трагизм творца, а не созерцателя исторических процессов. Ему чужды плач и идеалистическая сентиментальность Кейзерлингов, Эрнстов et tutti quanti, на одну плоскость с которыми Шольц собирается его ставить.

Такая «модернизация» Гегеля доказывает, что автор, несмотря на свою солидную образованность, на многие ценные заметки, разбросанные там и сям на страницах его книжки, в «невесомых», подсознательных частях своей структуры, в том, что он определил по отношению к Гегелю как «Gesinnung», является детищем бесстильности современного западно-европейского «style moderne».

В. Юринец.

КАРЛ ФОРЛЕНДЕР. Общедоступная история философии. Перевод с немецкого Полины Виноградской. Предисловие Е. Преображенского. Издательство «Московский Рабочий». 1922 г. Стр. XIII+310.

При всем уважении как к автору предисловия, так и руководителям рабочего издательства, нужно категорически признать, что издательство «Московский Ра-

бочий» совершило весьма крупный промах, выпустив книгу Форлендера, а тов. Преображенский был, так сказать, теоретически наивен, недооценив идеалистического характера этой довольно тусклой книги. В самом деле, можно ли признать убедительными те мотивы, которые выдвигает т. П. в своем предисловии к ней в пользу ее издания? Безусловно нет. «Наш новый массовый читатель в области философии рабоче-крестьянского происхождения, а следовательно, потенциально материалист. Его введение в философию должно быть также материалистическим. Но такового пока нет в природе» (?). А потому читателю приходится взять наименьшее зло—«Историю философии» Форлендера, насторожиться против его идеализма и «критики» материализма и принять во внимание все, что мы здесь говорили против тех духов средневековья, которых пустил через идеалистическое отверстие (!) своей головы Форлендер. Мы должны использовать в лице Форлендера спеца по философии в виду того, что собственных у нас почти нет. Мы должны взять у него то, что нам нужно (сведения по истории философии), и отбросить все то, что нам не нужно, т.-е. прежде всего его собственную «философию». Но тут возникает целый ряд вопросов, задаваться которыми т. П. вовсе и не думает, но в силу которых между тем его рассуждения должны быть решительно отвергнуты.

Во-первых, было бы наивно думать, что можно отделять сведения по истории философии, как нечто, повидимому, нейтральное, внефилософско-партийное, внефилософско-классовое от мировоззрения того философа, которым эти «сведения» нам сообщаются. У Форлендера нет вообще никаких историко-философских сведений, которые не были бы окрашены его субъективным мировоззрением, ярко выраженным и в других работах. Форлендер—неокантианец марбургского толка,—я буду иметь еще случай, разбирая примечания переводчицы, указать на конкретных примерах, каким образом неокантианство автора обнаруживается в препарировании тех самых философских «сведений», которые и «нужны нам», по мнению т. П. Заканчивая предисловие, последний пишет: «Если начинающий знакомство с философией читатель примет во внимание все сказанное здесь и в примечаниях, он сумеет взять из книжки Форлендера весь необходимый фактический материал, сумеет отбросить весь идеалистический хлам и не поддаться идеалистической пропаганде». Мне думается, напротив, что «фактический материал» этой книжки есть необходимая предпосылка того «идеалистического хлама» и той «идеалистической пропаганды», против которых т. П. предостерегает начинающего читателя. Такие «опыты использования спеца по философии» могут принести только вред; для того же, чтобы они не пропадали, по крайней мере, даром, следовало бы давать параллельное (хронологическое, если не построчное) освещение историко-философских фактов. Но тогда спрашивается: к чему же издавать «историю философии» Форлендера, если она нуждается в параллельной «истории философии». И, конечно, она не заслуживает во всяком случае издания специально для того, чтобы снабдить ее параллельными очерками по истории философии.

Во-вторых, попытка дать в предисловии критический разбор книжки Форлендера или как бы некоторое «руководство» к чтению ее, должна быть признана неудачной т. П. или впадет в чисто литературную критику (на стр. V), в которой нет надобности, потому что он пишет не рецензию,—или излагает характеристические черты материализма и идеализма, в чем также нет надобности, так как начинающего читателя можно с успехом отослать к существующим пособиям, написанным специалистами этой области. Поэтому,—

В-третьих, следовало бы дать критику по существу—не в предисловии, а до перевода. Тогда стало бы ясно, что история философии такого типа, как сочинение Форлендера, может только отпугнуть начинающего читателя. Можно сказать более определенно: прежде, чем рассматривать Форлендера, как «наименьшее зло», не надо ли было поставить более общий вопрос о надобности для начинающих знакомства с философией, какой бы то ни было истории философии вообще т. П. этого не сделал, и это яви-

лось виною тому недоразумению, в результате которого явилось его «предисловие» к книге.

Переходя к примечаниям переводчицы, должен заметить, что они вполне заслуживают внимания. Здесь дается, во-первых, филологическое объяснение философской терминологии и иностранных слов, во-вторых, в некоторых случаях, в целях критики Форлендера, и объяснение по существу с тем, чтобы малоподготовленный читатель мог усвоить их для дальнейших занятий. Что касается первого рода примечаний, то не объясненными остались следующие термины: теософия (стр. 74), мистика (стр. 101), схоластика (стр. 93), «гуманизм» (стр. 118), индукция и дедукция (стр. 138), теодицея (стр. 158), феноменология (стр. 228), «методологический идеализм» (стр. 202) и др.

Гораздо серьезнее недочеты той части примечаний, которая касается излагаемых Форлендером учений по существу. К сожалению, приходится констатировать, что подавляющая часть «нужного» т. Преображенскому «фактического материала», истолкованного у Форлендера с точки зрения своей школы, осталась неосвещенной критически и в целом не «обезвреженной», если так можно выразиться. Я отмечаю пункты, оставшиеся без примечаний и легко запутывающие правильное понимание предмета и истории философии всякого, начинающего знакомство с нею.

Во-первых, главная мысль книжки Форлендера заключается в том, что «философия строится на научном базисе» (стр. 6). Идея представляется ему «научной гипотезой», «отправным пунктом всякого науногоемшления» (стр. 39). И ессимнимый хачрактр этой «научности» легко бросается в глаза на примере Платона, то следовало бы в примечаниях его обнаружить также на примерах, менее известных, но чрезвычайно важных для марксистского учения об истории: на примерах Демокрита, Гераклита и Спинозы. Формально-логические соображения (стр. 303), в роде того, что элемент абстракции есть во всяком понятии и потому все люди должны быть идеалистами, если они образуют абстрактные понятия, существа дела вовсе не касаются, хотя бы потому, что Форлендер именно это и утверждает. К тому же о том самом «методе гипотезы», который, по Форлендеру, говорит исключительно об идеалистическом характере науки и философии (стр. 40), переводчица говорит только то, что этот «метод» доказательства сохранился до сих пор в математике, и не более!

Во-вторых, пантеистическое истолкование Форлендером мировоззрения элеатов (стр. 29) требует «не только» «филологического объяснения» термина «пантеизм», но и разбора по существу правомерности такого понимания элеатов—пантеизм элеатов—одна из многочисленных «легенд» существовавшей до сих пор в буржуазном обществе истории философии.

В-третьих, конец средневековья и период натурфилософии той эпохи, когда рождалась новая наука, Форлендером не освещен достаточно выразительно, что ускользнуло от внимания составительницы примечаний.

В-четвертых, от внимания ее ускользнуло и то, что ссылка Форлендера на О. Шпенглера при изложении неопифагорейства, совершенно неправомерна, так как специальными исследованиями установлено, что пифагорейцы не были первыми исследователями в области математики (см., напр., Logos, Spengler—Heft, 1921, IX, H. 2, статья E. Frankea)

Наконец, хотелось бы видеть примечания к таким выражениям, употребляемым Форлендером, как, напр., «мировое понятие философии в отличие от школьного» (стр. 7), «сознательное незнание» (стр. 116) и т. д. в связи различного контекста. Кроме того, на стр. 153 неправильно указано «двухтомное сочинение Лейбница» «Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie», которое будто бы содержит также новый перевод «Nouveaux Essais». «Hauptschriften», указанные здесь,—общее название двух томов избранных сочинений Лейбница в издании Кассирера, при чем «Nouveaux Essais» составляет третий дополнительный том.

Григорий Баммель.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ.

1. И. Б. ВОЛЬФСОН. Очерки обществоведения. *Б. Фрумкин.* — **2. Я. М. МАГАЗИНЕР. Общее учение о государстве.** *М. Рейснер.* — **3. Г. М. ПОРТУГАЛОВ. Революционная совесть и социалистическое правосознание.** *П. Стучка.* — **4. П. СТУЧКА. Революционная роль права и государства.** *В. Адоратский.* — **5. Проф. М. Н. ГЕРНЕТ. Моральная статистика.** *А. Пионтковский.*

И. Б. ВОЛЬФСОН. Очерки обществоведения. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. 196 стр.

Очерки предназначены для «молодой аудитории», которая «имеет мало материала по затронутым в книжке вопросам». Отсутствие марксистских руководств и учебников по общественным вопросам действительно остро чувствуется в партшколах, рабфаках, военно-учебных заведениях и т. п., и мы должны внимательно относиться ко всякой попытке создать такие пособия.

Очерки т. Вольфсона ни по своему плану, ни по методу не представляют собой ничего оригинального, но являются удачной сводкой тех знаний по обществоведению, которые мы стремимся дать по возможности большей аудитории.

В этом отношении на «Очерках» отражаются многие недостатки существующих программ по политграмоте, истории развития общественных форм, истории революционного движения и пр.

«Очерки» не могут служить основой для образцовой программы. Напротив, в них втиснуто почти все, что требуется по существующим далеко не образцовым программам, и обществоведение в собственном смысле этого слова занимает сравнительно мало места.

Достоинствами «Очерков» надо признать: ясность формулировок, отсутствие многословия, популярность, умение остановить внимание на наиболее существенном и правильный марксистский подход.

Эти достоинства постоянны, поскольку автор в своем изложении придерживается общепризнанных понятий и определений. Попытки же его дать определения от себя не всегда удачны, а иногда совсем неудачны. Так, напр., нельзя считать удачным претенциозное и не исчерпывающее определение капиталистического хозяйства, как «товарное хозяйство, субъектом которого (организатором производства, владельцем) является класс, владеющий орудиями и средствами производства, а объектом (подчиненной силой)—класс наемных рабочих или пролетариат» (стр. 53).

Финансовый капитал определяется как «капитал, не вкладываемый в средства и орудия производства, не организующий производство, а денежный капитал, отдаваемый в рост» (стр. 60). Тут смешение ростовщического, денежного в узком смысле этого слова капитала с финансовым.

Государство т. Вольфсон определяет как «насильственная организация, насильственное объединение людей одной территории, заставляющее подчиняться определенным велениям» (стр. 65).

Путать «насильственную организацию» с организацией насилия не полагается.

Что касается содержания, то необходимо указать на следующие существенные на наш взгляд пробелы.

В очерке «История социализма и социального движения» почти не затрагиваются профессиональное движение, его особенности и рост в Англии, Германии и Франции. Мало внимания уделено II Интернационалу.

В очерке о социально-революционном движении в России мы ни слова не находим, напр., о «Колоколе» Герцена, ни о национальных социалистических партиях—польских, литовских, еврейских и др., которые в истории обоих фракций Р. С.-Д. Р. П. играют существенную роль.

При характеристике мирового значения Октябрьской революции не упоминается о кратковременной Советской

власти в Финляндии, Венгрии и Баварии.

Правда, автор оговаривается в предисловии, что ему пришлось крайне сузить рамки своих очерков, но мы полагаем, что в крайнем случае эти пробелы можно было бы заполнить хотя бы за счет христианского коммунизма, крестьянского движения древности и т. д.

В общем нужно признать, что указанные пробелы, как и некоторые другие, не нарушают цельности и выдержанности «Очерков», которые безусловно следует рекомендовать вниманию нашей «молодой аудитории».

Б. Фрумкин.

Я. М. МАГАЗИНЕР, профессор Петроградского университета. Общее учение о государстве. Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918—1922 гг. Издание второе переработанное. Петербург. Центральный издательский кооперативный союз «Кооперация». 1922. (1—XVI, 1—490).

На первый взгляд книга проф. Магазинера производит обычное впечатление ученого труда по государственному праву. Все, как всегда: и надлежащее количество научных ссылок на литературу предмета, и солидный объем, и дружеское обращение учителя по адресу студентов, «молодому уму» которых предстоит усвоить научный курс, и даже указания насчет экзаминационных требований. Все, как всегда. И между тем...

Когда мы ближайшим образом вчитываемся в курс лекций, предлагаемых петербургскому студенчеству, нас охватывает величайшее недоумение—перед нами нечто удивительное и менее всего то, что обозначено на обложке книги.

Казалось бы, от современного автора «Общего учения о государстве» мы в праве ожидать, что, во-первых, в своем изложении он даст нам положительную картину государственного строя современных держав, основанную на строгом изучении фактов тех крупных политических событий, которые в продолжение последнего десятилетия совершенно преобразили старую Европу. Во-вторых, как известно, указанные события повлекли за собой не менее решительный пересмотр основных политических и юридических идей, которые до сих пор определяли собой общественные формы буржуазного мира. В-третьих, наконец, в среду старых политических форм вошли разительные новообразования, в роде советского строя, и добросовестный исследователь тем более должен использовать эти формы для своего обзора, что они являются не внегосударственными или надгосударственными образованиями, но именно одною из форм государства.

К сожалению, ничего подобного в курсе проф. Магазинера мы не находим. Он устраняет из своего изложения прежде всего войны и революции. А так как войны и революции составляют главное и основное содержание тех грандиозных переворотов, которые в течение последнего десятилетия потрясают «цивилизованное человечество», то в результате оказывается столь основательный пробел в курсе проф. Магазинера, что сам курс лишается в значительной степени своего научного значения. Для читателя или даже просто любознательного студента совершенно недостаточно, что основные идеи войны «с точки зрения права» не имеют оправдания, что они «осуждаются» или что во время революции право приостанавливается и разрушается; точно так же совершенно недостаточно простое указание, что и война и революция особенно обостряют «сильнейшие противоборствующие силы», направленные против «правовых тенденций международного и государственного права». И если даже признать, что в эти эпохи господствует «не-право», «противоправо», либо простая целесообразность, то все же на этих формах уже потому не мешает остановиться, что, по учению проф. Магазинера, из такого «не-права», в конце-концов, создается какое-то право, а государство все время существует. Государство же, по определению самого автора, есть уже потому вместилище права, что государственная власть есть «одно сплошное право» (!!). Ставя крест на войны и революции, автор не только лишает себя возможности проследить рождение права из «не-права», что не может не быть интересно, но прямо губит свой

курс, так как вычеркивает из него целую историческую эпоху, лежащую на рубеже между старым и новым обществом.

Но точно так же не желает наш автор заметить и той переоценки ценностей, которую произвело человечество под влиянием и во время всем известных событий. Громадное движение в сторону политики и политических идей от чисто юридического миросозерцания. Совершенно неожиданное место, которое заняла экономика и связанные с ней идеи социального порядка, а в частности идеи национального и классового характера. Вовлечение в европейскую жизнь вопросов и понятий колониального движения, а в частности соприкосновение с миром Востока. Наконец, на наших глазах совершающееся крушение парламентаризма, государственного суверенитета и форм буржуазной демократии с заменою их диктатурой, открытым классовым господством, международной тиранией и вооруженной эксплуатацией, — все это явления, которые не могут не быть учтены в курсе общего учения о государстве без того, чтобы этот курс не превратился в какое-то произведение, стоящее вне времени и пространства, наполненное никому ненужными вещами. Конечно, мы понимаем, как трудно для юриста-догматика, привыкшего к законченным формам, к целостной догме, к утонченной схоластике, войти в самый котел жизни, где еще далеко не в отточенном виде создаются и созревают органы и учреждения настоящего и ближайшего будущего. Но казалось бы, на то человек и посвящает себя науке, чтобы уметь разобраться в том творческом хаосе, который непонятен профану. И по правде сказать, такая задача особенно облегчена для ученого Советской России, где все общественное внимание направлено в сторону как раз искания новых путей и новых жизнеспособных и устойчивых форм. Увы!—единственная уступка, которую делает в этом отношении проф. Магазинер,—это несколько неодобрительных строк по адресу идеи классового господства, по адресу диктатуры да констатирование факта падения парламентаризма.

Не лучше дело обстоит с советским строем. Мы не говорим уже о том, что в самой главе, посвященной государственному строю Российской Республики Советов, автор, к нашему величайшему сожалению, был стеснен какими-то условиями, лежащими в нашей «политике печати», и поэтому должен был ограничиться исключительно «юридическим описанием государственного устройства Р. С. Ф. С. Р., не касаясь оценки его ни с правовой ни с политической точек зрения». Об этом, конечно, мы можем только пожалеть. Однако, в труде проф. Магазинера, посвященном общему учению о государстве, мы встречаемся с другим явлением, которое, надо полагать, уже от «политики печати» не зависело. И это—совершенное исключение Советов из «общего учения». Правда, опыт советского устройства наш автор называет «небывалым и неповторимым». Это обстоятельство, однако, вряд ли давало проф. Магазинеру право совершенно игнорировать в общем учении то новое, что принес с собой советский строй в общий резервуар исторически сложившихся политических форм. Как-никак, а республика Советов все же осталась пока государством, ей свойственны определенные черты государственного верховенства, представительства, разделения функций, правовой организации населения и т. п. Исключение опыта советского строя, как он складывался не только в России, но также в Финляндии, Венгрии и Баварии, из общего учения о государстве научно оправдано быть не может.

Как мы видим из сказанного, курс проф. Магазинера представляет собой такие особенности, которые заставляют ставить основной вопрос о какой бы то ни было ценности такого общего учения, которое есть даже по самому объему охваченных явлений менее всего общее. Автором прямо выброшено из его курса все то, что действительно и нуждается в известном общем освещении и, с другой стороны, отличило бы его исследование от аналогичных старых курсов, которых имеется у нас достаточное количество. Однако, такое странное игнорирование фактов, делающее в значительной степени бесплодным громадный труд автора, не случайно. Проф. Магазинер при отборе и исследовании материала вы-

ходит из известных принципиальных соображений. Не все то, что на самом деле совершается в государстве, имеет для него значение. Его при построении курса интересует не факт, но право. Он стоит исключительно на правовой точке зрения: «государственное право рассматривает право, как логически законченную систему, подчиненную внутренней логике своего бытия, законам своего собственного правового равновесия, вне всякой связи с той общественностью, которая породила и питает эту систему», а отсюда ясно, «на деле государство есть далеко не то, чем оно является по праву». Но наш автор подходит к нему исключительно с правовой точки зрения, а следовательно, «в идее и идеале», так как только с этой стороны государственная власть «есть в действительности право».

Таково первое объяснение великой односторонности и прямо слепоты проф. Магазинера, которая закрывает от него добрые три четверти его материала. Но он идет еще далее. Он далеко не ограничивается одной лишь правовой точкой зрения. Ведь право тоже бывает разное. И если ряд писателей говорит нам о праве интуитивном, естественном или революционном, то, с другой стороны, мы имеем целые сборники и кодексы права военного времени, которое охватывает в равной степени и военные повинности граждан, и ограничения их имущественных прав, и военное судопроизводство, и тысячи подобных положений, к несчастью, до сих пор не прекративших своего действия в Европе и Америке. Наш ученый юрист такого права подлежащим своему изучению не признает. Для него право является правом лишь постольку, поскольку оно право мирное, действующее в замиренной среде, устанавливающее правила кодекса «социальной дуэли», ибо именно таким деликатным и рыцарским термином наш автор обозначает классовую борьбу, идущую в рамках законности, лишенную эксцессов и легально приводящую к не менее приличному господству одного из благородных дуэлянтов—буржуазию—над другим, неблагородным, т.-е. пролетариатом. Этическое и правовое чувство проф. Магазинера до крайности обострено. Поэтому лишь мирное и законное угнетение одного класса другим он принимает как материал для своих идеальных построений. Там же, где льется кровь, там права больше нет.

Точно так же не выносит проф. Магазинер и права, лишенного законченности и системы. И если его, с одной стороны, влечет к праву замиренного сотрудничества классов, то с другой—еще с большею силой к праву разработанному, законченному, систематизированному, классическому. И мы понимаем нашего автора. Так трудно и скучно искать что-то новое, разбираться в первозданном хаосе событий, итти новыми, опасными путями, которые нет-нет и приведут к какой-нибудь ереси, неожиданному и необычному построению—небывалому и неповторимому опыту. То ли дело испытанная и излюбленная старинка, проторенные и наезженные пути. Тут ни мысли ни творческой фантазии напрягать не приходится: работа давно уже выполнена другими, а вся задача сводится к новой перестановке в раз навсегда условленном порядке. Работа, не превосходящая трудности обычного компилятора или комментатора чужих мыслей и привычного материала. Вот почему проф. Магазинер делает вид, будто, несмотря на все грандиозные потрясения современности, все осталось постарому; за немногими исключениями «вся остальная поверхность права еще очень тверда», а посему с великим самодовольством и приступает почтеннейший автор к изложению «сложившейся, классической доктрины» до военного времени, которую в своей величайшей слепоте он почитает «господствующей».

Этим путем производится удивительная операция. Несуществующее превозглашается существующим. Негосподствующее становится господствующим. На место образований нового вытаскивается с необычайной нежностью старое и водворяется в качестве непреоборимого фетиша. Обычный прием проповеди «идеала» и «идеального» под видом научного изложения, оправдываемое тем, что, дескать, здесь идет дело о праве, которое является лишь частью этики, возлагающей на государство «обязанности»... У Магазинера в качестве такого фетиша и выступает старый заезженный остов

буржуазно-демократической идеологии, который тем решительнее противопоставляется действительности, чем меньше он на нее и похож. Мы должны отметить даже известное самоотвержение автора, с которым он вопреки презренному факту цепляется за давно разрушенные «идеалы» и пробует с мужеством отчаяния вговорить их в жизнь, идущую своим совершенно иным и нежелательным для нашего идеалиста путем. Отметим, однако, некоторые, особенно разительные пункты, где несчастный представитель «классической системы» трагически безуспешно пробует остановить историю и навязать ей давно отброшенные идеологические формы.

Так, между прочим, оказывается, что «наука общего государственного права... исходит из превозглашаемой всяким государством своей обязанности действовать не в классовом, а в общегосударственном интересе». Этот «общегосударственный интерес» нам достаточно хорошо известен. Он был изобретен для прикрытия реального классового интереса и его слишком гнусных и отталкивающих форм в эпоху буржуазной диктатуры. Как известно, в настоящее время надувательство при помощи такого «общего интереса» настолько скомпрометировано, что даже не авгуры при обычном употреблении указанной фразеологии цинично ухмыляются и первым делом хватаются за карманы. Что же?— Неужели проф. Магазинер в своем идеалистическом экстазе настолько ослеп, что не знает вещи, о которой не только у нас, но и во всей Европе воробьи кричат с крыш? О, нет, он это отлично знает. И для него далеко не тайна, что в основе государственного властвования лежит вовсе не общегосударственный, но классовый интерес. Но видите ли, указанная выше «обязанность» в глазах нашего идеалиста «не снимается с государства тем фактом, что в действительности идеальной и незаинтересованной власти, одинаково ко всем справедливой, никогда не существовало», и когда «мы видим своекорыстие господствующих классов, правящих государством», то мы высказываем им наше «осуждение». Что же из того, что власть осуществляется в классовом интересе. А проф. Магазинер, тем не менее, говорит: нехорошо, очень нехорошо. И если факты не желают слушать его увещаний—что же, тем хуже для фактов...

При помощи такого простого приема проф. Магазинеру удается с величайшим успехом одно—*все остается попрежнему*. И хоть не существует, но должно существовать. Иллюзия и фикция приобретают свое особое, независимое от жизни существование. А старые мечты о парламентаризме, о правовом порядке, о неотчуждаемых правах человека (право на самоопределение) приобретают такую живость, что незаметно подсовываются под реальность и заставляют верить, что они и не думали умирать. Скучно и тяжело следить за нагромождением бесчисленных призраков и фантазм, которыми наполнены четыреста страниц самоотверженного курса нашего ученого, вызывающего, подобно андорской волшебнице, конституционных покойников из их свежих могил. И вряд ли можно поздравить петербургское студенчество с такой чудовищной фантастикой, предлагаемой им под видом положительной науки. И если они усвоят себе хотя бы одно учение Магазинера о государствелице с его единой волею, единой целью, бессмертным, вечным существованием, всемогущим и вездесущим суверенитетом,—то воистину нашему профессору удалось сделать большое дело—от жалкой действительности он поднял молодых адептов до нетленных и вечных идей, достойных платоновского неба.

Как жаль, что книга Магазинера вышла после падения временного правительства, для которого наш ученый сооружал великолепные проекты истинно свободного и народного государства, построенного на мирном сотрудничестве угнетателей и угнетаемых, на вере в конституционных богов и демократическое блаженство. Там подобная книга была бы принята иначе, чем у нас. Ее сделали бы, несомненно, официальным комментарием к основным законам с маркою Керенского. Проф. Магазинер стал бы истинным хранителем вечных скрижалей неизменного и единоспасающего государственного права. А теперь?—За нашим автором надо признать только одну заслугу. Среди нынешнего падения пра-

вов и всеобщего надругательства — не только у нас, но и весьма в Европе— над священными традициями классического парламентаризма и демократизма он один остался неколебим в верности раз избранному знамени: пусть гибнет мир, но да здравствует божественная фикция народной демократии.

М. Рейснер.

Г. М. ПОРТУГАЛОВ. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург. Госиздат. 1922 г. 52 стр.

С чувством досады я положил в сторону прочитанную книжку. Автор как будто хотел делать хорошее дело, он как будто хотел выдвинуть заслуги пролетарской революции в области права, резко противопоставляя ее в этом отношении буржуазной революции, но получились какие-то двусмысленные намеки—я убежден, что ненамеренные намеки,—когда он излагает развитие судейской совести в святых трибуналах средних веков. Он, повидимому, имел в виду дать верный очерк развития революционного права Р. С. Ф. С. Р., но дал лишь неполную и неверную картину того, что было, и того, что есть.

Он, очевидно, питал намерение обогатить, расширить кругозор, мировоззрение читателя, но своим крайне идеологическим методом в этом отношении приносит один вред. И если с первыми двумя недостатками можно было бы мириться, последний выносит его работе уничтожающий приговор. Невольно задаешь себе вопрос, для кого и чего ради он сочинил эту книжку? Для широких рабочих масс книжка даже недоступна, для буржуазной и мещанской интеллигенции она с запашком. Для марксиста она — чистейшего вида вздор. Скорее всего, автор когда-то в прошлом задумал работу о развитии *«идеи совести»* (прежде даже такое словосочетание допускалось). Он тогда написал первые две главы, затем ему понравилась наша «идея» революционного, а еще больше, социалистического правосознания, он прибавил еще три главы, внес некоторые поправки в начало и, снабдив эту смесь введением из 8 строчек, сдал работу в Госиздат.

«Основными мотивами процессуального законодательства Сов. России являются *веления революционной совести и социалистического правосознания»*. Таковы первые слова книжки. Этот лейтмотив неправильного понимания нашей революции права идет чрез всю работу. В действительности, с первого же декрета о суде у нас подчеркивается, что мы на первое место ставим обязательную силу декретов; нас характеризовала скорее чрезмерная вера в декрет. А когда автор (стр. 48) говорит о запретном в начальную пору советского строя пути к *«идее* (опять-таки идее!) *кодификации права»*, то он доказывает полное незнакомство с делом. Еще 15 дек. 1917 г. (Собр. Уз. 1917 г., № 9) было опубликовано постановление Наркомюст об образовании «особого отдела законодательных предположений и *кодификации»*. Весною 1918 г. (в лево-эс-эровском Наркомюсте) уже был выработан проект уголовного кодекса, признанный нами вовсе не ненужным. А осенью 1918 г. (в юбилейной статье) я писал: «Настал момент приступить к *кодификации*, к сводке всего пролетарского права переходного периода в систематический сборник и т. д.». Помешало нам в этом отсутствие людей в Наркомюсте в виду гражданской войны— и только. А легенда буржуазных юристов о наших страхах пред кодексами права до Нэп, которую здесь повторяет и Португалов, должна только прикрыть их радость по поводу того, что обещаны были кодексы именно в духе Нэп'а. Мнения, высказанные против кодификации, у нас были единичны. Итак, мы были *вынуждены* принять лозунги революционной совести и революционного «правосознания» (последнее впоследствии *неправильно* и поспешно было заменено «социалистическим правосознанием»), но мы это сделали в ограниченной мере и лишь временно.

Автор сближает это понятие с понятием «интуитивного права». Случайно в его словах кроется частица правды: внесение самого слова «правосознание» в текст декрета № I произошло, действительно, окольным путем, по инициативе поклонника Петражицкого. Но на деле это слово приняло совсем иное значение: значение *классового правосознания*, т.-е. сознание

победившим пролетариатом своего классового интереса.

Не так рисуется история в голове автора. Он находит «идею совести» еще в старом Риме—в преторской совести, затем в средневековых судах, в естественном праве и французской революции. Я могу уверить автора, что к нам не этим путем дошла эта «идея». А просто также, как в Риме, в преторском праве «ratio naturalio» (естественный разум) в праве был разумом торгового класса Рима, как естественное право выражало классовую программу восходящей буржуазии, так победа 1917 года и в пролетариате стала создавать классовое правосознание. Писать в 1922 году, т.-е. чрез 4 года после Октябрьской революции, о праве Р. С. Ф. С. Р. научную работу, оставляя в стороне классовое понимание права, бессмыслица. И, конечно, при таких условиях всякие увлечения нашею «идеею социалистического правосознания повторят, сознательно или бессознательно, лишь мысли меньшевиков всего мира, вслед за буржуазным профессором Антоном Менгером об «юридическом социализме», т.-е. просто о социалистическом ревизионизме.

А так как рассуждениями об этой «идее» совести и правосознания и о развитии этой идеи наполнена вся книжка, то всякому видна ее бесплодность.

Но проявляется у автора и невольный юмор. Напр., когда он *взгляды т. Ленина серьезно сопоставляет* с возрожденными идеями *естественного права* (не смейтесь, я не шучу!) у «родственного ему» *Петражицкого*! Такие параллели мыслей занимают целую страницу (18).

Автор, повидимому, читал гораздо больше *нашу*, т.-е. коммунистическую, литературу о праве, чем он упоминает в своей работе. На это указывают целый ряд характерных нам выражений. Он, не полемизируя с нами, проводит, однако, прямо противоположную нам концепцию. Теперь, когда даже часто буржуазные профессора начинают признавать и применять нашу терминологию (напр., о классовом праве), такой прием лишает работу всякого интереса. И если книжка, написанная на эту тему с критикою коммунистов, могла бы, по крайней мере, возбудить интересную полемику, то подобная этой работа вызывает одно лишь недоразумение. Если работа заказанная, то заказ следует признать легкомысленным.

«И вот настала, наконец, пора, до *которой не доцвела Парижская коммуна*, когда не требуется специального упоминания о *революционной совести*, а имеется лишь ссылка на одно социалистическое правосознание». Значит, Октябрьская *революция окончена*, началась новая эра мирного развития? Не более 2-х недель тому назад мне такую же мысль пришлось цитировать из другого московского издания. Я должен огорчить обоих авторов: революция продолжается. Если у автора вообще имеется какое-либо мировоззрение, то его можно было бы назвать «социалистическим сменовеховцем». Он радуется новому личному составу (пролетарскому) суда, ждет от него творчества в смысле социалистического правосознания «народной правды», основываясь на положениях *научных* (между прочим, наука права, т.-е., конечно, *буржуазного* права) и технических, а равно и *юридических принципах*, при чем автор доказывает—отметим *неверную* мысль—о *необязательности* у нас для суда декретов (напр., о минимуме наказания). Если к этому прибавить еще слова автора о «необходимых научных, *юридических* и технических силах», то становится ясным, какого содержания автор ждет от творчества этого «социалистического правосознания», которое объемлет все практические выводы социализма. Книжка, повидимому, написана до весенних и осенних наших кодексов. Я боюсь, не станет ли автор против них в оппозицию слова.

Я самого лучшего мнения о личности автора, как она представляется по работе, и мне его жаль от всей души. Он жил в эпоху революции, но остается чуждым ей; он хочет изложить понимание революции, но сам ее не усвоил. Если бы наступила реставрация, вероятно, он был бы снова в социалистической оппозиции. Теперь он не находит себе места. Несчастная беспочвенная, хотя и социалистическая интеллигенция!.. А изданная им книжка для нас ни к чему.

П. Стучка.

П. СТУЧКА. Революционная роль права и государства. I. Общее учение о праве. Государственное Издательство, 1921 г. 125 стр.

Марксистская литература о государстве очень небогата хорошими ясными изложениями вопроса. После работы Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства» и отдельных замечаний, имеющихся в других сочинениях Маркса и Энгельса (напр., Маркс. «Капитал», т. III, ч. II, гл. 47, стр. 319—320, изд. 1907 г. Энгельс. «Письмо к Шмидту от 27 окт. 1890 г.» и др.), до последнего времени о государстве не было серьезных исследований, стоящих на должной теоретической высоте и правильно излагавших точку зрения революционного марксизма на государство. Оппортунисты избегали вопроса о государстве или извращали взгляды Маркса и Энгельса на этот вопрос по причинам вполне понятным. И только известная книга Ленина «Государство и революция», законченная в августе 1917 г. и вышедшая в свет в 1918 г., явилась первой работой, изложившей вполне ясно суть дела.

Книга П. И. Стучки, заглавие которой выписано выше, стоит на прочной основе революционной теории Маркса. Автор—давний сторонник точки зрения революционного марксизма, являясь знатоком буржуазной юридической литературы, умеет по достоинству оценить произведения ученых защитников буржуазного строя.

Глава 7—история нашего правопонимания—содержит краткий обзор развития юридических теорий от Фомы Аквинского, кончая Штаммлером, Петражицким и Менгером. Тов. Стучка вполне справедливо оценивает контр-революционность так называемых социалистов юридического направления, создавших теорию о «врастании по пути права и притом только легальным путем в новое общество» (109). Правильна также оценка Штаммлера: «Трудно себе представить что-либо более пошлое, чем его (Штаммлера) изложение «социального материализма» и его доказательства «примата» права» (109).

Очень хороша третья глава, в которой кратко излагается суть теории классовой борьбы Маркса. Дело в том, что можно признавать классы и классовую борьбу, как это делают меньшевики, стоять на контр-революционной точке зрения примирения классов, т.-е. сохранения классового господства буржуазии. Учение Маркса—это учение о революционной классовой борьбе. «Условие освобождения трудящегося класса есть уничтожение всяких классов: точно так же, как условием освобождения третьего буржуазного сословия было уничтожение всех сословий». В книге везде выдвигается эта революционная сторона теории борьбы классов.

На стр. 48 автор дает такую характеристику буржуазного государства: «Это, можно сказать, дьявольская система угнетения человечества, прикрывающая под фразами гуманного либерализма самые гнусные затеи. Она пускает в ход не только сложный аппарат разделения власти, как орган беспощадного принуждения, она путем «инстинкта собственности» (по определению Тьера) и «системы голода по добровольному соглашению» поднимает интенсивность труда и массу присваиваемой прибавочной ценности до крайнего предела. Она имеет в своем распоряжении армию продажной интеллигенции всех видов; она не брезгует броситься в объятия даже побежденной казалось бы навсегда церкви. И все это не во имя откровенной классовой борьбы, но во имя примирения классов (Burgfrieden), гармонии, согласованности противоречивых интересов,—одним словом, «чистой демократии».

Далее приводится выписка из одной ранней статьи Энгельса (New Moral World 1843), в которой Энгельс дает прекрасную критику демократии, называя ее лицемерием, и приходит к выводу, что «демократия, как и всякая иная форма правительства, должна быть разбита вдребезги. Лицемерие не может продолжаться, скрытое под ним противоречие должно проявиться. Либо рабство, т.-е. нескрытый деспотизм, либо истинная свобода, т.-е. коммунизм» (49).

В главе 5—«Право-революция» рассматривается вопрос о том, как создается право революционного класса. «Общество основывается не на законе; это только выдумка юристов. Напротив, закон

основывается на обществе, он должен быть выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа производства, против произвола отдельных лиц. Как только закон более не соответствует общественным отношениям данной эпохи, он превращается в простой клочок бумаги» (К. Маркс. «Речь перед кельнскими присяжными заседателями»).

Определение права, именно как системы (или порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованною силою его (9) совершенно справедливо указывает, что для права характерно отношение неравенства, классового господства. В обществе, где нет классов, нет и права.

Большим достоинством книги надо признать то, что автор, будучи юристом по специальности и хорошо знакомым с юридической литературой, сам вполне свободен от юридического идеологизма и остается неизменно на материалистической точке зрения. А в этом и состоит главная трудность. Книга тов. Стучки является прекрасным пособием для всякого, кто изучает марксизм и хочет разобраться в вопросах права и государства.

В. Адоратский.

М. Н. ГЕРНЕТ, проф. Моральная статистика. (Уголовная статистика и статистика самоубийств.) С приложением 11 диаграмм и образцов листов уголовной статистики и статистики самоубийств. Пособие для статистиков и криминалистов. Издание Центрального Статистического Управления. Москва. 1922 г. 269 стр.

Работа проф. Гернета является первым и единственным руководством по моральной статистике на русском языке. Потребность в подобном руководстве особенно чувствуется теперь. С начала 1922 года повсюду местные органы Центрального Статистического Управления начали собирать статистические материалы об осужденных—впервые после пятилетнего перерыва и притом по новой программе — и о самоубийцах—впервые в России. С 1919 года на правовых отделениях Ф. О. Н. приобрела право гражданства, в качестве обязательного предмета, уголовная этиология (учение о факторах преступности). Служить руководством для статистиков, работающих в области моральной статистики, и пособием для криминалистов, при изучении вопросов уголовной этиологии, предназначена работа проф. Гернета. Работа делится на 13 глав. В первой главе автор исследует понятие «моральной статистики» и дает очерк работ первых моральных статистиков. Автор считает, что отсутствует сколько-нибудь общепринятое содержание моральной статистики. Большинство авторов, относя к моральной статистике—статистические данные о фактах, «позволяющих судить о морали населения», не ставили себе задачу, можно ли на основании их действительно выяснить нравственность населения. Не задумываясь, они шли своей дорогой, по которой вели их традиционные воззрения их среды и ходячие представления их классов. Профессор богословия Эттинген связывает всю мораль с «христианским учением о нравственности», астроном же Кетле в разделе «о развитии нравственности и умственных качеств человека» своей «Социальной физики» назвал преступление, самоубийство, пьянство данью природе (стр. 7). Авторы трудов по моральной статистике также неправильно упускают из внимания момент глубокого классового различия моральной оценки одних и тех же фактов различными классами общества и различную степень распространения исследуемых ими фактов в различных классах населения страны (стр. 8). Собираемые «моральной статистикой» сведения далеко не всегда вообще могут пролить свет на нравственное состояние общества. Напр., относимая к тюремной статистике статистика самоубийств дает материал скорее для суждения о степени недовольства своею судьбой самоубийц, чем о моральном состоянии в обществе, так как масса самоубийств безразлична с моральной точки зрения. От морального статистика, когда он приводит цифры уголовной статистики самоубийств, разводов и пр., мы узнаем не столько о моральном уровне в стране, сколько об ее преступности, о прочности брачных уз

в ней, о смертности в населении от самоубийств, об их связи с различными социальными условиями и проч. Таким образом, существует некоторое несоответствие между названием «моральной статистики» и вкладываемым в нее содержанием. Автор не отказывается от термина «моральной статистики» лишь потому, что он уже укрепился и общераспространен, но считает, что правильнее было бы его заменить, но не одним каким-нибудь названием, а целым рядом названий и говорит «об уголовной статистике», о «статистике самоубийств», о «статистике потребления алкоголя» и пр. Во II главе автор дает очерк постановки уголовной статистики в отдельных странах Европы и в России. Автор отмечает, что у нас в 1919 году был выработан и утвержден Н. К. Ю. и Ц. С. У. проект опросного статистического листка для обвиняемого, который мог бы служить образцом полноты по богатству собираемых сведений об осужденных. Приходится пожалеть, что не удалось провести в жизнь собирание сведений по разработанной программе. В III главе автор рассматривает движение преступности и репрессивных мер борьбы с ней по данным уголовной статистики главнейших стран Европы и России, отмечая общий рост преступности в Европе, не исключая и Англии (возрастание наиболее серьезной преступности и уменьшение пьянства и оскорблений личности), которая, таким образом, повидимому, перестала быть счастливым исключением из общего правила роста преступности во всех современных государствах. При рассмотрении уголовно-статистического материала автор обращает особое внимание на статистику нарушений законов о труде, которое, по справедливым словам автора, совершенно неосновательно не привлекали к себе внимания ни уголовных статистиков, ни криминалистов, ни авторов трудов по моральной статистике. В этом отношении автор считает «вполне заслуженными упреки» либеральным криминалистам со стороны марксистов (напр., статью M. Lursky. «Neue Zeit», 1904, № 47, 48) в классовом характере уголовного закона: «Криминалист говорит об охране здоровья и жизни человека и не обращает должного внимания на то печальное явление, что на фабриках и заводах совершается ежегодно несчастных случаев со смертельным исходом в несколько раз более, чем убийств во всей стране» (стр. 57). Незначительные цифры нарушений законов о труде заставляют автора «усомниться в правильности постановки собирания нужных сведений». Нам кажется более справедливым предположение о большом количестве сокрытий со стороны предпринимателей нарушений законов об охране труда и о том, что те, кому это ведать надлежит, часто смотрят на это сквозь пальцы. Интересные в этом отношении данные приводил M. Lursky на страницах «Neue Zeit» (1908): убитых в предприятиях раз в 15 больше, чем случаев привлечения предпринимателей за «неосторожное» лишение жизни рабочих. О том же свидетельствуют и интересные цифры, приводимые проф. Гернетом (стр. 58), колебания числа некоторых дел этой группы, «принимающие совершенно необычайный характер». Напр., во Франции нарушений закона о работе женщин в магазинах было всего 1908—3, 1909—78, 1910—32, нарушений законов о продолжительности труда в шахтах не было совсем зарегистрировано в 1908 году, в 1909 их было 648, 1910—всего 7. Поэтому более справедливо высказываемое автором относительно соответствующих данных английской статистики сомнение, насколько они соответствуют действительности (стр. 86). Автор обращает внимание и на другие «полицейские нарушения». Громадные цифры нарушений правил езды (Франция в год 80 тыс. нарушений) показывают, насколько часты стали со стороны капитала эти проступки, грозящие опасностью жизни и уличному движению. Уплачивая в виде наказания денежные штрафы, виновные в этих нарушениях как бы покупают себе право на их совершение (стр. 56). В следующих главах (глава 3—13) автор рассматривает связь преступности с возрастом, полом, национальностью, временем совершения, семейным положением, профессией, местом совершения, алкоголизмом, экономическим и политическим положением страны, привлекая к своему рассмотрению обширный материал западно-европейской и русской уголовной статистики и уголовно-этно-

логических исследований. Основные взгляды автора на причины преступности, которые он проводит в рассматриваемой работе, известны уже по его прежним работам («Социальные факторы преступности», «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества», «Детоубийство» и др.). Автор—сторонник уголовно-социологической школы и на всем протяжении своей работы выпукло изображает социальные причины преступности. Последняя (13) глава посвящена статистике самоубийств. «Моральная статистика» проф. Гернета может являться не только прекрасным руководством для статистиков и ценным пособием для криминалистов, но ее можно рекомендовать для самообразования каждому, желающему ознакомиться с основными вопросами учения о причинах преступности, уголовной статистики и статистики самоубийств.

А. Пионтковский.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. П. МОНРО. История педагогики. Ч. I. Древность и средние века. Часть II. Новое время. *П. Блонский.*—**2. В. А. ЗЕЛЕНКО. Практика внешкольного образования в России.** *Н. Крупская.*—**3. Руководство по социальному воспитанию. Вып. I.** *Н. В. Чехов.*—**4. М. СИМОН. Дидактика и методика математики в школе II ступени.** *Е. Бэрзан.*—**5. Д. ДЬЮИ Школа и ребенок.** *А. Елизарова.*—**6. С. А. ЗОЛОТАРЕВ. Методика русского языка.** *И. Голанов.*—**7. Ю. ФАУСЕК. Обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессора.** *Н. В. Чехов.*—**8. Развитие речи. Вып. I, II, III, IV и V.** *Л. Богоявленский.*—**9. Я. БОРИН. Ласточка.** *А. Елизарова.*

П. МОНРО. История педагогики. Ч. I. Древность и средние века. Ч. II. Новое время. Стр. IX + 286 и V + 342. Госиздат. 1923.

Книга американского педагога П. Монро была известна в России еще до революции (настоящее издание—четвертое). Она выгодно отличается от всех иных историй педагогики, распространенных в России, своей научностью в отличие от обычной компиляции. Изложение педагогических идей основано на непосредственном и широком знакомстве с подлинниками; анализ этих идей связывает эволюцию этих идей с общей эволюцией общества и, в частности, с общим умственным движением данной эпохи. С этой стороны книга доброкачественна. Точно так же нет в ней и реакционных педагогических тенденций: книгу писал американский педагог. Можно вполне утверждать, что из имеющихся на русском языке историй педагогики книга П. Монро—наилучшая. Особенно хорош второй том, трактующий о новом времени (Возрождение и гуманистическое образование; реформация и контр-реформация; реалистическое воспитание—Монтэнь, Коменский и др.; Локк — Руссо; Песталоцци и Фребель; естественно-научное течение в педагогике—Спенсер, Гексли и др.; социологическое течение в педагогике; эклектизм настоящего—конец XIX—времени). К сожалению, страницы о Песталоцци наименее удачны.

Однако, надо твердо помнить, что автор, конечно, не марксист и не революционер. Марксистского подхода к эволюции педагогических идей нет. По обычаю нет педагогических взглядов социалистов-утопистов. Нет достаточного изменения педагогических идей Великой французской революции и 1848 г. Очень часто совершенно неясно, идеологию какого класса развивает данный педагог. Словом, это—книга прогрессивно-демократического и индивидуально добросовестного в научном отношении ученого, которая выдерживает критику, помнящую, что на педагогическом

безрыбьи эта книга лучше других.

Перевод не блещет литературными достоинствами.

П. Блонский.

В. А. ЗЕЛЕНКО. Практика внешкольного образования в России. Госиздат. 2-ое издание, переработанное и расширенное. 1922 год.

Книжка состоит из 2 частей. Первая посвящена вопросу о внешкольном образовании до 1917 года, вторая говорит о послереволюционном периоде. Автор желает показать, как содержание и формы внешкольного образования обусловливались уровнем экономического развития страны, классовыми соотношениями и т. п. Это, конечно, вполне правильный подход, дающий возможность подытожить и осветить с классовой точки зрения проделанный этап развития.

Автор берет и ставит вопрос о внешкольном образовании достаточно широко, связывая его с нарастанием самосознания в рабочем классе, с революционным движением. Он напоминает вещи, которые очень и очень полезно напомнить: например, писание Пуришкевича, съезд деятелей народных университетов, архи-буржуазный характер развивавшихся там идей, деятельность земств и городов во время войны, позицию министров, временного правительства, Мануйлова и т. д.

К сожалению, в брошюре нет необходимой отчетливости. Возьмем, например, главу: «Первый период пролетарской культуры». Почему период — октябрь 1917 года—май 1919 г.— заслуживает названия «пролетарской культуры», а позднейший период—это «пролетарская культура куда-то исчезает». Дальше говорится уже просто о внешкольной работе.

Или, например, социал-демократов, работавших в вечерне-воскресных школах и там проводивших свою точку зрения В. А. почему-то заносит в разряд просветителей, благотворителей. Нельзя сказать, чтобы ясностью и точностью отличалась, например, такая фраза: «Таким образом, под практикой внешкольного образования будет в дальнейшем пониматься установление причин, обусловливающих те или иные формы, мероприятия и способы осуществления внешкольного образования в связи с организационными вопросами, а также краткое описание этих форм». От такого определения вполне ясного понятия «практика внешкольного образования» становится весьма неясной.

Вообще к недостаткам книжки относится ее чрезмерно ученый вид. В сущности речь идет в большинстве случаев о весьма вразумительных и простых вещах, но автор говорит о них не просто, а очень вычурно. Например, автор хочет сказать, что развитие и характер внешкольного образования зависит от экономических и политических условий, в которых находится в данный момент страна. Эта идея сама по себе чрезвычайно проста и удобопонятна.

Но как выражает ее автор. Он говорит: «быть-может, ни в одной из других областей функциональная зависимость между «основами бытия» и «основаниями образовательно-воспитательной работы» и ее сущностью так ясно не подчеркнута, как именно здесь». В нашей пролетарско-демократической стране так писать не годится.

Несмотря, однако, на вычурность языка и некоторую спутанность изложения, книга может быть прочитана не без пользы.

Н. Крупская.

РУКОВОДСТВО ПО СОЦИАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ. Вып. 1-й. Издание 2-ое, переработанное и дополненное У. С. С. Р. Главсоцвос Наркомпроса. Харьков. 1922 г.

Вот книга, которой не скоро еще дождется Р. С. Ф. С. Р. и которой может позавидовать наш Наркомпрос. Не может быть у нас еще такой книги, потому что наша школа и прочие учреждения социального воспитания не вылились в определенную форму и все еще находятся в периоде реорганизации. Наркомпрос Украины справился с этой задачею скорее и, действительно, выработал одну опре-

деленную систему социального воспитания, которую и проводит в жизнь. Система эта разработана с достаточной полнотой, и разбираемая книга, заглавие которой выписано выше, представляет собой результат этой работы.

Первое издание настоящего руководства было напечатано в 1921 году. Главсоцвос Украинского Наркомпроса рассматривал тогда этот труд, как «рабочую гипотезу», и ждал и желал критики, хотя бы самой жестокой.

Каждое совещание по социальному воспитанию, от Всеукраинского до волостных и районных, каждые курсы «в течение года изучали, обсуждали, пересматривали, злобно критиковали или с захватом увлекались» этим «Руководством». Результатом этой коллективной работы и является новое «переработанное и дополненное» издание книги.

Теперь Главсоцвос издает ее уже как обязательный для всех аппаратов, органов и учреждений по социальному воспитанию *закон*. Это не исключает возможности и желательности его дальнейших улучшений.

Книга распадается на три части. Часть первая — официальные материалы. Она начинается с вводной руководящей статьи, излагающей основные положения всей системы.

Буржуазное государство не брало на себя заботу о всех детях, предоставляя это семье. Помощь беспризорным давалась как подаяние нищим. Школа была классовая, единство воспитательного процесса отсутствовало: дети разделены между школою и семьей. Революция выдвинула в первый момент теорию трудовой школы, разработанную в германской соц.-демократической среде, ставившей, однако, разрешение этой проблемы в рамки существовавшей школы. Пути строительства новой школы в период революции не были намечены. Положение об единой трудовой школе и поясняющая его декларация имели в виду только реформу школы, а не всей системы социального воспитания. Наркомпрос Украины в 1920 году заменил вышеуказанное положение «декларацией о социальном воспитании». В основу ее положена охрана всего детского населения, забота о нем во всех отношениях. Школа берет только часть этой заботы. Подсчет показал, что почти восьмая часть детей Украины находится в состоянии беспризорных. Революция и гражданская война, изменения в семейном быту рабочих масс внесли коренное изменение в положение детского населения.

Соцвос—это система защиты, организации и воспитания детства. Система эта слагается из следующих учреждений: площадка, как организация детей на улице; детский сад или школа-клуб неполного дня; дневной детский сад целого дня; детские дома с обучением детей, детские городки, мероприятия и учреждения охраны детства, учреждения для дефективных детей, массовые детские шествия, праздники и т. п. Школа входит в эту систему, как составная часть. Вот основные мысли этой серьезной и обстоятельной статьи.

Далее, в официальной части имеется: «Система социального воспитания детей У. С. С. Р»—положение, утвержденное народным комиссаром Украины в сентябре 1922 г. Положение очень обширно (50 печатных страниц) и обнимает собою все виды работы с детьми и все учреждения социального воспитания.

Вторая часть заключает в себе статьи о педагогической работе в детских учреждениях, объединенные в «единый воспитательный учебный план». В него входят и программы семилетней школы.

Третья часть—указатель литературы для работников по социальному воспитанию.

Можно не согласиться с отдельными выводами руководства, можно критиковать не только вошедшие в него программы, но и основные мысли положения о социальном воспитании, но нельзя отказать всему труду в одном, неоцененном для работников социального воспитания достоинстве—единстве и цельности идей, определяющих весь план. Дорога намечена ясно и определенно, и школа и все детские учреждения другого типа могут итти прямо к цели, не опасаясь ежегодной смены направления, ежегодной ломки и сокращения учреждений и организаций. Жизнь внесет в это положение свои поправки, не все удастся осуществить сразу, от некоторых деталей придется отказаться раньше,

чем они будут введены повсеместно, но все это только поправки, а вся система может быть осуществлена—несомненно, будет осуществлена по намеченному плану. Украинская школа ближе к своему воссозданию на новых началах, чем школа Р. С. Ф. С. Р. Украинские учреждения социального воспитания имеют и общее положение и руководящие указания. Когда-то дождутся таких указаний наши учреждения!

Сравнение программы единой трудовой семилетней школы Украины хотя бы с такой же программой 1922 года нашего Наркомпроса было бы очень поучительно. Разница между ними еще и в том, что первая стала законом, а вторая на другой день после своего выхода в свет официально объявлена уже неосуществимой и подлежащей переработке. Да и сама семилетняя школа у нас потерпела крах и в целом ряде губерний и городов просто не осуществилась, а на Украине семилетняя школа признается единственным типом учебного заведения социального воспитания детей от 7 до 15 лет, после этого срока дети выходят, за исключением особых случаев, из ведения Главсоцвоса, и если желают продолжать учиться, то попадают в профессиональные школы главпрофобра.

Может-быть, противникам семилетней школы можно иначе решать проблему единой школы, защищая 9 и даже 11-летнюю школу, но нужно эту проблему решить, и нельзя оставлять нашу школу в том неопределенном положении, в котором она находится в настоящее время. У нас нет ни трудовой, ни единой, ни даже бесплатной школы, несмотря на 3 года строительства нашего Наркомпроса. А на Украине единая школа есть, и она идет по пути к фактическому обращению в трудовую школу, и это, несмотря на то, что Украинский Наркомпрос работает над нею всего два года.

В «Руководстве» Украинского Главсоцвоса найдется много поучительного не только для нашего Наркомпроса; но и для всех работников школ и других детских учреждений, и мы горячо рекомендуем им познакомиться с этой книгой.

Н. В. Чехов.

М. СИМОН, проф. Дидактика и методика математики в школе II ступени. Перевел и дополнил И. В. Яшунский. Государственное Издательство. Москва. 1922 г.

Книга не новая. Она представляет собой вновь перепечатанное, всем педагогам хорошо известное, II издание «Дидактики и методики математики в средней школе» проф. М. Симона в переводе и с дополнениями И. В. Яшунского (Пгр. 1917 г.). И, как прежде, дидактика и методика Симона будут ценным приобретением для всякой, хотя бы и небольшой, математической библиотеки.

Преподаватель I и в особенности II ступени найдет для себя в прекрасном изложении Симона, главным образом, в его специальных главах от III—VII, много ценного, философски углубляющего и расширяющего его кругозор, но, тем не менее, труд Симона отнюдь не может быть назван методическим руководством для русской трудовой школы II ступени, ибо предлагаемое Симоном распределение учебного материала по классам, подбор самого материала, отрицательное отношение к введению элемента аналитической геометрии и анализа бесконечно-малых в курс средней школы, резкое разграничение отдельных отделов математики и т. д., и т. д.—совершенно не соответствуют тому направлению в вопросах методики математики, которые можно считать вполне наметившимися, хотя еще и не воплощенными в жизнь русской школы.

Е. Берзан.

Д. ДЬЮИ. Школа и ребенок. Перевод с английского Л. Азаревич. Госиздат. Москва. 1922 г. Стр. 60.

Нам пришлось уже говорить об одной книге профессора Дьюи, или, вернее, об ее компиляции. Мы высказались тогда против компиляции, считая, что, в зависимости от ценности книги, надо было либо дать полный перевод ее, либо ограничиться только реферированием.

Нам показалось, что путанность изложения обязана именно неудачной компиляции. Теперь перед нами перевод,

а досадливая путанность языка, туманность, нагромождение терминов друг на друга, порою точно намеренно неясное изложение того, что можно было бы изложить просто, остались. Точно сквозь густую поросль продираешься сквозь это изложение до мыслей автора, часто ценных; а порой и не продерешься: как будто маячит интересная мысль, а может-быть, это тебе только показалось. Несомненно, это зависит и от перевода. Вместо того, чтобы передавать чисто русским языком мысли автора, он, как большинство переводов, нанизывает слово на слово, рабски следуя за текстом. Если в подлиннике стоит: «As well», то автор переводит: «так же хорошо», между тем как по-русски надо сказать просто: «также», «все это так же хорошо относится и к этой группе» (стр. 31). «В связи с тремя вышеизложенными принципами, между тем как цель учителя состоит в том, чтобы обогатить ребенка известными силами или уменьем, работа должна вестись следующим образом:» (стр. 36).

«До сих пор ничего не было сказано об одной из наиболее важных сил или средств расширения и контролирования опыта, о влиянии социальных или условных символов, — символов речи, включая сюда и количественные (?! *А. Е.*). Значение этих посредников (?! *А. Е.*) настолько велико, что традиционная программа почти целиком и основана на них; им уделяется от 60 до 80 процентов всего учебного времени первых четырех или пяти классов начальной школы, при чем меньшие цифры изображают скорее избранные, чем средние школы.

«Предметы эти (?! *А. Е.*) обладают социальными качествами в двух смыслах. Они представляют из себя инструменты, выработанные человечеством прежних времен для своих интеллектуальных целей. Они представляют из себя ключи, которые могут отпереть ребенку склады общественных капиталов, лежащие вне его ограниченного индивидуального опыта.

«Благодаря этим точкам зрения данные искусства должны занимать очень большое место в воспитании» (стр. 58).

Мы извиняемся за большую выписку, но мы хотели дать читателю образец тех порослей, через которые приходится продираться. Какие предметы? Что за «данные искусства»? Пойми, кто может.

Насколько могут «обогатить» учителя-практика такие страницы?

Путаница эта лежит, как мы сказали, и на вине переводчика, порою просто переписывающего русскими буквами иностранные слова: «кумулятивный», «идентификация», и не уяснившего себе, что прежде всего необходимо для переводчика мыслей автора. Но, вероятно, мы подлинника под руками не имеем, и автору свойственно нагонять профессорского тумана. А это жаль, потому что Дьюи намечает интересные мысли и задания. Именно намечает: он говорит об опыте одной экспериментальной школы, указывает на очень интересные вопросы, поставленные при ее создании, но ясных ответов читатель не получает и остается разочарованным. Правда, автор говорит, что «все это еще только попытки, что не удавалось до сих пор проводить на деле лучших из мыслей», но все же ведь опыт интересует нас, поскольку он дает какие-либо результаты. Слишком много говорится и повторяется о том, как глядит традиционная школа. Мы это знаем. Мы надеялись с помощью автора сделать шаг вперед, но остаемся с приподнятой только ногой, а потому разочарованные.

Все же экспериментальная школа существовала пять лет, за пять лет можно было сделать не мало интересных наблюдений вдумчивыми и решительно сошедшими с традиционных подмостков педагогами.

Но исходные мысли очень свежи, интересны и подчас глубоки. Так, на стр. 8 Дьюи говорит: «Ребенок—это исходная точка, центр и конец всего... Все предметы преподавания должны служить его росту... Личность и характер важнее школьных предметов. Целью должно быть не знание или осведомление, а выявление личности».

Надо исходить из потребностей ребенка, из его игр и интересов, надо связывать свободную социальную жизнь детского сада с жизнью окружающей. Содержание занятий для самых маленьких детей, это—домашняя жизнь, жилище, орудия работы. Для детского сада полно глубокого интереса приготовление кушанья, уборка, постройка жилищ, тележек, все воспроизведение домашней жизни

и жизни ближайших соседей. Для детей более старшего возраста круг опыта расширяется: их работы, их лепка, их игры выходят постепенно из узкого круга домашней жизни, местные сельско-хозяйственные и ремесленные работы, естественно-научные и географические особенности местности,—все это, привлекая их, становится предметом изучения. Далее захватывается история, используется интерес ко всему первобытному и дикому. И воспитание должно итти все время в связи с окружающей социальной жизнью, как игры, так и занятия. Для детей должен быть осмыслен и естественен переход к изучению письма, чтения, счета, к занятиям историей и другими предметами.

Все это очень хорошо, как идеалы, но о практическом проведении их книга Дьюи не говорит, и если естественный переход к вышеуказанным предметам нам более или менее понятен, то, например, переход к французскому или латинскому языку в группе 12 — 13-летних никак в книге Дьюи не обоснован и, поскольку нам приходилось наблюдать детей такого возраста, мы очень сомневаемся, чтобы он возникал для них естественно. Исключения, конечно, в счет итти не должны. Дьюи говорит, правда, что лет в 10 появляется часто у детей сознательное требование «чего-нибудь трудного». Это—ценно, конечно, и честь и слава педагогу, который сумеет использовать это требование и превратить его в нечто длительное, выковывающее волю.

Это—страшно важная проблема воспитания, стоящая теперь на очереди, так как у нас уже довольно много педагогов, умеющих вызвать интерес к тому или иному предмету, но таких, которые, без насилия над волей ребенка, сумели бы поддерживать в нем стремление работать над «чем-нибудь трудным», почти совсем нет.

Есть и другие интересные мысли в книге Дьюи, но для того, чтобы они были продуктивны, чтобы стали достоянием многих и толкали вперед педагогическую работу, следует преподносить ее русской публике в виде статьи, излагающей все существенное и написанной человеком, который сам хорошо сознает и войдет в круг мыслей этого педагога.

А. Елизарова.

С. А. ЗОЛОТАРЕВ. Методика русского языка. Изд. Петр. Инструкторского Института им. т. Толмачева. Петр. 1922. Стр. 96.

Автор имеет в виду преимущественно работу со взрослыми и, рассматривая по обычным отделам школьную практику по родному языку, учитывает требования современности и «текущего момента» в общественно-политическом отношении. Так, в самом начале книги он указывает на «единый производственный план в восстановлении и закреплении культуры духовной в явлениях науки и искусства» (стр. 3). Умелый подход ко взрослым учащимся он совершенно правильно считает одним из главных условий успеха в работе по всем отделам, которых в книге четыре: грамота, развитие речи, грамматика и объяснительное чтение; везде отклики на живую современность с ее революционным темпом, меной классов на их пути к знанию, откуда следует и необходимость новых приемов школьной работы. Предоставляя разбор чисто-педагогической стороны книги другим специалистам, я остановлюсь на гл. IV — *о грамматике* (стр. 66—85): она особенно интересна для учительства, в виду того, что наиболее спорные вопросы и наибольшие новости в работе по родному языку заключаются именно в этом отделе. Совершенно правильно автор говорит, что изучать нужно живую речь, что грамматика — не служанка орфографии, что грамматике следует «размежеваться с логикой и психологией». Нельзя возразить и на те положения автора, что различные грамматические определения и термины должны вводиться лишь после изучения значительного конкретного материала, что при занятиях языком можно пользоваться и дедукцией и индукцией, что работа по грамматике выигрывает от выразительного чтения и пересказа. Во всем этом автор проявляет себя, как опытный педагог, чуткий к трепету жизни. Но его чисто-лингвистические суждения поспешны и не всегда правильны. Прежде всего совсем без доказательств говорит автор о влиянии на современную живую речь инородческого элемента, а также отощания и неврастении последних лет (стр. 67). Слова о революции в языке и о

ломке его форм, происходящей в наши дни (стр. 68), требуют тоже очень серьезных доказательств; ведь вся эта «ломка» и революция сказывается лишь в наплыве небывалых до сих пор сложных слов, а весь строй русского языка—фонетический, морфологический и синтаксический—остается тем же и подчиняет себе эти словарные новообразования. Ряд отдельных частностей у автора также нуждается в исправлении; отмечу их в порядке текста. На стр. 68, после указания на то, что «имена существительные в русском языке могут оканчиваться на согласный звук», совершенно не нужно было добавлять, даже в скобках: «собственно на согласный с твердым знаком»; от этого дело нисколько не поясняется. На стр. 69—строка 3 снизу—досадная опечатка *г* (вместо *а*?) делает совсем непонятной мысль автора

Выведение формы *города* из формы двойственного числа для обозначения старинных городов по обоим берегам рек (Новгород, Псков), а также объяснение формы двойственного числа при четырех предметах, что равно двум парам (стр. 70), не основывается на языковых данных.

Особенно спутанно объясняются 2 пословицы на стр. 70.

Выпишу это место целиком для его основательного разбора. В пословицах: «Вот тебе Бог, а вот и порог», «Без Бога ни до порога», окончания *ог* и *ога* звучат различно в двух соседних словах: в одном простом, обыденном «порог» согласный *г* звучит звонко перед гласным и немеет в звук *к* в конце фразы, а в другом, церковном, так и сохранилось гортанное произношение, принесенное с юга, из Киева, вместе с церковным догматом: «да не изменится ни одна иота в законе». Выписанное место изложено так, что чисто лингвистическая сторона дела остается совершенно непонятной, не говоря уже о ненужности заметки «о догмате». Выражения: «гортанное произношение», «немеет», следует заменить более точными; да и «в конце фразы»—не точно, так как это же явление наблюдается и в середине фразы в конце слова перед следующим глухим согласным. Разницу в произношении между обыденным словом «порог» и церковным «Бог», которая существует в северно-великорусских говорах, а также в средне-великорусских вместе с литературным, здесь указывать не приходится, потому что ее наличность ломает всю рифму пословиц: здесь именно *совпадает* произношение *Бох — порох*, *Боγа — пороγа*, что объясняется южно-великорусским происхождением этих пословиц или же присутствием ряда случаев с глухим *х* в конце слов из фрикативного звонкого γ вместо обычного средне-великорусского *г* взрывного, даже в литературном языке в более старое время. (Срав. А. А. Шахматов. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 61). Таким образом, интересное явление языка хорошо указано автором, но его объяснение едва ли можно принять.

На стр. 71 верное замечание о том, что современная научная грамматика не признает школьного «сокращения» придаточных предложений, совершенно некстати связано с фразой из Л. Толстого: «Покурivши, у них завязался разговор» (Хаджи-Мурат). Такие обороты, встречающиеся изредка и у других писателей, необычны в русском языке (деепричастие относится не к подлежащему, а к другому слову) и к «сокращению» никакого отношения не имеют.

На стр. 73—74 странно видеть причины недочетов старой школьной грамматики в «постоянном осложнении вопросов и интересов чистого знания и свободного мышления настроениями и соображениями религиозными и политическими и одновременном сильном влиянии на литературный язык мощных, прекрасных организованных языков иностранных и стихийно мощного, но почти не организованного родного языка невежественных масс населения». Причина вовсе не здесь, а в недостатке научных сведений об языке в нашем обществе и, к сожалению, даже в учительских кругах. Напрасно далее (стр. 74) автору «становится удручающе грустным (так!) нищета глагола у нас, народа, в грамматике потерявшего и прошедшее и будущее»; очарованный богатством форм времени в греческом глаголе, автор совсем забыл о «видах» родного глагола, которыми он выигрывает то, что «потерял» в формах времени. Стр. 75: наборщик, продолжающий говорить «веселяй», «бойчай» (положим, что в самом деле это встречается), в такой же сте-

пени «сохраняет *ять*», как и интеллигент, говорящий: «крепчайший», «тишайший»; эти примеры совсем особого порядка.

Совершенно фантастично и рассуждение автора о следах ъ; выписываю его целиком, так как разбирать его слишком долго: «а уж «твердый»-то знак у всех остается, как и был искони, не совсем ясным звуком, проясняющимся в подлежащих случаях: «къ тебе», «съ тобой», «подъ окном», но «*ко* мне», «*со* мной», «подо всем» и т. д. В составе с звуком *и* «твердый знак» так хорошо укрылся в букве *ы*, что навсегда останется цел в словах «обыск» (объиск), «разыграть» (разъиграть) и т. п.» (стр. 75). Смешение в одну кучу совершенно разнородных явлений—очевидно.

Не менее фантастично и предположение автора о том, что «на ряду с другими последствиями упрощения орфографии произойдет полное онемение ъ перед мягкими гласными» (в случаях «объявить», «разъяснить»!); если бы автор сказал здесь о существовании j (йота), было бы гораздо проще и вернее. Далее, не хорошо употреблять в своем слоге провинциализмы в роде следующего: «мы *же* видим, как физики или химики осторожны и скупы на определения того» (стр. 80) (здесь *«же»* вместо обычного для литературного языка—*«ведь»*).

Еще одна частность (стр. 83): Грамматика именно *не* «может повторять (вопреки утверждению автора), что все русские слова оканчиваются гласным звуком, иногда в современном произношении уже незаметным»; *«поло-т вымыт»* и *«пол-та вымыт»*, приводимые автором, ничуть не проясняют дела: само слово *пол* здесь оканчивается, конечно, на согласный звук; кроме того, первое выражение — диалектическое (следовало бы писать *пол-от*).

Из обзора этих частностей видно, что, несмотря на методическую ценность этой IV главы *о грамматике*, чисто-лингвистическая часть в таком виде не может быть целиком полезна учительству, а должна быть *переработана* с бо́льшей «умеренностью и осторожностью», к которым призывает сам автор в работе по грамматике (стр. 73).

И. Голанов.

Ю. ФАУСЕК. Обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессори. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 107.

Систему Монтессори в России постигла странная судьба. Сочинения этого итальянского педагога имели и имеют у нас огромный успех; ее имя постоянно встречается в педагогических сочинениях, в лекциях и докладах, система ее породила у нас целую литературу, а между тем в чистом виде эта система у нас не прививается. Лет 8 тому назад в Москве был открыт детский сад по системе Монтессори одной из ее учениц,—этот сад существует и до сих пор, как музейная редкость, но других садов по этой же системе он не породил. Немного более посчастливилось этой системе в Петрограде. Там живет и работает Ю. Фаусек—фанатическая и наиболее талантливая русская последовательница этой теории, она организует курсы для изучения этой системы, пишет книги, читает лекции, по ее инициативе возникло несколько детских садов по системе Монтессори, но и только: главное, система Монтессори не прививается в массовых детских садах.

Но это вовсе не значит, что сочинения и идеи Монтессори не принесли своего плода на нашей почве. Прежде всего этим плодом являются очень ценные работы Ю. Фаусек, вдохновленные Монтессори. В 1922 г. ею изданы две работы: обучение математике по системе Монтессори и обучение грамоте и развитие речи по системе Монтессори. И та и другая книжка имеют одинаковый характер: это не столько изложение системы Монтессори, сколько подробный отчет о результатах применения ее метода автором на русской почве в русских детских садах с целым рядом очень ценных соображений и выводов незаурядного русского педагога. Методика начального обучения в наше время все более и более теряет свой прежний характер — рецептуры, собрания практических советов, и начинает походить на более наукообразную дисциплину. Правда, это еще не наука, а теория, ее уже стремятся обосновать опытным путем и связать с изучением ребенка—теоретическим и практическим. Это уже гораздо более ценный в научном отношении материал. Такой

материал и представляет из себя разбираемая книга. Согласно идее Монтессори Ю. Фаусек сначала все внимание и всю работу сосредоточивает на развитии внешних чувств детей при помощи так называемого дидактического материала, т.-е. пособий Монтессори. Рисование переходит в писание букв. Письмо не преподается группе детей, а ему постепенно обучается каждый ребенок в отдельности в той последовательности, в какой он захочет и сможет овладеть этим искусством, кто в 4 года, кто в 5, а кто в 6. Фаусек говорит, что это скорее всего самообучение при помощи руководительницы и дидактического материала.

Таким материалом являются буквы из наждачной бумаги, подвижной рукописный шрифт. Обучение письму или, вернее, пользование письмом и дальше лежит в основе обучения. От писания слов дети переходят к составлению фраз и к изложению собственных мыслей. Каждой ступени посвящается небольшая глава, обычно богато иллюстрированная примерами из непосредственных наблюдений над детьми или из писем в дневниках двух детских садов, организованных в Петрограде по системе Монтессори и руководимых Ю. Фаусек.

Гораздо меньше внимания уделено чтению. Оно отделено от письма, если не считать чтением чтение написанного самими детьми,—отделено принципиально. Тем не менее, чтение основывается на письме, предшествующем ему. Азбуки нет, имеется другой дидактический материал в виде карточек со словами, написанными курсивом, фразами и картинками. К чтению печатанного переходят поздно, книжек почти не читают, что и правильно для детей детского сада.

Довольно много места уделено полемике с противниками системы Монтессори, но многие из возражений остаются не опровергнутыми или опровергаемыми не очень убедительно.

Приведем пример: на стр. 87 Фаусек приводит замечание противников о том, что дети, учившиеся читать по системе Монтессори, не понимают того, что́ читают. Несколько выше сама Фаусек приводит из своих наблюдений примеры, это подтверждающие, а затем говорит, что они не понимают прочитанного не потому, что учились по системе Монтессори, а потому, что еще малы и не могут понимать детских книг. Она не отвечает на естественный вывод, который делают критики Монтессори—значит, еще рано учить их читать.

Интересное совпадение—наиболее крупная в нашей педагогической литературе противница Монтессори—Е. И. Тихеева—несколько лет тому назад составила руководство под названием «Естественное обучение грамоте». Рекомендуемый ею способ до смешного похож по некоторым приемам на способ, ныне рекомендуемый Фаусек.

Несмотря на некоторую односторонность выводов, книга Фаусек все-таки является полезным приобретением для нашей педагогической литературы—читается и будет читаться всеми, имеющими отношение к делу обучения грамоте, с большим интересом.

Н. В. Чехов.

РАЗВИТИЕ РЕЧИ. Письменные и устные упражнения в изложении мысли. 5 вып. для 1, 2, 3, 4 и 5 г. обучения. Составили 1 и 2 в. М. Лопырева, Е. Соловьева и Е. Циоглинская; 3 в.—М. Лопырева, Е. Соловьева, Е. Тихеева и Е. Циоглинская; 4 и 5 в.—Е. Соловьева Е. Циоглинская. Изд. 22 г. Петр. Стр. I в. 80, 2 в.—112, 3 в.—108, 4 в.—143, 5 в.—148; всего—591 стр.

5 выпусков «*Развитие речи*» замыкают круг интереснейшего творческого опыта в деле занятий по родному языку. Теперь уже нельзя, говоря о преподавании родного языка, не говорить о развитии речи. Возможны изменения, усовершенствования частей, но основная конструкция всякой книги по развитию речи необходимо будет та же, что в данном сборнике. Авторы верно уловили конструктивность «*Развития речи*» и навсегда связали ее со своим именем. Главная ценность книги в ее методической четкости и полной оправданности практическими достижениями. Ясен не только метод, ясна и проработка материала; вследствие этого книга насквозь пронизана воспитывающей творчество силой. Все возможности работы над языком авторами широко и умело использованы. Дети наблюдают, исследуют, делают обобщения,

систематизируют, учатся разнообразно выражать свои мысли, улавливать разнообразную красоту жизни и родного языка, отмечающего эту красоту. Каждая работа, легко обращаясь в образец, даже при рабском воспроизведении методических приемов, таит в себе какие-то неуяснимые возможности работу учителя не делать скучной, шаблонной. Особенность сборников (книги) в новом издании заключается в той свежести материала, которая свидетельствует о неустанном зорком внимании авторов (в последнее время Е. Соловьевой и Е. Циоглинской), к биению пульса методической мысли и все уширяющемуся руслу художественных источников. Насколько авторы умеют освежать материал своих сборников, свидетельствуют первый выпуск, включивший в себя такие стихотворения, как *«Куцый»*, *«Что кому нравится»*..., 4 выпуск, где имеются такие статьи, как сказка *«О воде»* Беллами, резко ставящая социальные вопросы..., 5 выпуск, где даны анкеты для самоотчета, проспект школьного журнала и необычайно ценные по замыслу и методической свежести выдержки из дневника натуралиста. Говорить о том, как умело использованы авторами драматизация, комбинационные работы, трудовой принцип, я считаю излишним. Хочется думать, что каждый, интересующийся работой по родному языку, не замедлит включить в свою методическую библиотеку эти интереснейшие сборники. Несомненно, когда русская методическая литература по родному языку вздумает поставить рядом с *«Ро́дным Словом»* Ушинского и педагогическими сочинениями Л. Н. Толстого другую книгу, она отдаст это место сборникам *«Развитие речи»* М. Лопыревой, Е. Соловьевой, Е. Тихеевой и Е. Циоглинской.

Л. Богоявленский.

Я. БОРИН. Ласточка. Первая книга для классного чтения после букваря. Издание второе, исправленное и дополненное. «Буревестник». Краснодар. 1922. Стр. 120.

Ласточка эта прилетела к нам с дальнего юга. Выпущена она кубанско-черноморским издательским, товариществом «Буревестник», в числе нескольких детских и нескольких иных книжек. Нужда в детских книгах, в пособиях для школ — громадная. «Ласточка» пошла навстречу большой нужде. И дает она большое количество в общем хорошо подобранных вполне доступных по содержанию и языку рассказов, стихотворений и сказок. Книжка эта, как указывается в предисловии составителя, является продолжением букваря: «Смотри, читай и помни», выпущенного тем же издательством и тем же составителем, что и «Ласточка». Нам этот букварь в руки не попадался. Я. Борин говорит, что преимущественной задачей букваря является развитие механизма чтения, который на первых порах настолько труден, что учащийся «оставляет в стороне внутренний смысл данного слова».

Соглашаясь с тем, что, несомненно, преимущественной задачей букваря является развить механизм чтения, мы считаем все же, что чтение должно быть сознательным с самого начала и что при умелом ведении его и надлежаще составленном букваре достигаются обе задачи. Таков букварь Л. Н. Толстого, в котором из первых же букв составляются понятные детям слова и фразы: «Маша ела кашу» и т. п., очень скоро не только понятные, но и занятные факты из жизни и рассказы. При подобных пособиях мы и на основании личного опыта убедились, что развитие механизма и интереса к чтению идет параллельно. Я. Борин тоже отмечает, что в букваре «слова, фразы и статьи (?!) должны быть удобопонятны; статьи составлены из кратких и простых фраз и касаются хорошо известных предметов и явлений». Так что его букварь, может-быть, и отвечает этому требованию. Диссонансом звучит только слово «статья» по отношению к букварю. Какие могут там быть статьи?!

В первой книге для чтения, какой является рецензируемая нами, подбор материала не всегда отвечает поставленной задаче. Так, в первом круге: «Вокруг да около», с более крупным шрифтом помещаются такие рассказы, как: «Шакалы и слон». И не «вокруг» и не «около». Или скороговорки: «Добр бобр жиром, а боров добрее бобра». И это рядом с

примитивными: «Петушок, петушок», «репкой» и «котиком». А в то же время в следующих отделах встречаются самые наивные повествования, как сказка «О домашних животных» (стр. 42), «Спор животных», «Пойманная птичка» и т. п. Тут составителю оказала плохую услугу намеченная им распланировка книги по кругам: «Природа и человек»; «Труд и лень»—«Друг за друга» и даже «Предрассудки и суеверия».

Нам приходилось уже высказываться, что такая «систематизация» в книгах для первоначального чтения ни к чему. Ребенок следит за смыслом рассказа, а вовсе не за тем, под каким общим заголовком он стоит. Исключением является разве только рубрика: «Времена года». Относительно же остальных гораздо правильнее было бы распределить рассказы по их доступности. Выводы из рассказов этического содержания не ослабятся тем, что рассказы эти будут преподнесены в разбивку с другими, а не общим букетом. Неприятное впечатление производит также обилие «бесконечных» сказок,—вариантов сказки про белого бычка в первом отделе. У детей с самого начала имеются более серьезные требования к читаемому и всех этих бесконечных «мочал» они терпеть не могут, принимая их как дразненье. Слишком много в нем и шуточек. Задачка: «Может ли дождь итти два дня под ряд? Нет, потому, что между ними ночь»,—мало понятна для малышей, только что оставивших букварь.

Рассказ: «Хорош кинжал, да при себе не удержал» во втором отделе имеет чересчур местный характер. Без объяснений приводятся там слова черкесского наречия: «баранчук» вместо «мальчик» или «дитя» и т. п.

Встречаются и редакционные недосмотры: «Петух *кудахчет*»; приведены все рассказы из старых хрестоматий с частыми ссылками на Бога: «Бог благословил», «Бог лениться не велит», «Дождь—Божья благодать».

Но в общем, как мы указали вначале, «Ласточка» явится полезным пособием в школе.

А. Елизарова.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

1. Бюллетень Лингвистического Общества в Париже. *М. Петерсон.*

Bulletin de la société Linguistique à Paris. Том 23, вып. 2, 1922 г. 160 стр.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАРИЖЕ.

Этот выпуск «Бюллетеня Парижского Лингвистического Общества» посвящен обзору лингвистической литературы за последний год. В Париж стекаются книги отовсюду—из Америки и России, из Сербии и Латвии, не говоря уже о ближайших странах, так что обзор сделан, можно сказать, в мировом масштабе. Из России, впрочем, дошли до Парижа только работы проф. Богородицкого и то с большим запозданием.

В обзор вошли не только специально лингвистические книги, но также и работы по смежным наукам, напр., по психологии, и даже такая книга, как «Der Untergang des Abendlandes» (2 том) Шпенглера, в которой есть глава, посвященная языку. В этой главе, между прочим, интересно различение, которое делает Шпенглер между «*das Sprechen*» (говорение) и «*die Sprache*» (язык), несколько иное, чем «*la parole*» и «*le langage*» де Соссюра, но, по словам Мейе, близкое к нему. Отзывы о книгах принадлежат, большею частью, Мейе и, как всегда у этого ученого,—кратки, метки и изящны.

В предисловии к обзору Мейе констатирует, что всюду заметен возврат к общей лингвистике. И действительно, очень много работ посвящено общим вопросам и в самых различных странах: Yespersen (Language. Its nature, developpement and origin. London), E. Sapir (Language. An introduction to Pathe study of speach. New-Jork). Vendryes (Le langage Introduction linguistique, à l'histoire, ris), Hugo Schuchardt (Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft, Halle), Trombette (Elementi di glottologia), Rozwadowski (O Zjawiskach i rozwoju jezyka), E. Blese (Jevads valod nieciba, Riga) и другие.

Вопросы ставятся самого общего характера. Так, Тромбетти стремится доказать, что все языки произошли из одного общего праязыка,—предприятие, по справедливому замечанию Мейе, при современном состоянии науки, весьма преждевременное. Yespersen в новом английском журнале, посвященном сравнительному языковедению («Philologika»), поместил статью о *символическом значении звуков*. Brunot делает попытку построить изучение французского языка, исходя из значения (La persée et la langue». 955 стр.). Он устанавливает, по словам Мейе, категории, годные для любого языка; эпохи и стили при этом смешиваются, индивидуальность изучаемого языка не выявляется; стремление обойтись без латинского языка искажает историческую перспективу. Одно из затруднений при таком подходе, замечает Мейе, заключается в том, что неизвестно, откуда исходить: чистая логика слишком проста и отвлеченна, а действительность слишком сложна. Остается исходить из самих фактов языка.

Много работ посвящено также частным вопросам языковедения и отдельным языкам. Хорошим путеводителем по этому морю лингвистической литературы и является «Бюллетень», что особенно важно для русского читателя, который давно не имел под руками западной научной литературы.

В конце предисловия к обзору Мейе говорит, что будущее лингвистики зависит от систематического исследования мало изученных языков, и призывает народы к разделению труда, как это давно уже практикуется в астрономии. Этим призывом я и позволю себе закончить эту краткую заметку об интересном выпуске «Бюллетеня».

М. Петерсон.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Г. ШМИДТ. Теория относительности и наше представление о вселенной. *Н. Андреев.*— **2. П. А. РЫМКЕВИЧ. Эволюция учения о строении вещества.** *Э. Шпольский.*—**3. Л. МЕЙТНЕР. Радиоактивность и строение атома** *Э. Шпольский.*—**4. Г. ГЕЛЬМГОЛЬЦ. О сохранении силы.** *Н. Андреев.*—**5. Проф. А. Д. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. К вопросу о геологическом строении местности в области Курской магнитной аномалии. Под редакц. П. П. Лазарева.** *Г. Ф. Мирчинк.* **6. Успехи физических наук. Том III.** *С. Конобеевский.* **7. Русский физиологический журнал имени Сеченова.** *М. Завадовский.*

ГАРРИ ШМИДТ. Теория относительности и наше представление о вселенной. Бюро Ин. Науки и Техники и Нар. Ком. Просв. Берлин. 1922. Стр. 144.

Обыкновенно число статей на некоторую научную тему значительно превосходит число популярных книг; с принципом относительности наоборот: это какой-то поток популярной литературы. Над причиной такой популярности этой теории стоит призадуматься; и во всяком случае приходится полагать, что дело не в одной рекламе, а в глубоком, свойственном всякому человеку, интересе к основам нашего миропонимания. Именно

с этой точки зрения подходит большая часть популярных книжек к теории относительности, и книжка Г. Шмидта не представляет исключения. Не представляет она исключения и в другом смысле: и ему не удается изложение всеобщей теории относительности. В общем Г. Шмидт—хороший и опытный популяризатор; и эта книжка его написана с известным литературным вкусом, читается легко, изложение—сколько возможно в таких необычайно трудных вещах—ясное; и только почти полное отсутствие чертежей является недостатком. В последнее же время популяризаторы теории относительности усердно работают над геометрическими иллюстрациями—и не безуспешно. Никаких новых задач популяризации Шмидт в своей книжке не разрешает; в заслугу, лично ему принадлежащую, можно поставить ту осторожность, с которою он пользуется геометрическими терминами в многомерном пространстве.

Тем из читателей, которые еще не имеют в своей библиотеке популярных книг по теории относительности, мы посоветовали бы приобрести книжку Г. Шмидта, пожалуй, предпочтительно перед другими, исключая книжку самого Эйнштейна; тот читатель, который уже прочел несколько книжек, найдет у Г. Шмидта немного нового. Мне кажется, русский книжный рынок достаточно насыщен популярными изложениями теории относительности, и читателю нужны более серьезные изложения, иначе он будет топтаться на одном месте.

Н. Андреев.

П. А. РЫМКЕВИЧ. Эволюция учения о строении вещества. Петроград. 1922. Стр. 70.

«Строение вещества»—один из самых больших вопросов дня современной физики. Искусственное разложение элементов, теоретическое объяснение тончайших деталей спектра водорода, открытие изотопии обыкновенных элементов, все эти блестящие успехи невольно привлекают внимание не только ученых, но и самых широких кругов общества. Нельзя сказать, что популярная литература в этой области была бедна. В особенности на немецком языке имеется целый ряд блестящих книг, рассчитанных на читателя с самой разнообразной подготовкой. Появился за последнее время и на русском языке ряд отличных книг, как переводных, так и оригинальных. При таких условиях всякая вновь выходящая книга представляется ценной лишь в том случае, если она в каком-нибудь отношении оригинальна или, по крайней мере, написана на основании материала, почерпнутого из первых рук или из самых свежих научных журналов.

Книга Рымкевича, к сожалению, ни одному из этих условий не удовлетворяет. Прежде всего она ни в какой мере не оригинальна—в своей значительной части она является простым пересказом ходячих учебников и популярных книг, и притом пересказом, не свободным от искажений. Автор поставил себе слишком широкую задачу. На 70 страницах он хочет проследить эволюцию учения о веществе, попутно излагая без малого всю физику. Думается, что тот совершенно неподготовленный читатель, на которого рассчитана книга, будет ею сильно неудовлетворен. Ибо автор по необходимости скорее перечисляет явления, нежели что-либо объясняет. Вот как излагается, например, интерференция рентгеновских лучей в кристаллах: «Лауэ в 1912 году, пропуская эти (рентгеновские) лучи через кристаллы, строение которых отличается тем, что их молекулы образуют правильную решетку, и фотографируя их после отражения от плоскости, густо усаженной молекулами, получал очень интересные фотографии, по которым можно судить о положении этих плоскостей, а потом и изучить положение молекул в кристалле» (стр. 29).

Или вот как излагается теория Бора (стр. 51): «Согласно предположению Бора, существует только ряд определенных орбит, по которым возможно движение электронов. Электроны каждой орбиты вращаются своею скоростью тем больше, чем ближе орбита к центру—при переходе с одной стороны из возможных орбит на другую избыток энергии создает колебания определенной частоты»...

Помимо этого книга заключает в себе большое количество неясностей, а иногда

и прямых ошибок. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров:

1) На стр. 43 автор утверждает, что электроны могут быть получены «под влиянием ультра-фиолетовых лучей из раскаленных тел» (Дж. Томсон, 1899).

Случайно (а может-быть, и неслучайно) пропущенная запятая придает этой фразе совершенно неверный смысл.

2) Стр. 45: «каналовые лучи» несут с собой... вещество самого электрода».

3) Стр. 47: «электрический ток образуется переходом электронов от тела, имеющего их избыток, к телу, имеющему в них недостаток».

4) Стр. 52: «при спускании рентгеновских лучей, соединения радия, тория и актиния выделяли из себя, кроме того, новые вещества, названные эманациями этих металлов».

5) На стр. 59 речь идет об «изложенном выше методе Дж. Томсона», при чем по самой сути дела, очевидно, имеется в виду химический анализ, при помощи каналовых лучей. Ни выше, ни ниже этот метод не излагается вовсе.

Ограничусь этими примерами, хотя они далеко не исчерпывают всех ошибок и неясностей, встречающихся в книге.

Язык автора тяжелый, часто неправильный, и в то же время напыщенно-высокопарный. В этом отношении необычайно характерна вся стр. 5, из которой мы наудачу приведем одну фразу: «События последних годов не позволили нам следить за иностранной наукой. Густой туман закрыл от многих из нас эти горние вершины и напрасно с тоскою кверху взор свой...»

Вывод относительно книги П. А. Рымкевича может быть только один: неподготовленному читателю ее рекомендовать не следует, а специалисту она не интересна.

Э. Шпольский.

Л. МЕЙТНЕР. Радиоактивность и строение атома. Серия «Успехи науки и техники». Научное-Химико-Техническое Издательство. Петроград. 1922 г. Стр. 17.

Л. Мейтнер является одним из крупных работников в области радиоактивности. Ей принадлежит длинный ряд оригинальных исследований; еще совсем недавно (в 1918 г.) она сделала (в сотрудничестве с О. Ганом) весьма важные открытия: ей удалось выделить в весомых количествах новый радиоактивный элемент, позволивший связать между собой два радиоактивных семейства урано-радия и актиния. Это обстоятельство внушает большой интерес и доверие к написанной ею книжке.

Рассматриваемая брошюра представляет собою перевод статьи, напечатанной в «Festschrift d. Kaiser Wilhelm gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften» и в журнале «Die Naturwissenschaften». Статья написана вполне популярно и содержит весьма сжатый обзор современного учения радиоактивности и строения атома. Этот обзор нужен Мейтнер для того, чтобы облегчить непосвященному читателю понимание ее собственных теоретических построений, которым отведены последние пять страниц книжки. Эти-то страницы и представляют наибольший интерес. Исходя из общепринятой в настоящее время модели строения атома Резерфора-Бора, Мейтнер пытается объяснить последовательность превращений в радиоактивных рядах. С этой целью ей приходится детализировать модель атома путем формулирования специальных гипотез о строении атомного ядра. Здесь не место развивать соображения Мейтнер; интересующихся мы отсылаем к самой книжке или к более подробному реферату, напечатанному в журнале «Успехи физических наук» (т. 3-й, вып. 2-й и 3-й). Необходимо, однако, указать, что гипотезы Мейтнер вполне согласуются с современными представлениями и отличаются большой правдоподобностью.

Если принять эти гипотезы, то последовательность радиоактивных превращений действительно просто и естественно укладывается в рамки современной модели атома, как весьма важная деталь в картине строения атома; построения Мейтнер имеют большой интерес и они уже вошли в такие известные книги, как «Atombau und Spektrallinien» Зоммерфельда (3-е изд.) и «Radioaktivität» Фаянса. Перевод сделан хорошо

Э. Шпольский.

Г. ГЕЛЬМГОЛЬЦ. О сохранении силы. Классики естествознания. Книга 5. Перевод и примечания академика П. П. Лазарева. Москва. Госиздат. 1922. Стр. 72.

Развитие наших научных знаний совершается за последние годы с поразительной быстротой, и ни учащемуся, ни молодому ученому нет времени углубляться в историю интересующего его вопроса; в пору поспевать за его современным развитием. Но пренебрежение историей опасно, потому что может повести к узости мысли; кроме того, у стариков нередко можно почерпнуть новые идеи, ими по разным причинам не использованные и потом забытые; это знает всякий, кому только приходилось самостоятельно работать в науке; так, напр., Эйнштейн нашел много полезного и для своей теории у Маха; интересно, что и Гельмгольц указывает на Бернулли и д'Аламбера, как на источники своих мыслей о законе сохранения энергии.

Поэтому издание классиков естествознания есть предприятие очень полезное и современное. Естественно, что одною из первых была издана работа Гельмгольца. Если только есть эстетика в науке, то можно сказать, что чтение этой работы доставляет эстетическое наслаждение.

Перевод безукоризненный; примечания П. П. Лазарева дают биографические сведения о Гельмгольце и об его влиянии на русскую науку.

Среди намеченных к печати работ мы с сожалением не встретили классических работ Дусауля по экспериментальному обоснованию закона сохранения энергии.

Проф. Ник. Андреев.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. Д., проф. К вопросу о геологическом строении местности в области Курской магнитной аномалии и о возможных причинах последней. (Материалы по исследованию Курской магнитной аномалии, издаваемые под ред. академ. П. П. Лазарева. Вып. III). Москва. 1922 г. Стр. 28+3 табл. чертежей и 1 карта.

Работа А. Д. Архангельского представляет большой научный интерес. Здесь подводится итог всем нашим знаниям по геологии южной окраины так называемой подмосковной котловины и северного крыла южно-русской мульды. На основании этих данных и построенных на них выводов, автор приходит к положениям, коренным образом расходящимся с воззрениями большинства исследователей. Последние предполагали, что слои, слагающие местность в южной части подмосковной котловины, постепенно поднимаются в южном направлении, и в Орловской губ. перегибаются, выстилая собою дно южно-русской мульды. В связи с этим, они отрицали возможность встречи в области развития аномалий на небольшой глубине магнитных масс. Автор, исходя из наблюдающегося поднятия в южном направлении каменноугольных и девонских отложений, слагающих южный край подмосковной котловины, отрицает наличие перегиба в этих слоях и думает, что они выклиниваются и перекрываются новейшими юрскими, меловыми и третичными образованиями, выполняющими южно-русскую мульду. Такое предположение дает автору право думать, что в месте выклинивания девона, примерно, в местности, совпадающей с северной полосой аномалий, сравнительно неглубоко залегают кристаллические породы, которым и подчинены колоссальные магнитные массы, которые могли излиться при разломах земной коры, наметивших собою северную границу южно-русской мульды. Предположение автора о близком залегании кристаллических пород, как известно из газетных заметок, ныне уже оправдалось.

Книжка написана достаточно популярно и потому доступна для сравнительно широкого круга читателей, сопровождается картой и чертежами. Поэтому всякому, кто интересуется курскими аномалиями, имея в виду еще и возможность связанных с ними значительных практических перспектив, можно рекомендовать прежде всего ознакомиться с этой книжкой.

Г. Ф. Мирчинк.

УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК, под ред. П. П. Лазарева. Том III. Вып. I. Госиздат.

Интересно составленный новый выпуск «Успехов» содержит в себе 7 статей, центральное место среди которых занимает речь Н. Бора, основателя современной теории атома, произнесенная им в апреле 1920 года на заседании немецкого физического общества. Блестящая речь эта, посвященная героическим усилиям современной физики—построить мост над обломками классической электродинамики и недостроенными лесами новейшей квантовой теории излучения,— усилиям, сконцентрированным в удивительном «принципе соответствия» Бора, с захватывающим интересом будет прочтена всяким физиком. Работы Бора, Ланде и др., связывающие физико-химические свойства вещества, в частности, кристаллов, с атомными константами и указывающие новые, своеобразные методы для исследования и решения вопросов внутриатомной структуры, очень обстоятельно и ясно изложены в статье В. Р. Бурсиана «Электрическая природа молекулярных сил в кристаллах». Конечно, отведено место и для теории относительности—этой «властительнице дум», в настоящее время отнюдь не рассчитывающей ограничиться лишь властью над душами физиков, из которых некоторые, кроме того, и не относятся к ней с достаточной почтительностью. Речь А. Хааза «Физика, как геометрическая необходимость», произнесенная в философском обществе венского университета и помещенная в сборнике «Успехов», берет тему именно в таком широком освещении, которое придает ей значение философского метода познания физической природы. Статья Г. В. Вульфа «Физика и кристаллография» элементарна и является поэтому несколько необычной в данном журнале, рассчитанном, конечно, не на «популярного» читателя.

Интересны статьи Фриша о некоторых новых опытах, В. Э. Хлопина—о получении в России солей радия и П. П. Лазарева — об исследовании Курской магнитной аномалии.

Кроме отдела «из текущей литературы», заключающего в себе 17 рефератов, и отдела библиографии (последний на наш взгляд составлен несколько бедно), в сборнике прибавился новый отдел — «Лабораторная техника» в виде двух заметок: Семенова—о вакуумных установках и Вавилова—о фотометре.

К тому, что уже было сказано нами на страницах «Печати и Революции» по поводу предыдущего сборника «Успехов физических наук», нового чего-либо прибавить не приходится.

Попрежнему в подборе статей и материала редакция остается на высоте, умея найти в современной физической науке все то, что действительно может быть названо ее успехами, что ярко и интересно характеризует ее неустанное поступательное движение.

С. Конобеевский.

РУССКИЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ имени И. Сеченова. Петербург. 1922 г. Стр. 176.

Мне уже приходилось на страницах этого журнала приветствовать центральный «Русский физиологический журнал имени Сеченова». На этот раз передо мною V том за 1922 год. Он посвящен одному из крупнейших русских физиологов—Николаю Евгеньевичу Введенскому, по случаю исполнившегося семидесятилетия его жизни. С грустью приходится добавить, что недавний юбиляр на-днях опущен в могилу.

Содержание тома отличается столь же большим разнообразием, как и предыдущие выпуски.

Среди статей, имеющих по большей части специальный характер, обращает на себя внимание статья Ленца—«Условные рефлексы высоких порядков и их изучение у душевных больных». В вводной части статьи автор дает логический анализ условных рефлексов высших порядков, с которыми мы привыкли связывать представление о сложной душевной деятельности и даже о сознании. Специальная его задача—показать применимость метода условных рефлексов в клинике. Статья представляет безусловный интерес не только для клинициста-психиатра, но и для широких кругов образованного читателя. Это—одна из немно-

гих попыток выразить в терминах учения об условных рефлексах И. П. Павлова довольно сложные проявления в поведении человека.

Творцы крупных идей часто остаются в стороне от волны популяризаций, очевидно, из сознания всей трудности строго-научного сведения концов с концами при заманчиво широкой постановке проблемы. Их останавливает на этом пути, повидимому, строгое аналитическое чутье. Всякая экстраполяция для обостренного чутья неприемлема, если она не нашла твердого обоснования. В таком положении, очевидно, находится творец учения об условных рефлексах, И. П. Павлов, соблюдающий сугубую осторожность физиолога даже при переходе от лабораторно-изученных условных рефлексов 1-го порядка к рефлексам 2-го порядка. Он очень сдержан в отношении условных рефлексов высшего порядка.

Однако, мы неизбежно находимся накануне того времени, когда язык учения об условных рефлексах найдет себе широкий круг пропагандистов и проводников в различные отрасли знания и в толщу массового читателя. Симптомы того видны в статьях ряда авторов (Бехтерев, Зеленый, Ленц, Савич, Б. Заводовский и др.). Хочется пожелать максимальной осторожности при спуске на этом трудном пути.

М. Завадовский.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

1. Проф. К. В. КАРАФФА-КОРБУТТ. Лекции по профессиональной гигиене. *И. Гельман.*—2. «О голоде» (сборник). *Л. Прозоров.*—3. В. С. ГРУЗДЕВ. Гинекология. *Д. М. Яхнин.*—4. Архив Госуд. Клинического Института для усовершенствования врачей. Том I. *И. Гельман.*—5. I. Государственный Медико-педологический Институт Наркомздрава. II. К детской психологии и психопатологии (сборник статей). *Л. Прозоров.*—6. I. Журнал психологии, неврологии и психиатрии. Том I. II. Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. Вып. 2-й. III. Научная медицина. Сб. № 9. *Л. Прозоров.*—7. Русский евге ический журнал. Том. I. *Л. Прозоров.*

Проф. К. В. КАРАФФА-КОРБУТТ. Лекции по профессиональной гигиене. Петербург. Государственное Издательство. 1922 год. Стр. 344.

Никогда еще потребность в серьезной литературе по профессиональной гигиене не была так велика, как в настоящее время. Вопросы охраны труда и жизни рабочих стали основными вопросами социальной политики. Понятно поэтому, что надо горячо приветствовать серьезное руководство по профессиональной гигиене такого авторитетного представителя этой науки, каким является в России проф. Караффа-Корбутт.

Работа задумана широко и должна охватить в 4 частях двух томов все вопросы гигиены труда. Пока вышла только первая часть, охватывающая следующие отделы: 1) Введение, 2) Статистические данные о профессиональной заболеваемости и Профессиональном травматизме и 3) профессиональные вредности и общие меры для устранения их.

Здесь читатель—врач, студент или работник по охране труда найдет в хороше изложении важнейшие основы этой важной науки. И с этой точки зрения с книгой должен ознакомиться всякий начинающий в этой области работник.

Но, к сожалению, книга дает меньше, чем можно было ожидать от одного из немногих видных академических представителей профессиональной гигиены.

Само содержание книги отстает от запросов жизни. Оно черезчур академично. Книга написана или задумана, повидимому, в то время, когда профессиональная гигиена была еще в значи-

тельной мере предметом отвлеченным. Но для нашего времени она становится наукой действенной, многие выводы которой проводятся уже в жизнь. И этим требованиям современности книга проф. Караффа-Корбутт не вполне удовлетворяет. Она несколько устарела и по подходу и по материалу. Например, вся глава «Статистические данные» построена на устарелых данных. Какое, например, помимо исторического, имеют значение данные о составе населения по занятиям или о возрастно-половом составе рабочих в России в 1897 году. Точно так же многие статистические данные об Англии, Германии и других странах страдают такой же устарелостью и для настоящего времени имеют почти исторический интерес. В главе «Питание и труд» мы почти ни слова не находим о добавочных факторах питания, без которых в настоящее время не может быть написана ни одна статья о массовом питании. В главе о работе, утомлении—ни одного слова о тейлоризме. В главах о жилищных условиях почти ни одного слова о планировочных нормах, о рабочих поселках, о поселках-садах и т. д. и т. д.

Но все эти недостатки, о которых необходимо было упомянуть, не уничтожают ценности, как уже напечатанной части, так и подготовляемых к напечатанию следующих частей.

Книга остается весьма ценной и необходимой для всего поколения новых работников на мало еще вспаханной ниве профессиональной гигиены. И хотелось бы, чтобы то, что мы высказали выше о книге, было принято автором во внимание, как при обработке следующих частей, так и при втором издании уже напечатанной части.

Внешне книга издана плохо. Плохая бумага, плохой шрифт и плохие (иногда не только со стороны печатания) рисунки портят сильно книгу, которая заслуживает более внимательного к себе отношения.

И. Гельман.

О ГОЛОДЕ. Сборник статей, под редакцией проф. К. Н. Георгиевского, д-ра В. М. Когана и проф. А. В. Палладина. Харьков. «Научная Мысль». 1922 г. 4000 экз. Стр. 272.

Этот прекрасный, печальный сборник выпущен редакцией журнала «Врачебное Дело» и посвящен светлой памяти Вл. Гал. Короленко. Распадается он на две части: первая содержит статьи и заметки, характеризующие личность покойного, его жизнь в последние годы в Полтаве, болезнь, смерть... И странички о первой встрече Белоконского с Вл. Гал. в 1880 г. на арестантской барже, где Вл. Гал. был тюремным старостой, и воспоминания Имшенецкого о годах служения человечности и борьбе с жестокостями, неизбежными в годы гражданской войны, и заметки лечивших и любивших Вл. Гал. врачей об его болезни и отходе, производят громадное впечатление.

Книга «О голоде», говорит редакция, посвящается памяти В. Г. Короленко не случайно. Писатель - гражданин всегда чутко отзывался на всякие народные бедствия, на все «бытовые явления» русской действительности, они вызывали в нем то крик возмущения, то призыв к актам помощи. Вопрос о голоде, его этиологии в России, о характере его течения и мерах борьбы с ним неразрывно связан с именем Вл. Гал. Короленко.

Вторая часть книги содержит описание голода на Украине, дает ряд работ по вопросам, с этим бедствием тесно связанным: по физиологии и патологии питания, клиники голодной и отечной болезни, по антропологии голодающих, расстройствам нервной системы и душевной деятельности у голодающих, об ядовитых суррогатах, людоедстве. Невозможность реферировать каждую из этих жгуче интересных и исполненных современности статей позволяет остановиться только на некоторых работах, отсылая читателей к подлиннику.

Привлекает внимание прежде всего очерк обследования голодающих губерний Украины Когана и Фавра, приводящий в многочисленных статистических таблицах материалы по вопросу и освещенный рядом иллюстраций, фо-

тографий. Голодало в пяти голодающих губерниях Украины свыше 5 миллионов человек, почти 50% населения. Авторы останавливаются на сокращении посевной площади, уменьшении рабочего скота, утрате сельско-хозяйственного инвентаря, на движении населения, питании и суррогатах, голодных болезнях, людоедстве, смертности от голода. Парадоксом кажется наблюдение, что в наиболее пораженных голодом губерниях прекращаются эпидемии; объясняется это отчасти иммунитетом,—половина населения успела уже переболеть,—с другой стороны, «полным отсутствием всякой диффузии населения, особенно в селах, где почти все повально лежат опухшими от голода».

Интересны работы проф. Палладина и Черкеса о витаминном голодании, приводящие обзоры и исследования по вопросам о тяжелых формах неполного голодания. Клинике «голодной болезни» посвящены статьи Н. Знаменского и С. Клонского; проф. Халатов исследует действие при отеках и водянке хлористого кальция. Богатый антропологический материал исследования голодающих собран проф. Ивановским; он показал, что продолжительное голодание вызывает не подлежащее сомнению изменение физических признаков у населения регрессивного характера. Изучение влияния среды путем периодически производимых антропологических исследований может вскрыть факты чрезвычайной научной ценности и громадного практического значения. Юдин описывает изменения чувствительности при голодной болезни по наблюдениям в немецком плену, где ему пришлось быть врачом «рабочих батальонов», составленных из наших военнопленных.

Краснушкин приводит в подробном обследовании первый случай людоедства, имевший место в одной из деревушек Белоруссии еще весной 1919 года, объясняя его совпадением социального с болезненным фактором,—мальчишка каннибал оказался глубоким дебиллом. На психопатологическую основу людоедства (трупоедство—явление несколько иного порядка) указывают и другие психиатры. Коган и Фавр в своей работе говорят, что они совершенно не согласны с категорическими утверждениями некоторых врачей, что исключительно психоз является причиной людоедства, объясняют это явление скорее атавизмом. «Мы опрашивали двух таких несчастных (умирающий юноша 19 лет и мальчик 11 лет), нормальные, сознательно отвечающие люди, дикари, вырабатывающие новую мораль». Здесь очевидный lapsus, душевная болезнь и различные степени умственной отсталости выясняются не опросом, а подробным психиатрическим обследованием.

Интересно предварительное сообщение проф. Франка на тему «Голод и психика»,—пожалуй, только он не прав, говоря, что психические явления, связанные с голоданием, не привлекали внимания психиатров: литература по этому вопросу имеется довольно большая. Приводимые им наблюдения ужасны.

Кончается книга некрологом старого земского и общественного работника д-ра Галагана, проработавшего 28 лет и умершего от голода в бараке для голодных при исполнении своих обязанностей.

Все статьи сборника написаны простым ясным языком, доступным для самых широких кругов читателя, вниманию которых эта жуткая и простая книга может быть рекомендована.

Д-р Л. Прозоров.

В. С. ГРУЗДЕВ, проф. Казанского университета. Гинекология. Руководство для студентов и врачей. С 250 рисунками. Казань. Госиздат. Т. С. С. Р. 1922 г. Стр. 458.

Наша медицинская литература не богата оригинальными учебниками, и русские врачи и учащиеся до сих пор пользуются переводами, преимущественно немецких авторов, мало знакомых как с русской медицинской литературой, так и с особенностями медицинской работы в русских условиях. Поэтому всякие попытки наших Госиздатов выпустить на книжный рынок медицинские учебники приходятся как нельзя более кстати. Труд профессора Груздева, несколько десятилетий ведущего курс гинеко-

логии в Казанском университете, вполне мог бы восполнить этот пробел в области гинекологии. Ясность и исчерпывающая полнота изложения, в особенности глав, трактующих о методах исследования, о неоперативной терапии женских болезней, придают книге неоспоримую ценность не только для специалистов-гинекологов, но и для всех практических врачей, неизбежно сталкивающихся в повседневной работе с женскими болезнями. Тщательно составленный перечень русской гинекологической литературы, приложенный к каждой главе в отдельности, облегчит работу тем врачам, которые захотели бы ознакомиться более подробно с тем или другим вопросом гинекологии. В конце книги имеется предметный и именной указатели.

К сожалению, само по себе издание из рук вон плохое. Для учебника, который должен многие годы служить спутником и справочной книгой врача и студента, это—недостаток непростительный. Скверная и часто изорванная в клочья бумага, непрочная брошюровка, из-за чего книга разваливается при первом же чтении, грубое исполнение рисунков, грязная, расплывчатая и неаккуратная печать (стр. 255, 256, 261, 363, 364) и, наконец, пропуск при брошюровке нашего экземпляра целого печатного листа (от стр. 347—362 включительно),—показательны и чуть ли не сводят на-нет все значение и достоинства учебника. Остается пожелать, чтобы 2-й том гинекологии (частной), намеченной автором и Тат. Госиздатом к выпуску в ближайшем будущем, был издан в более приемлемом виде, не исключающем физические возможности пользоваться изданием. Книга стоит этого.

Д-р Д. М. Яхнин.

АРХИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КЛИНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВРАЧЕЙ (бывш. Еленинского). Том I. Петерб. 1922 г. Изд. Народ. Комиссариата Здравоохранения. Стр. 304.

Государственный Клинический Институт для усовершенствования врачей слишком известен, чтобы надо было подробно характеризовать его. Свыше 35 лет уже продолжается его деятельность по усовершенствованию врачей, и много поколений последних считает себя кровно связанным с Институтом, одним из наиболее популярных учреждений по расширению научного кругозора и знаний врачей.

Вокруг этого Института собрались самые крупные представители петербургской медицины.

Институт обеспечен большим количеством клиник и вспомогательных учреждений.

Неудивительно поэтому, что первый том трудов Института представляет собой значительную ценность. Он выявляет интенсивную и разностороннюю научную работу, которая ведется в Институте его многочисленными сотрудниками.

Из наиболее крупных работ мы встречаем здесь интересную статью Г. Ф. Ланга о гипертонии, С. П. Федорова—о клинике и лечении нефролитиаза и, наконец, несколько работ, посвященных вопросам социальной и экспериментальной гигиене.

Специальные работы по гигиене до сих пор не были весьма желанным гостем на страницах наших современных медицинских журналов, в большинстве посвященных клинике и патологии.

Из статей по гигиене особенно выделяется статья З. Г. Френкеля «Социальная медицина и гигиена, как наука и как предмет преподавания в высшей школе». Эта статья представляет собой подробный исторический очерк развития этой дисциплины, как у нас, в России, так и в Германии.

В статье приведены с исторической последовательностью программы этой науки, а в заключение—программа, выработанная самим автором статьи, являющимся одновременно преподавателем социальной гигиены.

Несмотря на то, что эта программа страдает значительной расплывчатостью, она все же представляет интерес в виду того, что этот новый предмет вводится в настоящее время в целом ряде университетов. А четко выявленных границ социальной гигиены еще не установлено. Интерес вышедшего Архива выходит за пределы групп, непосредственно связан-

ных с Институтом, он имеет основные статьи серьезных органов медицинской науки.

И. Гельман.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИКО-ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НАРКОМЗДРАВА. Устав, учебный план, научное обоснование учебного плана. Москва. 1922 г. Стр. 16. 20.000 экз.

К ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОПАТОЛОГИИ. Сборник статей сотрудников Госуд. медико-педологического института Н. К. З. Под редакцией проф. М. О. Гуревича, П. П. Тутышкина, Н. С. Иванова, Д. И. Азбукина. Орловское отделение Госиздата. Орел. 1922 г. Стр. 300. 3000 экз.

Эти две книжки говорят о создании нового высшего учебного учреждения Государственного Медико-педологического Института, по своим задачам чрезвычайно важного, помимо научной работы, долженствующего образовать «кадры специалистов для нужд Р. С. Ф. С. Р. по различным отраслям знаний в области физической и психической гигиены и евгеники детского и юношеского возраста, физических и нервно-психических аномалий ребенка, а также в области педагогики на основах биологии, антропологии, гигиены и медицины».

Нужда в квалифицированных педагогах с широким физико-биологическим образованием, во врачах, подготовленных в области педологии, социальной педагогики, евгеники, психологии и малой психиатрии, очень велика, и прежде всего они необходимы для учреждений, предназначенных для больного, аномального ребенка.

Совершенно прав ректор Института проф. Гуревич в своей передовой статье в Сборнике, говорящей об организации и задачах нового учреждения, указывающий на то, что до октябрьского переворота в России не существовало не только организации попечения о дефективных детях, но даже отдельных, сколько-нибудь благоустроенных общественных учреждений для этой категории детей; от старого порядка не осталось в этом отношении сколько-нибудь ценного наследства: учреждения для дефективных детей пришлось создавать почти заново.

Основанный в 1918 году Государственный Институт Дефективного Ребенка, переименованный в 1921 г. в Государственный Медико-педологический Институт, только заканчивает свою организацию. В качестве клиник он пользуется опытно-показательными учреждениями НКЗ: испытательно-наблюдательный пункт и школа-лечебница, школа нервная санатория и детский сад, лечебно-воспитательная колония для морально-дефективных, психиатрическая клиника, институт глухонемых.

Можно соглашаться и не соглашаться с отдельными частями положенной в основание работ Института программы, говорить о слишком большой ее широте и разбросанности (обоснования плана даются в статьях Гуревича и Тутышкина): 27 основных кафедр, 18 кафедр коллективного преподавания, 30 ассистентских, 89 предметов, подлежащих усвоению в течение пятилетнего обучения. Охватывается громадный круг наук, в прежнее время разносимый по многим факультетам и специальным институтам; можно опасаться, что многие предметы будут даны или в очень конспективном, или популярном изложении, не отвечающем характеру высшего учебного заведения.

Выпущенный сборник сотрудников Института говорит уже о некоторых практических достижениях. Составлен он разнообразно: тут и статьи общего, организационного характера работы по прикладной психологии, клинические работы, из которых следует отметить интересную статью М. О. Гуревича «К учению о мизофренической конституции». Гуревич останавливается на конституциональных мизофрениях, из которых выделяет встречавшийся раньше в литературных зарисовках, соленнельный тип, не редкий и в жизни. В конце приложены хорошо проработанные инструкции врачам по организации работы в медико-педологических учреждениях.

Большая часть статей предназначается для широкого круга читателей, носит агитационный характер, стремится привлечь интерес к проблемам детской дефективности. К недостаткам относится

случайность собранных работ и недостаток их внутренней мотивированности, провинциальная внешность издания и обилие опечаток, порой мешающее усвоению текста.

Д-р Л. Прозоров.

ЖУРНАЛ ПСИХОЛОГИИ, НЕВРОЛОГИИ И ПСИХИАТРИИ. 1922 г. Том I. Стр. XII+274. Государственное Издательство. Москва. 2000 экз.

ПСИХИАТРИЯ НЕВРОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, периодический орган Общества Психиатров и Невропатологов в Петрограде. Выпуск второ . Петербург. Государственное Издательство. 1922 г. Стр. 125. 1500 экз.

НАУЧНАЯ МЕДИЦИНА. Сборник № 9. Петроград. 1922 г. Стр. 176. 3000 экз.

В дореволюционное время русская невро-психиатрическая литература была представлена длинным рядом журналов; некоторые из них имели большое научное и общественное значение,—назовем «Современную Психиатрию», орган издававшийся свободной ассоциацией психиатров, уделявший большое внимание вопросам общественной психиатрии; «Журнал Неврологии и Психиатрии, имени С. С. Корсакова», издававшийся Московским обществом психиатров и невропатологов; «Обозрение Психиатрии, Неврологии и Экспериментальной Психологии», под редакцией В. М. Бехтерева; «Неврологический Вестник», выходивший в Казани; «Психиатрическую Газету», печатавшуюся в Петрограде в больнице Всех Скорбящих, в больничной типографии; «Справочный листок Русского союза психиатров и невропатологов»; «Психотерапию», издававшуюся покойным Н. А. Вырубовым. Многие из указанных журналов и, прежде всего, «Современная Психиатрия» и корсаковский журнал, отражавший работы Московской психиатрической школы, имели большой круг сотрудников и читателей, стимулировали и отражали жизнь отечественной психиатрии и неврологии, были необходимы на местах для каждого работника на ниве общественной психиатрии и неврологии.

И в настоящее время потребность в большом журнале по психиатрии и неврологии чрезвычайно велика. На необходимость его указывает и большая разруха на местах в области научной и организационной психиатрии и неврологии, и оторванность от западной науки, и большие возможности достижений в деле попечения о душевно-больных, профилактической психиатрии, в пограничных областях, связанные с изменившимися условиями, с новым строем.

Пожалуй, лучшим из указанных в заголовке журналов является изданный под редакцией покойного А. Н. Бернштейна «Журнал Психологии, Неврологии и Психиатрии». В нем имеется ряд интересных работ на актуальные темы: статья Бернштейна «Об очередных проблемах научной психиатрии», работы Гиляровского, Винокуровой, Моргенштерна—о психозах, стоящих в связи с сыпным тифом, и патолого-анатомических изменениях, при них статья Гейера—«К учению о паранойях», обзоры Симсон и Кекчеева о литературе паранойяльных заболеваний и о модной теперь психотехнике. Ряд работ посвящен чистой неврологии. Недоступна врачам-психиатрам написанная с уклоном в высшую математику работа Бернштейна-сына «К вопросу о восприятии величин». Подробные рефераты немецкой литературы удачно подобраны и дают представление о последних новинках, недоступных для провинции,—книжке Кречмера «Строение тела и характер», работе Бирнбаума «Структура психозов» и др.

Издана книга нарядно, хорошие рисунки по патологической анатомии нервной системы, в приложении дан указатель русской и иностранной литературы. Большим минусом является «хроника», где излагаются заведомо неверные сведения, говорятся гадости о «новых лицах со стажем особого рода, дотоле никому неведомых», всплывших после февральской революции на вершину волны взбаломученного психиатрического моря, «о некоей таинственной подпольной организации, имеющей своего рода партийный характер», «о безответственных вершителях судеб московского врачеб-

ного дела» и т. д. Хроника не подписана, теперешние руководители журнала все валят на покойника, после смерти которого вышла книжка,—и эти жупелы могут остаться не опровергнутыми. Психиатрия и неврология Петроградского общества психиатров дает ряд небольших работ на разные темы: о военных травматических неврозах и профилактике душевных заболеваний на войне (в последней работе Люстрицкий говорит о необходимости отбора психопатологического элемента при наборах, не вызывающем, конечно, сомнений, и ставит вопрос о том, нельзя ли изменить способы ведения боя на более уравновешенные и спокойные, избегать ночных атак и т. д. в целях профилактики душевных заболеваний; более простым средством, как нам кажется, является предупреждение военных событий), о сексуализме, картавости, алкоголизме, полиневритах, ангионеврозах, каталептоидных явлениях при кататонии, прогрессивном параличе, позднем сифилитическом психозе и т. д.

Издаваемые в Петрограде сборники «Научная Медицина» также уделяют много места и внимания вопросам научной психиатрии и неврологии, а девятая книжка посвящена этим дисциплинам целиком. В ней имеется очередная статья по рефлексологии акад. Бехтерева, кажется в десятый раз повторяющая его учение о патологической рефлексологии; правда, статья эта представляет доклад, сделанный еще в 1918 году.

Интересна работа В. П. Осипова «Место запойного пьянства в классификации психозов», написанная под влиянием наблюдений над приступами дипсомании в трезвое время. Имеются работы о сыпнотифозных психозах (Триумфо а и Спиртова), о влиянии голодания на душевно-больных, принципе классификации болезней речи (Доброгаева). Казуистический курьез представляет случай Карчикяна «Ненормальное влечение к хирургическим операциям, как проявление мазохизма».

В хронике даны отчеты о деятельности Общества психиатров в Петрограде и о научных собраниях клиники душевных и нервных болезней военно-медицинской академии.

Л. Прозоров.

РУССКИЙ ЕВГЕНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, под редакцией Н. К. Кольцова. Том I. Выпуск первый. Государственно Издательство. Москва. 1922. Стр. 105. 1500 экз.

Группой деятелей, работавших по созданию отдела Расовой гигиены при Социально-гигиеническом музее НКЗ в конце 1920 года решено было организовать Русское Евгеническое Общество. Молодое Общество насчитывает в своей среде уже свыше 80 сочленов, имело в 1921 году 19 заседаний, посвященных теоретической разработке научных проблем, являющихся фундаментом евгенического учения. Особое внимание было уделено вопросам наследственности и методам их изучения, естественному подбору, социальной евгенике и т. д. При участии евгенического общества издается реферируемый журнал.

Из помещенных статей большой интерес представляет работа Н. К. Кольцова об «улучшении человеческой породы», вводящая в круг явлений совсем недавно, в XX веке, сложившейся и получившей права гражданства науки. Автор касается истории вопроса о возможности изменения пород всяких видов животных и растений путем подбора производителей, зоотехники, трудностей при практическом применении ее методов к человеку, ближайших задач евгеники.

Обзор Т. И. Юдина говорит о наследственности душевных болезней, в учении о которой последние годы внесли много нового, в громадной степени дискредитирующего работы старых авторов.

Большой материал дает работа А. В. Горбунова «Влияние мировой войны на движение населения Европы». Война повлияла на сокращение численности населения в воевавших странах. С 1914 по 1919 годы девять воюющих стран, по которым имеются статистические данные (Германия, Бельгия, Болгария, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция, Италия, Румыния, Сербия, Европейская Россия), потеряли от повышения смертности и уменьшения рождаемости 35.380.000 чел.; население этих стран сократилось на 11.820.000 человек. Из потерь, вызванных усилением смертности (15.130.000), 65% падает на военные по-

тери и 35% на общую смертность. Сюда не вошли потери Черногории, Турции, Греции, Португалии, Соединенных Штатов, Японии, колониальных войск французской и британской армий.

Многочисленные статистические таблицы рисуют брачность во время войны, рождаемость, смертность, сокращение населения больших городов. Так, в Москве в 1917 году было 2.017.173 жителя, в Петрограде 2.420.000, в 1919 году только 1.028.218 и 706.800. Везде относительно увеличилось количество женщин; женское царство в Сербии, где до войны на 1000 мужчин приходилось 913 женщин, в 1919—1339.

В конце помещен годовой отчет о работе Русского Евгенического Общества и очень короткие рефераты выдающихся работ из области учения о наследственности, конституциях, расовой гигиене и т. д.

Все статьи в журнале написаны простым, ясным языком, доступным для самого широкого круга читателей. Проблемы евгеники на Западе привлекают интерес масс, и нам остается пожелать Евгеническому журналу самое широкое распространение, Евгеническому Обществу—переход от узкокружковой работы к большой аудитории.

Л. Прозоров.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Ю. НИКОЛЬСКИЙ. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). *В. Переверзев.*— **2. Б. ЭЙХЕНБАУМ. Мелодика русского лирического стиха.** *С. Бобров.*—**3. Документы по истории литературы и общественности. Вып. II. И. С. Тургенев.** *Д. Благой.*—**4. «Сборник Пушкинского дома на 1923 год».** *Д. Благой.*—**5. Гр. Н. Н. ТОЛСТОЙ. Охота на Кавказе.** *Д. Благой,* —**6. I. Б. ГУСМАН. 100 поэтов. II. И. ЭРЕНБУРГ. Портреты русских поэтов.** *Э. П. Бик.*—**7. Э. КУРЦИУС. Ромэн Роллан, поэт и мыслитель.** *К. Локс.*—**8. Дж. УОЛЛЕС. Уот Уитмэн и мировой кризис.** *И. Ансенов.*

ЮРИЙ НИКОЛЬСКИЙ. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). Росс.-Болгарск. изд. София. 1921 г. Стр. 108.

Книжка Юрия Никольского представляет попытку разобраться в сложной и путанной психологии отношений Достоевского и Тургенева. «Смысл этих отношений,—пишет автор,—понят не был. К ним подходили очень субъективно. Либо слишком доверялись Тургеневу и все сваливали на дурной характер Достоевского, либо давали одни только материалы. Я поставил своей задачей собрать все известное об этих отношениях и проникнуть в их глубокий смысл». Шаг за шагом с первого знакомства и до смерти прослеживается в книге развитие отношений между двумя великими писателями русской литературы. Автор внимательно, можно сказать, любовно, собрал относящийся сюда материал и дал объективное и яркое описание этих отношений, очень хорошо набросал их внешнюю историю; но проникнуть в глубокий смысл отношений Достоевского к Тургеневу Никольскому удалось в весьма малой степени. Он, правда, ушел далеко от очень наивного объяснения вражды Достоевского к Тургеневу раздраженным самолюбием, тяжелым, болезненно-желчным характером первого. Он настаивает совершенно справедливо, что корни вражды лежат гораздо глубже, в глубочайшем противоречии душевных организаций обоих писателей. Но его объяснение сути противоречия едва ли можно признать удачным. Никольскому кажется, что дело здесь сводится к враждебному столкновению характеров волевого и безвольного, идеологий индетерминистической с детерминизмом. «Для Тургенева человек движим, для Достоевского он движется,—

пишет Никольский:—они органически не понимали друг друга и оскорбляли один другого своими убеждениями» (стр. 53). Вот где, по мысли автора, корень и источник той непримиримой вражды, которая до смерти разделяла двух великих писателей.

Что Тургенев и Достоевский представляют собой психологические противоположности—это стоит вне всякого сомнения. Нельзя не согласиться с автором в характеристике этой противоположности, как противоположности волевой индетерминистической и безвольной детерминистической натур. Но вывод Никольского, что в этой противоположности—ключ к объяснению вражды, кажется нам произвольным и мало убедительным. Психологические законы симпатий и антипатий до сих пор не открыты. Никем не доказано, что диаметрально противоположные характеры не способны к дружбе. Ходячая пословица: «противоположности сходятся», имеет за себя не меньше, а, пожалуй, и больше оснований, чем обратное положение, выдвигаемое Никольским для объяснения вражды Тургенева и Достоевского. Вообще психологическая параллель Никольского в истолковании вражды Достоевского и Тургенева играет роль дышла, которое, куда повернул, то и вышло.

Дело не в том, что параллель Никольского неудачна: она кажется нам даже мастерской. Но и самый мастерской психологический анализ не разъяснил бы нам вражды Достоевского с Тургеневым просто потому, что наиболее глубокие корни этой вражды лежат не в области психологии, а в области социологии. Без социологического анализа тут ровно ничего не объяснишь. Стоит только взглянуть на Достоевского и Тургенева в социологической перспективе, и тотчас становится понятной их вражда друг к другу. Достоевский чрезвычайно типичный, заостренный, как еж, колючий представитель мелкобуржуазной среды, а Тургенев столь же типичный представитель среды помещичьей. В их индивидуальной вражде, «как солнце в малой капле вод», отразилась вековая вражда социальных групп, вековой антагонизм униженного мещанина к привилегированному дворянину. При встречах колючий плебей Достоевский разжигал высокомерие барина Тургенева, а от высокомерия барина пуще распалялась желчь плебея: Inde irae, вот где зарыта собака.

В письмах Достоевского разбросано много признаний, вскрывающих социологический характер его вражды к Тургеневу. На личности Тургенева сосредоточилась вся нелюбовь Достоевского к помещичьей литературе и помещику-литератору. «Я очень хорошо знаю,—пишет Достоевский брату в мае 59 года,—что пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже и, наконец, я надеюсь писать совсем не хуже. За что же я-то с моими нуждами беру только 100 рублей, а Тургеневу, у которого 2000 душ,—по 400. От бедности я принужден торопиться и писать для денег, следовательно, непременно портить». Через 10 лет, в октябре 69 г., он снова пишет о том же Майкову: «И после этого от меня требуют художественной чистоты, поэзии без напряжения, без угара, и указывают на Тургенева, Гончарова. Пусть посмотрят, в каком положении я работаю». В мае 71 г. в письме к Страхову по поводу его статьи о Тургеневе Достоевский пишет: «А знаете, ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, еще не было, да и некогда. Решетниковы ничего не сказали. Но все-таки Решетниковы выражают мысль необходимости чего-то нового в художественном слове, уже не помещичьего, хотя и выражают в безобразном виде». И далее, обрушиваясь на «Казнь Гропмана», Тургенева заявляет: «Я считаю Тургенева самым исписавшимся из всех исписавшихся русских писателей». Социальный тон и социальный характер антипатии, питаемой Достоевским к Тургеневу, необычайно ярко светится во всех этих цитатах. Поглощенный психологическим анализом и психологической параллелью, Никольский прочел и процитировал даже некоторые из этих признаний Достоевского, не заметивши огромного их значения для

решения стоявшей перед ним задачи. Социологическая сторона проблемы осталась вне поля его зрения. За психологическими «букашками, мушками, тараканками» он не «приметил» социологического «слона». В результате поставленная автором задача: «собрать все известное об отношениях Достоевского с Тургеневым и проникнуть в их глубокий смысл», разрешена лишь в первой части: он умело собрал все известное об этих отношениях, но проникнуть в их глубокий смысл ему не удалось.

В. Ф. Переверзев.

Б. ЭЙХЕНБАУМ. Мелодика русского лирического стиха. Опояз» (О-во изучения теории поэтического языка). С. б. 1922. Тираж не обознач. Стр. 216.

«Опояз» ныне подвергается жестоким нападкам со стороны профессионалов литературной критики. Можно и должно не соглашаться со многим из того, что сделано морфологами нашими с точки зрения того, как это сделано, но только слепой или неразборчивый в средствах враг будет отрицать метод и все сделанное огулом. Трудность критики морфологов писательства затрудняется тем, что, благодаря неясности и расплывчатости (в настоящее время) самих задач их и трудности обосновать тот или иной исследовательский прием, в их деле играет почти решающую роль именно личная одаренность специального типа. Чуткий и тонкий литератор, имея в руках морфологический материал, развернет вам по-новому наших авторов, и вы удивитесь, как много существенных мелочей ускользало от вас; возьмется за то же самое дело тяжеловоз-профессор в роде Жирмунского,—и вы уже не знаете, куда вам деваться от этих бесплодных и бесконечных схем, которые живут совершенно самостоятельно от тех фактов, для коих изготовлены. Эйхенбаум совершенно резонно говорит в конце своей книжки, «что в научной работе... важно не установление схем, а уменье видеть факты». И далее: «важно, чтобы явления, оставшиеся за пределами восприятия и потому не существовавшие для сознания, стали ощутимыми, попали бы в сферу наблюдаемости». Эстетические построения, как недавно удачно и отчетливо формулировал Аксенов, являются делом инстинкта, но, тем не менее, возможно с некоторым приближением характеризовать смысл тех или иных знаний, которыми обладает тот или иной инстинктивный конструктор, именуемый писателем.

Не все, быть-может знают, что в библиотеке Пушкина, в назидание критикам, осталась маленькая книжка поэта Батюшкова «Опыты», на полях которой Пушкин сделал несколько заметок, блестяще характеризующих как достоинства, так и недостатки Батюшкова. Интересующийся может найти эти заметки в описании библиотеки Пушкина, составленном Модзалевским, а также в собрании сочинений Пушкина, изданном Брокгаузом под редакцией С. А. Венгерова. Вот эти-то заметки и представляют собой первобытный «опояз», не предусматривавший иного читателя, как своего же собственного автора. Все ли заметили смысл гармонический хиатусов («зияние», столкновение двух гласных) у Батюшкова? Все ли видели смысл «усеченных прилагательных славизованного типа»? Пушкин их заметил и отметил для себя. В будущем, наверно, удастся показать, что не только заметил, но и воспользовался. Истинное морфологическое описание предусматривает разбор творений данного автора со стороны метода письма; постепенно накопляющийся материал по этому поводу отбирается по существеннейшим признакам, наконец, мы получаем ряд характерных приемов, который можно свести по совпадающим признакам к немногим, в приближении исчерпывающим дело, показателям. Вот какова задача. Как она выполняется, это, конечно, другой вопрос, но сама постановка ее говорит за то, что необычайная ценность искомых результатов вне всякого сомнения.

Книжка Эйхенбаума имеет ряд крупных недостатков, и все же мы позволим себе сказать, что это хорошая и нужная книжка, на основании предыдущего. Эйхенбаум делит лирику на: 1) декла-

мативную (риторическую), 2) напевную и 3) говорную. К декламативной он относит Ломоносова и стиль старинной оды, к говорной—современников, а к напевной (вот тут-то и начинаются неясности), повидимому, все, лежащее меж Ломоносовым и современностью. Что же такое эта «напевность» (слово, идущее от символистов, а потому заслуживающее всякой подозрительности)? Автор уверяет, что в этой-то напевной лирике «напевность есть нечто совершенно специфическое и совершенно реальное», что легко поддается наблюдению. И, несмотря на многочисленные объяснения спецификативного типа, существо этой напевности остается неясным. То ли это ритмизованный синтаксис, где большую роль играют коллизии между главно-логическими и главно-ритмическими ударениями (пример, у Лермонтова: «Амфитрион был предводитель», вне контекста можно подумать, что подлежащее «Амфитрион», на самом деле подлежащим является предводитель, у Брюсова — указано Шемшуриным—«Задыхаясь тихо я сказал: умрем», ритм меняет дело так, что кажется, что автор хотел сказать: «я тихо задыхаюсь» вместо «я тихо сказал»)? То ли это просто риторические (простейшие вдобавок) ходы, которыми так богат Жуковский, автор, утративший живой пафос песенной оды Державина и еще не вошедший в фюгитивистизованный говорок Пушкина? Эйхенбаум особенно выдвигает значение интонации, но таковая, очевидно, базируется на ритме и тропическом приеме,—где же секрет автора? Сколько мы можем понять, этот секрет в том, что Эйхенбаум объединяет в своем представлении и ритмически-словесный ход, и синтаксисис, и троп,—это-то единство и называется им мелодией стиха. В конце-концов, не в названии дело, и об этом спорить не стоит. Мы бы только отметили, что Эйхенбаум обследует явление сложное, а это и помогает ему и мешает. Помогает потому, что, охватывая сразу ряд первоначальных элементов стиха, он делается более очевидным, мешает потому, что он не может установить, о чем именно он говорит, и ему приходится говорить обо всем.

Сложная полемика с немецким исследователем стиха Сиверсом во введении вся сплошь основана на недоразумении. Не надо забывать, что Сиверсу пришлось впервые бороться за морфологический метод и что он, действуя по разумению, многого использовать не мог. Поэтому все сиверсианские разговоры о стихе для глаза (читаемом про себя) и стихе для уха (вслух)—сплошь достояние архива. С тех пор психофизиология успела уже выяснить, что при чтении «про себя» работают все те части тела человека, которые работают и при чтении вслух. Работают они медленнее и заглушеннее, чем при громком чтении, но для самого читающего этого достаточно. Поэтому принципиальной разницы меж тем и другим чтением нельзя найти. Ни о каком мысленном осуществлении предложения при чтении «про себя» не может быть и речи, мысль здесь не при чем,—роль играется, как это было доказано П. Веррье, ритмическим чувством, присущим живому организму. Все опыты, которые были произведены в этом направлении, с очевидностью указывают, что только это чувство может быть заподозрено в соучастии со стиховым ритмом, поэтому спор с Сиверсом—это штурм незапертой двери, и не более этого. Это ухо, а не глаз,—говорит Сиверс; не глаз и не ухо,—надо ответить ему.

Эйхенбаум ужасно как заботится о своей непогрешимости. Все введение наполнено различными оправданиями. После курьезного препирательства с Сиверсом, идет разговор о целесообразности поэтического приема. Вопрос заключается в том, необходим ли телеологический принцип в поэтике или можно обойтись без него. Наши полемисты упускают из виду, что еще с Канта на телеологию утвердилась точка зрения, допускавшая телеологию в науку не более, как регулятивное или эвристическое начало. Все остальное—голая натурфилософия и к делу не относится. Очевидно, что допуская целесообразность в мировоззрении, как предикат его системы, мы попадаем в порочный круг, оправдывая эту же систему той же самой целесообразностью. Эйхенбаум изъясняется следующим образом: поэти-

ческий язык есть разновидность языковых форм, но разновидность направленная к особой цели, которой другие формы языка не имеют. Цель эта—эстетическое построение (соратник Эйхенбаума Якобсон изъясняется проще: цель эта—выразительность, но поскольку всякое выражение мысли несет в себе этот элемент, как стимул воплощения, об этом говорить не стоит). Но ведь всякая и любая морфология началась никак не ранее того, как было установлено существование эстетического построения, которое, очевидно, чем-то да вызывается на свет Божий. Если так, то само существование таких построений заставляет предполагать, что в них вложен принцип целедостижения. Результат оказывается причиной собственного существования. Явный порочный круг, с которым не стоило бы возиться, если бы Эйхенбауму не требовалось бы разграничить лингвистику и поэтику. Неужели дело настолько плохо, что невозможно здесь удовлетвориться простым признанием того, что лингвистика обследует всякий язык, а поэтика—лишь тот, который заключен в такие-то и такие-то формы, каковые и вынуждают известные его особенности?

Эйхенбауму хорошо было бы признаться без дальних слов, что определения своего предмета он не знает, и остановиться на этом. В конце-концов, он занят тропо-синтаксико-ритмическими вопросами, поскольку таковые объединяются в стихе. Все остальное—от лукавого. Та «поэзия поэзии», о которой с замечательной для прозаика чуткостью говорил Гоголь, Эйхенбауму недоступна. Надо в этом сознаться и не покушаться на оную.

В остальном Эйхенбаум дал очень интересное, изобилующее характерными подробностями описание лирики Жуковского, Тютчева и Фета. И в описаниях этих не все благополучно. Трудно согласиться, чтобы в «эмоционально-окрашенной» речи преобладали вопросительные или восклицательные сочетания». Эти преобладания характерны для речи ораторско-риторической, а никак не для «эмоционально-окрашенной». Иначе надгробную речь Петру (Прокопович) придется тоже отнести к «напевной» лирике... Старый спор, на который указывает автор—о приоритете в лирике стиха или риторики (Шишмарев, у Эйхенбаума, стр. 31—32) нашим исследователям решается в пользу риторики. А с этим не так-то легко согласиться. «Мелодизм» Жуковского (цитата из Полевого), разумеется, не исчерпывался «вопросительно-восклицательными» повторениями. Когда Пушкин говорил о «пленительной сладости» стихов Жуковского, то уж, конечно, он не эти повторения имел в виду. Эйхенбаум характерно и последовательно и не разбирает тех стихов Жуковского, которые могли бы пройти «веков завистливую даль», он оперирует со слабыми сторонами стихотворца. Канонизованный прием («ужели, ужели... или, или» и т. д.) не больше как мертвый скелет, на котором наращивается живая ткань стиха, если ее нет, то о стихе не стоит и говорить. Ряд приемов Жуковского (без сомнения, не оригинальных) такого рода ведет к однообразию, к скучным стихам,—стоит ли ими заниматься? Но Пушкин—ученик Жуковского, что же он взял у учителя? На этот кардинальный вопрос Эйхенбаум не имеет ответа. Он с огорчением констатирует, что «мелодических» ходов у Пушкина нет... так «опоязничество» разлагается в отметки недостатков и трупов стиха,—где же теория достоинств? Примитивная «конструктивность» Жуковского—его слабость, тяжесть. Пушкин избавил от нее русский стих. Чем он ее заменил? Этого автор не знает. Конструкции Фета, дающие впечатление иной раз, как правильно отмечает автор, какого-то поэтического контрапункта—это снова слабость Фета, это как раз то, почему Фет—не Пушкин (мы говорили об этом подробно в рецензии на книгу Жирмунского «Композиция лирических стихотворений»). Надобно признаться просто и раз навсегда: поэзию повторениями не подменишь. Следовательно, центр тяжести лежит не здесь. Пушкин весь в смысле, Жуковский весь в смысле развертывания. Поэтический смысл Жуковского обнаруживается, несмотря на его канон. Канон Пушкина существует дотоле, доколе он не мешает поэтическому смыслу. Поэтому Жуковский одно-

образен, одномерен на всем своем протяжении,—Пушкин весь живой,—в каждом стихотворении иной и разный. Пушкин начинает с разумности ощущения, Жуковский начинает с неизбежности преднамеренного рационализования ощущения.

Книга Эйхенбаума хороша тем, что она заставляет своего читателя думать. Ее материал, умело и добросовестно подобранный, по-новому показывает нам и Жуковского и Фета. С Тютчевым и Лермонтовым дело обстоит хуже—далее любопытных замечаний по частным поводам автор не пошел. Но и там много интересного.

Нет ни возможности, ни смысла излагать всю книгу. Это дело не рецензента, а будущего историка и описателя нашей литературы. Эйхенбаум дал ему в руки без преувеличений драгоценный материал. Его можно только поблагодарить за это. Эйхенбаум растет, как исследователь; надо полагать, сама работа заставит его отбросить ряд несообразностей, куда его заводит обязательная схематизация.

Сергей Бобров.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ. Выпуск второй. И. С. Тургенев. Госиздат. М. и П. Стр. 166.

Второй выпуск документов Центрархива, правда, не имеет того значения крупного литературного события, которое сообщали первому напечатанные в нем новые главы из «Бесов», но и он для всякого, небезразлично относящегося к Тургеневу, читателя дает свежий, интересный материал. Материал этот преимущественно эпистолярного характера: 58 неопубликованных писем Тургенева к кн. Вяземскому, А. Д. Галахову, Е. Я. Колбасину, П. В. Шумахеру и мног. друг. и 9 писем к Тургеневу Т. А. Бакуниной. Большинство этих писем ограничено коротенькими, главным образом, узко-деловыми записочками. В них нового для познания Тургенева в сущности мало. Однако, и их опубликование оказывает большую услугу в деле собирания и регистрации тургеневских писем особенно важном именно теперь, когда на очередь поставлено давно назревшее издание полного собрания их. Больший интерес представляют письма к Ю. Ф. Абаза с резким отзывом о «Демоне» Рубинштейна, А. Д. Галахову по поводу «Литературных Воспоминаний» и письмо к начинающей поэтессе М. Богаевской, написанное в тонах обычной для Тургенева отзывчивости к молодым дарованиям, с неизменными, однако, указаниями погрешностей и ошибок против художественной формы стиха. Но особенно значительны ярко вскрывающие общественно-политические взгляды и симпатии Тургенева письма к Я. П. Полонскому (от 5 XII 1876 г.) и к Г. И. Богрову. Первое, по цензурным соображениям не введенное в свое время в собрание писем, посвящено резко-отрицательной характеристике «героя» русско-турецкой войны, «енарала» Черняева. Победа армии, возглавляемой Черняевым, представляется Тургеневу торжеством всех «отсталых, злостных реакционеров», которые на него опираются; Полонскому подобные мысли дают основания упрекать Тургенева в том, что мы бы сейчас назвали психологией пораженчества.

Письмо к русско-еврейскому писателю Г. И. Богрову содержит высказывания Тургенева по еврейскому вопросу. В нем Тургенев заявляет: «я в течение всей своей жизни не только не имел никаких предубеждений против вашего племени, но, напротив, всегда питал и питаю сочувствие к евреям», и обещает «публично высказать свое мнение» по поводу имевших место на юго-западе еврейских погромов. Мнение это—начатая Тургеневым статья о брошюре Калмыковой «Еврейский вопрос в России»—высказано, однако, так и не было: статья не была окончена и в печати не появилась.

Некоторые из публикуемых писем, помимо прекрасно составленных примечаний, дают их составителям повод для специальных этюдов, бросающих свет на те или иные стороны биографии Тургенева. Такова, например, постановка Н. Ф. Бельчиковым, которому, кстати, принадлежит честь опубликования большинства даваемых в сборнике материалов, вопроса об истории личных

отношений Тургенева и Вяземского. Такова плодотворная попытка Н. Л. Бродского на основе замечательных и исключительно ценных для характеристики настроений и чувствований женщин «молодой России» писем к Тургеневу Татьяны Бакуниной воссоздать картину его «философического» романа с сестрой благоговейно чтимого им в то время «Мишеля» (Михаила Бакунина). История этого «странного» юношеского увлечения Тургенева вскрывает и широкую автобиографическую подпочву Андрея Колосова.

Помимо писем в сборнике помещены выдержки из тетрадей Тургенева, содержащие перечни его частью никогда не осуществленных творческих замыслов, любопытный отзыв об «Отцах и детях», принадлежащий перу авторов «Отчета о действиях III отделения за 1862 год» и некотор. др.

Наконец, А. И. Белецким (из материалов для изучения И. С. Тургенева) и Н. А. Бродским (Анонимная рецензия И. С. Тургенева) кладется почин для раскрытия авторства Тургенева ряда статей и рецензий «Отечественных Записок» 1845 и 1859 гг.

К дефектам книги должно отнести совершенное отсутствие какого-либо комментария к запискам Тургенева к Добровольскому и Гаррвицу. Примечания к письмам следовало бы печатать петитом, что облегчало бы зрительное восприятие книги.

Наконец, совершенно обязательно в изданиях такого рода наличие именного указателя.

Д. Благой.

СБОРНИК ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1923 ГОД. Государственное Издательство. 1922. Петроград. Стр. 332.

Петербургский Пушкинский Дом с его все разрастающимися богатейшими коллекциями и архивными материалами становится за последние годы как бы некоей Каабой, на которую не могут не быть обращены взоры всех историков русской литературы XIX века. И должно отдать полную справедливость, сотрудники Пушкинского Дома не только заботятся об обогащении его новыми материалами, но прилагают все усилия к ознакомлению исследователей и широкого читателя с богатствами, которыми они уже обладают. Этой цели должны были служить специальные ежегодники—Временники Пушкинского Дома,—выход в свет которых был приурочен к 29 января — годовщине смерти Пушкина. До настоящего времени успело появиться два таких Временника за 1913 и на 1914 годы; дальнейшему помешали обстоятельства войны и революции. Однако, как только явилась возможность новых публикаций, в 1922 году, сотрудники Пушкинского Дома печатают длинный ряд трудов Дома, замечательных столько же безукоризненно-научным описанием новых, подчас (напр., *Неизданный Пушкин*) исключительной ценности, материалов и блестящей их комментарийной проработкой, сколько самой внешностью издаваемых книг. Задуман был уже в 1919 году и новый том Временника, который, однако, по техническим препятствиям (нежелание изменять установленный для Временника внешний вид книги и отсутствие бумаги необходимого формата и качества), не удалось осуществить, как таковой, и решено было выпустить в качестве «Сборника на 1923 год». В сборнике дано: описание принадлежащих Пушкинскому Дому автографов басен Крылова и авторской рукописи тургеневского «Нахлебника» («Чужой хлеб»), детский рассказ Д. И. Писарева, материалы стасовского Архива—письма В. В. Стасова, записки Герцена, Огарева, Чернышевского,—переписка Тургенева с Лонгиновым, Победоносцева с Полонским, неизданные письма Жуковского, бар. Дельвига, Льва Толстого, И. Панаева и др. Весь этот богатый и разнообразный материал увенчивают сообщаемые Б. Модзалевским «Новинки Пушкинского текста», содержащие новую эпиграмму его на Дельвига, письма к В. А. Перовскому, к А. С. Балашеву, выдержку из письма к Вяземскому с французским девятистишием (признание в отношении его авторства Пушкина, к чему склоняется Б. Л. Модзалевский, на наш взгляд, до нахождения начала письма, преждевременно) и некоторые другие.

Помимо «Новинок Пушкинского текста» в «Сборнике» особенно ценно даваемое Н. Измайловым описание поступившей в Пушкинский Дом тетради, времени первой трети XIX века,—«собрание лицейских стихотворений», отличающееся особой полнотой и содержащее в числе своих 197 стихотворений 83 шуточных пьесы Пушкина и его школьных товарищей, в печати никогда не появлявшиеся. Правда, для установления авторства Пушкина в отношении отдельных стихотворений, как и для установления индивидуального авторства вообще, ни сборник (копия, да еще писанная безличной писарской рукой), ни характер самих стихотворений (эпиграммы, с их «слишком общими темами» и «слишком традиционными способами выражения») не дает, по словам Н. Измайлова, никаких прочных оснований. Это лучше всего доказывает сам же автор статьи, когда, несмотря на это свое утверждение, увлекается соблазном приписать несколько эпиграмм Пушкину: слишком малоубедительны выдвигаемые им к тому доводы. Однако, для характеристики коллективно-безличного, по термину самих лицеистов «национального», лицейского творчества, на фоне которого развивались и крепли индивидуальные дарования Пушкина, Дельвига и др., новое собрание имеет первостепенное значение. В виду этого было бы желательно не ограничиваться примерами, даваемыми Н. Измайловым, и опубликовать новонайденный сборник целиком. Кроме попыток связать некоторые эпиграммы с именем Пушкина, отметим в статье Измайлова и еще одно противоречие принятому им положению о неустанавливаемости авторов.

Утверждая на стр. 45 в полном согласии с этим положением, что «туманное указание» В. П. Гаевского о принадлежности Пушкину большинства стихотворений из отдела «Жертва Мому или лицейская антология» «не позволяет делать никаких определенных выводов об авторах эпиграмм», на стр. 39 он идет даже дальше Гаевского, приписывая сборничек «Жертва Мому» целиком Пушкину. Относительно эпиграммы «Портрет» (стр. 59) не указывается, что она представляет одновременно пародию на «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

К Пушкину относится в «Сборнике» и заметка Н. Козмина—Пушкин и Оленина,—на основе нового материала несколько поспешно пытающаяся перевернуть обычную точку зрения на этот его неудавшийся роман: не Оленина отказала Пушкину, но сам «влюбчивый» и «беспечный» поэт, «сделав предложение в порыве увлечения, потом размышляет... и решает не связывать свою судьбу» с Олениной.

Из не-пушкинского материала «Сборника» наиболее значительны: письма Дельвига к невесте, развертывающие завязку той его семейной драмы, финал которой недавно был рассказан нам М. Л. Гофманом в «Фениксе» (кн. I, стр. 142—150, М. 1922); изобилующая богатейшим историко-литературным материалом, переписка Тургенева и М. Н. Лонгинова и письма к последнему И. И. Панаева, рыцарский рассказ десятилетнего Писарева, о котором Е. Казанович, правда, несколько «смело» утверждает, что он «может быть смело поставлен рядом с детской сказкой Гёте», переписка Полонского с Победоносцевым, вскрывающая любопытный эпизод из отношений к Тургеневу «властей предержащих» и др.

Что касается упомянутого описания рукописи тургеневского «Нахлебника», то автор его не указывает, что оно уже было сделано в печати М. Клеманом (Литературн. Музеум. Цензурн. матер. I отд., IV секции. Гос. Архивн. фонда). Несмотря на это, и его более детальная работа могла бы не быть излишней, если бы ее не компрометировал ряд допущенных им явных ошибок. Так, цитируя письма Тургенева к Панаеву (6/III 1857) и Колбасину (8/III 1857), автор непонятным образом истолковывает их, как просьбу о присылке рукописи «Нахлебника». Это дает ему основание не только, вопреки очевидности, считать, что рукопись была Тургеневу выслана, но и заставляет делать ни с чем несообразное и вносящее совершенную путаницу в творческую историю «Нахлебника» утверждение, что комедия была «получена автором в Париже, исправлена им, послана в редакцию

«Современника», набрана и напечатана», и уже «в печатном виде» (письмо Тургенева Панаеву от 26/III) снова прищла в Париж «в течение всего 20 дней». Но самом деле за это время была выслана Тургеневу и получена им не рукопись, а, как он и просил, задолго до того напечатанные и проведенные через цензуру готовые корректурные листы «Нахлебника», никаким дальнейшим исправлениям не подлежащие.

Внешность сборника почти не уступает другим изданиям Пушкинского Дома, проведенным частными издательствами, и может быть поставлена в несомненную заслугу Петроградскому Отделению Госиздата. Немногочисленные опечатки (самые неприятные из них—выпадение сноски на стр. 91 и две-три ошибки в печатаемых текстах) не в счет.

Д. Благой.

Гр. Н. Н. ТОЛСТОЙ. Охота на Кавказе. С предисловием М. О. Гершензона., изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1922 г. Стр. 114.

Сравнение наших старых журналов с некрополем традиционно. При младенческом состоянии русской библиографии содержимое этого некрополя остается для нас, по большей части, «открыто лежащею тайной». Одним из таких могильников является и некрасовский «Современник». Покоющиеся в его недрах романы Некрасова, статьи Фета, рецензии и критические заметки Тургенева и проч. и проч.—все еще ждут внимания исследователей. Ныне этого внимания дождались помещенные в февральской книжке «Современника» за 1857 г. очерки об охоте на Кавказе, принадлежащие перу Николая Николаевича Толстого, старшего брата Льва Николаевича. Предпринятое по почину М. О. Гершензона «воскрешение» этих очерков вполне заслуженно и представляет разнообразный интерес. Для читателя вообще очерки не утратили своей непосредственной занимательности. «История Саип-Абрека» в особенности сохраняет в устах ее пересказчика всю прелесть дикой свежести и эпической силы первоисточника

В то же время историку литературы «Охота на Кавказе» дает любопытный реальный комментарий к «Казакам», вводя в обстановку действия повести Л. Н. Толстого,—показывая те же места, лица. В рукописях Л. Н. Толстого за последнее время найден ряд новых «кавказских документов», напр., текст записанных им на месте двух чеченских песен, записи дневников и проч. В ряду этих находок, позволяющих составить более точное представление о кавказской жизни Л. Н., должны занять свое место и охотничьи записки его брата. Мало того, «Охота на Кавказе» бросает яркий свет и на творческую историю «Казаков». У современного исследователя есть все основания полагать, что «Охота» не только явилась непосредственным толчком к их созданию, но и сама основная художественная точка зрения повести Л. Н. Толстого «подмечена и выпущена до окончательной художественности» (слова Фета) никем иным, как его братом.

Переиздавая очерки, следовало бы приложить к ним маленький толковый словарик обильно рассыпанных по тексту слов и охотничьих терминов, без чего понимание их подчас затруднительно. Нельзя также не посетовать, что ни одна почти современная книга не обходится без тех или иных типографских дефектов. И в данном случае имеет место не только частые опечатки, но и совершенное выпадение целой стр. текста (на стр. 108, перед словами: «видя, что все кончено»—7 строка снизу).

Д. Благой.

БОРИС ГУСМАН. 100 поэтов (литературные портреты). С приложением библиографического указателя русской поэзии за последнее десятилетие. Тверь. 1923. Тир. 1500. Стр. 328.

И. ЭРЕНБУРГ. Портреты русских поэтов. К-во «Аргонавты». Берлин. Стр. 164. 1922.

Солидный томик Гусмана производит, с одной стороны, ошеломляющее, а с другой стороны, самое разочаровывающее впечатление. Ошеломляет он, главным

образом, своими приложениями, где есть.. каталог современных поэтов. В этом каталоге около восьмисот (800) имен. Есть от чего в отчаянье притти. Правда, в этом списке есть и покойники (как Божидар), есть люди давно бросившие стихи (как С. Вермель, М. Гофман, Б. Кушнер) и много других разновидностей, попавших для пополнения, так как составитель—с очевидными рекламными целями—забил в этот каталог всех, кто когда-либо, на протяжении десяти последних лет, опубликовал хоть строчку стихов за своей подписью. Нечего и говорить, что умершие Гумилев, Зиновьева-Аннибал и Н. Львова и Рославлев, А., тоже там, не избегли той же участи и давно исчезнувшие с полей литературных Эллис, Стражев и др. «Поэтами» составитель считает всех, кто покушался на стихопроизводство с 1912 по нынешний год, поэтому его список блещет такими незабвенными именами, как Менский, Дешкин, Адуев, Никулин, Руставели и проч. Но и за вычетом всего скончавшегося так или иначе, а также и невыносимого хлама из разных «Сред» и «Особняков»—кое что останется. Богата же республика людьми, которым, кроме стихов, делать нечего.

Книга сама представляет собой литературные характеристики ста «поэтов». Критик Б. Гусман—очень слабый, описатель — тоже никакой. Поэтому он удовлетворяется некоторым сортом «изложения» критикуемого,—изложения, опирающегося, главным образом, на цитаты из разбираемого автора. Несколько напоминает «критики» Айхенвальда,—под сладкой шваброй которого всякий автор покрывался клейкой пастой, из-под которой уже нельзя было разобрать, кто это сегодня попался доброму критику под руку. Гусман—типичный третьесортный газетный рецензент, поэтому ему ничего не стоит на многих страницах кисло, хоть и благожелательно, расписывать вам красоты поэзии (или, как он сам говорит, «мира поэтов») Адалис, Адамовича, Арского, Барковой, Бердникова, Бермана, Богородского, Бутягиной, Владимировой, Владычиной, Венгрова Виленского, Германа, Горянского, Грушко, Менского, Звягинцевой, Карпова, Козырева, Модзалевского, Оксенова, Оцупа, Павлович, Полонской, Потемкина, Радакова, Родова, Симмена, Соколова, Шкапской, Шмерельсона—и пропустить Мандельштама, напр. С необыкновенной нежностью и задушевностью пишет Гусман о посредственностях, а на Пастернака косится,—что-то не то. О Хлебникове говорятся жалчайшие пустячки и т. д. Весь этот крошечный Ларусс поэтского мирка только этому мирку и нужен. На читателя со стороны, он должен подействовать скверно,—как же быть читателю, ужели и он должен перечесть всех 800 или сто, по крайней мере.

Эренбург, конечно, человек очень и очень искушенный по сравнению с тверским кустарем Гусманом. Он пробавляется больше «афоризмами»,— из каждого своего любимца приготовляет кушанье нестерпимо пряное,—то ли сладкое, до приторности, то ли кислятина—в рот не возьмешь. В большинстве же случаев всех пикантностей помаленьку: что-то в роде огурца с перцем и медом. Такой рассейский джинджер,—хоть и щиплет, а противно. Некоторые изреченьица поудачней, другие просто так—щекотливый набор слов, автор этим обстоятельством не смущается: сам про себя говорит он: «я давно разучился интересоваться тем, что именно говорят люди, меня увлекает лишь то, как они это скучное «что» произносят» (стр. 151). Старый и порядком уже надоевший символячий трюизм, но Эренбург верен ему, уверен в нем и заверен в том, что все его читатели поражены той же аберрацией. Что и читателю наплевать, про что ему лепечут, лишь сей лепет чем-нибудь да поражал в манере своего порождения. Так вот и плывут сии афоризмики. С явным уклоном к символистам, к тому старью, которое Эренбург обожал на заре своей известности и с которым он теперь весьма аккуратно расплевывается, заразившись футуристической... неразберихой (больше он в футуризме ничего не нашел). Итак, вот: Ахматова, «любящее сердце в паноптикуме рядом с ассирийскими приспособлениями Брюсова»,—отметьте насчет «приспособлений», какой ироник! О Балтрушайтисе, который всех удивлял своей ленью (пока он одну книгу писал, Брюсов издавал три, Баль-

монт—сорок одну), а потому и казался современникам и соратникам—явлением глубоко загадочным, Эренбург выражается кратко и непонятно: «на пустынном лице Балтрушайтиса особенно значителен рот»...—читателю остается лишь согласиться с тем, что рот в пустыне действительно должен казаться очень значительным. О Бальмонте, которого уже и Брюсов зовет графоманом, говорится: «как образцовый король, Бальмонт величественен, нелеп и трогателен»,—с хорошими королями знаком бедный Эренбург! О Блоке: «на пышный бал мы пойдем с Бальмонтом, на ученый диспут с Вяч. Ивановым, на ведьмовский шабаш с Сологубом; с Блоком мы никуда не пойдем, мы оставим его у себя дома, маленьким образком повесим над изголовьем...»—как видите, у Эренбурга хозяйство хорошее, все, вплоть до боженьки. Брюсов: «изобретатель машины, действующей безошибочно во всякое время и при всякой температуре... О, конечно, соловей прекрасно поет, но будущее, кажется, принадлежит граммофону». Белый «порой кажется великолепным клоуном». Волошин у Эренбурга описуется: «лихач с Тверской-Ямской, надевший хитон эллина; парижанин с Монпарнаса в бархатных штанишках, обросший благообразной степенной бородой содержателя чайной». Об Есенине: «Ах, как хорошо после Абиссинии или Версаля попасть прямо в «Рязанскую»,—может-быть, оно и недурно, но при чем тут Есенин? Вяч. Иванов, конечно, «кувыркался в священной оргии на полях вдохновения, но... ведь были же крещеные фавны». Осип Мандельштам: «не то герой Раблэ, не то современный бурсак, не то Франсуа Вийон, не то анекдот в вагоне...» а дальше признания эренбуржиного сердца уже начисто: «нас соблазняют уличная ругань или будуарный шопот: Маяковский и Ахматова»,—тут за откровенность можно многое простить. О Маяковском с глубоким внутренним удовлетворением и плохо скрываемым счастием Эренбург говорит, что тот—«остепенился», а далее идут подмалевочки под основной тон: «есть логика во всем—и в концессиях, и в образцовой тишине московских улиц, и в нелетающем аэроплане, и в остепенившемся Маяковском». О Пастернаке развязно-кисловато уверяется: «станет ли кто после Пастернака утверждать, что романтизм это лишь литературная школа». Сологуб—«познал тайну музыки». «До Сологуба романтизм и пошлость были понятиями несовместимыми. Одно дело Гофман, другое Свидригайлов и мухи над телятиной. У Сологуба пошлость необычайна и таинственна, а тайна засижена мухами».

Это можно «почитывать»,—читать этого нельзя.

Много у нас поэтов—восемьсот душ—а апологета им еще хорошего не нашлось.

Э. П. Бик.

ЭРНСТ КУРЦИУС. Ромэн Роллан, поэт и мыслитель. Перев. с немец., под ред. проф. Е. М. Браудо. П. Изд. «Атеней». 1923 г. Стр. 75.

В небольшой, сжато написанной книге Э. Курциуса дана биография Р. Роллана и характеристика его, как мыслителя.

Биографии в собственном смысле отведено очень немного, но и это немногое интересно и поучительно.

Перед нами отчетливо вырисовывается облик человека большого жизненного пути, упорно идущий от одного этапа развития к другому. Он начал музыкой и философией, был профессором истории искусств, перешел к драме и народному театру, от драмы по какой-то внутренней логике—к биографиям великих людей Бетховена, Микель-Анджело и Толстого.

Во всем этом чувствуется глубокая связь человека, писателя и общественного деятеля, для которого творчество никогда не было книжным и отвлеченным, всегда действенным подвигом, борьбой за будущее. В эпоху обостренного индивидуализма он обращается к этому будущему с настойчивым вопросом, чувствуя, что решение личной судьбы подчинено общим историческим задачам.

Накануне европейской войны он, один из немногих, ясно представляет, в какой запутанный узел сплелись противоречия европейской жизни: «атмосфера вокруг нас сгущена. Старая Европа застывает под гнетущим и растлевающим ее давлением. Материализм, чуждый всякой возвышенности, обременяет

нашу мысль и парализует деятельность правительств и отдельных людей. Мир задыхается от расчетливого и пошлого себялюбия. Ему мало воздуха. Раскроем окна. Дадим вновь доступ свежему воздуху. Будем живы духом героев». (Предисловие к биографии Бетховена). С этой программой, если можно назвать программой манифест художника, связывается космополитизм, прежде всего симпатии к Германии. Духовный союз латинских и германских народов представляется ему, быть-может, единственным выходом из той атмосферы ненависти и вражды, которая, в конце-концов, разрядилась войной. Так вырастает десятитомный «французско-немецкий» роман «Жан Кристоф».

Э. Курциус, внимательно и точно проанализировав роман, характеризует его автора прежде всего, как гуманиста. Гуманизм для Роллана—понятие вполне содержательное. Это не увлечение древностью, не книжная теория, это право личности на жизнь и свободное развитие. «Этика Роллана прославляет жизнь; она прославляет силу, свет, любовь, радость, дело». В связи с этим появляется «Кола Бреньон», роман из эпохи французского возрождения, или, вернее, никогда не умиравшего народного язычества, весь проникнутый простой и ощутительной «человечностью».

Для русского читателя, знающего в переводах п чти все написанное Ролланом, книга Курциуса полезна и необходима. Ее несколько портит излишняя высокопарность и тяжеловатый стиль, повидимому, обусловленный немецким подлинником.

К. Локс.

ДЖ. УОЛЛЕС. Уот Уитмэн и мировой кризис. М. 1922. Стр. 32. Госиздат.

Книжки с двойным заглавием обыкновенно обманывают ожидания читателя, так как какое-либо из обещаний титульного листа не бывает сдержано; брошюра Уоллеса представляет счастливое исключение из этого правила. Правда, материал расположен неравномерно, и когда начинаются разговоры об Уитмэне, мировой кризис забывается, но переход от первой части ко второй все же имеется в наличии и сделан продуманно. Собственные идеалы автора отличаются беспредметностью и номинализмом: ему кажется, что слово демократия обладает магически-лечебной силой, а так как Уитмэн как будто разделял такое воззрение, то он и является искомым врачом недугов современного Уоллесу общества. Интересно, что на ряду с американским лириком, религиозный пафос которого особенно подчеркивается, в числе предвестий разрешения мирового кризиса указываются... теософия, оккультизм и мистика. Но дело в том, что религиозный момент уитмэновского лиризма прикрывает собой невольное сознание несовершенства современной ему демократии и является по существу критическим элементом его проповеди, а не самодовлеющим началом мировоззрения. Рассматриваемая под таким углом, эта часть проповеди великого Уота вскрывает важный момент его дела и позволяет нам отвлечь реквизит временного преклонения перед мнимой демократией С. А. Ш. эпохи Линкольна, для перенесения пафоса автора «Побегов» в область создаваемого теперь коммунистического общества. Идеалы этого общества в данное время формулировались много точней, чем в 60-е годы, и для восприятия их нам не надо прибегать к религиозному экстазу, как это вынуждала делать Уитмэна действительность, слишком непохожая на свое прославление, и комментатора его Уоллеса—слишком большая связанность идеологией общества, гибель которого для него ясна и желательна.

И. А. Аксенов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. А. ВЕТЛУГИН. Записки мерзавца. *Р. Головин* — **2. Н. С. ЛЕСКОВ. Заячий ремиз.** *П. С. Коган.*—**3. Н. НИКИТИН. Рвотный форт.** *Н. Асеев.*—**4. «Феникс». Сб. I.** *Д. Горбов.*— **5. С. ГРИГОРЬЕВ. Черемуха.** *К. Локс.*—**6. I. М. СЛОНИМСКИЙ. Шестой стрелковый. II. П. ВАГИН. У порога. III. К. ФЕДИН. Сад.** *К. Локс.*—**7. Б. САДОВСКИЙ. Морозные узоры.** *Д. Горбов.*—**8. К. БАЛЬМОНТ. Революционная литература Европы и Америки. Уитмэн.** *И. Анисенов.* — **9. П. МУРАТОВ. Магические рассказы.** *И. Анисенов.*—**10. А. БЛОК. Отроческие стихи.** *А. Цинговатов.* — **11. ДОЛЬ (Красное жало). История Красного Октября.** *Н. Асеев.* — **12. ГЕРБЕРТ УЭЛЛС. Неугасимый огонь.** *К. Локс.* — **13. РОМЕН РОЛЛАН. Лилюли.** *И. Анисенов.*—**14. МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ. Пассажиры пустых мест.** *Н. Мещеряков.* — **15. К. ГАМСУН. Соки земли.** *А. Юрлов.* — **16. Д. НОУЛЬС. Два месяца в лесах.** *А. Елизарова.* **17. I. Э. ФАЙНИНБЕРГ. Отэм (дыхание). II. Л. РЕЗНИК. Самет (бархат). III. С. РОСИН. Шайн (сияние).** *А. Гурштейн.*

А. ВЕТЛУГИН. Записки мерзавца. Роман. Изд. «Русское Творчество». Берлин. Стр. 249.

В восьмой книге нашего журнала [1]) нам пришлось говорить о своеобразном типе современного русского эмигранта. А. Ветлугин преподносит нынче художественное жизнеописание одного из этих героев, окрестив это жизнеописание: «Записки мерзавца». А. Ветлугину—и книги в руки. Познакомимся с этими примечательными записками.

Но прежде всего—несколько слов о мастерстве. А. Ветлугин—фельетонист. Это не плохо, конечно. Плохо лишь то, что, будучи хорошим фельетонистом, он показал себя очень плохим беллетристом. Банален самый подход к жизнеописанию: записки Быстрицкого «найдены» и т. п. Бледен язык, бесцветны и пусты образы, печать штампа лежит на каждой странице. Герой жизнеописания, улучив удобный момент, «прильнул лбом к оттаивающему стеклу»—это прямо из самоучителя. «За Москвой-рекой, раскинувшейся, как чулок на ковре»—скучное пятно, при этом серое. «Коротконогий, лысый, от живота к груди шире, чем от плеча к плечу»—подите разберитесь в этом «образе». Это—бухгалтерия, а не художество. И так постоянно: образность А. Ветлугину совершенно не удается. Либо он несамостоятелен, либо обнаруживает плохое знание языка («от матерной брани топор в воздухе висит»), либо ухарски расписывает то, чего не видел. «*Тройка* коней на крыше Большого театра», уверяет он. Четверка, гражд. Ветлугин, приезжайте в Москву—удостоверитесь.

Но, слабое с художественной стороны, это произведение А. Ветлугина любопытно, как некий человеческий документ. Ведь ни для кого не секрет, что Юрий Быстрицкий жив и здоров, никогда сам этих «Записок» не писал, и если все же «Записки мерзавца» увидели свет, то лишь потому, что автор этих «Записок» пожелал вложить в них кое-что от самого себя, от своей «обворованной, прокуренной, заплеванной» души, и очень многое от наблюдений, которые делал он над окружающими. Быстрицкий—не просто мерзавец. Автор намекает, что, кроме игорных притонов, публичных домов и разных прочих похождений, Юрий Быстрицкий—человек «героической» эпохи. Это—*значительный* человек. Он участвовал в гражданской войне. Он защищал какие-то «идеалы» и вообще делал что-то крупное. «Хорошей—книгу Юрия Быстрицкого можно назвать в том смысле, как хорошо все то, что исходит от людей, рисковавших своей головой и не жалевших чужих голов. «Хорош» был бы дневник адмирала Колчака. «Хороши» были бы записки террористов-смертников», пишет автор. Намек на значительность Юрия Быстрицкого, как видим, весьма густой. И в данном случае мы опять поверим А. Ветлугину. Быстрицкий «рисковал своей головой»—очевидно, в борьбе с Советской Россией.

[1]) Ноябрь—декабрь 1922, стр. 231—3.

Ведь только такой «риск» ставит его на одну доску с адмиралом Колчаком.

Мы не станем следить за всеми житейскими приключениями нашего «героя». В конце-концов, история весьма обычная для молодого дворянчика, без руля и ветрил брошенного на улицы большого города. В его падениях все закономерно: публичный дом, игорный притон и кокаин, и прочие пороки. Этот молодой человек сгнил душевно, несмотря на свои молодые годы,—и причина его душевной гибели лежит, конечно, не в индивидуальных особенностях его характера. А. Ветлугин это понимает—причина в гибели класса, в гниении общества, взрастившего молодого шуллера. Быстрицкий—обреченный так же, как обречены многие другие его сверстники, друзья, собутыльники. Была война, жестокая, исключительная по масштабу: электрический, патриотический, энергический Быстрицкий окунулся в общественную работу. Быстрицкий—государственный человек. Вот—не плохая зарисовка из жизни и деятельности Быстрицких:

«Стучат колеса, поют вагоны. Я еду, я опять и без конца еду. Во Владивосток—за американскими ремингтонами, в Гаваранду — за шведской сталью, в Ростов—за донкубанской мукой, в Ташкент—за хлопком. Телеграфирую с каждой остановки:

«Купил, подтвердите двадцать пять процентов на фактуру».

«Продал, подтвердите десять процентов на фактуру».

Купить выгоднее, чем продать. Наилучшее припрятать, придержать.

И я: со свистком полированным, с револьвером «наган», с «индивидуальным» пакетом, с малиновым звоном шпор.

«Земгусары».

«Ловчилы».

«Спекулянты».

«Пир во время чумы».

«Ладно, ладно, скальте зубы, посмеитесь... Придет день: поскалите зубы, посмеетесь...

Кувака .. Кувака...»

Дальше—в том же духе. Война окончена. Революция. Быстрицкий на «том берегу». Быстрицкий с «патриотами», против большевиков. И все дальнейшие злоключения его предопределены. Карты. Женщины. Кабаки и, конец-концов, приобретающий в эмиграции какое-то исключительное значение, всемогущий, единоспасающий кокаин.

«В мире две силы, побеждающие любовь: карты и кокаин. За десять пассов под ряд, за грамм чистейшего кокаина отдашь все, пожертвуешь привязанностью, репутацией, родными, наукой, искусством. К чему сложность, к чему тянуться во времени, зябнуть осенним утром, тосковать звериной скорбью в часы весенних закатов. От закатов, как от прекрасных женщин: жестокость и грусть, грустная жестокость, жестокая грусть... Отломал щепочку от спичечной коробки, посыпал белого порошку, заткнул одну ноздрю, втянул в другую и—плевать на все. Ничего не хочется, никого не жаль. Пусть родного отца приведут и расстреляют на твоих глазах—будешь смотреть с любопытством, но и с равнодушием...»

Это—конец Быстрицкого. Все остальное—лишь аксессуары. И признание его «нет жизни, слаще, как во власти снов»—это в сущности тот же кокаин. И последнее признание его: «я ненавижу Россию, я бесконечно равнодушен к судьбе моих родных, у меня нет друзей, есть собутыльники, и их не жалко»—лишь довершает образ «мерзавца».

Обладай Ветлугин большим художественным дарованием—получилась бы весьма интересная повесть о современном «лишнем человеке». К сожалению, такими качествами эта вещь не обладает. Но за ней остается значение попытки весьма сведущего человека нарисовать картину душевного разложения целого слоя «зеленой» молодежи, которую старые деятели «того берега» склонны считать продолжателями своего обреченного дела.

Таков общий смысл «Записок мерзавца». Вряд ли этот смысл станет отрицать сам автор. Иначе ведь «Записки» Юрия Быстрицкого превратятся в анекдот, слишком длинный, чтоб иметь право на существование.

Р. Головин.

Н. С. ЛЕСКОВ. Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов. «Круг». Москва.—Петербург. 1922 г. Стр. 168.

Следует приветствовать издание этой мало известной повести даровитого писателя. Такие «старые» вещи гораздо полезнее многих новых. Юмор Лескова местами не уступает гоголевскому, а «невидимые слезы», скрытые под сверкающими блестками смеха, временами наводят на мысли, не менее значительные, чем страницы «Мертвых душ». В печальной истории Оноприя Перегуда и его предков развертывается картина провинциальной жизни России, как дореформенной, так и «эпохи великих реформ». Начало благосостоянию рода Перегудов положил полковник Опанас Опанасович, который «завладел всею перегудинской казачиной». Сделал он это так ловко, что перегудинские казаки и не заметили, как их стали писать «крепаками». Некоторые воспротивились, но пан принял свои меры. «Которые не захотели итти для дидуси на панщину, то, щобы они не сопротивлялися, их,—пожалуйте,—на панском дворе добре прострочили, некоторых российскими батогами, а иных родною пугою, но бысть в тих обоих средствах и цина и вкус одинаковы. Но, а как это новым перегудинским крепакам, однако, все-таки еще не нравилось, то, чтобы исправить в них поврежденные понятия и освежить одеревянелый вкус, за дело взялся поп Прокоп, который служил в красных чоботах и всякую неделю читал людям за обеднею то «Павлечтение», которое укрепляет в людях веру, что они «рабы» и что цель их жизни состоит в том, что они должны повиноваться своим господам».

Отпрыском этого дворянского рода и явился Оноприй, прошедший весьма богатый жизненный путь от архиерейского хора, где он был фаворитом архиерея, до высокой должности станового пристава,—предела его мечтаний. Еще отец выяснил ему высокое значение этого звания: «Становой и сечет и с саблюкой ездит, и все у него как бы подобно до полкового».

Все сведения, которые необходимо знать для исполнения этой обязанности, Оноприй усвоил из «чина явления истины», единственного юридического руководства, которое он нашел у архиерея. И оказался он замечательным приставом. Но вдруг явилось нечто, о чем не говорилось в «Чине» и чего не смог одолеть Оноприй. Возникли слухи о каких-то «потрясователях основ», «врагах рода человеческого»—«мужеский пол в шляпах земли греческой, а женская плоть—стрижены, и в темных окулярх, як лягушки». За поимку их давали ордена, чины и другие награды. И лишился покоя Оноприй. Прежде, бывало, живешь, и ешь, и пьешь, и в баньке попаришься, и за конокрадом скачешь так, что аж земля дрожит, а потом маешь его хорошенько по «Чину явления истины», и ни о какой для себя опасности не думаешь: «а тут вдруг на все мои мысли пал як бы туман страха и сомнения».

Неудачные попытки Оноприя отличиться на этом поприще, повесть о том, как его обманул «потрясователь основ» и как он дошел до сумасшедшего дома, с неподражаемым юмором изображенные фигуры архиерея, вице-губернаторши, попов, дворян и чиновников,—все это далеко выходит за пределы исторического интереса, все это далеко не изжито в тех кругах, где мечтают о реставрации дореволюционной России. И книга Лескова производит впечатление чего-то свежего и нужного, сатиры на живучие неистребимые традиции,—сатиры, тем более действенной, что написана она большим художником, не преследовавшим при создании этой вещи никаких задач, кроме художественных.

П. С. Коган.

НИК. НИКИТИН. Рвотный Форт. Рассказы. Москва. Госиздат. 1922 г. Стр. 296. Цена не обозначена.

Это хорошо, что у нас за советские годы установился обычай доброжелательной встречи начинающего писателя. Хорошо потому, что доброжелательность эта ободряет, вызывает на откровенность, внушает доверие к собственным силам, вообще способствует росту писательской молодежи. Но, способствуя этому росту,

она же и вытягивает его стрелку, как парниковое растение, болезненно выгоняет его из нормы, заставляет вызревать раньше времени, как турецкие огурцы. В результате мы имеем «свежую зелень», одутловатую внешне—по форме превышающую норму, но неприятно-безвкусную, с черезчур острым запахом, с переросшими тканями, привлекающую все тот же испорченный вкус литературных гурманов, которым служила она лакомой приправой до революции.

Именно такой парниковой выгонкой характерна проза Ник. Никитина. Анекдотичность фабулы—обязательная, как пряный запах преждевременно созревшего овоща, вялость языка, иногда подширающегося стилизационными ходулями, иногда просто беспомощно завязающего в импрессионистском выверте, наконец, явная эротомания, исступленно выпирающая через каждые пять-шесть страниц,—сводят на-нет те искорки наблюдательности и попытки к разработке формального метода, по которым узнаешь в Никитине начинавшую развертываться и преждевременно «пущенную в рост» талантливость молодости.

Все эти упреки можно бы еще было объяснить все той же молодостью и наивностью, если бы именно в этой молодости не чувствовалась преждевременная дряблость. Ник. Никитин кокетничает этой наивностью, он выставляет ее как «прием», как небрежность, нарочито допущенную.

«Когда ввели нового—в комнате вдруг
Стало смешно» (стр. 59).

«Он замер в живописной позитуре».

Эти — мелочные казалось бы—импрессионистские ужимки, однако, составляют фактуру никитинских рассказов. А в соединении с современной бесцеремонностью в обращении со словесным материалом создают досадное впечатление шарлатанского обращения с материалом языка. Как примеры, можно указать ничем не оправдываемые ломанья уже имеющихся в языке слов, таковы выражения: «копидом», «давнинщина» (стр. 179). Ржаные поля... перетомились желанным «*бееремем*», неизвестно от какого понятия произведенным: бремя или беремо? «Стрижи *гаркают*... по воде крыльями», между тем как «гаркать», «гаркнуть» совершенно не соответствует образу легкого касания крылом воды.

«Санки скатываются за перелог»... «Перелог» в народном языке точное обозначение перепашки земли. Если Никитин сделал новое словообразование, то оно неудачно, так как префикс «пере» значит «через», «сквозь» и понятие «через лог» противоречиво: если он подслушал его в говоре, то употребил не к месту.

Таких мелочей набирается в рассказах Никитина в общем на крупную сумму, но так как это все же мелочи, могущие раздражать черезчур внимательный глаз, оставим их и перейдем к наиболее показательным цитатам, составляющим вкусовой, так сказать, скелет никитинской прозы.

С 11 страницы «Рвотного Форта» начинаются эти экскурсии в эротику и тянутся они через всю книгу, подщелкивая фантазию автора к определенному уклону маниакальности и доводящие его до такой подозрительной «бытописательской наблюдательности»:

«А на столе две желтых мухи сладко прильнули друг к другу в тени под чернильницей... нет конца мушиной истоме» (61).

«Дрожащих колен», «вытягивающихся в ниточку тел», всей этой «мушиной истомы» не перецитировать из книги Никитина. Все это—подоплека болезненного, парниковым способом выращенного творчества. И если «Рвотный Форт» найдет «своего» читателя, то только откликающегося на эти сумерки быта, на этот расшатанный спинной столб «психологического» творчества, вновь унылым виденьем возникающий при дороге литературы российской.

Ник. Асеев.

«ФЕНИКС». Сборник худ.-литературный, научный и философский. Кн. I-я. Изд-ство «Костры». М. 1922 г. Стр. 190.

Этот сборник имеет две характерные черты, далеко неравноценные: 1) научный, историко-литературный материал (представленный на этот раз довольно богато, что значительно повышает цен-

ность сборника) и 2) художественно-литературная и идейная сторона, которая здесь мертвенна и ничего не говорит современному человеку, не окончательно оторвавшемуся от живой жизни.

1-я группа представлена безусловно интересно: 1) Вновь открытое Г. Чулковым раннее стихотворение Тютчева «На новый 1816 г.», с комментаторской заметкой Г. Чулкова, устанавливающей связь Тютчева с Державиным,—заметкой, которая не может быть неинтересна, выйдя из-под пера исследователя, столь вошедшего в жизнь и творчество поэта. 2) Хорошо построенная статья Влад. Ходасевича «Об Анненском», умело и с любовью вскрывающая основной источник вдохновения поэта — неотступно-грызущую его мысль о смерти. 3) Новые биографические данные о Дельвиге, извлеченные М. Гофманом и удачно скомпанованные в острую художественно биографическую страницу. 4) Записка Тютчева к Щербине, с заметкой Г. Ч. об отношениях этих поэтов.

На этом, однако, приходится поставить точку, хотя имеются еще 2 письма Блока к Г. Чулкову и «Воспоминания о Блоке» Надежды Павлович. Дело в том, что их мы никак не можем причислить к указанным выше крупицам золота в сборнике. Письма Блока носят слишком личный характер и, за исключением глухого упоминания в одном из них «убийственного опустошения», охватившего поэта (опустошения, ничем не объясненного ни самим Блоком, ни тем, кто печатал его письмо), являются мало-внятными и потому незначительными за пределами тесного кружка, в котором вращался Блок. К тому же они совершенно разрознены по годам (одно от 1906 г., другое—1909 года и третье—1910 г.). Все это заставляет видеть в их напечатании в столь сыром и разрозненном виде проявление того подчеркнутого и взвинченного пиэтета к личности поэта, как таковой, вне связи с его творческими достижениями, которым затуманено его большое литературное дело и который, по существу, вреден для оценки последнего.

То же придется повторить и о «Воспоминаниях» Н. Павлович. Написанные в отрывистом, многознаменательном тоне, они рядят в пророческие одежды психологические и бытовые пустяки, имевшиеся у Блока, как и у всякого человека. Едва ли образ Блока выиграет от этого в значительности, как думает Н. Павлович, тщательно эти пустяки собравшая и пытающаяся воссоздать из них образ «интимного» Блока. Заходит ли речь об итальянских стихах поэта, он ведет с Павлович разговор в таких тонах:

— «А что «Благовещение», по-вашему, высокое стихотворение или нет?» Мы, признаемся, в простоте, и вопроса-то не понимаем, но Н. Павлович, искушенная в символических иносказаниях, не обинуясь, твердо отвечает: «Высокое». Однако, ответ оказался невпопад. «А на самом деле нет,—останавливает Блок рвение своего Эккермана:—оно раньше, в первом варианте, было хорошим, бытовым таким...—с жалостью в голосе сказал он»... Что это, мимолетное выражение глубокого убеждения, слишком эскизно зарисованное, или многознаменательно подчеркнутый мемуаристом каприз вкуса и случайного настроения, неуместно выдвинутый на первый план? Не знаем. Да не знает этого, видимо, и сам автор воспоминаний, за полным отсутствием у него перспективы и меры поклонения.

В другой части сборника местами мы видим средневекового мертвеца, расположившегося на этих, изданных в наши дни, страницах в нисколько не оживленном, в мумифицированном виде. Не угодно ли, напр., прочесть статью Л. Карсавина «Глубины сатанинские», где перед изумленным читателем современности развивается философия офитов, Василида, гностиков о божестве и мире, или статью П. Флоренского «Символическое описание», пытающегося идеалистически свести основу естествознания—физику к системе слов («физика есть не что иное, как язык») или символов. Это не средневековая схоластика даже, которая имела ту неоспоримую ценность, что была исторически-своевременной и потому искренней,—это снобизм мысли, это ее гастрономия, это философский паштет из соловьиных язычков.

Нечего и говорить, что не забыт и Шпенглер. Это был бы дурной тон. Ему посвящена статья Вышеславцева, с уже

набившим оскомину заглавием «Закат Европы». На этот раз российский корректор шпенглеризма (мы еще помним выступление Бердяева) упрекает его создателя в недостатке духовности и свободы. Как-никак, а Шпенглер, при всем своем спиритуализме, признал власть необходимости в одном и очень существенном пункте: цивилизация сменяет у него культуру в жизни каждого народа с той же необходимостью, с которой смерть сменяет жизнь у индивидуума. Это обстоятельство не удовлетворяет Вышеславцева. Всякая «скифская» философия должна быть неумолимо последовательна, варварски последовательна. Вышеславцев вслед за Бердяевым последовательней Шпенглера: если второй упрекает Шпенглера в том, что он мало надеется на бога и пытается хоть одной ногой устоять на земле, то наш автор высказывает резкое недовольство Шпенглером за то, что он не дооценивает творческих усилий самого человека, «подъем духа», который, по мнению Вышеславцева, еще лучше может устранить необходимость цивилизации и устроить опять царство культуры.

Конечно, для тех, кто все надежды возлагает на бога, убедительно возражение Бердяева, а те, кто в культуре видит голый результат воодушевления,— согласятся с Вышеславцевым. Но дело-то в том, что Шпенглер все-таки тянется к научности своей «морфологии». С его российскими последователями - оппонентами мы окончательно попадаем в область магии и богослужения.

Имеются в сборнике рассказы: Б. Зайцева «Уединение» и В. Модзалевского «Двойная смерть». Во всяком другом, не символистическом произведении мы склонны рассматривать его тематическую близость к современности, как нечто положительное, ибо она-то и способна больше всего нас волновать.

Но символистическое творчество истари привыкло жонглировать действительностью, играя при ее изображении двойным планом бытия (этим дискредитируя оба). Когда же подобный прием применяется к тому громадному опыту, который скоплен у нас за 5 лет соприкосновения с самой подлинной жизнью, раскрывшейся нашим глазам в бурях революции,—это литературное фокусничество производит поистине удручающее впечатление. Отточенность формы, не оправданная художественною простотой переживания, превращается в вычуру стиля.

Все это налицо в рассказе В. Модзалевского. С безрадостной ловкостью опытного графомана «развертывает» он следующий «сюжет»: петербургский инженер Викстон по делам службы попадает в уездный городишко! Дело в том, что он уже умер в Петербурге (как умер?—спросите вы. Вопрос неуместный, обнаруживающий всю вашу неспособность мыслить символически. «Умер» здесь надо понимать, как символ—и больше ничего! Ясно?). Дело еще в том, что время действия—после октября. Викстон попадает гостем в один частный дом на ужин с картами. Является милиция, переписывает гостей. С Викстона, который назвался Германом (читателю рекомендуется обратить внимание на это многознаменательное обстоятельство!) берется подписка о невыезде. Среди гостей—дама, им заинтересовавшаяся, обещает ему помочь избежать скандала в петербургском обществе, сняв подписку при помощи ее отца, человека с положением по тамошнему масштабу. Но наш герой (в качестве живого мертвеца он может делать лишь то, что прикажет автор, а последний хочет, чтоб он был Германом) сперва пытается бежать, однако, не может сесть в поезд за отсутствием «визы» на документе. Тогда он направляется к отцу вышеупомянутой дамы и пытается вырвать у него визу, угрожая револьвером, вследствие чего тот умирает от разрыва сердца. А через некоторое время приходит в Петербург известие о смерти самого Викстона во Владивостоке, при обстоятельствах, пародирующих конец «Пиковой Дамы», за карточной игрой, при неожиданном, видимом одному Викстону, появлении Пиковой Дамы в дверях, тогда как в картах она таинственно отсутствовала.

В свое время критик задавался по поводу «Пиковой Дамы» вопросом, для чего Пушкину понадобилось рассказать такой странный анекдот. Он нашел исчерпывающий ответ на него в психологическом анализе повести. В нашем случае

этого ответа, да и никакого другого—нет: анекдот обескровлен, хоть и осложнен разными трюками, заимствованными у Гофмана (тоже в замороженном виде), а потому лишен всякой художественной цели.

Стихотворения А. Ахматовой и Ф. Сологуба являются простыми повторениями обычных у этих поэтов мотивов, не привнося ничего нового к уже слышанному.

Д. Горбов.

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ. Черемуха. Повесть. Изд-во «Поморье». Москва. 1922 г. Стр. 73.

На волжском пароходе встречаются студент Миша, путешествующий со своей невестой, и старый купец Флегонт Маркелыч. Лежа в одной каюте со стариком, «Миша скоро уловил, что старик повторяет ясно одни и те же слова: «Господи. Согрешить сподоби мя грешного, Господи. Сподоби мя согрешить»...—«О чем вы это так усердно молились?»...—«О грехе, милый, молюсь... Такая, милый, без греха тоска. Ровно оделся во все новенькое—прямо от портного: колом все на тебе стоит—тут жмет, там топырится»...—«Какой же грех?» спросил Миша. «Грех существует один—с женщиной. За грехом на ярмарку еду. Со специальной целью»... (14—15 стр.).

Так начинается повесть, заканчивающаяся убийством в нижегородском кафе-шантане.

Происхождение ее ясно, но она была бы более своевременна в 1916 году: интерес к Распутину в последнее время значительно ослабел, а подпольная психология святости и греха тоже как будто не пользуется спросом. Несмотря на это, отрицать дарования у автора не приходится: он умело справляется с бытом, ловко концентрирует действие, знает язык. Правда, и в этих положительных качествах не все до конца хорошо. Быт сделан слишком специфически, по рецепту «густой» русской повести, язык иногда неудачно-изобразителен (напр., «княжил неряшливый запах людей»). Лучше всего, пожалуй, удалось развитие действия.

К. Локс.

МИХАИЛ СЛОНИМСКИЙ. Шестой стрелковый. Рассказы. Изд. «Время». Петербург. 1922 г. Стр. 94.

ПЕТР ВАГИН. У порога. Рассказы. Из-во «Поморье». Москва. 1922 г. Стр. 64.

КОНСТАНТИН ФЕДИН. Сад. Изд. «Петроград». 1922 г. Стр. 31.

Рассказы Слонимского из военно-революционного быта последних лет построены, приблизительно, по одному и тому же способу.

Это способ постепенного превращения реального события в фантастическое, так, что первое в своем фантастическом изломе должно ярче выступить или углубиться.

В этой работе, очень сложной и требующей большого вкуса, автор часто сбивается на анекдот, на какую-то неправдоподобность.

Остается хорошая четкость рисунка, уменье удержаться в границах литературы там, где материал сам выпирает из нее. Лучший рассказ—«Дикий», остальные кажутся не очень убедительными.

В общем автору придется сделать выбор между бытом и фантастикой. Думается, что для первого у него больше данных.

Петр Вагин, кажется, дебютант.

Темы, избранные им, напоминают Леонида Андреева или ныне забытого Михаила Пантюхова: всюду уродство, нелепость жизни, смешные и странные случайности. Все это изображается в достаточной степени вяло и наивно. Более или менее приятен последний рассказ «У порога».

Советуем автору оставить трагический жанр, который явно ему не по плечу.

Небольшой рассказ К. Федина написан на тему, бывшую «современной» года два-три тому назад. Хозяева бежали из имения, старый дворник не может перенести перемены «дощечки» на воротах и поджигает дом. Общая символика, пожалуй, напоминает «Вишневый Сад» Чехова.

К. Локс.

БОРИС САДОВСКОЙ. Морозные узоры. Рассказы в стихах и прозе. Издательство «Время». Петербург. 1922 г. Стр. 78.

Когда мороз вычерчивает свои узоры на оконном стекле, он, надо полагать, мало заботится о форме рисунка и не думает о цели его и назначении. Б. Садовской поступает так же, с той лишь разницей, что у мороза это выходит очень хорошо, а у Садовского из рук вон плохо. Это, вероятно, потому, что человек, в качестве существа разумного, раньше чем приняться за что-нибудь, должен выяснить, для чего это делается.

Прослушав четыре анекдота, рассказанные нашим автором в прозе, да еще столько же—в стихах, побывав вместе с ним в «Испании времен Колумба», у Наполеона на острове Святой Елены, у русских помещиков 30-х годов, совершив фантастическое путешествие в Москву 1851 г., оттуда попав снова в русское, чуть не крепостническое поместье, потом в Польшу, потом в Москву уже современную,—читатель из всего этого разнообразия местностей и эпох, уснащенного к тому же разнообразием всякого колдовства, мистики и чертовщины, выносит одно только впечатление—скуки, ненужности и досады на зря потраченное время.

Развивая самую захватывающую интригу, автор умудряется не рассказать ничего сколько-нибудь интересного. Стремление к сюжетной новелле, к экзотическому или стильно-бытовому орнаменту, само по себе ценное,—не будучи оправдано в книжке значительностью психологического конфликта, превращается в докучное щеголянье изысканностью эстетических увлечений. Да и они—не первого сорта. Воспроизводя ту или иную необычную обстановку, Садовской довольствуется двумя, тремя достаточно шаблонными штрихами: Испания у него изображена при помощи тореадора, серенады, мантильи и т. п. общеупотребительных, «испанистых» аксессуаров. Наполеон—«невысокий человек в треугольной пляпе» (как характерно!) и т. п. В конце-концов, приходится принимать на веру, что находишься в Испании или видишь Наполеона.

Один из героев Садовского задумал перенестись в Москву 1851 года, и, когда он чудесным образом осуществил свой странный каприз, то ему «стало не по себе. Он думал встретить невиданное что-то, блестящее, как *стилизованная страница* (!), а вместо того все было просто и серо». В таком же положении и читатель этой книжки. И ему автор насулил золотые горы, наобещал Испанию, Наполеона, призрак Гёте и весь потусторонний мир, да много психологических откровений в придачу, и все это предполагалось подать в форме «блестящей, как стилизованная страница»; а получилась одна неприятная символистическая отрыжка.

Воздерживаясь от анализа повестей, в виду бесплодности такового по отношению к произведениям, в корне неудачным, ограничимся лишь двумя примерами, иллюстрирующими писательскую манеру автора. Один в прозе, другой в стихах.

«Беллетрист» Озимовский (рассказ «Анекдот») в споре о прогрессе, не обинуясь, заявляет: «Не понимаю, какой тут возможен спор. В прошлом было все естественнее и прекрасней». Почему так? Никаких объяснений: естественней и прекрасней—tout court. Когда же Время, явившись к нему в образе женщины, предлагает перенести его в любую эпоху и перечисляет наиболее колоритные для выбора, он не умеет выбрать за полной неосведомленностью: «Озимовский мало читал (это «беллетрист»! *Д. Г.*), за границей не был и языков не знал. Он подумал и вывел на карточке: 1851».

Мы не знаем, что писал «беллетрист» Озимовский. Но видно, что беллетристу Садовскому писать не о чем.

А вот образчик психологической характеристики в стихотворном рассказе. Молодого «идеалиста» (рассказ в стихах того же названия) собираются женить. Полюбуйтесь на его размышления по сему случаю:

Но я мечтал об идеале.
На сердце призраком сиял
Невоплотимый идеал
В святых лучах небесной дали.
И оттого казалось мне,
Что будущей моей жене
Не много боги даровали
Она, конечно, хороша,

У ней бесстрастная душа,
Зато и смертная *утроба (!)*
Как все, и ест, и спит она,
И стариться должна до гроба,
И умереть обречена».

(Стр. 48).

Что это: в шутку или серьезно? Ни то, ни другое: это—ирония, именуемая романтическою.

Полагаем, что подобные художественные приемы говорят сами за себя и комментариев не требуют. Автор не только архаичен своими музейными влечениями в прошлое, делающими его снобом, глухим к дыханию современной жизни. Это—порок его школы. Но он, кроме того, страдает бессилием, как художник, а это—уж его личная несчастливая особенность.

Внешность издания, украшенного двумя заставками и обложкой А. Остроумовой, весьма изящна.

Д. Горбов.

К. БАЛЬМОНТ. Революционная поэзия Европы и Америки. Уитман. Госиздат. Москва. 1922 г. Стр. 58.

О значении Уитмана вообще и о революционности его поэзии в частности писалось достаточно много, чтобы не считать свободными от такого изложения рецензии его новых переводов на наш язык. Теперь пора говорить уже не столько об Уитмане, сколько об его переводчиках. И вот, если распространение сведений о великом американском поэте можно приветствовать вообще, способ этого распространения иногда может оказаться уничтожающим цель, которую распространением преследуют. Ведь массовый читатель английского Уитмана не знает, мнение свое вынужден составлять по русскому тексту, а какое мнение может он получить о качестве рекомендованного ему мастера—судите сами: «О теле живущем пою с головы и до ног.—Своим указуя перстом на многие песни бессмертные.—Как народ отвечает им все ж их не знал.—Я человек речной (!), или в лесах живущий, или где-нибудь на ферме. — Поет открытыми ртами свои сильные, звучные песни.—Вижу согласно венчанных супругу с супругом.—Мы пляшем на дерне зеленом и взморье» (этот материал дали первые десять страниц, при чем я брал только по строчке из каждой поэмы).

Судите, говорю, сами и скажите, ошибаюсь ли я, формулируя ваше суждение приблизительно так:

«Удивительно темный, тяжелый и напыщенный стих. Непонятное косноязычие. Безграмотнейшее словосочетание. Упорнейший архаизм. Усерднейшее пустословие. Бессодержательнейшая болтовня?» Говорящий так будет, разумеется, прав, но он станет без вины виноватым, если решит, что характеристика перевода может быть перенесена на автора подлинника. Уитман по-английски нисколько не похож на русские переводы с него, из которых самые плохие принадлежали и принадлежат К. Бальмонту. Приятно изданная книжка вызывает вопрос: зачем было печатать скверные русские стихи, перелагающие ответственность за свою беспомощность на несчастного и мертвого к тому же Уитмана? Дискредитировать, что ли, хотели старого Уота? А если нет, то цель настоящего издания делается окончательно темной и загадочной.

И. А. Аксенов.

П. МУРАТОВ. Магические рассказы. Изд. «Дельфин». М. 1922. Стр. 161.

Рассказывают, что в недавние годы, в Москве, бывшие богатые люди, продав какую-нибудь из некогда драгоценных вещей, устраивали конспиративно реставрацию старого порядка. Они покупали несколько бутылок вина, некоторое количество продуктов, не имевшихся в распределителях и конфискуемых тогда в открытой продаже, одевались в сохранившиеся еще платья, шитые для угасших балов и раутов, собирались ночью на квартире кого-нибудь из этих «заговорщиков» и до утра вели дружескую беседу о вещах, не имевших не только никакого касательства к политике

или РСФСР, но и вообще принципиально лишенных какого-либо, кроме гастрономически-эротического, смысла.

Книжка П. Муратова—явление, аналогичное этому невинному протесту: написанная в годы самой бурной ломки всего дорогого автору собранных в ней сказок, она не содержит ни единого намека на конкретно ощущаемые сказочником неприятности; в ней, кроме одного иронического выпада против деятелей французской революции, не найдется ни одного момента полемики с новым порядком жизни, окружающей писателя,—вся она состоит в изложении различных красивостей, описании драгоценных предметов (что родит ее с Сухаревой площадью, но автор не хотел, конечно, будить такие вульгарные ассоциации) и заострении утонченностей «душевных переживаний» богатых, благородных и абсолютно праздных эстетов. Бессмыслие сюжета подчеркнуто еще и синтаксисом, усердно старающимся ни в коем случае не совпадать с построениями разговорной речи. Конечно, до рекорда китайских эстетов в роде Ляо Чжао, у которого совсем нет «разговорных» слов, Муратову не дойти, но подражать Анри де Ренье иногда удается. Единственный прием последовательного параллелизма придаточных предложений (простой хиазм) очень быстро обнаруживает свою незамысловатую технику и на третьем рассказе становится совершенно нестерпимым. Тогда остается читателю радоваться экстренному сообщению, что-де всем известно, как у кавалера де Роган скверно изо рта пахло, а диавол (с нами крестная сила) обманывает своих последователей, в любви хороши только первые встречи, демонические женщины имеют грубых любовников, а страсти разрушают организм человека и опасны для жизни.

И. Аксенов.

АЛЕКСАНДР БЛОК. Отроческие стихи. Автобиография. Изд. «Первина». М. 1923 г. Стр. 30. Тираж 5000.

В 1911 г. вышла книга Ф. Ф. Фидлера: «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Здесь впервые появилась краткая автобиография Блока, составленная применительно к пунктам опросного листа, рассылавшегося Фидлером.

В 1915 г. для «Русской литературы XX века» под ред. Венгерова Блок написал «автобиографическую справку», которая покрыла и дополнила фидлеровскую «автобиографию», но все же не аннулировала ее совсем: некоторые разночтения и отметки, интересные для специалистов, в фидлеровском издании имеются.

В 1922 г. венгеровская «автобиографическая справка» была перепечатана в сборнике «Памяти Блока» (изд. «Полярная Звезда», ПБ.), с указанием мотива перепечатки: «справка» мало известна современным читателям.

В 1923 г. некое издательство «Первина» перепечатывает фидлеровскую «автобиографию», совсем уже неизвестную современному читателю, но при этом 1) замалчивает дату «автобиографии» и 2) *ни одним словом* не упоминает о том, что это простая перепечатка с издания 1911 года, уже утратившая свое значение для широких кругов читателей.

Не есть ли это явное злоупотребление «фигурой умолчания»?

Далее следуют «отроческие стихи» Блока. Датировка и здесь отсутствует. Почему и здесь надо было делать тайну? Ведь, насколько известно, стихи в печати появляются впервые.

В автобиографии Блока, между прочим, читаем: «Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет... Все это были—лирические стихи, и ко времени выхода моей первой книги «Стихов о Прекрасной Даме», их накопилось до 800, не считая отроческих».

Предлагаемые в рецензируемой книге 8 лирических отрывков, очевидно, из числа этих «отроческих», не вошедших в состав 800. Они образуют единый цикл, любовный по содержанию, «романтический» по настроению и манере письма: «так он писал темно и вяло, что романтизмом мы зовем».

Стихи автономной художественной ценности не имеют, но, разумеется, представляют интерес для изучения «доисторического» периода блоковского творчества.

Издана книга прекрасно, с претензией на художественность: обложка и текст украшены 12 очень изящными виньетками русских и иностранных мастеров, гравированными в свое время на меди, а теперь воспроизведенными фотомеханическим способом. Вся беда в том, что виньетки эти *никак* с текстом стихотворений не вяжутся: стихи нео-романтического поэта конца XIX века украшены виньетками в стиле классического XVIII века. Если же мы вспомним, что Блок определенно *не* любил XVIII века в искусстве (см. М. А. Бекетова, «А. Блок, биографический очерк», стр. 187, 189), то станет ясна вся *невязка* между немецко-романтическим стилем ранних стихов Блока (о своей подвластности немецкому романтизму в отрочестве Блок говорит в автобиографии) и легкокрылыми амурами, залетевшими сюда из французского XVIII века.

Резюмируем: бесцеремонность перепечатки устаревшего документа, полное отсутствие дат, неуместность иллюстраций,—все это говорит столько же о безвкусии анонимного редактора, сколько и о нэпмановской развязности предприимчивого издателя, по-своему учитывающего интерес читателей к покойному поэту.

А. Цинговатов.

ДОЛЬ (Красное Жало). История Красного Октября. Сатира в стихах в 3-х главах. Рисунки худ. Маклецова. Москва. Госиздат. Стр. 64. Цена не обозначена.

Невозможный, отвратительный язык, где в одну кучу свалены и серые газетные словечки в роде следующих: экстаз, темперамент, вермишель, престиж, пагода, ориентация, и квази-народные славянизмы словаря А. Толстого, в роде: «вкупе, смерд, зело, зрел, скакати, длань, галл, росс, сонмы»: напускное, казенное ухарство, вместо подлинного пафоса, развязность третьеразрядного куплетиста—вот данные, с которыми автор полагал написать историю, хотя бы и сатирическую, Красного Октября. Получилось издевательство и над читателем, и над темой, и над стихом. Госиздат это издевательство почел необходимым издать. В самом деле, со стороны формы—это вакханалия бесформенности, со стороны содержания—это полнейшее сведение к нулю всех неимоверных усилий Октября.

По Долю выходит, что до Октября «толпа» была «безлика», что

Рати красных удальцов
Бар кой-где посшибли,
Стеньку Разин, Пугачев
Но на плахе сгибли.

Это противопоставление «удальцов» «безумной толпе» далее приводит автора к следующим логическим заключениям о причинах революции:

Тут (?) рабочий люд вскочил (?!):
Мы ль японцев ниже?
Он царю сусала бил,
Накладем и мы же.

Но эту восприимчивость к «накладыванию», по Долю, легко было затушить, «дав стране парламент», по какому поводу—

Плясала сдуру (?) вся (??) страна,

категорически утверждает Доль.

Разделавшись с такой легкостью с 1905 годом, Доль также «весело» описывает, как

Заливая мозг и зоб
Водочным потопом,
Царь хватил Россию в лоб
Толстым Протопопом.
Закачалась Русь слегка,
Молвя с видом странным(?):
Тяжела его рука,
Что мне делать с пьяным?

Не менее правдоподобно описана и февральская революция. Милюков, по Долю, выходит сумасшедшим идиотом, требующим:

Он помешан был слегка
Требуя день целый:
—Принесите (?!) мне, войска,
Живо Дарданеллы.

Вообще враги Советской России рисуются Долем, как пьяное ничтожество, спихнуть которое было ничего не стоющим делом.

Вышла тройка удальцов
Да как ахнет в цели(?):
От буржуйских наглецов
Клочья полетели.
. . . . . .
Устрашив буржуе-мразь,
Жирных европейцев,
На Руси вдруг (?) родилась
Рать красноармейцев.
. . . . . .
Каждый белый генерал,
Чтоб спасти лопатки (?!),
Вмиг летучей мазью стал
Спешно мазать пятки.

Таков общий тон этой сатиры,—тон определенно неверный, ухарский, беспардонный. И это напускное ухарство вполне соответствует и формальной безличности, запутанности и потяготе на двухкопеечную техническую исхищренность. Эта «убогая роскошь наряда» еще жалостнее выделяется на общем плане беспомощности автора как стихотворца.

«Бар кой-где посшибли»

звучит как—«баркой где посшибли», Не менее какофоничны и такие строки:

Нам только надо ваше с-ясь,

или

Третий столп той власти.

В смысловом отношении есть совершенно загадочные синтаксические исхищрения; напр.:

А Керенского в добре
Похваляла стая.

Еще:

Уничтожить грязный план
Буржуазных пагод (?!?)
Власть немало перемен
Совершила за год.

И сколько отчаянного упорства нужно было преодолеть автору, чтобы искалечить, вогнав в размер, следующие прозаизмы:

В Дарданеллы не попал,
А влетел... в калошу (!)

Либо:

Насосавшись; точно клоп,
Крови демократа (?)

Вообще Доль—человек мрачного, как ночь, юмора. И если же уж острит—острит по-африкански:

Близок час, проходит ночь их
Средь пиров, театров:
Не спасет от рук рабочих
Сам Амфитеатров.

Смысл остроты туманный, как видит читатель, но зато рифма-то какова.

Издана книга, как уже выше упомянуто, Госиздатом. Издана неряшливо, безграмотно; из числа грубейших опечаток некоторые могут прямо быть квалифицированы, как насаждение безграмотности; напечатаны, напр., слова в следующей транскрипции: «багагам» (стр. 30), «шасть» (стр. 36), «парфиру» (46), «наклали» (51), «эстаз» (стр. 8), «грысть» (43) и т. д.

Издано это произведение в количестве 20 (двадцати!) тысяч экземпляров.

Ник. Асеев.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС. Неугасимый огонь. Перевод З. Венгеровой. Под редакцией и с предисловием Е. И. Замятина. Стр. 179. Госиздат. Петербург. 1922. г.

Весь проникнутый острою мыслью, ярко и энергично написанный—таков «Неугасимый огонь» Уэллса.

Быть-может, для «современного романа» (так называется книга в подзаголовке) нельзя было придумать формы более остроумной и действенной, чем этот непрерывно развивающийся философский монолог, перерезанный фабулой, авторскими ремарками, иногда репортерско-сжатой ситуацией.

Правда, в основу положен древний библейский миф об Иове, и самый роман начинается в фантастической обстановке, на небесах, но эта условная форма мифа тотчас наполняется вполне современным материалом. Настоящий герой романа, англичанин Иов Хасс—вполне современный человек.

Он современен и своими несчастиями, и остротой ума, изощренного чтением разнообразных книг, и своей волей, живущей вопреки всему в больном изможденном теле. Ряд несчастий свали-

вается на него: сын убит на войне, школа, которой он отдал жизнь, сгорела, тяжелая болезнь угрожает смертью. Несколько дней, оставшихся до операции, Хасс проводит в небольшом приморском курорте, а в это время в Лондоне окончательно решается его судьба.

Фабриканты, учредившие школу, думают, после ее возобновления, передать заведывание ею другому лицу. В конце-концов, они находят нужным побеседовать с ним лично и приезжают к Хассу за несколько часов до операции. Разговор, завязавшийся в этом курортном пансионе, и является сутью книги. Сначала Иов Хасс излагает глубоко пессимистическую теорию, достойную дополнить Шопенгауэра. Все выводы медицины, естествознания, истории, громадное проникновение в простую фактическую основу жизни подтверждают общую бессмыслицу бытия. Человек беззащитен, окружен враждебными силами. Нет никаких доводов, чтобы признать разумность совершающегося, общую руководящую цель. Но эта часть диалога только введение в другую, полную несокрушимого оптимизма,—оптимизма, основанного прежде всего на вере в активность человека, в непрерывную волю к добру. Это и есть религия Иова Хасс, то, что он называет Богом, неугасимым огнем.—«Моего сына нет и не будет. Боль от того, что его нет, может-быть, когда-нибудь пройдет.—То, что в нас бессмертно — наименее индивидуально. Не вы и не я будем продолжать жить. Будет жить, не умирая, человек, Вселенский Человек. Он будет жить трагическим мятежником именно в этом мире и ни в каком другом...

Дух моей жизни и моего учения,— моего учения, при всех его слабостях и ошибках, — является борьбой против Темной Силы мира, которая стремится раздавить всех нас... Она реет надо мной и теперь, в то время, как я говорю с вами. Это — борьба против беспорядка в мире, отказ от покорности, на которую вы идете, полный отказ от добровольной смерти в жизни» (107—120 стр.).

Таковы окончательные выводы мировоззрения, которое можно назвать героическим, знающим, какие страшные опасности и какой громадный труд предстоит человечеству в грядущем.

К. Локс.

РОМЕН РОЛЛАН. Лилюли. Пер. В. Брюсова. Госиздат. М. 1922. Стр. 216.

То же. Пер. А. Горлина. Госиздат. П. 1922. Стр. 192.

Ромен Роллан пробует анализировать социальные причины возникновения войн с точки зрения авторитарной морали, и при помощи своего большого литературного таланта создает порой весьма интересные картины. Однако, слабость отправной позиции его критики во многом подрывает действенность его живописной сатиры и заканчивает пьесу в плане безысходного пессимизма. Невыясненным остается, что́ за природа у «мировой иллюзии» Лилюли и почему она владеет всеми душами и чувствами. Не показано автором и то, возможна ли борьба с Лилюли и борьба успешная. Полишинель пробовал остаться «в стороне» (может-быть, подобно своему создателю и «над свалкой»), но и он погиб, в конце-концов. Так что позиция «моя хата с краю» оказалась не вполне безопасной. Вывод, который сам напрашивается по прочтении пьесы, такой: Роллан хочет безопасного для себя и себе подобных разрешения существующих социальных противоречий, но активного участия в борьбе за их устранение и сам не желает и другим не советует. Это не мешает пьесе быть местами остроумной, местами жестокой сатирой, но делает ее, в конце-концов, утомительной и не сценичной. Театр требует определенности и не терпит вынесения за одну скобку Маркса и Бисмарка (что делает Роллан, стр. 105).

Что касается до переводов, то к ритмической прозе Роллана Брюсов подошел как к стиху, а Горлин попробовал раздирать в прозу русский пятистопник. Результат легко предвидеть: раешник Брюсова читается легко, а напыщенные и слащавые абзацы Горлина могут только отпугнуть читателя.

Обе книжки снабжены гравюрами Ф. Мазреля, данными в московском издании в размере французского издания, а в петербургском несколько уменьшенными. Да и вообще московский Госиздат, что с ним за последнее время не так редко случается, сделал книжку по внешности далеко оставляющую одноименную работу своего северного коллеги.

И. А. Аксенов.

МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ. Пассажиры пустых мест. Перевод А. Горлина. Государственное Издательство. 1923 г. Стр. 113.

Андерсена Нексе многие называют датским Горьким. В этом сравнении есть зерно истины. Но сходство между этими двумя писателями страшно преувеличено. У Нексе нет той стихийной силы, которая была в первых рассказах Горького.

Андерсен Нексе—коммунист Он, как и Горький, любит изображать обойденных жизнью людей, у которых нет никакой надежды выйти победителями из борьбы. Он любит также отмечать зарождение в его героях протеста против их приниженного, зависимого положения. Но эта борьба никогда не оканчивается для его героев победой. Капиталистический строй—слишком могучая сила, чтобы с ней могли справиться разрозненные усилия отдельных восстающих против него протестантов.

В рассказе «Фея свободы» Нексе изображает молодую девушку-прислугу, которая с детства была воспитана в началах беспрекословного послушания «барыне». И вдруг, «в один злополучный день, произошло нечто такое, чего никто не мог понять. Вера отбросила от себя все прекрасные традиции, вместе с ними и все то, чему ее обучали с детства... Несмотря на одиночество, она чувствовала себя счастливой и празднично настроенной. В ее поведении было какое-то совершенно необъяснимое упорство. Бедное дитя, которое было до тех пор таким благонравным и пользовалось такой благосклонностью господ, вдруг резко переменилось и губило себя в угоду какой-то навязчивой идее. Она сама хотела разобраться в добре и зле, не обращая внимания на грозившие ей при этом опасности и потери, неизбежные в ее положении». «Независимость вошла в жизнь молодой горничной, которая, радостно жертвуя для нее всем, надеялась остаться все-таки в выигрыше»

Вера бросает хорошее место горничной, потому что «прислуга так связана». Другой работы она найти не может, но она не хочет вернуться в старое положение, ибо «ей не хотелось отказаться от добытой ею свободы». Вера гибнет в нищете, но «все же она не согласится пожертвовать своими свободными вечерами и снова поступить на место».

В рассказе «Стены» сапожник Бланк «не любил быть рабом людей или вещей. Его страстью была свобода». Он поселяется один на краю города, работает один и наслаждается видом природы и «своим делом, в которое никто не смел соваться». Но разбогатевший лавочник строит ряд новых громадных домов, которые совершенно закрывают для Бланка все то, чем он любовался и в чем он видел свободу. Лавочник покупает тот дом, в котором жил Бланк, и хочет разрушить его, чтобы построить новый, громадный. Индивидуалист Бланк не может возвыситься до понимания капитализма, до идеи коллективной борьбы. В лице лавочника он видит весь источник зла. Он сходит с ума и убивает лавочника, и сам попадает в сумасшедший дом.

В рассказе «Pan a ocho» рассказывается, как дорожает хлеб и от 8 сантимов доходит до 24. Это переполняет чашу терпения бедняков, ютящихся в пещерах на окрайне города. Образуется грозная процессия голодных женщин, которая идет в город, требуя, чтобы хлеб снова продавался по 8 сантимов. Толпу разгоняют конные жандармы. Толпа разбегается, а на площади остается только труп умершей с голоду матери. Этот труп несли с собой возмутившиеся женщины. *«Он один устоял против натиска врагов».*

Зарождение чувства протеста и невозможность добиться успеха разрозненными силами бедняков—это излюбленный мотив Андерсена Нексе.

Книжка посвящена «борющемуся русскому народу», а полученный за книгу

гонорар передан автором «Комитету по оказанию помощи голодающим в России».

Н. Мещеряков.

КНУТ ГАМСУН. Соки земли. Перев. К. Жихаревой. «Всемирная Литература». Госиздат. Спб. 1922. Стр. 464. 6000 экз.

Гамсун, привезенный в Россию символистами (первые переводы С. А. Полякова и Бальмонта в «Скорпионе»), прижился у нас и акклиматизировался. В будущем любопытствующий сможет без труда указать границы и характер его влияния на русских писателей истекшего десятилетия, его не избег и сравнительно крупный Б. Зайцев в ранних вещах, оно коснулось даже и рынка в лице Куприна или Арцыбашева. В дальнейшем сострадательная «Нива» пополнила творениями Гамсуна шкапчики сельских батюшек и учителей... затем война и молчание Гамсуна. Он уже не молод—ему шестьдесят с лишним.

Влияние скандинавов (Ибсен, Стриндберг) было немалым во время русского символизма. Из этой-то белой ночи вышел странный неврастеник, бродяга и маленький громила брик-а-браков, в котором викингианские достоинства предков превратились в чудачества забытых европейским концертом стран. Трагедия ибсеновской женщины—уже достояние «Симплициссимуса», стриндберговские ады и мраки потешают невропатологов. Жив ли Гамсун?

Макетные персонажи Гамсуна: «правильный» мужичок, подозрительно-мечтательный гуляка, о котором не поймешь—не то он просто прохвост, не то—кандидат смирительной рубашки, да маленький буржуа, спесиво-жестокосердый с гаремом, живописующимся довольно отвратительно. Последний богатеет и пакостничает. Около—мрачные лопари, кое-где утещающие расшибленных женщин Гамсуна. В новом романе многое перемололось и приобрело менее ядовитый характер. Мечтатель-гуляка стал коммерсантом (правда, неудачным) и сохранил очень мало из былых пристрастий Гамсуна к собственной особе. Он же как-то иронически ассимилировал и бюргера. Центральное место занял «правильный» мужичок. Описанием его трудной и плодотворной жизни и занят роман. Он кончается несколько парадоксально со старо-гамсунической точки зрения. Мужичку поется апология—никем иным, как гулякой, который, кажется, сообразил, в конце-концов, на чей счет гулял он так долго по страницам Гамсуна.

Роман несколько длинен. Но его спокойное течение как будто вынуждает его длинноты. Интересно, как современность постепенно уходит к крестьянину (Роллан, Гамсун), маленькому человеку-ремесленнику (Синклер, Бергштедт)

Надо отметить еще, что Гамсун «Соков земли»—это электрифицированный Гамсун. В прежних вещах любое построение от механической культуры иллюстрировалось Гамсуном не более, как предательской ужимочкой «правильного» мужичка, воплощавшей все недоверие автора к вещам, не узаконенным дедовским примером. Ныне Гамсун дарит своему герою одну за другой—сельско-хозяйственные машины и устраивает ему род триумфа, когда тот поглощает эти конструкции в свой мужицкий мир. Так, Гамсун помирился с машиной, а «его правильный мужичок» нашел, наконец, настоящую точку приложения своей «правильности». Машина, забава скучающего купчика-сатрапика, и машина, с которой «мужичок» побеждает почти пустыню,—вещи разные. Маринетти когда-то говорил, что война—гигиена мира; повидимому, это не только афоризм. Примеры тому—последние романы Гамсуна и Уэллса («Неугасимый огонь»).

Перевод хороший.

А. Юрлов.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЖОЗЕФ НОУЛЬС. Два месяца в лесах Перевод с английск., под редакц. Л. Андрусона. Госиздат. Москва. 1922 г. Стр. 156

Книги о жизни в лесах, среди природы, книги о жизни животных охотно читаются детьми и являются для них, конечно, полезным и освежающим чтением.

Всякая Робинзониада захватывает их, и почему бы и не повторять опыты Робинзона и не описывать их? И в книге Ноульса интересно описание устройства первобытных жилищ, обуви, способов добывания огня; интересно описание жизни и нравов разных животных, охоты на них, устройства капканов и т. п. Дети с интересом и с пользой прочтут многие страницы. И все же, в общем, мы не можем высказаться в пользу книги. Мы находим ее идею искусственной и надуманной, опыт—нудным и никчемным.

Автор начинает с того, что стал «серьезно задумываться над вопросом, как бы вернуть природе любовь и внимание людей». Он сравнивает с искусственностью современной городской жизни дикую жизнь в необъятных просторах природы первобытного человека. И вот, для того, чтобы вернуться к природе, он принимает оригинальное решение: уйти на два месяца в леса и встать там в положение первобытного человека,—т.-е. уйти в чем мать родила, не взяв с собой ни продовольствия, ни ножа, ни спичек.

И он придает этому опыту какое-то общественное значение и, хотя скромно, отклоняет квалификацию его, как подвиг, но все же считает, что проложил «новый путь». И если он не держит пари, то получается все же нечто в роде состязания с друзьями: выдержит,—не выдержит два месяца в таких условиях. А следовательно, нечто в роде пари, на которые, как известно, американцы такие охотники.

И, разумеется, он «выдержал», несмотря на то, что выбрал осенние месяцы, чтобы подвергнуть себя возможно более суровому испытанию. Он не нажил себе ни ревматизма, ни другой простуды, устраиваясь спать без одежды, без шкур первое время, проводя иногда холодные дождливые ночи в беганьи взад и вперед, чтобы хоть немного согреться. Он только раз схватил жестокую лихорадку, когда перебирался раз ночью, без всякой особой нужды, через болото по пояс или чуть ли не выше, при чем лихорадка, вопреки ее обычаю, не повторялась, хотя не была пресечена ни хинином, ни каким-либо иным средством. Что касается здоровья, то все сложилось для автора очень благополучно, и он вышел из лесов загорелый и окрепший. И хотя он указывает, что был закален с детства, мы считаем все же, что фортуна, вероятно, для того, чтобы помочь ему выйти с честью из наложенного на себя испытания, была к нему совершенно исключительно милостивой, и что разве очень незначительный процент из той молодежи, которая, увлеченная его опытом, вздумала бы подражать ему, отделалась бы хоть в половину так легко. С этой стороны хорошо, что опасность увлечения, подражания очень невелика. Мы только что упомянули об испытании, наложенном на себя автором.

И это подлинно было испытание. Утверждая, что он легко переносил свои необычные условия физически, питаясь горстью ягод, или корой, или сырым мясом убитого животного без соли, автор говорит, что сильно страдал от одиночества, что это были настоящие «муки одиночества». Каждый вечер его томили неотвязные воспоминания, порою по ночам им овладевало отчаяние, и он давал себе слово с утра же прекратить свой опыт. Но...наступало утро, и мысль, что скажут спортсмены—удерживала его. Отметим это: не любовь к природе, которую он поставил себе целью вернуть людям, а эта мысль. А не то бы он бежал,—бежал без оглядки из этих безыскусственных условий под гостеприимную, хотя и искусственную сень большого города. И это делает его опыт нудным, т.-е. вряд ли способным увлечь или пленить кого-либо и вряд ли способным вернуть к природе, жизнь среди которой переживается, как наложенная на себя, хотя и добровольная, епитимия.

И мы вспоминаем рассказы Сетон Томпсона или Лонга, где авторы тоже уходят надолго в леса, но уходят без всякого пари, не для испытания, а добровольно, по внутренней тяге, без ненужного лишения себя привычной одежды и других минимальных условий культурной жизни. Их опыт жизнерадостен, они действительно любят природу, а не говорят об этой любви, они живут с нею одною жизнью, всматриваются в ее краски, вслушиваются в ее звуки. Они прослеживают жизнь каждого маленького животного, они наслаждаются журчаньем

ручья или лесным шумом, они натыкаются постоянно на разные любопытные неожиданности, делают те или иные радостные открытия, и незаметно, естественно, тем, что они сами любят природу и чутко со вниманием подходят к ней, вызывают такое же отношение и в читателях. И, читая их, испытываешь простые и радостные переживания и заражаешься желанием повторить их опыт.

Между тем у Джозефа Ноульса масса рассудочного. И конструкция рассказа неудачна: автор не описывает изо дня в день свои переживания и постепенные завоевания первобытного человека, чего ожидает, как от всякой Робинзониады, читатель: он то забегает вперед, то рассказывает о воспоминаниях детства, и опять и снова скулит о скуке по обществу, внушает себе: «ты взялся»... и т. п.

И почему нужно было полное одиночество? Почему автор не мог взять с собой товарища? Ведь первобытный человек, как известно, не был одинок.

Пороху на 156 страниц у Ноульса не хватает: он то рассказывает приключения, происшедшие много лет ранее его «опыта» в обществе людей, то посвящает целую главу пропаганде бой-скаутизма. Последняя же глава книги, «Будущее», говорит о планах автора основать колонию мужчин и женщин под лозунгом — «Возврат к природе». Эту главу Госиздату следовало бы совсем опустить, на тех же основаниях, на которых он не станет проповедывать толстовских колоний; конструкция книги от этого ничуть не пострадала бы.

И во всяком случае надо было бы выпустить в последних строках утверждение, что «у животных такая же (!!) бессмертная душа, как и у нас»!!

Где же глаз редакции в Госиздате?

А. Елизарова.

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ.

ФИНИНБЕРГ, ЭЗРА. Отэм («Дыхание»). Библиотечка «Лирик». Кооперативное Издательство «Культур-Лиге» Киев. 1922. 16°. Стр. 31.

РЕЗНИК, Л. Самет («Бархат»). Библиотечка «Лирик». Кооперативное Издательство «Культур-Лиге». Киев. 1922. 16°. Стр. 39.

РОСИН, САМУИЛ. Шайн («Сияние»). Поэма. Изд. «Лирик». Москва. 1922. 16°. Стр. 16.

Мимоходом, говоря о журнале «Штром», нам уже приходилось называть имя Фининберга. Это еще совсем молодое имя. Но вышедшая в серии «Лирик» небольшая книжка его стихотворений говорит о серьезности дарования впервые выступающего поэта. Тема книжки обозначена уже в первом стихотворении, где противопоставляется «будень» деда («mein seidns mitwoch») и высоко проходящий над ним «млечный путь». Мотив об «упаследованных путах» прошлого звучит не впервые в новой еврейской поэзии, и он уже там разрешался в радостное приятие «весны великой, первой». Но Фининберг находит эпиграмматически-отточенные слова для этого наследия прошлого, которое господствует «в червивой грязи, на проказе камня», и просветленно-уверенные для «синих весен». В его правдивом и вдумчивом отношении к еще неизжитому содержанию прошлого—та внутренняя углубленность, которая неминуемо приводит к новому содержанию. Одно стихотворение посвящено памяти только разворачивавшего свои творческие силы большого еврейского поэта Ошера Шварцмана, погибшего на фронте. Какая-то тропка идет от творчества Шварцмана к стихам молодого Фининберга: последнему, с его «светлой сестрой», которую «обесчестила пустыня», с его «чистотой», которую он бережет для встречи «весны великой, первой», близка этическая настроенность Шварцмана.

Книжка стихотворений Резника «Бархат» уже вторая по счету: в той же серии «Лирик» не так давно вышли его «Бледные восходы» (Киев, 1921). Символист по своей поэтической принадлежности, Резник стоит особняком в новейшей ев-

рейской поэзии, не знавшей символизма, как направления. Может-быть, поэтому его стихи кажутся слишком тихо произнесенными, чтобы стать до конца убедительными. Он скорее называет символы, нежели их конкретно дает. Новая книжка, уступая предыдущей в цельности, дает отдельные стихотворения, приближающиеся к этой конкретности. Содержание его символики, тихой и прислушивающейся к внутренним голосам и голосу «глухой вечности» («tojbe tomidn»), изнутри озаряется «красным пламенем печальной страны». Это приближает к нам Резника, создавая *перспективу* для его интроспективности.

«Поэма» Росина «Сияние» (за Росиным числится уж пара небольших книжек)— это бесхитростный рассказ о брате «с еврейскими глазами, с русскими волосами», который погиб на войне. Несмотря на довольно примитивную интимность, стихи, благодаря искренности тона, доходят до нас, заражая своим настроением.

Д. Гурштейн.

ИСКУССТВА.

1. Э. Т. ГОФМАН. Музыкальные новеллы. *И. Эйгес.* — **2. Б. БЕЛЯЕВ. Глазунов. Материалы к его биографии.** *Л. Сабанеев.* — **3. Л. ДИДРО. Парадокс об актере.** *В. Волькенштейн.*—**4. «МУЗЕЙ ГОРОДА». Виды Петрограда и его окрестностей** *А. Греч.*—**5. Н. В. ПОЛЕНОВА. «Абрамцево».** *Г. Жидков.*—**6. М. ФРИДЛЕНДЕР. Гравюра на дереве.** *М. Фабрикант.*—**7. ЭДГАР ПО. Золотой жук.** *А. Греч.*—**8. Е. ВАСИЛЬЕВА и С. МАРШАК. Театр для детей.** *Л. Богоявленский.*—**9. H. HILLIGG. Das Technische in der Kunst.** *А. Греч.*—**10. «L'esprit Nouveau», № 17.** *П. Тарабукин.*—**11. «Das Politische Plakat».** *С. Жмудский.*

Э. Т. ГОФМАН. Музыкальные новеллы. Изд-во «Всемирная литература». Госиздат. Петербург. 1922. Пер. П. О. Морозова. Редакция и предисловие Е. М. Брауде. 108 страниц.

Эта небольшая книжечка содержит всего три хорошо переведенных произведения гениального немецкого фантаста, к столетию со дня смерти которого она и была выпущена. Сюда вошли: Кавалер Глюк, Дон-Жуан, Крейслериана. Первые две новеллы излагают фантастические эпизоды, связанные—в первой—с личностью и творчеством знаменитого оперного композитора и реформатора оперы Глюка, во второй—с одной постановкой оперы Моцарта «Дон-Жуан». Эта последняя новелла замечательна еще тем, что в ней Гофман дает вполне самостоятельную и изумительную трактовку Дон-Жуана, как личности высшего рода, в вечных поисках недостижимого идеала пришедшей к мстительному образу действий, направленному как в сторону женщин, своих жертв, так и в сторону вообще обывательского благополучия. Третье произведение — «Крейслериана» — дает ряд заметок и мыслей о музыке, сатирических выпадов против пошлого отношения к ней общества, которое ищет в музыке одного только развлечения, и пр.— короче говоря, радости и огорчения талантливого, но эксцентрического, полубезумного музыканта. Несомненно, что здесь сказались личные впечатления автора, который и сам был музыкантом (оперным дирижером, композитором, пианистом). Но кроме автобиографического значения «Крейслерианы», она должна быть еще особенно интересна и дорога каждому музыканту, как выражающая некоторые его особенные переживания в его столкновениях со вкусами и уровнем понимания музыки у окружающих. Переведенные произведения дают прекрасные образцы гофманского творчества,—характера его фантазии, юмора, стиля. В предисловии к книжке правильно указывается на то центральное место, какое

занимала музыка в мировоззрении романтиков—Новалиса, Тика, Жан-Поля, Рихтера и др.—и на то, что Гофман среди них был единственным подлинным музыкантом, и роль музыки в его творчестве была еще более значительною, чем у других. Но поэтому описания музыкальных впечатлений и мыслей о различных вопросах музыки содержатся не только в представленных данною книжною произведениях, относящихся к первому периоду литературного творчества Гофмана и представляющих как бы естественный переход у него от музыки к беллетристике. Было бы весьма желательно дать собрание всех музыкальных новелл Гофмана, присоединив к помещенным в данной книжке еще новеллы последнего периода творчества Гофмана, именно, из серии «Серапионовы братья»: «Фермата», «Автомат», «Поэт и Композитор» (последнее произведение есть собственно художественный диалог о сущности оперы). О них совершенно не упоминается в предисловии. Кроме того, когда речь заходит о «Крейслериане» и о месте этого образа в творчестве Гофмана и особенно при словах о том, что полное жизнеописание Крейслера здесь лишь намечено и осталось неосуществленным, было бы кстати указание на то, что у Гофмана есть еще другая «Крейслериана» и что, кроме того, он дал подробные картины жизни и деятельности Крейслера в большом своем произведении: «Житейская философия Кота-Мура с отрывками из биографии Иоганна Крейслера в отдельных макалатурных листах». Быть-может, было бы не лишним также указать на то, что образ Крейслера является прототипом позднейших художественных образов гениальных музыкальных безумцев. В нашей литературе близким к Крейслеру Гофмана является скрипач Ефим Андреевич в повести Достоевского «Неточка Незванова» и, пожалуй, еще ближе музыкант Альберт из повести под тем же названием Льва Толстого. (Быть-может, также Лемм из «Дворянского гнезда» Тургенева).

Что касается самых взглядов Гофмана на музыку, то автор предисловия, Е. Браудо, справедливо говорит о их большом историческом значении: «как музыкальный мыслитель, Гофман значительно возвышался над своими современниками... его острому аналитическому уму мы обязаны первым серьезным разбором бетховенской симфонической и камерной музыки». Но мысли Гофмана о природе музыки имеют еще и существенное значение, другими словами, они возвышаются не только над уровнем воззрений его современников, но и над общераспространенными взглядами прессы и публики позднейшего времени, вплоть до наших дней. Своеобразие и глубина взглядов Гофмана на музыку выражаются в том, что он один из немногих до сего времени понимал,—и в этом он является предшественником глубочайшего философа музыки Шопенгауера,—что сущность и самобытная ценность музыки независима ни от программы образов, ни от программы чувств, к которым хотят свести музыку. И в произведениях данной книжки можно найти весьма важные намеки на то, в каком направлении следует искать положительное решение вопроса о сочетании музыки с образами и чувствами.

К тексту приложены многочисленные примечания, дающие объяснения музыкально-технических терминов, имен, данных биографии Гофмана, переводы иностранных слов и т. д. Некоторые примечания как будто даже излишни, напр., те, которые дают детальнейшие биографические сведения о Гофмане и совершенно посторонни тексту. А что за музыкальный инструмент «бассет-горн» (вышедший из употребления род кларнета), осталось без разъяснения, а как раз по контексту необходимо ясно представлять себе характер звучности инструмента.

Иосиф Эйгес.

Б. БЕЛЯЕВ. Глазунов. Материалы к его биографии. Том I. Жизнь. Часть I. Изд. Госуд. Филармонии в СПБ. 1922 г. Стр. 144 in. 8°

Можно сказать, что Глазунову посчастливилось среди русских композиторов. Едва ли кто из них «прижизненно» имеет такие полные, подробные, можно сказать, исчерпывающие биографические материалы. До этого

не дожили до сих пор ни Скрябин, ни Чайковский, ни даже старый Глинка. Быть-может, скрытой причиной была тут известная сравнительная несложность самой жизни маститого автора восьми симфоний, отсутствие в этой жизни великих смятений, порывов, заблуждений и потому сравнительно малое количество того «материала», который с трудом выходит на свет не только при жизни, но и после смерти. Жизнь Глазунова имеет общий средний спокойный тон, очень располагающий как к академизированию, так и к быстрому подведению жизненных итогов.

Работа выполнена с любовью и тщательно, со всем научным декорумом и приемами. Множество материалов, даваемых в очень объективном виде, множество автографов, иллюстраций. Некоторые из последних не имеют прямого отношения к задаче книги (портреты Р. Корсакова, в особенности Бюлова и Листа), но как бы умножают ее внешнюю помпезность, его «академичность», подчеркнутую великолепным изданием, делающим честь издателю—Госуд. Филармонии в С.П.Б. (вообще очень энергичному учреждению, не в пример ее московскому рыхлому собрату и «однофамильцу»).

Многие из материалов, пожалуй, тоже не отфильтрованы и излишни. Таковы, напр., приведенные в конце книги «прошения» отца композитора о зачислении его сына в гимназию или «журналы отметок». Но это—мелочи. Важнее научный «результат» книги, который вряд ли был предвиден автором ее—общее впечатление от этой жизни крупного композитора, отраженной в «материалах». Я не ошибусь, назвав это впечатление мертвящей скукой, серостью, буднями. Ни одного взлета, ни одного восторга—ровное обывательское бытие.

Или это так и на самом деле?

Л. Сабанеев.

Д. ДИДРО. Парадокс об актере. Государственное Издательство. 1922. Москва-Петроград. Стр. 97.

«Парадокс»—диалог: от имени «Первого собеседника» Дидро излагает свои взгляды на искусство сцены и на творческую психологию актера. «Парадокс»—парадоксален в смысле чрезмерного обострения правильного в своей основе взгляда: Дидро утверждает иллюзорность искусства. Что же такое правда сцены? Это соответствие поступков, слов, лица, голоса, движения, жеста тому идеальному образу, который создала фантазия поэта и который часто преувеличивается актером. Этот образ оказывает влияние не только на тон речи—он видоизменяет все вплоть до походки, манеры держаться. На сцене «умирают не так, как умирают в постели» и т. п. Дидро враг того, что он называет «чувствительностью» или «естественной чувствительностью», он резко отграничивает актерское творчество от перенесения на сцену непосредственного переживания, талант заключается в том, чтобы «создать воображением возвышенный призрак и потом с гением его воспроизвести». Сценическая правда достигается не чувством, а «наблюдением», «пониманием», «силой суждения». Немыслимо «переживать» (Дидро пользуется этим весьма распространенным в нашей современной театральной литературе термином) со спектакля на спектакль всю ошеломляющую последовательность трагических чувств так, как ее изображает, напр., Гаррик; это—дело мастерства. «Актеры производят впечатление не тогда, когда они неистовствуют, но тогда, когда хорошо играют неистовство». Парадоксально это совершенное отрицание эмоциональной насыщенности творческого процесса. Дидро — прав: творческий акт актера есть сознательный вкусовой отбор поз, жестов, интонаций и т. д. —создание *вымысла;* но

«Над вымыслом слезами обольюсь.
(Пушкин).

А для того, чтобы вымысел волновал, его создание должно сопровождаться волнением. Пусть это волнение—особое, пусть эти слезы—особые слезы, не слезы непосредственного страдания; но

ведь и в жизни мы иногда плачем не столько от непосредственной боли, сколько от мысли, от осознания и созерцания печального положения. Актер (художник вообще) переживает непосредственно, актер (художник) есть холодный и сознательный мастер: эта антитеза должна быть углублена. Можно указать моменты воображения, моменты игры в «переживании» — и моменты «чувствительности» в мастерстве. Наконец, существуют различные типы актерского творчества. Большие актеры не подражают «идеальному образу»—«призраку», созданному поэтом, но глубоко всем своим существом с ним сливаются, создавая нечто третье: сценический образ; в себе самом, в своей фантазии, в своих сценических возможностях должен найти актер достойный материал для сценического воплощения.

В наших современных театральных исканиях—в истории русского искусства, пережившего сложную эволюцию от натуралистического психологизма до разнообразных попыток сознательной стилизации,—вопросы, поставленные Дидро, разработаны всесторонне и глубоко. Сила Дидро—в его бурном красноречии, в смелой резкости его утверждения. Чрезвычайно любопытный исторический документ, свидетельствующий о том, как стары некоторые наши современные споры, книга Дидро может быть весьма полезна в виду тех увлечений грубым натурализмом, которые были так свойственны русскому театру недавнего прошлого и которые постоянно грозят вернуться. Наконец, для историков литературы это—ценный и увлекательный образчик чрезвычайно острого стиля—характерного романского стиля XVIII века.

Книге предпослано небольшое, но живое и интересное предисловие Луначарского и краткая история «Парадокса», напечатанного только через 57 лет по написании и не утратившего своей свежести до наших дней.

В. Волькенштейн.

МУЗЕЙ ГОРОДА. ВИДЫ ПЕТРОГРАДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ. Каталог выставки 1919. 56 стр. In 8°.

Вопрос о красоте города важен особенно теперь, в переживаемое время, когда жизнь настойчиво ставит новые условия для развития современной городской жизни. Поэтому очень уместными кажутся архитектурные выставки наподобие той, которая была устроена в Петербурге в 1919 году.

Малая распространенность выпущенного каталога не позволила своевременно коснуться тех положений, которые выдвинуты здесь таким знатоком старого Петербурга, каковым является В. Курбатов.

Каталог делится на две части: на вступительную статью и на обзор экспонатов. В начале своей небольшой сравнительно заметки автор дает общие положения о красоте городов, выделяет пять важнейших элементов: 1) постройки, 2) насаждения, 3) монументы, 4) экипажи, 5) люди и животные. Далее следует в кратких чертах эволюция городского строительства.

Наиболее удачной с эстетической и практической стороны считает В. Курбатов радиальную разбивку улиц, противопоставляя ей прямоугольную.

Примеры этому, достаточно убедительные, указывает он в плане Петербурга.

Большая часть статьи именно и посвящена Петербургу—в кратких чертах рассказана архитектурная история города.

Особенно показательной является здесь вторая половина XIX века, время пренебрежения как к старине, так и к красоте города, эпоха, которую автор называет «буржуазной».

Отдельно говорится о монументах, решетках, набережных, мостах, поистине являющихся лучшими украшениями Петербурга.

В заключение автор делает краткую характеристику экспонатов выставки.

Жаль только, что вопросы принципиальные затронуты лишь поверхностно, что они не собраны в четкие и определенные положения. Материал, собранный музеем города,—все эти планы гравюры, рисунки, живописующие Петербург,—

дает чудеснейшую канву для разрешения такого рода проблемы.

Несмотря на это, статья читается с интересом, написанная популярно, она знакомит широкие массы с Петербургом, показывая, что лучшее в нем, лучшее как с эстетической, так и с практической стороны, было сделано великим зодчими XVIII и нач. XIX века.

Очень интересным является приложенный в конце книги очерк усадьбы Аничкова Дворца, где теперь помещается музей города; такое исследование впервые появляется в печати, и особенно уместно именно в силу связанности здания с музеем города.

Книжка издана в тяжелый период для русского книжного дела—этим объясняются многочисленные опечатки, иногда даже искажающие текст.

А. Греч.

Н. В. ПОЛЕНОВА. «Абрамцево». Воспоминания. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1922. Стр. 106. Воспроизведения в тексте и 7 на вкладных листах. In 8°. Тираж 1000 экз.

Несомненно, «Абрамцево» сыграло определенную роль в истории русского искусства конца XIX в. и начала XX в. То течение художественных идей и вкусов, которое царило в кружке, сплотившемся вокруг владельцев усадьбы—С. И. и Е. Г. Мамонтовых для эпохи чрезвычайно показательно и имело влияние в определении основной линии эволюции русского искусства своего времени. А момент весьма интересен: русская живопись направляется от обличительных тенденций первых передвижников в сторону попыток проникновения в дух древней Руси и воссознания ее—натурализм Перова и Крамского сменяется опытами стилизации В. Васнецова, уже предопределяющими идеалы группы «Мир Искусства». Совершенно анологичные склонности наблюдаются и во всех иных областях художественного творчества.

Н. В. Поленова, открыв воспоминания страницами, посвященными времени, когда «Абрамцево» принадлежало еще Аксаковым, подходит к 1870 году—приобретения усадьбы Мамонтовыми. Далее следует рассказ о сближении их в Италии с А. В. Праховым, В. Д. Поленовым, М. М. Антокольским, в результате чего образовалось ядро того кружка, который вскоре пополнился И. Е. Репиным, В. М. Васнецовым, Е. Д. Поленовой. Первым большим предприятием, выяснившим вполне художественное мировоззрение кружка и предопределившим все дальнейшее направление работы—было сооружение абрамцевской церкви. В связи с увлечением древне-русскими памятниками наметилась тенденция к их реконструкции, построенной на археологическом изучении деталей и комбинаций разновременных в одном произведении. Конечно, здесь имелась в виду попытка некоего синтеза, что и обеспечило начинаниям большой успех в художественном мире.

То же самое наблюдаем, в еще большей степени, для прикладного искусства. Создается музей, в котором собираются, с большой любовью разыскиваемые и скупаемые, резное дерево, набойки, кружева и т. д. Организованная столярная мастерская отсюда и черпает уроки. Стоящая во главе дела Е. Д. Поленова комбинирует из богатого запаса, предоставляемого музеем, форм конструктивных и орнаментальных—проекты, поступающие, в качестве образцов, в мастерскую. В книге особенно много места и уделено, как раз, повествованию о возникновении и развитии мастерской, стоящей в теснейшей зависимости от жизни музейных коллекций.

Отдельные страницы посвящены абрамцевской гончарной мастерской и мамонтовской «Частной опере», с чем связана деятельность более молодых художников—Врубеля, Левитана, К. Коровина.

Таково содержание воспоминаний. Они представляются ценными, именно, как вводящие в ту особую атмосферу, которая царила в мамонтовском кружке, и принадлежат к материалам, долженствующим помочь будущему исследователю русского искусства последней четверти XIX в. и нач. XX разобраться в генезисе явлений, образующих этот период. Очень поможет то обстоятельство, что художественные воззрения автора

записок целиком обусловлены взглядами лиц, причастных к абрамцевской деятельности, с искренним восхищением перед всеми их начинаниями и подобными, по нашему времени, архаизмами, как презрение к empire'у (стр. 24). Отношение к произведениям прикладного искусства, вышедшим из абрамцевской мастерской, в достаточной мере определилось; прекрасно его еще раз подтверждают репродукции в книге, где рядом воспроизведены предметы абрамцевского производства и вдохновившие на их создание подлинные памятники русского народного творчества: можно лишний раз убедиться в той трансформации, которую испытали формы последних в передаче художниками XIX в.

Положительно радует самая внешность издания. Превосходные бумага, репродукции (есть цветные), брошюровка,—все это дает возможность убедиться, что перед русским книжным делом вновь открываются самые широкие возможности.

Г. Жидков.

Handbücher der Staatlichen Museen zu Berlin. Max. Friedländer. Der Holzschnitt 2 Auflage. Mit 93 abb. im Text und 2 Taf. Berlin. 1921. 12⁰. S. 229.

МАКС ФРИДЛЕНДЕР. Гравюра на дереве.

Известные руководства берлинских музеев по различным видам изобразительных искусств обогатились еще одним: «Гравюрой на дереве»Макса Фридлендера (первое издание вышло в 1917 г.). Скромное на вид и предназначенное для постоянного пользования и ориентирования посетителей гравюрных кабинетов (главным образом, берлинского), оно может служить образцом научно-художественного, педагогического издания. Клишевые иллюстрации, великолепно скомпанованные в текст, не просто дополняют последний, а органически сливаются с ним в одно целое, делая чтение и без того увлекательно написанной книжки прямым наслаждением. Макс Фридлендер, в работах последних лет—«Грюневальд», «От ван-Эйков до Брейгеля», «Знаток искусства» и др.—является удивительным мастером научно-художественной прозы, которая в Германии представлена такими авторами, как Винкельман, Буркгардт или Вёльфлин. Гораздо менее «литературный», чем последний, Фридлендер еще больше Вёльфлина является хозяином своей темы и привлекаемого им материала, хотя неизменно прячет свою эрудицию за скупыми, но всегда существенными ссылками. В то же самое время Фридлендер как бы сам скрывается за материалом, заставляя вместо себя говорить сами памятники и факты художественно-исторической действительности. Таким образом, его книги прочитываются легко и в один присест, но их же приходится и следует штудировать для того, чтобы исчерпать все богатство скрытых в них мыслей и наблюдений. Далекий как от соблазнов «формализма», так и от педантизма чистого «историзма», он соединяет в своем лице лучшие стороны и того и другого направления.

В рассматриваемой книге Фридлендер дает нам частицу своего большого опыта в качестве долголетнего руководителя гравюрного кабинета и исследователя в области северной графики. Нужно, однако, заметить, что общее заглавие: «Гравюра на дереве», нуждается в значительном ограничении — подзаголовке, так как книга далеко не полно и не всесторонне охватывает область Holzschnitt'a. Автор сознательно исключает из своего рассмотрения весь XIX век и современную гравюру, заканчивая изложение на Папийоне, и, таким образом, остается, собственно говоря, в пределах только так наз. классической гравюры; при чем нам не кажется убедительным приводимое автором в пользу такого ограничения соображение о том, что его руководство есть нечто в роде pendant известного Липпмановского «Kupferstich». Ведь художественное значение и роль резцовой гравюры в XIX веке действительно были весьма незначительными, но можно ли составить себе хотя бы общее представление о деревянной гравюре без знакомства с тоновой, французской романтической, репродуктивной или современной «художественной» гравюрой? И в то время, как медная гравюра по-

лучила свое полное выражение в ее «классическую» эпоху, деревянная гравюра—даже в большей степени, чем офорт, этот par excellence—современный вид графики—продолжает и в наши дни раскрывать все новые и новые художественные возможности, никогда и нигде непредвиденные ранее.

Избрав предельной датой своего исторического очерка 1800 год, Фридлендер вводит затем дальнейшие *топографические* ограничения, исключая из своего рассмотрения Японию, Англию, Россию. В действительности же он еще больше суживает свой кругозор, так как из двухсот с лишним страниц текста на долю Италии, Франции и Нидерландов, взятых вместе, уделяет немногим более сорока страниц, остальное отдано Германии. Такое пристрастие к последней особенно отчетливо обнаруживается из затушевывания той бесспорно исключительной роли, которую играли Нидерланды в истории книжной гравюры конца XV в. О мастерских изданиях типа «Освобожденного рыцаря» (Гуда, ок. 1480 г.) автор повествует нам лишь в последней, четвертой, книге и после Гольбейна. Автор и тут находит оправдание именно в том, что ни истории гравюры вообще, ни тем более гравюры на дереве специально нет и быть не может, так как нет ни одной творческой индивидуальности, которая ограничивалась бы одной этой областью художественного выражения. И, с другой стороны, нет ни одного движения или подъема в общем развитии искусства, которое не коснулось бы в большей или меньшей степени гравюры на дереве. «Изолировать гравюру на дереве, значит тем самым отказаться от исторического изложения».

Было бы, конечно, смешным отрицать тесную, почти неразрывную связь гравюры с различными художественными течениями и другими смежными видами искусства (ее весьма тщательно и с большой проницательностью отмечает всякий раз Paul Kusteller в своем, ставшем уже классическим, руководстве по гравюре); но какое другое искусство может излагаться *вполне изолированно* от общей эволюции? Субъективность плана, избранного Фридлендером, таким образом, очевидна.

Но если все же принять его, то тут сразу легко обнаруживаются сильные стороны оригинального исследования, берущегося за общедоступное изложение своего предмета. Фридлендер группирует материал не по векам и десятилетиям, а по наиболее активным личностям и ярким очагам полиграфической культуры: так, за Гансом Бургкмайром и Аугсбургом следуют «Начинания императора Максимилиана» или «Альбрехт Альтендорфер и дунайские мастера» и т. д. Изложение, благодаря этому, становится особенно выпуклым, и в авторе его мы еще раз узнаем присущий ему исторический такт, который делает данную книгу весьма надежным «руководством» не только для посетителей берлинского гравюрного кабинета. Если бы не отмеченная односторонность, его можно было бы горячо рекомендовать для перевода на русский язык. Нужда в соответствующем издании так велика в настоящее время... повышенного, почти гипертрофированного интереса к искусству гравюры на дереве.

М. Фабрикант.

ЭДГАР ПО. Золотой жук. Рисунки Д. Митрохина. «Аквилон». Петербург. 1922 г. Тираж 800 экз. Стр. 56 (23 иллюстрации в тексте.). In 8°.

Книжные украшения выпущенной издательством «Аквилон» повести Эдгара По: «Золотой жук», можно разделить на два рода: иллюстрации к тексту и собственно украшения—концовки, заставки, заглавные буквы. Исполненные талантливым петербургским художником Д. Митрохиным, они позволяют сказать несколько слов о столь увлекательном в настоящее время принципе иллюстрирования книги.

Обращаясь к мелкой графике, отметим в ней прежде всего связанность с текстом. Если все иллюстрации, взятые в целом, должны рассказать содержание книги, то задачей концовок, заглавных букв, является передача подробностей, существенных и важных в каждой части. Они являются, таким образом, как бы некоторым легким аккомпанементом.

Так именно и «построена» с художественной стороны разбираемая книга.

В виньетках находим заступ, кирку, лопату, бабочек, наконец, жука,—этого золотого жука, лейт-мотивом проходящего по всей повести.

Иллюстрации в тексте кажутся тем удачнее, что они ничем не отграничены от плоскости бумаги, незаметно переходящей в изображения.

Прекрасно задуманы силуэты трех фигур на светлом фоне, где стоит зажженный фонарь; наибольшее противопоставление черного и белого приходится как раз по середине листа (стр. 30).

Не менее удачны те же три фигуры, несущие сундук, видимые среди пятен черного по краям, хорошо передающих жуткое настроение. Здесь распределение черного и белого исполнено по противоположному ранее рассмотренной иллюстрации принципу. Некоторые рисунки чрезвычайно выразительны,—такова сцена с указывающей дорогу старухой, опирающейся на палку, касающейся пальцем плеча своего спутника. В этом листе во всю страницу художником хорошо передано направление.

Тонкое чувство пятна и владение штрихом оказывается в ряде других графических работ, обычно лаконичных, иногда схематически упрощенных. Своеобразная экзотика сквозит во многих иллюстрациях, например, в сцене со стариками, где словно тени видны сгорбленные фигуры негров (стр. 49), в изображении туземной деревни (стр. 13).

Световые контрасты, световые эффекты находим в нескольких рисунках. Отметим здесь наиболее интересные: сцену с собакой (стр. 11) и экспедицию трех путешественников (стр. 21).

В других же пятно исчезает; здесь иногда всецело господствует штриховка: череп на ветке (стр. 26), мотив рассказа (стр. 35), изображение мифического пирата Нидда—прелестная стилизация гравированного портрета XVIII века.

Несколько неудачным кажется самый первый лист—фронтиспис—своим большим черным пятном вверху.

Обложка очень интересно скомпанована: в ней снова найдем все важнейшие моменты повести. Удачна по замыслу и концовка на обороте—золотой жук под стеклянным колпаком коллекционера—последнее впечатление от книги.

А. Греч.

Е. ВАСИЛЬЕВА и С. МАРШАК. Театр для детей. Сборник пьес. Издание Кубано-Черноморского Отдела Народного Образования, Краснодар (Екатеринодар). 1922 года. Стр. VIII + 236.

Театр для детей—вопрос глубоко волнующий и доселе нерешенный в деле воспитания детских масс. Трудовая школа по самой сущности своей должна уделить много внимания и драматизации вообще и театру для детей, в частности. Сама трудовая школа, по мысли некоторых видных ее идеологов, есть большая сцена, на которой дети воспроизводят культурную историю человечества для того, чтобы начав Робинзонадой, завершить свою подготовку к жизни созданием производственной коммуны.

Театр получает значение могущественного фактора общественного воспитания, входя целиком в жизнь, как это было у греков. При этом взгляде художественная ценность впечатлений стоит на первом месте. Авторы так именно и строят свой сборник, умело соединив вместе литературность материала с его сценичностью.

Пьесы предназначены для исполнения взрослыми пред детской аудиторией. Хороший дышащий свежестью диалог, истинно сказочная поэзия, стилизация (Зеленый мяч, Петрушка, Летающий сундук), хорошие стихи (Летающий сундук, Молодой Король), хороший, четко намеченный сценарий, разнообразие речевых материалов (капризная речь принцессы, чопорная речь Нур-Солтанэ и Молодого Короля), грубоватая речь Горя-Злосчастия, точильщиков, торговок, лентяя — говорят о большом вкусе и строгой художественной работе составителей.

Подделки под детскую речь, упрощения сюжета до якобы детского понимания здесь нет и следа. Авторы смело следуют в строении своих пьес вечным образцам народной сказки, не боясь на-

родный юмор Петрушки чередовать в книге с трагическими улыбками стиля Уальда (Молодой Король). Авторы хорошо знают аудиторию детскую, о чем особенно ярко свидетельствуют их прологи. Из прологов наиболее удачные: скоморохи, дети у рампы. Пьес в сборнике—16; 13—для зрителей самого юного возраста, 3—для юношества. Сюжеты пьес взяты из сказок, или из народных ходячих игровых и повествовательных произведений, или из детских песенок (Козлик, Кошкин дом). С особенным успехом авторы проработали сказки: «Царевич лягушка» (Зеленый мяч), «Летающий сундук», «Цветы маленькой Иды...» Включение в сборник обещанных нот к песенкам и большего числа иллюстраций увеличили бы его ценность. Но и без этого сборник «Театр для детей» является настоящим подарком русской детской театральной библиотеке, столь небогатой настоящими художественными работами.

Всякому педагогу, занимающемуся драматизацией, можно смело рекомендовать эту интересную и талантливую книжку, тем более, что она имеет за себя голос детской аудитории, так как авторы дали ее в результате почти двухлетней практической работы над созданием театра для детей в Краснодаре.

Статьи Лемана, Дмитриева, Юнгера, хоть и несвободные от смелых слишком утверждений, хорошо дополняют сборник теоретическими предпосылками работы в детском театре.

Л. Богоявленский.

HUGO HIIIG. Das technische in der Kunst. Konrad Hauf, Verlag DWB. Hamburg. 1921. Стр. 64. In 8°.

Эпиграф, взятый из Менцеля, хорошо выражает мысль автора: тесную связь искусства с техникой.

Это положение, с полной силой проводимое в жизнь старыми мастерами, часто с преобладанием техники над искусством, в данное время совершенно отвергнуто. Как иллюстрацию этого автор приводит принципы современных художественных школ, отвергающих техническую выучку, ведущих искусство в сторону обособленности.

Автор выдвигает положение, что произведение искусства должно быть длительным, постоянным, а не преходящим; с другой стороны, он указывает на невозможность теперь, когда время приобрело небывалую ценность и значение, тратить его на изыскание тех или иных художественных возможностей. Отсюда делает он вывод, что художник для создания произведения искусства—«ценности», произведения искусства—«товара», не подверженного действию быстрого разрушения, должен обладать технической выучкой, сохраняющей его время от напрасных, эмпирических исканий.

Вторая глава посвящена вопросу о взаимоотношениях науки, техники и искусства.

Науку автор характеризует как некоторое начало, некоторое познавательное движение; технику—как некоторое волевое проявление; искусство—как формообразование.

Эти три области, когда-то тесно связанные, теперь, в силу не одинакового своего развития, отошли одна от другой. Но некоторое слияние уже происходит. Наука и техника создали индустрию; пусть капиталистическая попытка связать последнюю с искусством не удалась,—автор верит, что произойдет вновь соединение во что-то единое искусства, техники и науки. Тогда, считает он, наступит новое возрождение, тогда искусство выйдет из тупика, куда заводят его новые течения.

Автор перечисляет здесь те лаборатории, кабинеты и др. учреждения, которые образованы в Германии при художественных школах и как бы подтверждают его ожидания. Выдвинутые положения более подробно разработаны во второй части книги, где автор подробно останавливается на значении техники в различных областях художественного творчества—архитектуре, скульптуре, живописи, графике, музыке, драме, беллетристике и прикладных искусствах.

Здесь автор указывает на необходимость художнику научной подготовки, выражающейся в знании материала, среды, условий жизни и т. п.

Книга написана для широкого круга читателей простым и ясным языком. Она является очень современной и полезной, так как в отчетливой форме указывает на забытый и отвергнутый элемент в искусстве—технику.

Д. Греч.

L'ESPRIT NOUVEAU—Париж. 1922 г. № 17. Стр. 120.

Последний № «L'esprit Nouveau» довольно «тощий» по сравнению с предыдущими. На первой странице редакция приводит довольно скучные причины, объясняющие переход на новый, сокращенный формат.

Репродукция с одной из последних работ Пикассо, помеченной 22 г., может служить разочарованием всем тем, кто столь усиленно будирует внимание к тем работам художника, в которых он является «неоклассиком». Пикассо не оставлял и не оставляет беспредметных композиций. Не беспредметничество его, а этот злополучный «классицизм» является эпизодом в его творчестве. Но характерно, что эта работа Пикассо, репродуцированная в красках в журнале, несмотря на свои беспредметные формы, носит какой-то предметно-изобразительный характер. Невольно возникают ассоциации то с кукольным театриком, то еще с чем-нибудь в этом роде. Правда, она на этот раз не тематирована, как это бывает не редко у Пикассо и подпись коротко гласит: «tableau». Этой предметной беспредметностью Пикассо обычно отличается от русских беспредметников. В «картине» интересна ассонирующая композиция изобразительных, плоскостных форм. На диссонансах построена и очень сильная цветовая гамма, составленная из насыщенных цветов с преобладанием густого синего ультрамарина и яркой красной киновари.

В этой звучной и резкой цветовой гамме тоже видны новые для Пикассо колористические достижения и уход от зеленоватых, пепельно - серых, серебристых соцветий, столь излюбленных им когда-то.

Усиленное введение линейного элемента тоже ново для Пикассо. Цветовые плоскости все время перерезаются линиями, создающими своеобразную, очень жесткую, колкую, но полную крепости, конструкцию. Во всяком случае, как в композиционном, так и в цветовом отношениях—вещь значительная и преисполнена силы.

Корбюзье-Сонье, один из самых оригинальных авторов журнала, в статье, посвященной планировке городов, рассматривает «походку ослов и людей». Приводя запутанную схему старых городов, он сравнивает их с столь же путанной походкой ослов и в противовес им выставляет планировку современных городов, возникающих, как результат продуманной работы человеческого разума. Странное впечатление производит статья, посвященная почти что апологии какого-то самоучки-художника, в которой автор противопоставляет непосредственный талант искусственной культивировке дарования. Приложенные к статье репродукции скорей разубеждают, нежели убеждают в доводах автора. Далее идут снимки с постановки балета «Скетингринг» в декорациях и костюмах Ф. Леже. Нельзя сказать, чтобы они были оригинальны и выразительны. Для нас они кажутся отдаленными отзвуками бывших в Москве постановок «Зорь», «Мистерии-Буфф» и др. Небольшая статья о них мало прибавляет в пользу их убедительности. Информация на этот раз очень слабая, библиография—также. На последней странице приведена карта, показывающая распространение журнала «L'esprit Nouveau». В то время, как на территории Англии, Германии, Бельгии, Дании и др. стран, не говоря, конечно, о Франции, большие черные пятна показывают степень распространения журнала, среди огромного белого поля РСФСР стоит лишь одна маленькая точка. Не обозначает ли она тот, видимо, редкий для России №, который сейчас лежит передо мной?

Николай Тарабукин.

«DAS POLITISCHE PLAKAT» («Политический плакат»), издание «Das Plakat» 1919 года. Шарлоттенбург. Обложка работы Цезаря Клейна. 49 стр. текста; 22 репродукций.

Несомненно все возрастающее в наши дни внимание к вопросам теории и практики плаката, как формы социального воздействия. Несомненна также и крайняя количественная бедность имеющейся в нашем распоряжении литературы. Изданный в Германии в 1919 г. сборник «Das politische Plakat» не является, к сожалению, значительным вкладом в эту литературу. Считаем все же необходимым остановиться на нем, как на сравнительно новом и мало известном у нас явлении в интересующей нас области.

Центральной является статья Адольфа Бэне «Старый и новый плакат». Устанавливая основные вехи в истории развития торгового плаката, Бэне противопоставляет плакатам типа работ Фидуса плакаты Бернгарда, как мастера лаконизма, впервые ясно осознавшего, что в торговом плакате достаточно дать «предмет» и «фирму» без всяких добавлений, разбивающих силу и цельность впечатления. Четкие, без труда читаемые надписи на плакатах Бернгарда он выдвигает в противовес надписям плакатистов 90-х годов, искавших оригинальность во что бы то ни стало даже там, где форма является, по своему существу, конвенциональной. Характерно, что А. Бэне, отдавая должное современному плакату, предпочитает все же старый плакат, как более разнообразный по форме и стилю. Его не удовлетворяет прямо идущий к цели торговый плакат (реклама американского типа), и он охотно переносится в мечтах к «восхитительным» «столь наивным и полным фантазии» картинкам на прежних табачных упаковках и ящиках для сигар. В своем неприятии нового плаката, «выкрикивающего» слова и как бы «вдавливающего» одновременно образ в сетчатую оболочку нашего глаза, А. Бэне становится на точку зрения широкой немецкой публики, ибо, если американец, как это было отмечено еще Эрнстом Гровальдом (в статье «Американский и немецкий плакат»), требует, чтобы реклама достигала цели и в этом видит все ее качество, то немцу нужно, чтобы реклама «нравилась». Если в Америке реклама может быть наглой и действует без всяких прикрас, в Германии она драпируется в тогу (тогу искусства, например, юмора...). Сила и некоторая прямолинейная грубость воздействия плаката (рекламы) классического (американского) стиля действует, в конечном итоге, на А. Бэне отталкивающим образом, и он тянется к «чистому» искусству там, где таковому, по его же собственному признанию, места нет. В этом сказывается шаткость позиции А. Бэне, поскольку им не учитываются до конца ни та среда (а следовательно, и условия восприятия), в которой действует современный плакат, ни та всеопределяющая цель, ради осуществления которой плакат рождается.

Репродуцированные в сборнике «социалистические» плакаты (исполненные художниками экспрессионистами) А. Бэне считает открывающими новую главу в истории развития плаката. Задача в корне изменена: плакаты призваны теперь обслуживать не «фирму», но «идею». Их устремление—призыв. Действие от человека к человеку. В связи с этим и форма, по мнению Бэне, может быть лишь «патетической», взрывающей форму «классического» плаката.

В чем же, однако, и как происходит этот «взрыв». Вся беда исследователя в том, что анализа форм социалистического плаката в их противоположности формам торгового плаката он не дает, и свои нередко дельные замечания об отдельных социалистических (экспрессионистических) плакатах делает совершенно безотносительно. Картины «взрыва» перед нами поэтому нет. Более того, мы вовсе не убеждаемся в том, что формой социалистического плаката должна быть именно форма патетическая, что может вообще быть только одна какая-либо форма. А отсюда—лишь шаг к признанию возможности использования в социалистическом плакате и достижений рекламы, хотя бы в сосредоточенности и ударности ее действия. Эти вопросы не решаются, конечно, так односторонне, как их решает Адольф Бэне, несколько сентиментально настроенный и восходящий своими корнями к старому немецкому плакату.

К работе над социалистическими плакатами (под термином «социалистический плакат» Бэне понимает вообще плакат, обслуживающий широкую массу) Бэне не считает возможным привлечь ни художников-академиков — этих натуралистов и скептиков, лишенных способностей выражать страсть, ни сецессионистов, дающих лишь технически-рафинированное искусство—часто с большим вкусом, но всегда без содержания.

Его выбор останавливается на экспрессионистах (Цезаре Клейне, Фуксе, Пехштейне, Риктор-Берлине и др.), представленных в сборнике 18-ю репродукциями их работ. Интересующихся читателей мы отсылаем непосредственно к этим репродукциям, представляющим, конечно, значительный интерес, поскольку работа художников-экспрессионистов в области плаката у нас мало вообще известна. К числу работ, заслуживающих наибольшего внимания, мы относим некоторые плакаты Клейна («призыв к национальному собранию», например, «Не работающий—могильщик своих детей») и Фукса («Без угля нет подвоза». «Хотите ли вы быть святыми».).

Кроме исследования А. Бэне в сборнике имеются еще статьи: Поля Ландау «Листовки и брошюры» и Герберта Левинга «К чему социалистическая пропаганда». Поль Ландау не столько говорит по существу дела, сколько скорбит о неудаче политической пропаганды в Германии в эпоху мировой войны, Герберт же Левинг, выдвигая идею пропаганды социализма вне рамок каких бы то ни было партийных программ, услаждается соглашательскими напевами о социализме, входящем в действительность лишь постепенно, «тихим шагом», «через демократию».

Общее впечатление от сборника— не из лучших... Нет четкости в постановке вопросов, нет остроты в анализе. Все три статьи не только не бьют в точку, но кажутся циркулирующими вне пульса современности.

С. Жмудский.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. «Жизнь Национальностей». № 1. *А. Скачко.*

«ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ». Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР, под редакцией М. П. Павловича, М. Султан-Галиева и И. П. Трайнина. Издание Нар. Ком. по делам национальностей. Книга первая. Январь 1923 г. Москва. 1923. 8°. Стр. 273+102.

«Жизнь национальностей» — орган не новый, он существует с 1918 г. Сначала он выходил в виде еженедельной газеты, в 1922 году принял форму еженедельного журнала, а с начала 1923 г. преобразовался в ежемесячный журнал. Настоящая книга—его первый дебют в этой форме. Она суммирует весь пройденный путь в двух видах: во-первых, тем, что содержание книги посвящено обзору революционных достижений всех национальностей РСФСР за истекший период 1918—1922 гг., а во-вторых, тем, что к книге прилагается систематический указатель всего материала, помещенного в «Жизни Национальностей» за пять лет.

Этот указатель представляет весьма солидную брошюру в 102 стр., и самый беглый просмотр его дает впечатление огромного материала из теории и практики нашей национальной политики, накопленного «Жизнью Национальностей» за время своего существования.

Для историков Великой Русской Революции, которые будут интересоваться, как этой революцией был разрешен сложнейший в разноплеменной России нацио-

нальный вопрос (а этим будут интересоваться не только историки, но и политические деятели современной Европы)— «Жизнь Национальностей» явится важнейшим источником, из которого можно получить сведения по нашей национальной политике.

Такую же роль исторического материала сыграет и настоящая, первая, книга. Она содержит две общих статьи: Г. И. Бройдо «Наша национальная политика и очередные задачи Наркомнаца» и И. П. Трайнина «Пять лет национальной политики Советской власти» и 44 статьи об отдельных республиках, областях и народностях РСФСР, об истории их борьбы за Советскую власть, об их политических, экономических и культурных достижениях за революционный период. 44 статьи по обрисовке положения всех национальностей РСФСР являются, безусловно, ценным вкладом в историю революции. Пусть не все эти статьи достаточно хорошо разработаны, пусть встречаются между ними и очень поверхностные очерки, производящие впечатление газетных статей, но некоторые из них дают богатый материал и яркое освещение национальной политики.

Безусловно, блестящей статьей является очерк С. Вдовиченко об Украине, отличающийся глубоко-марксистским подходом; выпукло и ярко обрисовывается А. Виноградовой своеобразная история революционного движения в Хорезме; прекрасно вскрыты экономические обоснования развития Бурят-Монгольской области И. Архинчеевым; даны обстоятельные картины современного положения Туркестана (статья Тюрякулова), Крыма (Саид-Халимов), Татарии (М. Султан-Галиев), хорошо освещена А. Червяковым Белорусская Республика.

Затем (и это главное) все статьи вместе, несмотря на серьезные недостатки многих из них, *все-таки дают общую картину* революционной борьбы и ее достижений в среде не-русских народностей РСФСР.

Об этой борьбе и об этих достижениях у нас знают очень и очень мало. Центр и центральная общая печать не интересуются национальным вопросом, он находится вне поля их зрения. Местная окраинная пресса, даже в тех местах, где национальные взаимоотношения являются самым злободневным вопросом, хранит о них глубокое молчание и, как полагается для провинциальных газет, гораздо больше говорит об Англии, нежели о своей Киргизии или Башкирии.

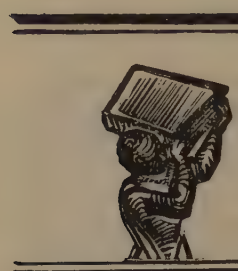
История революционного движения на окраинах нигде не отмечена и никем не создается. Создавать ее особенно трудно потому, что среди окраинных деятелей очень мало людей, пишущих на русском языке, и еще меньше журналистов.

Для того, чтобы получить нужные сведения об истории революции и о положении дел на окраинах, приходится затратить очень много трудов и усилий, и то, что для центра является нормальным повседневным явлением, для окраин представляет большое достижение.

Таким большим достижением и является первая книга «Жизни Национальностей», *впервые* дающая общую картину революционного движения и революционных достижений всех автономных государственных образований и всех национальных меньшинств нынешнего СССР.

Эта общая картина, впервые появляющаяся в печати, представляет большую ценность, и потому книга «Жизни Национальностей» заслуживает широкого общественного внимания. Каждая совпартшкола и каждая советская библиотека должны обзавестись ею, чтобы курсанты и читатели могли составить себе хоть некоторое представление о том, какие трудности перенесла Советская власть в муках своего рождения среди отсталых окраин; какие ценности она успела дать за пять лет своего существования всем, прежде угнетаемым малым народностям Российского государства и какую важную роль в революции играла и играет до сих пор национальная политика.

Ан. Скачко.



ХРОНИКА

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.

Растущая дороговизна книг и особенно учебников вынудила ряд германских организаций во главе с министерством наук, искусств и народного просвещения принять следующие меры: 1) сократить размер учебников, 2) упростить издание, 3) в целях удешевления установить обмен и выдачу из частных и государственных хранилищ во временное пользование и т. д.

▫ «Börsenblatt für den deutschen Buchhandel» дает следующие сведения о состоянии книгоиздательского дела в Германии за первую половину 1922 года, всего было издано 18.332 книги. На первом месте беллетристика—2885, далее—вридические и политические книги—2371. О музыке и театре вышло 921 книга. Заметно возросло количество книг религиозного содержания, а также и по вопросам внутренней и внешней политики. Процент переизданий ниже, чем в 1914 году.

▫ *Освальд Шпенглер* переработал и дополнил I том «Заката Европы». В новом только что вышедшем издании первого тома «Untergang des Abendlandes» имеются две дополнительные главы: «Проблема мировой истории» и «Микрокосмос».

▫ Впервые в переводе на немецкий язык, выполненном *Эрнстом Рутром*, вышли работы известного польского художественного критика *Казимира Хлендовского* — «Последние Валори», «Рим», «Люди эпохи Возрождения», «Люди Барроко» и др.

▫ В Мюнхенском Georg Müller-Verlag вышла книга Richard'a Seldmeier'a и Rudolf'a Pfister'a—«Würzburger Residenz», посвященная зодчеству Бальтазара Неймана (Baltasar Neumann).

— Eduard Starcke Verlag (Лейпциг-Вена) издало пьесу *Ф. Дермана* «Frühlingsopfer» («Весенняя жертва»), являющаяся одной из самых значительных новинок театрального сезона в Вене. Польский композитор *Кароль Шимановский* написал к ней музыкальную иллюстрацию.

▫ В из-ве Gustav Kipenheuer в Потсдаме вышел перевод нового романа прошумевшего французского писателя *Франсиса Карко* (Francis Carco) «Jesus la-Caille». Сюжет—жизнь парижских низов.

▫ В из-ве S. Fischera печатается новый роман *Бернгарда Келлермана* «Das Vermächtnis» («Завещание»).

▫ Grote-Verlag выпустило новый том этюдов о Леонардо-да-Винчи («Leonardo-studien») известного историка искусств *Вильгельма Боде*.

▫ Недавно вышел одиннадцатый ежегодник Шопенгауэровского Общества (Гейдельберг, изд. Карл Винтер. 1923). В числе статей—работы *Отто Шилинга* и *Густава Шнейдера*. Обращает внимание статья неаполитанца *Джузеппе де Лоренцо* (напечатана в сборнике по-итальянски) «Будда и Шопенгауэр». Книга содержит богатый биографический материал, а также библиографию по вопросам, связанным с Шопенгауэром.

▫ *Герман Бар* опубликовал в Лейпциге в Insel-Verlag новую книгу по искусству «Sendung des Künstlers».

▫ В немецком переводе, выполненном Derichsweile'ом в из-ве Frankfurter Societäts-Druckerei вышла книга *Франческо Нитти* «Der Niedergang Europas. Die Wege zum Wiederaufbau». Франкфурт-на-М. 1923 г. («Закат Европы.—Пути к восстановлению»)

▫ Вышел ежегодник—«Jarbuch für Wirtschaft Politik und Arbeitbewegung», издаваемый III Интернационалом на немецком языке. Буржуазная немецкая газета «Frankfurter Zeitung» в литературном приложении, рецензируя это издание, отмечает «богатый и исключительно интересный материал, заключающийся в сборнике, несмотря на тенденциозность последнего».

▫ В из-ве Курта Шредера в Бонне вышла книга *Макса Эберта*, посвященная истории юга России. «Südrussland in Altertum». Книга посвящена древнейшему историческому периоду до нашествия готтов и гуннов и составлена по археологическим материалам.

▫ В Берлине в переводе с английского (американского) вышла книга Albert Rhys Williams'a, посвященная русской революции 17—18 годов («Durch die Russische Revolution 17—18»). Перевод выполнен *Германией Мюллен* и издан Vereinigung Internationaler Verlags-Anstalten.

▫ Из немецких книг и статей, посвященных России, следует отметить: 1) Richard'a Rohle «Russland und das Deutsche Reich». Бонн и Лейпциг. Из-во Kurt Schröder. 1922. 2) *Ф. Шотгефера* «Sowjetrussland im Umbau». Societäts-V. Франкфурт-на-М. 1922. 3) Специальный номер журнала «Das Tagebuch»—«Russland-Heft».

▫ В Мюнхене в из-ве Georg Müller вышло на немецком языке полное собрание сочинений *Всеволода Гаршина*. Перевод *Ф. Фриш*. В том же из-ве в переводе *Иог. Гюнтера* вышли избранные произведения *Лескова*.

▫ В переводе *Якобсон* и *Шлемер* с предисловием *Отто Гетч* вышла книга *Трубецкого* «Европа и человечество». Из-во Дюмлер. Берлин.

▫ Библиографический Институт в Лейпциге снова выпустил том рассказов *Тургенева* в переводе с предисловием *Артура Луттера*. В этом томе помещены: «Вешние воды», «Ася», «Фауст», «Песнь торжествующей любви», «Муму», «Часы», «Собака».

▫ *Отто Вестфаль* выпустил книгу, направленную против *Ос. Шпенглера* и полемизирующую с основными положениями последнего «Geschichte der Politik, Einheit und Mächte der Universalgeschichte» (История политики, единство и силы всеобщей истории).

▫ Из полемических книг отметим также книгу *д-ра Ганса Лейсеганга* «Основы антропософии». Критика произведений *Рудольфа Штейнера*. Издана книга в Гамбурге Hanzeatische Verlagsanstalt.

▫ Отметим также рост количества книг шовинистического содержания, преимущественно появляющихся под флагом разработки истории Европейской войны. К этому типу относится издание (10 томное) «Великая война 1914—18 гг.». Издание выходит под редакцией *генерал-лейтенанта Шварте* и представляет собой собрание шовинистических статей различных авторов. Пока вышел 4 том.

▫ В Цюрихе в из-ве Амальтас вышла книга *Фейстауэра* «Новая живопись в Австрии».

▫ В Лейпциге в из-ве Келера вышла *переписка В. Карнери с Эрнстом Геккелем и Фридрихом Иодль*—1870—1908 гг.

▫ В Гамбурге учрежден Институт Международной политики. Директором Ин-та назначается профессор *Мендельсон-Бартольди*.

▫ Представители немецких союзов: писателей, адвокатов, врачей, инженеров и архитекторов объединились в один союз взаимопомощи.

АНГЛИЯ.

▫ Периодический английский «The Booksceller» («Книготорговец») дает таблицу изданий за 1922 год и отмечает, что депрессия на книжном рынке проходит. Без перерыва выходят книги по библиографии и истории литературы. За год вышло 62 новых книги. Стихов и драматических произведений — 466 новых книг и 104 переиздания. Как всегда, много книг экономических, политических, религиозных и биографических. На последнем месте стоит аэронавтика: 1 новая книга и 2 переизданных.

▫ Лондонский корреспондент американского библиографического журнала «The Publishers Weekly» («Издательский еженедельник») сообщает в последней за 22 год корреспонденции о

числе рабочих, занятых в книжной промышленности Англии: в декабре 1922 года число это равнялось 213.620 чел., занятых изданием, печатанием и брошюрованием; из них 137.856 мужчин и 75.770 женщин.

▫ В Лондоне состоялась лекция C. F. Jacobi на тему «Современная печать и книжное производство» (Modern Printing and Book Production), посвященная, главным образом, вопросам техники издательства, достигшей за последнее время высокого совершенства, хотя до сих пор не поддающейся упрощению.

▫ В Англии чрезвычайно развилась книжная реклама, пользующаяся не только прессой и витринами, но и плакатами на вокзалах и улицах; кино-лентами, плакатами меньших размеров в магазинах (специальные плакаты с прикреплением к ним самой рекламируемой книги) и т. д. Особенно много реклам выпустило работающее по всей Англии Австралийское Об-во «The Associated Bookccelers and Newsagents of Victoria». Из художников книжного плаката особенно отмечается Grant Richards — *Грант Ричардс*.

▫ Самая большая книжная торговая фирма Англии, снабжающая всю страну книгами, «Sempkin, Marshall, Hamilton and C-o» открыла постоянную выставку новых изданий.

▫ В Лондоне в из-ве «Саре» вышла повесть *Мабель Масс*—молодой и даровитой английской писательницы, под заглавием «The two flames» («Два пламени») Сюжет—жизнь Луки Лейденского (художник позднего Ренессанса).

▫ Весной 1923 года выйдет в издательстве «Кассель» (Лондон) новый роман *Герберта Уэльса* «Men Like Hods and Rair Like Wine» («Люди как боги и воздух как вино»).

▫ *Сидней и Беатрисса Вебб* только что выпустили книгу: The Decai of Capitalist Curlisation» («Упадок капиталистической цивилизации»). Книга является суровой критикой капиталистического строя. Пресса отмечает «серьезный гнев», с которым она выдвигает против капиталистического строя ряд обвинений, основанных на фактах.

▫ Колоссальным успехом в Англии и Америке пользуется роман американца Sinclair Lewis'a—«Babbitt», изданный как в Америке, так и в Англии. Пресса пестрит заметками о «Babbitt»—рецензенты говорят о других изданиях: «Вышла до появления «Babbitt», или после... Образовалась своеобразная эра «Babbitt». Из других американских писателей, пользующихся успехом также и в Англии, отмечают: H. L. Mencken (Г. Л. Менкэн), Dorothy Canfield (Доротеа Кенфильд), роман которой «Rough Hewn» недавно издан в Англии. Большим успехом пользуется также новеллист Sherwood Anderson («Шервуд Андерсон»).

▫ Названный выше роман Синклера Льюиса «Babbitt» в переводе М. Пруссака под редакцией и с предисловием М. Ю. Левидова в скором времени выпускается Государственным Издательством в подготовленной к печати «Англо-американской серии», под названием «Мистер Бэббит—американец».

▫ Большое внимание в Англии привлекли стихи американца A. E. Hausman (А. Е. Гаусман). Последний том его стихов «Last Poems» выдержал за короткое время 4 издания в Англии. В Нью-Йорке этот сборник вышел в издательстве Holt. В предисловии поэт говорит: «это моя вторая и, вероятно, последняя книга». Первый его сборник вышел 23 года тому назад.

▫ Paul Franclin Baum выпустил книгу по теории версификации «The Principles of English Versification» (Кембридж, изд. Herward University).

▫ В Лондоне найдена новая рукопись *Диккенса*, оригинал пролога к пьесе «The Lighthouse» («Маяк»).

Комитет Dickens'Fellowship (Диккенсовское общество) приобрел дом в Лондоне, где жил Диккенс, и написал ряд своих романов (Оливер Твист, Николай Никкльби и др). Покупка была совершена с большими затруднениями, так как прежние владельцы собирались его перестраивать.

О-во использует дом для библиотеки и музея им. Диккенса.

▫ В Лондоне в настоящее время печатаются военные воспоминания *Асквита*—ответ на мемуары Вильгельма II.

▫ В переводе на английский язык вышла переписка *Вагнера и Ницше*, из-

данная сестрой Ницше — Елизаветой Ферстер-Ницше.

▫ Вышел II том большой работы Sir Paul Winogradoff (сэр *Павел Виноградов*) — «Очерки исторической юриспруденции», включающий в себя «Юриспруденцию греческих городов».

▫ На английском языке вышла книга *Утисабуро Кобаяти* «Военное производство Японии».

▫ В переводе на английский язык, выполненном *А. А. Магнус* и *К. Вальтер*, вышли произведения *Л. Андреева* «Тьма» и др.

▫ В переводе *Витали* вышли в Лондоне «Мемуары русской революции»— *генерала Лукомского*.

АМЕРИКА.

▫ В январском за 1923 г. номере американского журнала «Current History Magazin'e» («Журнал текущей истории») полностью воспроизведена *речь Ленина* о новой экономической политике, вызвавшая большой интерес. Опубликование речи сопровождается сочувственной заметкой редакции, в которой говорится: «впервые в речи премьера русского правительства полностью выясняется русская политика, приоткрывается завеса, скрывающая от нас истинную сущность положительных стремлений России».

▫ Вышла в Нью-Йорке иллюстрированная и хорошо изданная книга, посвященная репертуару Московского Художественного театра, гастроли которого в Америке в этом году «пользуются успехом, превышающим успех театра и в Европе и даже в России, когда бы то ни было» (как сообщает в своем письме Станиславский, и как явствует из бесчисленных статей и заметок американских художественных критиков и рецензентов всей американской прессы).

Книга «The Moscow art theatre, series of Russian pleays» (Моск. Худ. театр— серия русских пьес) включает пьесы «Федор Иванович», «На дне», «Три сестры», «Вишневый Сад», «Дядя Ваня», в переводе Jeny Covan, под редакцией Oliver M. Sayler (вышла в издательстве Brentano).

В связи с сообщениями об успехе М. Х. Т. в Нью-Йорке приобретает интерес известие о скандальных неудачных попытках «Американского Охранительного общества», инспирированного русскими монархистами из Европы, сорвать спектакли Станиславского, на том основании, что театр связан обязательствами с советской властью.

▫ Редактор книги, посвященной репертуару М. Х. Т.—Ol. M. Sayler выпустил монографию о Русском театре «The Russian theatre (Нью-Йорк из-во Brentano) с предисловием Norman Hagood. В монографии дается полный обзор театральной жизни Москвы и Петрограда.

▫ Вышла книга Arthur Ransome (*Артур Ранзом*), сюжетом которой служит эпизод из русской народной жизни «Солдат и смерть»—«The soldier and Deth»; а «Russian folk tala told in Eng» в Нью-Йорке в из-ве Huebsch.

▫ Gladis Davidson (*Глэдис Дэвидсон*) издала книгу либретто русских опер «Storice from the Russian Operas» (Филадельфия—из-во J. B. Jipincott Company). В книгу входит либретто 16 опер и несколько воспроизведений снимков с известных русских артистов в их ролях.

▫ В Чикаго в из-ве Charles H. Kerr and C-o вышел новый перевод сочинений *Лафарга* «The origin and evolution of the idea of the soul» («Происхождение и эволюция идеи души») в переводе Charles H. Kerr.

▫ Американский поэт Percy Stickney Grant (*Перси Стикней Грант*) выпустил две книги. Одна—стихов «A. Fifth. Avenue parade and other poems» («Парад пятого Авеню и другие поэмы»); вторая— статей «Essays» о Достоевском, Шоу, Шекспире и др.

▫ В Нью-Йорке в из-ве Georg H. Doran Company вышла чрезвычайно интересная книга о Ллойд-Джордже, написанная E. G. Raymond—«Mr. Lloyd-George».

▫ *Генри Моргентау* (бывший американский посол в Константинополе) выпустил книгу «All in a life time» («Пережитое»), в которой, между прочим, дает живое описание событий, предшествовавших Версальским переговорам, самые переговоры, подписание договора и др.

▫ Интересная книга о положении среднего класса в Америке, написанная John Corbin (*Джон Корбин*) «The return of the Middle class» вышла в Нью-Йорке в из-ве Charles Scribnera (известное в Америке из-во Чарльза Скрибнера).

▫ В начале февраля вышел в Нью-Йорке Альманах «Women of 1923», посвященный обзору общественной (политической, научной, технической и художественной) работы женщин Европы и Америки (преимущественно последней)—«занятиям и достижениям 8 миллионов зарабатывающих женщин» Из-ние «Womens News Service».

▫ В Вашингтоне в из-нии D. C. Gov. Pr. off. Supt. of Doc. apply» вышло чрезвычайно интересное археологическое исследование Gerard Fowke, посвященное описанию обследования ряда пещер вдоль Миссури и пр. «Archeological investigations».

▫ В Нью-Йорке (в из-ве Am. Lib. Ser.) Shor. Boudouin (*Чарльз Бадуэн*) ученик и последователь французского врача *Эмиля Куэ* (Emile Coué), широко применившего лечение самовнушением опубликовал работу: «Emile Coué and his life-works» («Эмиль Куэ и работа его жизни»).

▫ В из-ве «Haldeman Julius Co» вышла книга о психоанализе William J. Fielding (*Вильям Фильдинг*) «Psichoanalysis; the key to human behavior («Психоанализ—ключ к человеческим поступкам»); из-во Haldeman Julius Co в штате Канзас (Жерард).

▫ Профессор *Чарльз Лане-Пур* опубликовал работу, направленную против теории Эйнштейна—Charls Lane Poor Gravetation versus relativity» Нью-Йорк, изд. G. P. Putnams Sons.

▫ Вышло новое издание сонетов *Микель-Анджело* в из-ве Haldeman Julius Co в Жерарде, в штате Канзас.

▫ Французский художник Henri Caro Delvaille, живущий более семи лет в Америке, издал книгу под названием L'invitation a la vie interieure» в Нью-Йорке в из-ве Dorbon-Ainé.

▫ Основатель индусского анти-сектантского движения Vedanta Centre и поэт Swami Paramananda выпустили сборник стихов на английском языке «Soul's secret door; Poems» («Тайная дверь души»)—издание «Vedanta Centre» в Бостоне.

ФРАНЦИЯ.

Во французском журнале, выходящем в Женеве (Швейцария) «Revue de Genève» напечатана статья *Де-Рейнольда*, в которой приводится ряд фактов, характеризующих трагические черты культурной жизни большинства европейских стран. Австрия, Германия, Румыния, Польша, Литва, отчасти Франция, вслед за экономическими затруднениями, переживают культурную изоляцию в той или иной степени, начиная от случайной разобщенности, и вплоть до полной утери связи с иностранными культурными центрами.

Ряд материальных недостатков делается уделом почти всех стран—нет книг, инструментов, помещений и пр. Вдобавок ко всему материальное положение интеллигенции, условия жизни, в большинстве стран так тяжки, что становится страшно за всю культуру Европы: «на карту поставлена не только культура Австрии или Польши—речь идет о всей Европе», пишет Рейнольд. Культурная жизнь России Рейнольдом почти не освещена, но и то, что он пишет о ней, явно свидетельствует о неправильной и тенденциозной информации, которую он, очевидно, почерпнул из эмигрантских кругов, злоба которых по отношению к Советской России—известна.

▫ В Париже скончался известный писатель *Макс Нордау* на 74-м году жизни.

▫ К характеристике современных французских литературных нравов может служить следующий эпизод. Французский романист *В. Маргерит* написал (как у нас сообщалось уже) новый роман «La garçonne». Орден почетного легиона, кавалером которого Маргерит состоит, лишил его кавалерства на том основании, что «роман его оскорбляет общественную нравственность (точнее: «в виду того, что на Маргерита поступает ряд жалоб от французских граждан (читай «буржуа») в том, что... et ctr.).

В. Маргерит является почетным председателем «Парижского Союза Писателей»,

в который он и обратился с просьбой выступить и протестовать против лишения его, В. Маргерита, звания кавалера ордена. Союз не счел возможным вмешаться в это дело, несмотря на то, что высказался против допустимости такого рода репрессий. В. Маргерит сложил с себя звание почетного председателя союза.

По этому поводу вспоминается аналогичный случай, недавно (в декабре 22 года) происшедший в Берлине с писателем *С. Юшкевичем*, роман которого «Леон Дрей» был отпечатан в типографии А. С. Х. М. Л. (амер. союз. христиан. молод. людей). Правление этих «асахамалов» (христианских молодых людей), «ознакомившись с содержанием романа Юшкевича «Леон Дрей», постановило изъять его из обращения, скупив тираж книги, так как считает недопустимым, чтобы марка типографии союза стояла на произведении со столь несоответствующим деятельности союза содержанием». По поводу этого постановления выступали в печати с протестом многие русские писатели.

▫ Лигой Просвещения в Париже подготовляется чествование 100-летия со дня рождения Эрнеста Ренана.

▫ Заведующий кабинетом гравюр Национальной Библиотеки в Париже François Courboin приступил к изданию большого труда по истории французской гравюры «Histoire illustrèe de la gravure en France». История выйдет в трех частях в 23-м, 24-м и 25-м годах. К каждой части будет приложен альбом с 400 гравюрами. Издание будет печататься в количестве всего 750 экземпляров.

▫ Большую работу о Клоде Монэ написал известный французский критик, член академии Goncourt—Gustave Geffroy «Claud Monet sa vie, son temps, son oeuvre».

▫ В конце февраля вышел новый роман Rene Bazin под заглавием: «Il etait quatre petits enfants», в из-ве Calmaun Levy в Париже.

▫ В из-ве Альфред Кост в Париже вышла книга соавторов *Пьера Ренувена* и *Шарля Аппана* с предисловием *Раймонда Пуанкарэ*. Название книги: «Introduction aux Tableaux d'Histoire de Guillaume».

▫ В изд. Dunod, Париж, вышла вторым дополненным изданием книга Leopold Lobel'я — *Леопольда Лобеля*, инженера-химика, кино-деятеля «La technique cinematographique. Projection. Fabrication des films. Техника кинематографии.

▫ Первая книжка Nov. Revue Française за 23 год посвящена почти целиком Marcel Proust'y.

▫ В Revue de deux Mondes печатается (заканчивается) новый роман *Поль Бурже*, «La Geôle», который в феврале вышел в из-ве Plon Nourrit et C-o в Париже—отдельным изданием.

▫ Philipp Selerier выпустил небольшую книгу в связи с теорией относительности: La théorie de la relativité au point de vue philosophique. Из-во A. Maloine et fils. Париж.

▫ В из-ве Masson et C-o впервые выйдет полное собрание сочинений *Пастера*, под редакцией D-r Pasteur Vallery Radot. Первые два тома: I—Dessymetrie molécoulaire, II—Fermentations et generations dites spontanéces уже вышли. Остальные выходят в течение 23-го и 24-го годов.

▫ В переводе на фр. яз. (M-elle M. Pomès et Valéry Larband) вышел том сочинений молодого испанского писателя Ramon Gomez de la Serna под названием «Echantillons» с предисловием Valery Larband'a».

▫ В переводе с итальянского вышла нашумевшая книга о фашизме Pietro Gorgolini с предисловием *Бенито Муссолини*, по отзыву которого эта книга является лучшей из всех пока вышедших книг о фашизме. К французскому изданию «La fachisme» предисловие дал Jaques Bainville—*Жак Бэнвиль*. Перевод выполнен Egène Marsan.

▫ Продолжает выходить в увеличенном виде библиографический журнал, посвященный исключительно стихам «La Muse Française Revue du mouvement de publication», выходящий десятого каждого месяца. Журнал начал свое существование в 1922 г.

▫ С иллюстрациями Pierre Falke вышла новая книга *Анатоля Франса* Crainquebille, Putois, Ruquet et plusieurs autres recites profitalles» в Париже, в из-ве Mornay.

ИТАЛИЯ.

▫ Во Флоренции скончался известный итальянский ученый проф. *Эрнесто Джакомо Пароди*, автор ряда трудов о Дантэ.

▫ *Д. Аннунцио* выпустил новую книгу «Passions d'Italia».

▫ Во Флоренции *гр. Распини Спинели* опубликовал дневники и письма *Джорджо Вазари* (изв. историк Возрождения). Материалы эти чуть ли не столетия уже как разыскиваются учеными. Опубликованные письма являются исключительно ценным материалом для характеристики эпохи. Вместе с письмами Вазари опубликованы и письма его корреспондентов—*Микель Анджело, Никколо Веспучи, Александра Медичи, Пьетро Аретино и мн. др.*

▫ В из-ве A. Mondadori (Roma-Milano) вышел новый роман Alfredo Panzini «Il padrone sono te» («Хозяин я»).

Основной темой романа является социальный сдвиг, ожидание «Прихода Ленина»—изображение крестьянского и дворянского миров в маленьком итальянском местечке—столкновение двух миров, взятое конкретно и изображенное с большим мастерством.

ROSSICA.

▫ Вышел второй том сочинений *Чехова* в переводе на фр. яз. Denis Roche под заглавием «Les Moujiks». Все собрание, выходит под общим названием «Oeuvres complètes d'Antone Tchekhov».

▫ Вышел роман Cécile Tripet «Pages retrouvées», сюжетом которого является путешествие в довоенную Россию.

▫ В первом № «Revue de deux Mondes» за 23 год закончены печатанием мемуары княгини *Куракиной* («Dix huit mois dans les prisons bolchevistes».

▫ В Париже в из-ве Henri Laurens вышел трехтомный труд Луи Рео L'art russe, I том обнимает историю русского искусства до XVIII века, II—историю влияний западного искусства XVIII в., основание Академии Художеств в Петербурге, зарождение и развитие классицизма, III том посвящен характеристике разных художественных течений и самых значительных выразителей их, а также истории эмансипации русского искусства от западных влияний.

▫ В январских книжках французских журналов помещены следующие статьи, посвященные России. В «Correspondant» «О Владимире Соловьеве» (параллель с доминиканцем Лакордер)—Charle et Jenny Loiseou. В «Foi et Vie»—об Ал. Блоке *К. Мочульского*: В «Revue Contemporaine»—о художественном театре *Е. А. Зноско-Боровского*. В Les Nouvelles Litteraires—«Stanislavsky est passé!» *Люнье По*. В этом же журнале напечатан очерк J. Kessel'a (автора книги «La steppe rouge» («Café et boutiques litteraires en Russie»).

▫ Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» переведен на французский язык и отмечается иностранной печатью. Ряд французских и итальянских газет дают о нем положительные отзывы.

▫ В Париже организован новый журнал «La gezette des Sept Artes», редактор—*Канюдо*, в состав редакции входит, между прочими, и *А. Я. Левинсон*.

▫ Вышла на французском языке книга *К. Д. Бальмонта* «Visions Solairs»—«Солнечные виденья».

▫ Русские художники иллюстрировали ряд французских изданий. Так, например, *С. Соломко* иллюстрировал речь *Анатоля Франса*, посвященную Ренану; а также книгу *Самена* «Aux flance du vase»; *Иван Лебедев* дал рисунки к роману *Сильвино Пикколомини* «Euryal et Lucrèce». К работе в области книжной графики привлечен также *В. Шухаев*.

▫ В «Revue de Paris» будет печататься роман Карко из русской жизни. Этот же роман выйдет отдельным изданием в из-ве Albine Michel.

▫ Л. Бакст выпустил том, посвященный своим работам, для постановки «Спящей красавицы» у Дягилева. Предисловие *А. Я. Левинсона*.

▫ В конце марта в Париже выходит книга, посвященная Новой России. Среди участвующих—*В. Маяковский, Б. Пастернак, Нат. Альтман* и др.

▫ В издании Nouvelle Revue Française вышли «Вечера на хуторе близ Диканьки» с иллюстр. *С. Левицкой*.

▫ Парижский «Литературный клуб» чествовал *К. Бальмонта*. Председательствовал французский поэт *Рэне*

Гиль, после речи которого с докладом выступала *Л. Савитская*, охарактеризовавшая Бальмонта, как «лирического поэта, заметного не только в русской, но во всей мировой поэзии». Вечер закончился выступлениями артистов театра Ле-Вье Коломбье и чествуемого поэта.

▫ В Париже состоялось чествование французского ученого-славяноведа *Леже* по случаю 80-летия со дня рождения. В чествовании принимали участие представители французских, болгарских, сербских, чехо-словацких и русских научных обществ.

СРЕДИ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

▫ В Берлине вокруг союза российских торгово-промышленных деятелей намечается образование «центрального объединения русских общественных организаций».

▫ В конце февраля в Берлине открылся «Русский Научный Институт», организованный частью на американские, частью на голландские средства, при участии Немецкого О-ва изучения Восточной Европы и Герм. Министерства Народного Просвещения. В состав Ученого Совета Института входят профессора и приват-доценты: Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, М. В. Бернацкий, В. Д. Бруцкус, В. П. Вышеславцев, С. О. Гессен, С. К. Гогель, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтер, П. П. Муратов, В. А. Мякотин, М. М. Новиков, С. Н. Прокопович, К. Н. Соколов, В. В. Стратонов, П. Б. Струве, А. Таубе, Н. С. Тимашев, А. А. Чупров, В. И. Ясинский, А. А. Эйхенвальд, А. А. Боголепов, И. И. Гинзбург, А. М. Кулишер, А. П. Марков, Л. М. Пумпянский, И. Н. Савицкий, В. Э. Сеземан и И. А. Стратонов. Кроме того, в состав ученого совета входят от немецкого общества изучения Восточной Европы—проф. Гетч и в качестве председателя финансового комитета института—П. А. Бурышкин.

Занятия будут вестись на трех отделениях: духовной культуры, правовом и экономическом. Четвертое отделение—сельско-хозяйственное в процессе организации.

▫ В Религиозно-Философской академии в Берлине число слушателей окончательно установилось. Постоянных 160; женщин вдвое больше, чем мужчин. По образованию они распределяются следующим образом: со средним образованьем—80%; с высшим—15% и только 5%—ниже среднего. Есть и слушатели «по разовым билетам»—непостоянные. Из новых курсов отметим—историю новой литературы которую читает Б. П. Вышеславцев. Из открытых заседаний отмечаем заседание, посвященное докладу Н. А. Бердяева: «Демократия и социализм, как проблемы духа».

▫ В Берлине при участии С. Л. Франка, И. И. Фидлера, Л. Л. Розенталя, А. Н. Бельгардта и Н. М. Волковысского организуется «Новая Русская Школа для детей».

▫ В Лондоне при Русской Академической Группе организован Народный Университет: Правление его состоит из М. В. Брайкевича, Н. Т. Беляева, проф. Коренчевского и Н. А. Гланца. В конце февраля и начале марта в университете состоялись лекции В. А. Мякотина, читавшиеся в Kings-kollege'e на тему «Общественное движение в России в первой половине XIX века» (Декабристы, кружок Белинского, Герцен). Кроме того, в Essex Hall (Temple) состоялась его же лекция на тему: «О современном положении в России» (впечатления и мысли).

▫ В начале весеннего семестра в Нар. У-тете читались следующие лекции: 1) Н. А. Гланца: Народное образование в России; 2) В. Шкловского: История русской литературы; 3) А. Мейендорфа: Эстония и Латвия; 4) Проф. Лосского: Введение в философию и 5) П. Н. Милюкова: «Федерация, конфедерация и автономия» и «Прямое и двухстепенное избирательное право».

▫ В Праге подготавливается съезд «деятелей русской средней и низшей школы за границей». Комиссия по созыву съезда состоит из А. В. Жекулиной, П. Д. Долгорукого и А. Д. Бем. Союз русских преподавателей утвердил на общем собрании следующих делегатов: Ф. Р. Штейнман, Н. В. Яковлева, Д. Д. Гнедовского, А. П. Калитинского и др. Съезд созывается в целях урегулирования и разрешенья ряда вопросов в связи

с вопиющим во многих городах положением эмигрантских школ.

СРЕДИ СТУДЕНЧЕСТВА.

▫ К характеристике условий студенческой жизни в эмиграции может служить следующий факт. Наибольшее число стипендий русским учащимся в В. У. З. Германии выдается организацией: «Europäische Studentenhilfe» («Европейская помощь студентам»). Представителем этой организации является в Германии—Бонзей, распределением же самих стипендий ведал «Центральный Комитет Академического объединенья русских, украинских и грузинских студентов в Германии»). Но за последнее время Бонзеем был предпринят, помимо Цен. Ком. Студентов, ряд шагов: произвольное, по собственному усмотренью, распределение стипендий, самостоятельный контроль над стипендиатами (учебные занятия) и, наконец, принудительное размещение стипендиатов в очень отдаленные от Берлина Темпельгофские бараки. По последнему пункту и произошло столкновение между Бонзеем и студенческой организацией, в результате которого президиум студ. комитета сложил с себя полномочия. Характерно в этом случае и то, что Бонзей не постеснялся пригрозить студентам лишением стипендий в случае, если они к концу февраля не перейдут в Темпельгофские бараки. Студенты в ответ на угрозу постановили в таком случае отказаться от стипендий всем категориям студентов, но не трудно предвидеть, что в силу тяжкого материального положения студенчества и такие «героические» постановления в борьбе с произволом «благодетелей» победы студентам не дадут.

ЛЕКЦИИ, ДОКЛАДЫ И ПР.

▫ В Берлине состоялся доклад проф. *Словцова*: «О голоде в России с медицинской точки зрения».

▫ *Гросман-Рощин* выступал с докладом на вечере сменовеховцев-студентов, посвященном памяти П. А. Кропоткина.

▫ В Сорбоне состоялась лекция *И. А. Бунина* из цикла «Старая и новая поэзия» на тему: «А. К. Толстой».

▫ *В. Ф. Минорский* читает в Париже в школе восточных языков вольный курс персидской литературы.

▫ *К. Д. Бальмонт* в Народном Университете в Париже в течение ряда вечеров читает свое новое произведение: «Под новым серпом»—роман, рисующий усадебную и деревенскую русскую жизнь последних десятилетий XIX в.

▫ *С. Н. Прокопович* в Лондонском Экономическом Об-ве на последнем заседании прочел доклад: «Об исследовании бюджетов крестьянских хозяйств».

▫ *Максим Горький* закончил свой сценарий, посвященный Стеньке Разину. Предполагается к исполнению главной роли привлечь Шаляпина, возвращающегося в Европу.

▫ Генерал *Головин* читает в Париже на французском языке курс по истории войны 14 - 18 гг. на русском фронте под общим заглавием: «L'effort militaire de la Russie pendant la grand Guerre».—«Военное напряжение России в продолжении Великой войны». В течении марта читаются следующие лекции: «Le declanchement de la Guerre», «Les forces militaires de la Russie et le plan de Guerre», «Le déplacemant strategique et le plan de premiéres opérations» и «La Bataille de Humbinen». Ген. Головин участник войны на русском фронте и по военному своему образованью—ученик Фоша, т. к. в 1910 году был прикомандирован к Высшей Франц. Воен. Школе, во главе которой стоял в то время генерал Фош.

РУССКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В из-ве «Геликон» в течение первых трех месяцев 1923 г. вышли следующие книги: *Андрея Белого*: «Записки Чудака» в 2-х томах, 3-я книга журнала «Эпопея», под редакцией *А. Белого; Виктора Шкловского*: «Ход коня»—книга статей, и его же—«Сентиментальное путешествие»—воспоминания; *Ильи Эренбурга*:—книга рассказов «13 трубок», роман—«Жизнь и гибель Николая Курбова», стихи—«Звериное тепло», «Отреченные стихи»; *Бориса Пастернака*:—4-я книга стихов:—«Тема с варьяциями»; *М. Гершензона*: —«Грибоедовская Москва», «Декабрист Кривцов» и много других.

▫ Готовится «Эпопея» № 4, *Андрея Белого* — «Путевые записки» том 2-й; «Антология французской прозы» и много других.

▫ В Берлине создалось новое русское издательство «Ватага», при участии: С. П. Мельгунова, Т. И. Полнер, В. А. Мякотина, В. С. Озерцковского, В. А. Розенберга, А. А. Кизеветтера и других.

Издательство печатает первый «Альманах»—«На чужой стороне», в который входят неизданные произведения *Л. Н. Толстого* и *В. Г. Короленко*, воспоминания и статьи *А. В. Пешехонова*, *Мякотина*, *Кизеветтера*, *Мельгунова* и других, а также рассказ *Т. Полнера* «Наташа».

Издательство подготавливает к печати следующие книги: *В. Мякотина*: «Очерки по социальной истории Малороссии»; *А. Кизеветтера*: «Курс русской истории девятнадцатого века»; *С. Мельгунова*: «Дела и дни Александровского времени»; *В. И. Семевского*: «Политические и общественные идеи декабристов»; *В. Розенберга*: «Журналисты безвременья»; *Козловского*: «Очерки по истории польской литературы».

▫ В берлинском издательстве «Манфред», под редакцией *В. Пиотровского*, начинает выходить периодический (двухмесячный) альманах «Струги». В первой книге примут участие: *Ю. Айхенвальд*, *Ю. Балтрушайтис*, *А. Белый*, *Ф. Иванов*, *В. Ирецкий*, *И. Новиков*, *В. Луръе*, *Б. Пастернак*, *А. Ремизов*, *А. Толстой*, *И. Эренбург*, *М. Цветаева*, *В. Ходасевич* и другие.

▫ В издательстве «Обелиск» вышла книга *Л. Карсавина:* «Джордано Бруно».

▫ В Берлине образовалось «Книгоиздательство писателей». Среди книг, вышедших в начале 1923 г. (январь—февраль), отмечаем: *Владимир Лидин:* «Шестая дверь», *Ал. Яковлев:* «Терновый венец», затем «Письма к немецким критикам»—*И. С. Тургенева* (впервые опубликованы); «Певцы человеческого» (Антология немецкого экспрессионизма под редакцией *С. Тартаковера*) и пр.

В том же издательстве начинает выходить литературно-художественный трехмесячник «Одиссея». В первом сборнике напечатаны рассказы *Ал. Толстого*, *Владимира Лидина*, *Глеба Алексеева*, *Ал. Дроздова*, *О. Савича Савватия* и *Г. Магнитского*. Во втором,—подготавливающемся к печати,—*Всеволода Иванова*; *Владимира Лидина* и многих других.

▫ Из-вом «Грани» приобретено в рукописи право на перевод нового романа *Бернгарда Келлермана* «Завещание». В этом же издательстве выходит книга *Л. Дейча:* «Роль евреев в русском революционном движении».

▫ В из-ве «Петрополис» вышла новая книга *Е. Замятина:* «О том, как исцелен был отрок Еразм».

▫ В из-ве «Восток» в Берлине вышли следующие книги: *Т. Вульф:* «Теория относительности Эйнштейна»; *Г. Ганфштейгеля:* «Техническое мышление и творчество».

▫ В из-ве «Эпоха» вышел Петербургский альманах «Пчелы» при участии: *Всеволода Иванова*, *Николая Никитина*, *Николая Тихонова* и *В. Ирецкого*.

▫ В русском универсальном издательстве напечатан очерк *С. И. Карцевского:* «Язык, война и революция».

▫ Вышла 8—12 книга журнала «Русская Мысль».

▫ В из-ве Гржебина вышел роман *П. Муратова* «Эгерия».

▫ В третьей книге журнала «Эпопея», редактируемого *Андреем Белым*, помещены статьи *Ходасевича* (об Анненском), *В. Шкловского*, *М. Цветаевой* (О Пастернаке). Центральное место занимает продолжение воспоминаний об Александре Блоке—*Андрея Белого*, и продолжение же печатавшегося в предыдущих книгах «Временника» *Алексея Ремизова*.

В Р.С.Ф.С.Р.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

В Полиграфической секцией Российской Академии Художественных Наук выпускаются труды по истории книги в России. Труды будут изданы в количестве шести выпусков и представят собой объемистый том по истории культуры книги (ее художественным элементам, композиции и изданию). Отдельные выпуски, богато иллюстрированные, будут посвящены книге Екатерининской, Елизаветинской и Александровской эпох, книге 40-х годов XIX века и революционного периода.

В работах принимают участие члены академии и научные сотрудники: *А. А. Сидоров*, *В. Я. Адарюков*, *В. Язвицкий*, *Л. Р. Варшавский*, *М. Я. Цявловский*, *Н. Кашин*, *Н. Попов*, *М. Добров*, *М. И. Фабрикант*, *А. Кондратьев*, *К. С. Кузьминский* и др.

— В январе и феврале 1923 года в Р. А. Х. Н. были прочитаны следующие доклады:

I. В литературной секции: 1. Доклад *М. П. Столярова:* «Критика формального метода в поэтике». В прениях принимали участие *М. А. Петровский*, *Б. А. Грифцов*, *М. Д. Эйхенгольц*, *Н. К. Гудзий*, *Л. П. Гроссман*, *Ф. Ф. Березжков*, *В. А. Дынник*, *Златовратский* и др. 2. Доклад *П. Н. Сакулина:* «Новые немецкие работы по поэтике». В прениях принимали участие: *Н. К. Гудзий*, *Н. Н. Фатов*, *Н. К. Пиксанов*, *Ю. М. Соколов*, *Н. Н. Русов*, *В. Е. Ветринский*, *И. Р. Эйгес* и др.

II. В секции полиграфических искусств: доклад проф. *А. Некрасова:* «Первые шаги книгопечатания в России».

III. В театральной секции и философском отделении (объедин. засед.): доклад *В. Волькенштейна:* «О драматургии».

IV. В скульптурной секции: доклад *В. Недовича*: «Пластическая скульптура.

V. В музыкальной секции: доклад *Н. Я. Брюсовой:* «Анализ «Патер-Ностер» Листа».

В музыкальной секции Р. А. Х. Н. в последнее время шла работа по организации издания «Музыкальной энциклопедии» и по критическому рассмотрению различных методов и направлений анализа музыкальных произведений, в частности метрико-архитектонического анализа *Г. Э. Конюса*. Редактором «Музыкальной энциклопедии» избран *Л. Л. Сабанеев*, ученым секретарем *Н. В. Петров*, намечены главные сотрудники и (предположительно) количество листов. В текущем году решено готовить буквы А—Е.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ ПРИ 1-м МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

В течение 1922 года в Научно-Исслед Инст. Археологии и Искусствознания на пленарных заседаниях были заслушаны следующие доклады:

А. Г. Габричевского—«Проблема пространства и массы в архитектуре»; проф. *А. И. Анисимова*—«Икона Владимирской Б. М.»; проф. *Д. С. Недовича*—«О конструкциях и композициях круглых античных скульптурных групп»; проф. *Б. Р. Виппера*—«Искусство без качества»; *А. И. Зографа*—«К вопросу об изображении памятников скульптуры на греческих монетах»; проф. *А. И. Некрасова*—«Постройка Боголюбова»; его же—«Скульптурные портреты двух русских князей»; *М. И. Фабриканта*—«Вопросы периодизации в истории искусства»; *Н. И. Брунова*—«К датировке Спаса на Бору»; проф. *А. А. Сидорова*—«Проблема рисунка и картин»; *Н. А. Щербакова*—«Об отражении памятников V века на южно-русских древностях»; проф. *В. Г. Гиацинтова*—«О принципе стиля» (по поводу новой книги Вёльфлина); *Б. П. Денике*—«О миниатюрах древнейших мусульманских рукописей в Публичной библиотеке и Азиатском музее».

На секционных заседаниях читались доклады: *В. Н. Лазарева*—«О. Шпенглер и его взгляды на искусство»; его же—«Две новых Мадонны Бронзино»; его же—«Новый портрет Тинторетто»; *Г. В. Жидкова*—«К вопросу о художествен-

ной традиции росписи Кахриэ-Джами в произведениях станковой живописи»; *М. В. Алпатова*—«О композиции Троицы Рублева»; *И. Я. Корницкого*—«Круглая скульптура»; *А. С. Стрелкова*—«Новый портрет Боровиковского»; *Е. В. Гольдингер*—«Гислянди»; *В. Д. Загоскиной* «Аттрибуция одного портрета Румянцовского Музея»; *В. В. Згуры*—«К истории Русского Ампира. Мавзолей в Суханове».

Во главе Института стоял президиум из проф. *Б. Р. Виппера* (директор), проф. *А. А. Сидорова* (пом. директора) и *А. Г. Габричевского* (ученый секретарь).

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД РАБОТНИКОВ ПЕЧАТИ.

С 6 по 10 февраля в Москве происходил IV Всерос. Съезд Работников Печати.

На Съезде присутствовало 239 делегатов от 58 губерний.

Съездом были заслушаны доклады: тов. *Бухарина* о современном политическом положении; тов. *Вардина* о положении и задачах периодической печати; тов. *Ингулова* о работе Центрального Бюро Секции работников Печати; тов. *Мещерякова* о работе Госиздата; тов *Долецкого* о работе РОСТА, и ряд докладов по вопросам культработы, тарифно-экономическим, организационным, хозяйственным и др.

В Центральное Бюро Работников Печати избраны: тт. *Бухарин, Вардин, Ингулов, Коваленко, Новицкий, Иванов-Гремен, Нарбут, Николаев, Волин, Павлов, Энгельс, Кикнадзе, Урицкий.* Кандидатами: тт. *Беляков, Родов, Тамаркин, Бурдашев* и *Афонин.*

▫ К IV Съезду Работников Печати в ряде зал большого Кремлевского Дворца была организована Всероссийская выставка печати. На выставке представлена столичная и провинциальная периодическая печать и книгоиздательства (особенно богато представлены Госиздат и Укргосиздат). Некоторые провинциальные периодические издания представлены в их историческом развитии, начиная от экземпляров, отпечатанных на различных суррогатах бумаги (обертки, акцизные бандероли и проч.), до современных технически-превосходно исполненных газет, из коих некоторые номера напечатаны в две краски.

Подотдел печати Ц. К. Р. К. П. выставил богатые материалы по статистике печати. Одна зала отведена специально под белогвардейскую печать, среди которой обращают на себя внимание прокламации с лозунгом: «В борьбе обретешь ты право свое», призывающие к еврейским погромам. Очень эффектна витрина с иностранной коммунистической печатью. Наиболее художественно выглядит отдел Гознака, где экспонированы образцы денежных знаков от Керенского до наших дней. Там же обращают на себя внимание большие картины революционных событий, исполненные на стекле фото-химическими способами. Особая витрина предоставлена Московскому Институту Журналистики.

Все экспонаты с этой выставки будут переданы музею Института Журналистики.

▫ Российская Академия Наук получила из Англии крупную партию художественно изданных книг по востоковедению, для азиатского музея Академии. Книги частью закуплены, частью пожертвованы английскими научными учреждениями.

▫ Комиссия для изучения племенного состава населения Республики при Академии Наук готовит к печати большую этнографическую карту России.

▫ Комитет по организации столетнего юбилея *А. Н. Островского* возбудил ходатайство о переводе в Москву архива покойного драматурга, находящегося на месте его родины, в Иваново-Вознесенской губернии

ВСЕРОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

▫ 15-го марта состоялась московская конференция пролетарских писателей. На 1-ое мая Правление Ассоциации предполагает созвать Всероссийский съезд пролетарских писателей.

▫ *Н. Ляшко* работает над новой повестью, первая часть которой печатается в альманахе «*Кузница*».

▫ *М. Герасимов* работает над поэмой и циклом стихов из эмигрантской жизни.

▫ *В. Кириллов* заканчивает поэму «О детстве, море и красном знамени»

▫ *Г. Санников* заканчивает поэму «Когда мертвые пробудились».

▫ *Н. Полетаев* написал поэму «Две жены» и работает над рядом лирических стихотворений.

▫ *В. Казин* работает над поэмой «Лисья шуба и любовь».

▫ *М. Волков* работает над новой повестью.

▫ *Филипченко* закончил теоретическую книгу о пролетарском искусстве и работает над поэмой.

▫ *Обрадович* работает над рядом лирических стихотворений.

ГРУППА «ТВОРИ».

▫ Образовавшаяся недавно из студийцев IV студии Московского Пролеткульта группа ознаменовала свою деятельность выпуском только что вышедшего альманаха «Твори». С рассказами в нем выступили: *М. Волков*—«Волчьи зубы», *И. Жига*—«Вьюга», *Н. Жуков*—«Митюха Корнев», *И. Сидоров*—«В Троицын день», *Ал. Кречетов-Волжский*—повесть «Братья». Целый ряд стихотворений дали: *А. Макаров*—«Поэма в сто строк», *А. Соколов, И. Афанасьев, Н. Афрамеев, С. Долнышев, И. Дорогин, И. Ломский, С. Шихов, Г. Васильев*. Сборник является декларацией группы «Твори». В настоящее время подготовливается второй выпуск. На исполнительных собраниях группы читали: тт. *Жуков* рассказ «Самогонка», *Молодцев*—рассказ «Лукашка» из рабочей жизни. Со стихами выступали *Макаров, Афрамеев, Долнышев*—«Баллада Але» из быта грузинских рабочих. Тов. Смирнов читал рассказ «Слом» из настроений мелкой буржуазии переходного момента.

КНИЖНЫЕ КУРСЫ ГОСИЗДАТА.

20-го февраля открылись, организованные Госиздатом, производственные книжные курсы. В программу курсов входят: история книги, современная техника печатного дела, искусство книги, русская и западно-европейская литература в XIX и XX вв., библиография, классификация книг и др. В числе лекторов *О. Ю. Шмидт, М. Б. Вольфсон, Ф. В. Кипарисов, А. А. Сидоров, Н. Ф. Яницкий, М. И. Щелкунов, К. С. Кузьминский К. С. Вахрамеев, В. Р. Кугель, Херсонская, Хавкина* и др. Задача курсов—подготовка кадра квалифицированных работников издательского дела.

СРЕДИ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

В истекшем 1922 году Госиздатом было выпущено свыше тысячи названий книг. По месяцам эта работа выражается следующим образом:

Месяцы.	Число названий.	Число листов набора.	Колич. экз.	Число печатн. листов.
Январь.	54	441 1/8	1.943.500	13.741.195
Февраль.	65	518 1/4	1.543.500	11.297.500
Март.	75	615	1.209.300	9.348.985
Апрель.	40	461 5/8	464.500	6.345.565
Май.	74	802 3/4	1.441.220	6.834.976
Июнь.	86	1.063 1/2	663.000	7.031.525
Июль.	79	868	518.000	6.359.750
Август.	84	921 3/8	730.400	7.463.950
Сентябрь.	83	987	939.411	8.865.261
Октябрь.	93	1.012 3/8	981.660	12.525.648
Ноябрь.	103	1.130 3/4	1.337.282	11.137.991
Декабрь.	117	1.471 3/4	1.148.050	15.147.472
Итого.	1.002	10.904 7/8	13.171.523	123.707.917

По видам литературы число выпущенных названий делится так: *Социально-экономическая литература*—167 назв., *Научно-специальная литература*—115 н., *Научно-популярная литература*—83 н., *Учебники для единой школы*—174 н., *Учебники для высшей школы*—115 н., *Художественная литература*—182 н., *Детская литература*—39 н., *Периодические издания*—69 н., *Художественные издания*—4 н., *Разные*—55 н.

Кампания по изданию учебников.

Важнейшей задачей Госиздата в ближайшие месяцы является кампания по изданию учебников для трудовой школы и других учреждений социального воспитания, в целях заготовки их в необходимом для страны количестве к будущему учебному году. Для этой цели Совнаркомом отпущены Госиздату значительные средства, дающие возможность развернуть производство учебников в размерах, невиданных не только для довоенного русского, но и для европейского рынка. Кампания проводится в самом срочном порядке, так как, чтобы учебники попали к началу будущего учебного года к непосредственному потребителю, т.-е. в школу, они должны быть выброшены на книжный рынок не позже конца июня.

Утвержденный Правлением Госиздата производственный план издания учебников для предстоящего учебного года охватывает свыше 254 названий по всем отраслям школьного преподавания, дающих в совокупности 8.745.000 экземпляров и составляющих 2.688 листов набора и 116.016.000 печатных оттисков. Тиражи отдельных названий колеблются для учебников между 20.000 и 200.000 экземпляров, при чем уже теперь выясняется необходимость общего увеличения намеченных планов тиражей, приблизительно на 25%. По отдельным отраслям учебники распределяются следующим образом: родной язык—58 названий, математика—59 названий, естествоведение—68 названий, обществоведение—23 названия, география—13 названий, новые языки—13 названий, прочее—34 названия.

В дополнение к указанному основному плану, рассчитанному на тот комплект названий, которые имеются уже в распоряжении Госиздата, Редакционным сектором разрабатывается дополнительный план создания новых учебников, частью путем коренной переработки некоторых лучших и наиболее пригодных для современной школы старых. Объем этого дополнительного плана рассчитан на 1.000 листов набора.

Все без исключения прежде изданные Госиздатом учебники пересматриваются Редакционным Сектором в целях устранения из них тех случайных недочетов, которые проскальзывали в них в прошлом году при крайне спешной работе по их изданию, а также в целях наивозможного приближения их к духу и задачам советской трудовой школы, для чего довольно значительная часть подвергается существенной переработке.

Все учебники прежде их издания проходят через рассмотрение Научно-Педагогической Секции Государственного Ученого Совета и только в случае допущения или одобрения со стороны последней принимается к изданию.

В настоящий момент уже передано в Издательский Сектор для производства 40 названий. Всего в течение марта будет сдано не менее 200 названий.

Научно-Популярным Отделом намечена к изданию новая серия популярных книжек, посвященных вопросам эволюционного учения Дарвина и его продолжателей. На ряду с книжками, излагающими основные положения учения Дарвина, в эту серию войдут книжки, посвященные новейшим теориям, являющимся дальнейшим развитием основ дарвиновского учения.

Общее число названий популярных естественно-научных книжек, до 15 февраля вышедших в свет, печатающихся и подготовляемых к печати Научно-Популярным Отделом книжек равно 173; из них по серии «Среди природы»—рассчитанной на детского читателя—7 названий, «Наука для всех»—19 назв., «Начатки естествознания»—47 названий. «Популярно-научная библиотека»—60 назв., «Библиотека путешествий»—16 на-

ваний, разбитых на 3 подсерии: по I—8 назв., II—3, III—5 назв., по серии «Опыты и наблюдения природы»—8 назв., «Популярно-техническая библиотека»—5 назв., «Культурно-историч.»—11 назв.

Отделом Детской Литературы Госиздата за предшествующий период (с мая 1922 года) выпущено около 45 названий детских книг; почти все книги иллюстрированы и, некоторые, в несколько красок. Вышли сборники детских рассказов и очерков Мамина-Сибиряка, А. Серафимовича, П. Сурожского, С. Семенова, И. Шмелева, А. Свирского, Станюковича, Н. Каринцева, Н. Манасеиной, Дж. Лондона, С. Томпсона и др.

В ближайшее время выходят: Русские сказки, под редакц. проф. Шарова; сказки Андерсена, Гримма, Гауфа, Киплинга, Вагнера; финские, балканские, африканские, кавказские сказки; сказки в обработке Е. Елеонской; сказки А. Насимовича, байки Л. Зилова и др.

Печатается: 1) ряд книг по зоологической детской беллетристике: С. Томпсона, Ч. Робертса, Лонга, С. Покровского, Н. Рагозы, и др., 2) Киплинг «Джунгли», с рисунками Ватагина; «Отважные моряки»; Де-Фоэ «Робинзон Крузо»; С. Лягерлеф «Путешествие мальчика»; С. Томпсон «Маленькие дикари»; Дж. Лондон «Путешествие на «Ослепительном»; М. Твэн «Приключение Тома» и др.; 3) детская библиотека классиков—Некрасов, Чехов, Плещеев, Тургенев, Л. Толстой, Фет, Полонский, Григорович и др.; 4) Сборники рассказов М. Горького, Короленко, Л. Андреева, Чирикова, Потапенко, Елпатьевского, Сурожского и др.; 5) Детские альманахи и сборники—«Крылья», «Малыши», под ред. А. Насимовича и «Детский театр», под ред. Ю. Соболева. В распоряжении редакции для сборников имеются работы: А. Неверова, И. Шмелева, Н. Никитина, А. Яковлева, П. Сурожского, Н. Ляшко, А. Насимовича, С. Покровского, П. Орешина, С. Городецкого, Н. Колоколова, А. Ширяевца и др.

Отделом обращено большое внимание на создание новой детской литературы, отвечающей условиям и требованиям современности. Намечен выпуск книжечек новых писателей: «Новая детская библиотека», серия А и Б. Готовы к печати сборники по истории революционного движения в России, биографии революционных деятелей и др.

Намечена серия книжечек для малышей (дошкольников) с иллюстрациями в красках.

К сложной работе по улучшению внешнего вида детской книги, по разработке рисунка для детей и к работе по реализации всего намеченного в трудных условиях современной техники приглашены: Я. Мексин, В. Фалилеев, И. Лазаревский, К. Вахрамеев и др.

В работах по иллюстрированию детских книг принимают участие художники: Ватагин, Ефимов, Ротов, Фалилеев, Покровский, Кардовский, Ульянов, Фридберг, Пичугин, А. Комаров, Баранский, П. Кузнецов, Петров-Водкин и другие.

В целях пополнения и проверки сведений, имеющихся в Отделе по вопросу о запросах современного детского читателя и успехе отдельных изданий, Отдел в ближайшие дни проводит по московским книжным магазинам анкету по упрощенной системе. Более сложная анкета будет со временем проведена по московским детским библиотекам и читальням. С одной из них—при Институте по детскому чтению—устанавливается связь по экспериментальному рецензированию литературно-художественного материала, печатного и готовящегося к печати.

В «Библиотеке романов и приключений», выходящей под редакцией *В. А. Попова*, вышла в свет «Голубая лагуна» *Д. В. Стекпуля*. Печатаются: роман капитана *Денри*—«Подводный робинзон» и иллюстрированный сборник избранных рассказов лучших европейских авторов из жизни краснокожих—«Последние могикане».

По заказу Госиздата издательство «*Светозар*» выпускает ряд монографий о выдающихся композиторах и художниках. В ближайшее время выходят монографии Н. Стрельникова о Глазунове и Рубинштейне и Игоря Глебова о Рахманинове и Мусоргском.

Календарный отдел Госиздата готовит к печати серию календарей (на 1924 год), как всеобщих, так и специальных (сельско-хозяйственный, медицинский, типографский и пр). Большое внимание обращается на художественную сторону изданий.

Музыкальный Сектор Госиздата приступил к выпуску следующих произведений: Аргамаков — романсы на слова Фета, Григорьев—«Детские песни», Димнов—три лирических отрывка для скрипки с ф. п., его же три пьесы для ф. п.: «Легенда», «Офорт» и «Вальс», его же «Музыкальный пейзаж» и «Осень», Павлов—романсы, Фейнберг—2-ая соната, Шульгин—«Музыкальный момент» (ф. п.) и другие.

Из агитационно-просветит. литературы следует отметить Куркина «Траурный Марш» («Вечная память товарищи вам»). Кроме того, в скором времени выходит первый номер музыкального журнала «К новым берегам», ставящий задачей интернациональное объединение композиторов и обслуживание интересов новой русской музыки. Выходит также «Музыкальный Справочник», отсутствие которого остро чувствуется всеми работающими в этой области искусства.

Государственное Издательство срочно подготавливает ряд учебников, необходимых для музыкальных школ 1-ой, 2-ой и 3-ей ступени. В настоящее время ведется усиленная работа по полному просмотру старой музыкальной литературы и составлению новой с целью создания таких материалов, которые будут находиться в соответствии с новыми педагогическими задачами реформированной музыкальной школы.

Комиссия по изучению русских иллюстрированных изданий, в занятиях которой принимает активное участие ряд ответственных работников Госиздата, многие художники и музейные деятели— успешно и планомерно развивает свою деятельность.

Разработка теории шрифтов продолжает занимать внимание Комиссии. После докладов А. А. Сидорова и М. И. Щелкунова были заслушаны доклады В. И. Язвицкого—«Что требует от шрифтов процесс чтения», освещающий вопрос со стороны научных психофизиологических данных, В. Я. Адарюкова—«Русские типографские шрифты» (библиографический указатель) и В. Д. Фалилеева — «Композиционное обоснование шрифта» (теория временных восприятий изобразительных элементов). Ближайшие заседания будут посвящены анализу существующих форм шрифта, вопросом создания специальных шрифтов для детской, народной литературы и друг.

Программа издательской деятельности также вырабатывается. Комиссией были заслушаны сообщения К. С. Кузьминского по вопросу об издании «Кавказского Пленника» Л. Н. Толстого с иллюстрациями В. Масютина и доклад В. В. Гольцева о «Демонах» М. А. Врубеля, собранных им в фотографических снимках с исчерпывающей полнотой. К изданию этих книг уже приступлено: изготовляются фотографические снимки, клише и т. п.

Для предварительной разработки вопросов, решаемых в Комиссии, а также для их практического проведения в жизнь создано Распорядительное Бюро в составе К. С. Кузьминского, В. Я. Адарюкова, И. И. Лазаревского и В. В. Гольцева [1]).

ЦЕНТРАРХИВ.

Издательская деятельность Центрархива выразилась в истекшем 1922 году в издании нескольких томов исторического журнала «Красный Архив» (1-й и 2-й вышли в свет, 3-й выходит в скором времени; 4-й сдан в печать). Журнал Центрархива публикует неизданные материалы по внешней политике (главным образом, истории культуры, литературы и быта и истории революции вообще); журнал преследует специальные научные цели. Новые материалы по всем указанным вопросам печатаются с обстоятельными комментариями и преди-

[1]) В предыдущей (первой) книге нашего журнала секретарем комиссии был ошибочно указан Б. В. Гольцев, в действительности же секретарем комиссии состоит Викт. Викт. Гольцев.

словиями. Из крупных публикаций свежих материалов являются материалы о русско-германских отношениях (с предисловием М. Н. Покровского); переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем за время войны; дневник Половцева, письма Вильгельма; по истории революционного движения: материалы по истории рабочего движения, о Зубатовщине и др., по истории литературы: письма Некрасова, Достоевского, Гончарова, новая сказка Салтыкова-Щедрина и др

Специальные задачи научно-археографического характера, разработку вопросов теории архивного дела и освещение архивной работы в центре и на местах, взял на себя другой орган Центрархива—«Архивное Дело». Вышел в свет 1 выпуск. В ряде статей специалистов дается посильное разрешение назревших задач и освещение вопросов, выдвинутых самой архивной жизнью. Здесь помещены статьи на темы: Историк-археограф-архивист (С. В. Рождественского); образование архивиста на Западе (Д. Н. Егорова); составление архивных обзоров историко-революционных фондов (С. Н. Валка); дан отчет о бывшей в 1921 г. 1-й Всероссийской Конференции архивных деятелей и др.

Центрархивом предпринято издание нескольких серий материалов: как-то по истории литературы и общественности, по истории крестьянских движений, по истории революционных движений. Из первой серии вышли в свет три выпуска. Первый выпуск посвящен Достоевскому, второй — Тургеневу; третий—*И. П. Шмидту*. В первом выпуске напечатана так интриговавшая русское общество «Исповедь Ставрогина» (три главы из романа «Бесы») и план «Жития великого грешника». Во втором — значительное количество писем Тургенева к современникам: Вяземскому, Кетчеру, Полонскому, Вакселю, Шумахеру. Наибольший интерес представляют в сборнике материалы, рисующие «Премухинский» роман в жизни и творчестве Тургенева, (письма Т. Бакуниной к И. С.). Сообщено несколько свежих материалов по творчеству Тургенева и связанных с ним. В отдельном выпуске опубликованы ценные для обрисовки личности известного деятеля 1905 г. П. П. Шмидта его письма; воспоминания о нем и некоторые архивные материалы в связи с деятельностью Шмидта.

В скором времени выйдут в свет отдельным выпуском письма Скрябина к Секериной, а также—письма русских писателей к Ф. М. Достоевскому (письма Гончарова, Островского, Некрасова, Тургенева, Полонского, Григоровича, Салтыкова и других) и письма Ф. М. к Анне Григорьевне Достоевской за 1866—1880 гг.

Из второй серии пока выпущен том о «Крестьянских движениях 1902 г.», в скором времени выйдут сборники и по другим эпохам.

Из третьей серии—печатаются отдельным томом «Политические процессы 60-х гг.», в том вошли материалы о процессах Блудорова, Курбаковского, Михайлова, Зайчневского и др.

ИСТПАРТ.

К 25-летнему юбилею Р. К. П. (б) *Истпарт* подготовил ряд сборников и посвятил целиком № 14 журнала «Пролетарская Революция». Примерное содержание юбилейного номера журнала таково:

Вступительная статья *В. И. Невского* «25 лет». Воспоминания: *М. Бруснева*. К возникновению первых с.-д. кружков.—*С. И. Мицкевич*. На грани двух эпох.—*А. И. Елизарова*. Первое выступление *В. И. Ленина* в Москве.—*Андреев*. С.-д. кружки в Колпине в 1896—1898 гг.—*С. И. Мицкевич*. Первая литературная работа Влад. Ильича.— *Станчинский*. Саратов в 1899—1901 гг.—*Красиков*. Накануне 2 съезда Р. С. Д. Р. П.—*Черномордик*. 900-ые годы в Москве.—*П. Н. Лепешинский*. Организация «Искры».—*Петренко*. Варшавская военная организация в 1905 году.—*Г. Крамаров*. Декабрьское восстание в Ростове.—*С. Лифшиц*. Казанская организация в 1905 году.—*В. Залежский*. Годы реакции.—*М. Савельев*. О журнале «Просвещение» 1912—1914 гг.—*К. Войнова*. Годы войны в Москве.—*А. Шляпников*. Империалистическая война. Кроме, того, номер содержит целый ряд документов, материалов и фотографий, мелкие заметки и отзывы о книгах.

Сборник «За 25 лет» будет богато иллюстрирован фотографиями и отобразит все наиболее выпуклые явления в жизни партии, как например: раскол между большевиками и меньшевиками, думские кампании, борьба с ликвидаторами, крупные аресты и судебные процессы и т. п. Издан будет этот сборник особенно тщательно и с внешней стороны и будет по количеству иллюстраций больше альбомом, чем сборником статей.

Дальше следует сборник под названием «1-й Съезд Р. С.—Д. Р. П.» который будет примерно такого содержания: Отдел первый. Статьи и воспоминания. 1. *В. И. Невский.* «1-й Съезд Р. С.-Д. Р. П.».—2. Воспоминания участников 1-го съезда и соц.-демократ. организаций этой эпохи: *Б. Л. Эйдельмана, Сопкиных, Кравацкого, Поляк, Тарсуевой, Люлиева, Даргольц* и др.—*З. А. Сольц.* «Рабочее Знамя» и партия русских соц. демократов.—4. *Гершанович.* Воспоминания участника группы Рабочего Знамени.—Отдел второй. Материалы и документы.—1. Ответ Г. В. Плеханова Киевлянам (из заграничн. «Летописи Революции»).—2. Рабочая :Газета №№ 1 и 2.—3. Неизданная послесъездовская прокламация Киевского Комитета.—4. Программа конфискованного жандармами № 3 Рабочей Газеты.—5. «Новая победа рабочего класса» брошюра Вигдорчика, целиком уничтоженная жандармами.—6. Программа группы Рабочего Знамени с примечаниями Гершановича.—7. Неопубликованные письма Ю. Д. Мельникова и пр.

Сборник будет иллюстрирован портретами участников 1 съезда и современцых ему деятелей соц.-демократии и также снимками с дома в Минске, в котором происходил 1 съезд Р. С. Д. Р. П.

К юбилею Партии будет издан также I выпуск сборника «О партийной технике»; в него вошли воспоминания, материалы и документы о целом ряде Московских и других нелегальных типографий. Сборник снабжен иллюстрациями.

Кроме того независимо от юбилейных сборников готовы к печати: I том Хрестоматии по Истории Партии и I том большой Хроники Революции за первые 3—4 месяца 1917 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВЕРДЛОВСКОГО УН-ТА.

Цель издательства Комм. ун-та имени Свердлова: 1) выявить в печатном слове научные и методические достижения ун-та и 2) удовлетворить студенчество Ком. ун-тов и совпартшкол необходимыми учебными пособиями.

За последнее время издательством выпущено несколько названий книг и брошюр, из коих часть издания уже разошлась целиком, другая («Записки ун-та», «Тезисы и планы занятий по истмату, политэкономии, истории Запада (XIX век) и России»)—подходит к концу.

В ближайшее время выходят из печати «Программные материалы Коммунистического ун-та», «Материалы по истории революционного движения на Западе; вып. I. Чартизм», «Курс лекций по химии проф. Пржеборовского».

Подготовляется к печати: вып. I-ый из серии «Материалов по истории революционного движения в России в диаграммах»,—забастовочное движение; вып. II—«Революция 48 года» из серии «Материалов по истории революционного движения на Западе», курс лекций по русской истории М. Н. Покровского, руководство по методике преподавания естественных наук, революционная немецкая хрестоматия и ряд других книг.

В скором времени выходит студенческий журнал «Свердловец» № 5.

К пятилетнему юбилею Свердловского ун-та приурочивается выход специального «Сборника».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МОСКВА».

Издательство Московского Совета Р. К. и К. Д. «*Новая Москва*» в течение января и первой половины февраля 1923 года выпустило 55 названий, что составляет в общей сложности около 1.000 печатных листов текста. Количество экземпляров выпущенных книг составляет около 400.000.

На основании постановления Президиума Московского Совета, Издательство значительно расширяет свою деятельность. План издательства обнимает

все отделы науки. Особое внимание обращается на вопросы общественных наук, философии, литературы и искусства. В частности издательство будет выпускать библиотеку современных писателей беллетристов и поэтов и ежемесячные сборники художественной литературы («Недра»). Кроме того, Издательство выпускает журналы Губэкосо: «Экономическое строительство» и «Экономика, труд и техника». По поручению МОНО, на основании предложения Губэкосо издательство открывает обширный отдел учебников и учебных пособий.

В конце февраля и в начале марта в издательстве вышли следующие книги: *Н. Ленин.* Рабочее движение в России в эпоху первой революции; *Делези.* Нефть; «От февраля к Октябрю» (сборник Истпарта); *Горев.* Бланки; *Скрябин.* Письма; *Фриче.* Очерки социальной истории искусства; *К. Гамсун.* Женщины у колодца; *Стриндберг.* Ключи от рая; Альманах *«Недра»* (Первый сборник); *Чехов.* Неизданные пьесы; *Салтыков-Щедрин.* Сказки.

Печатаются: *Бюхер.* Работа и ритм; *Маркс и Энгельс.* Об историческом материализме; *Буревой.* Распад; *Феноменов.* Разин и Пугачев; *«Историко-революционная хрестоматия»* (в двух томах); *Гаузенштейн.* Общество и искусство. *Коган.* Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. II. *Н. Орловский.* Сборник литературно-критических статей. Дневник *А. Г. Достоевской. П. Дюпон.* Стихи. *В. Вересаев.* Без дороги. Его же. Поветрие. *М. Козырев.* Книга рассказов. *И. Эренбург.* Жизнь и гибель Николая Курбова.

Готовится к печати свыше 60 названий.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ».

За последнее время издательством выпущены следующие книги:

1. Серия популярно-марксистская: *А. Бебель.* Будущее общество. *К. Каутский.* Карл Маркс и его историческое значение. *Г. Плеханов.* В Амстердаме (статьи из «Искры»). *В. Поль.* Коммунизм и общество. *Ф. Энгельс.* От утопии к науке. *Ф. Энгельс.* Революция и контрреволюция в Германии.

2. *Серия агитационная: М. Кольцов.* Пуанкаре—война.

3. *Серия анти-религиозная: Даенсон.* О боге и черте. *Древс.* Миф о Христе, Т. I. *И. Степанов.* Мысли о религии *Его же.* О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах. *Его же.* О таинстве святого причащения. *Фружина.* Долой раввинов. *Ческис.* Людвиг Фейербах. *Ярославский.* Как родятся боги.

4. *Серия «Капиталистический мир после войны»: Гальперин.* Современная Бельгия. *Стоклицкий.* Рур.

5. *Серия биографическая. Вернер.* Евгений Левинэ и Баварская Советская республика. *Новицкий.* Платон.

6. *Серия—методы политпросветработы, пособия и программы:* «Программа для Советско-партийных школ I ступени». «Программа для школ взрослых повышенного типа». *Смушков.* Учебник экономической политики Р. С. Ф. С. Р. *П. Стучка.* Учение о государстве и конституции Р. С. Ф. С. Р. Второе допол. изд. «Хрестоматия по русской истории» (под редакцией Удальцова).

7. *Серия литературно - художественная. Алексеев.* Явь. *Басов-Верхоянцев.* Конек-скакунок. *Серафимович.* Бабья деревня. *Г. Шенгели.* Броненосец Потемкин.

Кроме того, по серии популярно-марксистской печатается—10 и готовится к печати свыше 15 названий; по серии антирелигиозной печатается—5 и готовится к печати около 10 названий; по серии капиталистический мир после войны печатается 3 и готовится к печати 10 названий; по серии исторической печатается 4 и готовится к печати около 10 названий; по серии биографической печатается 5 названий; по серии советское строительство и законодательство готовится к печати 5 названий; по серии вопросы организации труда и хозяйства печатается—3 названия, готовится к печати около 10 названий; по серии методы политпросветработы, пособия и программы печатается 5 названий; по серии литературно-художественной—печатается 11 названий и готовится к печати 5 названий.

В ближайшее время в издании «Красной Нови» выйдет журнал *«Искра».*

Организаторы журнала хотят ответить на давно назревшую потребность русского рабочего, в особенности рабочей молодежи, в популярном журнале науки и техники. Журнал объединяет вокруг себя коммунистов и специалистов, профессоров, инженеров, стоящих на материалистической позиции. «*Искра*» будет стремиться освещать в простой форме основные научные вопросы, наиболее близко связанные с техникой. «*Искра*» не будет журналом специально для металлиста или для текстильщика или для химика, но будет давать из номера в номер освещение вопросов, встающих перед любым рабочим, имеющим дело с машинами. Одною из задач журнала является доставление читателю материала для построения научно-материалистического миросозерцания. В редакцию журнала вошли *Н. Андреев*, *Б. Завадовский* и *Я. Яковлев*. В журнале примут участие многие специалисты. Журнал будет выходить раз в месяц.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ».

С некоторого времени перед правлением издательства очень остро стал вопрос о недостатке литературного материала, который можно было бы издавать. Это обстоятельство осложнялось еще тем, что со стороны массового читателя появился спрос на социальную здоровую беллетристику.

Что касается до получения рукописей теоретической литературы, то этот вопрос правление разрешило тем, что договорилось с видными партийными литераторами об издании ряда их работ.

Для обеспечения же рукописей художественной литературы правление приняло меры, выразившиеся в следующем: 1) предприняты переговоры с литературными группами «Октябрь», «Кузница» и др.; 2) установлена связь с сибирскими пролетарскими писателями и литераторами; 3) установлена связь с рядом иностранных литераторов, от которых уже стали получаться рукописи их работ.

В настоящее время в издательстве печатаются следующие книги: 1) *Б. Волин*. Советский словарь; 2) *Айзенбух*. Рабочий вопрос в свете классической, политической экономии; 3) *М. Рубинштейн*. Современный капитализм и организация труда; 4) «Красноармейская поэзия»(сборник стихов). 5) «Под пятикрылой звездой» (сборник стихов и рассказов); 6) «Вехи Октября» (Альманах пролетарских писателей); 7) *А. Логинов*. Учит ли добру священное писание; 8) *Шарль Виролье*. Легенда о кресте; 9) *В. Сарабьянов*. Об антирелигиозной пропаганде; 10) *Ефремин*. Методическое пособие по политической грамоте; 11) «Путь к Октябрю» (сборник московского Губбюро Истпарта), вып. 1 и 2-ой; 12) II Съезд партии (сборник материалов); 13)IV (Объединенный) Съезд Партии (сборник материалов); 14) *П. Лафарг*. Детерминизм и Карл Маркс.

Готовятся к печати: 1) вне серии 6 названий, 2) по серии «Библиотека пролетария» 11 названий, 3) по серии «Историко - Революционная библиотека»—11 названий, 4) по серии беллетристики—8 названий.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРУГ».

В издательстве «*Круг*» за последнее время вышли из печати следующие книги: 1) Альманах «*Круг*» № 2; 2) «Веселый альманах»; 3) *Б. Пильняк*. Голый год; 4) *А. Аросев*. Две повести; 5) *Н. Асеев*. Избрань; 6) *Е. Зозуля*. Книга рассказов; 7) *В. Казин*. Рабочий Май; 8) *В. Маяковский*. Лирика; 9) *Н. Тихонов*. Брага; 10) *О. Форш*. Равви; 11) Ее же. Обыватели; 12) *М. Шкапская*. Явь; 13) *В. Ильина*. Крылатый приемыш.

Печатаются: 1) *К. Федин*. Пустырь; 2) *Е. Замятин*. Уездное; 3) *Н. Никитин*. Бунт; 4) *В. Каверин*. Мастера и подмастерья; 5) *С. Григорьев*. Васса; 6) *М. Пришвин*. Черный араб; 7) *Л. Сейфулина*. Перегной; 8) *С. Клычков*. Домашняя песня; 9) *О. Мандельштам*. Книга стихов; 10) *А. Ширяевец*. Мужикослов; 11) *Н. Ляшко*. Железная тишина.

Готовятся к печати: 1) Альманах «*Круг*» № 3; 2) *В. Маяковский*. До и

после; 3) *Н. Огнев.* Двенадцатый час; 4) Нейштадт. Переводы из немецких поэтов.

ИЗД-СТВО РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ.

В издательстве «Работник Просвещения» печатаются: 1) *Лай.* Первый год обучения арифметике; 2) *К. И. Львов.* Иллюстративные вечера; 3) *Сабанеев.* Музыка речи; 4) *Ланков.* Основы методики математики; 5) *Иорданский.* Массовая трудовая школа; 6) *Григоревский.* В помощь учителю трудовой школы; 7) *Монтессори.* Руководство к моему методу; 8) *Поляков.* Букварь «Солнышко»; 9) *Д. Дьюи.* Школа и общество; 10) *М. Аплетин.* Этапы и формы просвещенского союзного движения за пять лет. Кроме того, печатаются очередные номера журналов «Работник Просвещения» и «Голос Работника Просвещения».

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТОВ.

Издательский Отдел Московского Института Журналистики, задачей которого является прежде всего выпуск работ по теории и практике газетного дела, в ближайшее время выпускает следующие книги: 1) Справочная книжка журналиста; 2) *М. И. Щелкунов.* Искусство книгопечатания в его историческом развитии.

Готовятся к печати: 1) *Ю. М. Бочаров.* Учебник по газетной информации; 2) *К. П. Новицкий.* Основы газетного дела; 3) *Его же.* Краткий очерк истории газеты; 4) *К. Бюхер.* Происхождение газеты.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КУЗНИЦА».

Издательством пролетарских писателей «*Кузница*» за последнее время выпущены следующие книги: 1) *С. Обрадович.* Город; 2) *Н. Темный.* Собачья доля; 3) *Н. Ляшко.* Радуга; 4) *Н. Плетнев.* Сломанные заборы; 5) *М. Герасимов.* Завод весенний; 6) *М. Герасимов.* Электропоэма; 7) *В. Александровский.* Россыпь огней. 8) *М. Герасимов.* Негасимая сила; 9) *М. Волков.* Заковыка. 10) *Г. Санников.* Под грузом; 11) *А. Макаров.* Весенний сплав.

Печатаются: 1) Альманах «*Кузница*», кн. I (участвуют: Герасимов, Бахметьев, Волков, Ляшко, Кириллов, Санников, Полетаев, Обрадович, Филипченко, Гладков, Неверов, Низовой); 2) *Кириллов.* Отплытие; 3) *Александровский.* Звон солнца; 4) *Гладков.* Рассказы; 5) *Степной.* Семья (роман); 6) *Филипченко.* Эра славы; 7) *Новиков-Прибой.* Море зовет; 8) *Герасимов.* Цветы под огнем.

Готовятся к печати книги *Бахметьева, Бибика, Казина, Неверова* и др.

Издательство при Обществе б. политических каторжан и ссыльно-поселенцев выпустило №№ 5 и 6 журнала «Каторга и ссылка» и готовит к печати первый том «Словаря русских революционеров» под редакцией Шилова.

Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения подготовляет к печати ряд научных и научно-популярных брошюр по Востоку. В ближайшее время выйдут: брошюра Виленского (Сибирякова) «Китай» с многочисленными иллюстрациями; Гурко-Кряжина «Национально-освободительное движение на ближнем Востоке»; «Афганский сборник» и др.

Издательство «*Наука*» выпускает альбом рисунков С. Грузенберга под названием «Марки» (эмблемы профсоюзов, издательские марки и пр.). Текст проф. Ларионова.

В издательстве «*Новый Мир*» в ближайшее время выходит книга Л. Р. Варшавского «Очерки по истории современной гравюры в России» (ксилография и линография).

В издательстве «*Дом Печати*» в ближайшее время выходит из печати книга А. А. Сидорова: «Русская графика за годы революции».

В *издательстве Л. Д. Френкеля* за последнее время вышли из печати: *А. Грин.* «Алые паруса», *М. Шагинян.* Своя судьба (роман), *Г. Даниловский.* Мария Магдалина (роман), *М. Пришвин.* Колобок, *К. Нордман.* Эйнштейн и все-

ленная (научный роман), *О. Шпенглер.* Закат Европы. Т. I, *Дубнов.* Евреи при Александре III, его же. Евреи при Николае II, его же. Положение евреев в Западной Европе. *Абель.* Бактериология. *К. Беркова.* Рыцарь духа (биогр. очерк о Герцене), *Б. Горев.* От Томаса Мора до Ленина. «Миниатюрный словарь иностранных слов». *В. Омелянский.* Невидимый мир. Проф. *Б. Словцов.* Питание и работа. *А. Опарин.* Ферменты и их роль в жизни организма. *Н. Шилов.* Первые шаги в химии. Его же. Химические основы питания. *Б. Словцов.* Вадемекум. *И. Левинштейн.* Руководство к устройству и оборудованию аптеки. «Общественный Врач», № 2.

Заканчиваются печатанием: *Никольский.* Первобытная культура. *Добрынин.* Потонувшие материки; Проспект «Литературной энциклопедии». «Коммерческий справочник», *Бердяев.* Вывихи и переломы. *Сендаль* (Генрих Бейль). Новеллы, хроники и эпизоды. «Путеводитель по Румянцевскому музею».

Сданы в печать: «Литературная энциклопедия» в 4 частях, 15 томах, «Малая энциклопедия по обществоведению». *Бакмейстер.* Легочные заболевания.

Всероссийским Комитетом Помощи Инвалидам при В. Ц. И. К. выпущен проспект издаваемого им журнала «Современная Россия». Обложка и графические украшения исполнены С. В. Чехониным, одна цветная иллюстрация по его же рисунку исполнена на заводе проф. Туркина новым способом цветной печати.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКО-ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА «КНИГА».

Русско-Германское Общество «*Книга*» явилось одним из первых по времени заграничных обществ, основанных в развитие монополии внешней торговли. Оно было создано в Берлине по инициативе и при непосредственном участии Торгпреда Р. С. Ф. С. Р. в Германии, в момент, когда начали полностью восстанавливаться экономические и культурные взаимоотношения Советской России с Западом после многих лет блокады.

Н. К. В. Т. сосредоточил все импортно-экспортные операции с печатными произведениями в руках Торгпреда Р. С. Ф. С. Р. в Германии, Б. С. Стомонякова, который, в свою очередь, передоверил оперативные функции, под своим непосредственным наблюдением «*Книге*».

Организационно «*Книга*» сконструировалась следующим образом: в Берлине находится Правление «*Книги*», председателем коего состоит Торгпред Р. С. Ф. С. Р. в Германии, Б. С. Стомоняков и директором-распорядителем—И. П. Ладыжников. В России действует Центральное Российское Отделение с директором-распорядителем—М. Я. Лапировым-Скобло. Общее наблюдение за деятельностью «*Книги*» сосредоточено в Наблюдательном Совете при Н. К. В. Т. по делам «*Книги*», под председательством Члена Коллегии Н. К. В. Т.—В. Ф. Ленгника. В состав Совета входят представители В. С. Н. Х. академик В. Н. Ипатьев, Госиздата—О. Ю. Шмидт и Главлитов. Ашмарин. В. С. Н. Х. является одним из учредителей «*Книги*».

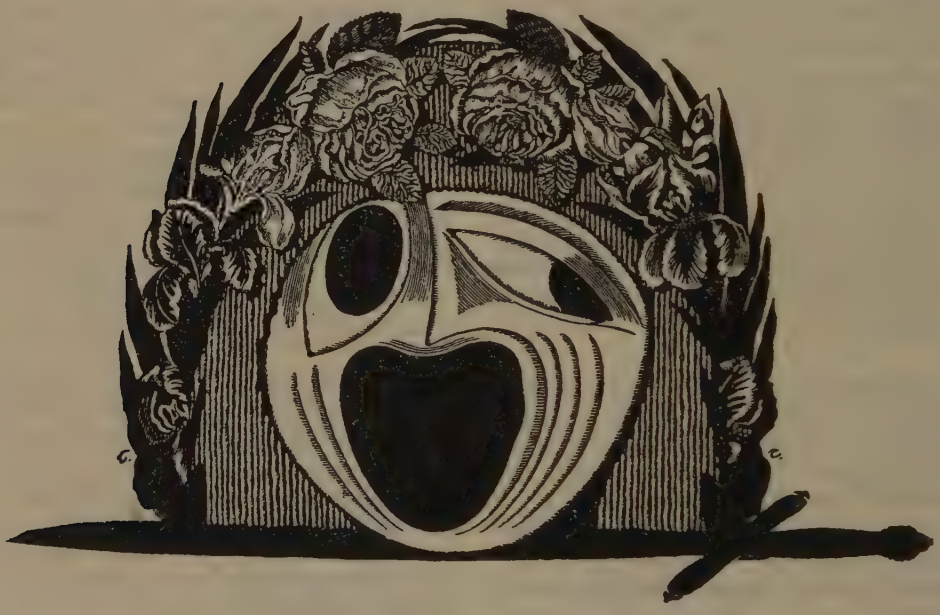
Помимо книжных операций «*Книга*» охватывает еще ряд родственных отраслей.

«*Книге*» удалось заключить соглашение с крупнейшими германскими фирмами, производящими канцелярские и чертежные принадлежности, обеспечив русскому потребителю максимально льготные условия. Произведя ряд крупных закупок, по очень выгодным ценам, в настоящее время «*Книга*» принимает крупные заказы от Госорганов на выписку из Германии канцелярских принадлежностей, стремясь восстановить наш довоенный импорт, на этот род товара.

В своей издательской деятельности «*Книга*» выполняет также задачи закрепления за границей за русскими произведениями права литературной собственности, которого они были лишены при отсутствии соответствующих конвенций. «*Книга*» и в этой области выполнила ряд операций, заключив с Центроархивом договор на опубликование за границей весьма важных ар-

хивных материалов. Далее «*Книга*» выпустила указатель всей научной немецкой литературы, вышедшей за годы войны и революции.

В заключение приведем несколько цифр, иллюстрирующих работу «*Книги*». На 1-ое декабря ввезено в Россию на русском и иностранном языках—250.000 экз., при чем иностранные издания распределяются таким образом: научно-технические—65%; медицинские—25%; по литературе и др.—10%. Ввезено в Германию за это время свыше 100.000 экз. разных изданий. Принято заказов на выписку книг около 1700. Канцелярских принадлежностей ввезено в Россию за последние три месяца на сумму до 90 миллионов германских марок. Обороты «*Книги*» растут с каждым днем, благодаря тем крупным заказам, которые делают через «*Книгу*» госорганы. В настоящее время «*Книга*» принимает меры к устранению транспортных затруднений и к увеличению своих не только импортных, но и экспортных операций с книгами в целях пропаганды русских печатных изданий на Западе.



С. В. Чехонин.—К статье «Русские графики».

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

Государственное Издательство. Москва—Петроград.

1. **Л. Каменев.** «Меньшевики в первой русской революции».
2. **В. Гёте.** «Фауст». Часть 1-я.
3. **В. Я. Канель.** «Курс ухода за больными».
4. **Е. В. ЛЮТЕР.** «Введение в рентгенодиагностику».
5. **А. В. Молько.** «Социальная проблема питания».
6. Проф. **Е. А. Богданов.** «Типы телосложения сельско-хозяйственных животных и человека и их значение».
7. «Труды соединенных заседаний Петроградского и Московского Обществ патологов».
8. **Август Бебель.** «Женщина и социализм».
9. **В. Гиппиус.** «Синтаксис современного русского языка».
10. Проф. **Р. Виппер.** «Учебник древней истории».
11. **П. Маслов.** «Общедоступный курс истории народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия».
12. **Ф. Мартель.** «Быстрый счет».
13. «Историко-литературная хрестоматия». Часть II и III.
14. **Ренэ Маран.** «Батуала».
15. **А. Клепиков.** «Творчество и работа режиссера и актера».
16. **Э. Верхарн.** «Полное собрание поэм». Том II.
17. **В. Гёте.** «Страдания юного Вертера».
18. **Н. Стрельников.** А. Н. Серов.
19. **Н. Стрельников.** Бетховен.
20. **Дж. Лондон.** «Как я стал социалистом».
21. **Карло Гольдони.** «Комедии». Том II.
22. **П. Сурожский.** «Ветка полыни».
23. **А. Чапыгин.** «По звериной тропе».
24. **А. Серафимович.** «Юные труженики».
25. **А. Коллонтай.** «Общество и материнство».
26. **В. Максаков и И. Нелидов.** «Хроника революции». Вып. 1-й.
27. Проф. **П. Монро.** «История педагогики».
28. Проф. **В. Дмоховский.** «Проектирование и расчет земляных работ».
29. **В. Львов.** «Самоеды».
30. **Д. Волковский.** «Детский мир в числах».
31. **Д. Н. Мамин-Сибиряк.** «Рассказы для детей».
32. **Н. Каринцев.** «История одной жизни. Томас Альва Эдисон».
33. **Л. М. Розенштейн.** «Психические факторы этнологии душевных болезней».
34. **Э. Норрис и К. Смит.** «Практическая арифметика для школ, курсов и самообразования».
35. Проф. **В. И. Пичета.** «Введение в русскую историю».
36. **К. Ф. Петров.** «Русский язык». Этимология в образцах.
37. **Мих. Коваленский.** «Хрестоматия по русской истории». Том I.
38. **Ф. Энгельс.** «Жилищный вопрос».
39. **Карл Маркс.** «Нищета философии».
40. **Г. Сандомирский.** «Фашизм».
41. **Жан Жорес.** «История великой французской революции». Том III. Конвент. Вып. I. Республика (1792).
42. «Товароведение», под ред. проф. Никитинского и П. Петрова. Том II.
43. **А. Кифаров.** «Как устроены и работают часы».
44. **И. Касаткин.** «Тяпа».
45. **Р. Киплинг.** «Вот так сказки».
46. **С. Зенченко и В. Эменов.** «Жизньи знание в числах».

47. «Хорошо, да худо». (Сказка).

48. «Трень-Брень». (Сказка).

49. Проф. **К. Караффа-Корбут.** «Лекции по профессиональной гигиене».

50. Проф. **Н. Яковлев.** «Учебник палеонтологии для высшей школы и для самообразования».

51. Проф. **В. Глинчиков.** «Клиника испанской болезни».

52. Д-р. **И. Чернявский.** «Венерические болезни».

53. Д-р. **Я. Окуневский.** «Описание некоторых способов санитарных исследований и требований, предъявляемых к пищевым продуктам и материалам».

54. «Правовые условия торгово-промышленной деятельности Р. С. Ф. С. Р.» Сборник статей и декретов под редакц. Н. Левицкого.

55. Проф. **Н. Каменьщиков.** «Таблица логарифмов с четырьмя десятичными знаками». Пособие для школ и для вычислений.

56. **Джемс Уокер.** «Введение в физическую химию».

57. **М. Попруженко.** «Начала анализа».

58. **Я. Перельман.** «Новый задачник к краткому курсу геометрии».

59. **П. Афанасьев.** «Путеводитель по вопросам преподавания родного языка в трудовой школе».

60. **П. Керженцев.** «Принципы организации».

61. **Рудольф Гильфердинг.** «Финансовый капитал».

62. **О. Д. Хвольсон.** «Метрическая система мер и весов».

63. **В. В. Фаас.** «Леса северного района и их эксплуатация».

64. Д-р **К. Дост** и д-р **Гильгерман.** «Практическое руководство к исследованию питьевых и сточных вод».

65. Проф. **Д. С. Догель.** «Кровь, как основа жизни человека и животных».

66. **Д. Бутлеров.** «Как водить пчел».

67. **А. Соколовский.** «Возделывание и обработка льна».

68. **„Красный Петроград".** Альбом к 5-ой годовщине Октябрьской революции.

69. **Г. Зиновьев.** «Бессмертное в русской революции».

70. **Г. Шенгели.** «Раковина».

71. **Д. Дидро.** «Парадокс об актере».

72. **Ник. Никитин.** «Рвотный Форт».

73. **А. М. Саймонс.** «Классовая борьба в Америке».

74. **Дж. Уоллес.** «Уот Уитмэн и мировой кризис».

75. **Ф. Куклярский.** «Критика творческого сознания».

76. Проф. **В. Кирпичев.** «Основание графической статики».

77. **Ф. Буонаротти.** «Гракх Бабеф и заговор равных».

78. **К. М. Тахтарев.** «Очерки по истории первобытной культуры».

79. **Г. Григорьев.** «Краткий курс химии».

80. **Карл Каутский.** Сочинения. Том IV. Под. ред. Д. Рязанова и И. Степанова.

81. Проф. **А. Елистратов.** «Очерк административного права».

82. **Л. Гросман.** «Семинарий по Достоевскому».

83. **В. А. Юнг.** «Как преподавать математику».

84. Проф. **А. С. Догель.** «Строение и жизнь клетки».

85. **Ф. Ф. Соколов.** «О метрической системе мер и весов».

86. **Н. Писарев.** «Рациональное устройство мелких электрических установок».

87. **Д. А. Христодуло.** «Продукты скотобоен».

88. «Крестьянские движения 1902 г.».

89. **А. И. Аккерман.** «Суд над проституткой».

90. **Э. Демидович.** «Суд над гр. Киселевым».

91. **Зденко-Фон-Крафт.** «Баррикады».

92. **Алексей Н. Толстой.** «Приворот».

93. **Его же.** «Лунная сырость».

94. **Вадим Белов.** «Белое похмелье».

95. **М. Герасимов.** «Железное цветение».

96. **Э. Верхарн.** «Полное собрание поэм». Том V и III.

97. «Рабоче-крестьянский календарь на 1923 год».

98. Д-р **А. Помбрак.** «О заразных или прилипчивых болезнях».

99. **К. Флеров.** «Сыпной тиф».

100. **П. О. Афанасьев.** «Активно-трудовой метод обучения».

101. **Н. Рыбкин.** «Сборник геометрических задач на вычисление». Часть 1.

102. Проф. **Шарль Сеньобос.** «Политическая история современной Европы».

Эволюция партий и политических форм. Том II.

103. **Н. Г. Чернышевский.** «Что делать».

104. **А. С. Пушкин.** «Избранные стихотворения». Вып. I и II.

105. Проф. **В. Святловский.** «Очерки по анархизму».

106. **С. Драницин.** «Конституция Р. С. Ф. С. Р. в ответах на вопросы».

107. **Эмиль Кроткий.** «Шиворот-навыворот. Веселые стихи про Васины грехи».

108. Инж. **С. Брилинг.** «Руководство для проектирования и для составления смет и отчетности на строительные и дорожные работы».

109. «Сборник Пушкинского дома на 1923 год».

110. **А. Н. Островский.** «Лес».

111. **А. Н. Островский.** «Свои люди—сочтемся».

112. «Справочник по борьбе с малярией». Вып. IV.

113. «Практическая грамматика». Часть I. Первоначальные сведения для школ I ступени.

114. **Д. Волковский.** «Детский мир в числах».

115. **И. Шапошников.** «Орфографический словарик».

116. **М. Каменьщиков.** «Небо и звезды». Беседа для взрослых.

117. **Н. Пиксанов.** «Старо-русская повесть».

118. **Петр Зайцев.** «Ночное солнце». Стихи.

119. **Георг Кайзер.** «Газ». Драма в пяти действиях.

120. **А. С. Пушкин.** «Избранные поэмы». Вып. I и II.

121. **Вячеслав Вязевский.** «Улыбки солнца». Сказки.

122. **Н. Телешов.** «Елка Митрича».

123. «Архивное дело». Центроархив. Вып. I-й.

124. **Джек Лондон.** «Дикая сила».

125. **А. Н. Островский.** «Бедная невеста».

126. **О. Озаровская.** «Моей студии» Этюды по худож. чтению. Вып. I.

127. **Всеволод Иванов.** «Сопки».

128. **Ольга Лобанова.** «Правильное дыхание, речь и пение».

129. **Валидов.** «Очерк истории образованности и литературы татар». Вып. I.

130. **А. Коллонтай.** «Положение женщины в эволюции хозяйства».

131. **С. Городецкий.** «Миролом».

132. Д-р **Иосиф Карнер.** «Социальные функции права».

133. **С. Степняк-Кравчинский.** «Штундист Павел Руденко».

134. **Е. Варга.** «Кризис мирового капиталистического хозяйства».

135. **С. Аркомед.** «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» (с 80-х годов по 1903 г.).

136. **В. И. Дмитриева.** «Малыш и Жучка».

137. **В. И. Недригайлов.** «Что нужно знать о заразных болезнях».

138. **Л. Аксельрод.** «Против идеализма».

139. **К. Тейхерт.** «Анализ молока и молочных продуктов».

140. **Франц Юнг.** «Пролетарии».

141. **Г. В. Плеханов.** «Наши разногласия».

142. **К. Ф. Петров.** «Русский язык. Синтаксис в образцах».

143. **П. М. Керженцев.** «Революционная Ирландия».

144. **Карл Каутский.** «Путь к власти».

145. **Н. А. Бухбиндер.** «Материалы для истории еврейского рабочего движения в России». Вып. I.

146. **Ф. Вольтерс.** «Исследование по аграрной истории Франции XVIII в.» (1700—1790 г.). Часть I.

147. **С. М. Степняк-Кравчинский.** «Домик на Волге и другие сказки».

148. **М. Рейснер.** «Государство буржуазии и РСФСР».

149. „Черный передел". «Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг.».

150. Проф. **Н. С. Державин.** «Учебник русской грамматики. Опыт научно-элементарного курса».

151. **К. Ф. Петров.** «Русский язык. Этимология в образцах».

152. **Э. Сетон-Томпсон.** «Рогач».

153. **Его же.** «Тито».

154. **Карл Маркс.** «Капитал». Книга III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом.

155. **Е. Звягинцев и А. Бернашевский.** «Века и труд людей». Книга для школы I ступени. Вып. I.

156. **А. М. Пешковский.** «Наш язык». Учебная книга по грамматике. Вып. I.

157. **Н. Ленин (В. Ильин).** «Империализм, как новейший этап капитализма».

158. **Н. Ленин (В. Ульянов).** «Пролетарская революция и ренегат К. Каутский».

159. **Г. В. Плеханов.** «Наши разногласия».

160. «Социальная гигиена». Сборник. Вып. I.

161. «Изучение литературы в школе» Сборник методических статей и примерных уроков под. ред. А. И. Лебедева.

162. **И. Н. Шапошников.** «Живые звуки». Руководство для обучения детей письму и чтению.

163. **Лев Остроумов.** «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке». Трагедия в 5-ти действиях.

164. Д-р **Ф. М. Орлов-Скоморовский.** «Из цикла к человечеству». Книга 2. «Ложь отцов».

165. **Д. В. Стэкпуль.** «Голубая лагуна».

166. **Анатоль Франс.** «Семь жен Синей Бороды».

Всеукраинский Госиздат. Харьков.

1. «Памяти Фейербаха». Сборник.

2. **В. Короленко.** «Записки современника». Том I, II, III, IV.

3. **В. Короленко.** «Избранные рассказы».

4. **Яновская.** «Почему мы празднуем Октябрь».

5. **Семковский.** «Исторический материализм».

6. **Семковский.** «Марксистская хрестоматия».

7. **Славченко.** «Организация хозяйства». Часть I и II.

8. **Зак.** Организация труда и капитала».

9. **Вороницин.** «Из мрака каторги».

10. **Качинский.** «История революции».

11. **Потебня.** «Язык и мысль».

12. **Юшкевич.** «О материальном понимании истории».

13. **Каутский.** Сборник статей.

14. **Зак.** «Черная страна».

Государственное Издательство. Казань.

1. **В. Богородицкий.** «Введение в тюрко-татарское языкознание».

2. **М. Нечкина.** «Русская история в освещении экономического материализма».

3. «Самоучитель татарского языка для русских». Составил **А. Максудов.**

Государственное Издательство. Орел.

1. **С. Плотников.** «Кормовые корнеплоды и их культура».

2. **М. Португалов.** «Тургениана». Статьи и библиография.

Государственное Издательство. Вологда.

1. «История жилища»

Государственное Издательство. Ташкент.

1. **В. Свешников.** «Батраки».

Государственное Издательство. Воронеж.

1. **В. Шишаков.** «Христианство и его эволюция».

Государственное Издательство. Минск.

1. **С. Я. Вольфсон.** «Великий социалист» Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова.

Издательство «Красная Новь». Москва.

1. **Я. Яковлев.** «Об историческом смысле Октября».

2. **Л. Соловейчик.** «Басмачество в Бухаре».

3. **Н. Аузрбах.** «Маркс и профессиональные союзы».

4. **Е. Варга.** «Закат капитализма».

5. **А. Луначарский.** «Пять лет революции».

6. **М. Козаленкий, С. Кривцов, Е. Мроховец, Н. Тарасов.** Под ред. А. Удальцова. «Хрестоматия по русской истории».

7. **За пять лет.** Сборник Ц. К. Р. К. П.

8. **А. Лозовский.** «Анархо-синдикализм и коммунизм».

9. **Баратов.** «Наша Красная армия».

10. «Очередные задачи Советской власти в деревне». Сборник для волостного агитатора на широкой волостной крестьянской конференции.

11. «Сказание о непорочном зачатии по П. Лафаргу».

12. **А. Чекин (В. Яроцкий).** «На родине кооперации».

13. **Арслан.** «Современная Турция».

14. **Д. Мануильский.** «Кризис французской коммунистической партии и пути его изживания».

15. **Епископ Вильям М. Браун.** «Коммунизм и христианство».

16. **М. Павлович (М. И. Вельтман).** «Советск. Россия и империалистическ. Япония».

17. **А. Серафимович.** «Бабья деревня и другие рассказы».

18. **К. Каутский.** «Классовые интересы».

19. **П. Вернер.** «Евгений Левинэ и Баварская Советская Республика».

20. **И. Г. Фихте.** «Замкнутое торговое государство».

21. **Н. Мещеряков.** Конгресс мира в Гааге и опасность войны».

Издательство «Новая Москва».

1. **К. Каутский.** «Этика и материалистическое понимание истории».

2. **Л. Г. Дейч.** Г. В.Плеханов. Вып. 1-ый. «От народничества к марксизму».

3. **Вильгельм фон-Поленц.** «Крестьянин».

4. «Накануне великой революции». Сборник.

5. **И. Шмелев.** «Гражданин Уклейкин». Рассказы.

6. **К. Тренев.** «На ярмарке».

7. **Гельвеций.** «Истинный смысл системы природы».

8. **П. Д. Первов.** «Проложение первого телеграфа через океан».

9. **К. Тренев.** «Владыка». Рассказы

10. **В. Засулич.** «Ж. Ж. Руссо».

11. **Мартин Андерсен Нексе.** «Пассажиры незанятых мест».

12. **М. Додж.** «Серебряные коньки».

13. **А. Анненская** «Фритиоф Нансен и его путешествие в Гренландию и к северному полюсу».

14. **Ж. Рони.** «Вамирэх».

15. **А. Насимович.** «Конь-Огонь». Сказка.

16. **А. Л. Каменэв.** «Между двумя революциями.»

17. **П. Коган.** «Очерки по истории новейшей русской литературы».

18. **Г. В. Плеханов.** «Искусство». Сборник статей.

19. **О. Граутофф.** «Новейшая французская живопись».

Изд. унив. им. Свердлова.

1. «Тезисы и планы кружковых занятий 8-месячн. курса Ком. унив. им. Свердлова».

Издательство Н. К. З. «Новая Деревня». Москва.

1. **В. Варгин.** «Расчеты по организации сельского хозяйства в Восточной лесостепи».

2. **В. Варгин.** «Простые расчеты по организации крестьянского хозяйства в Северной России».

3. **П. Грацианов.** «Начальные сведения по земледелию».

4. **Г. Богаевский.** «Свиноводство».

5. **Д. Цветов.** «О кооперативном сбыте яиц».

6. **Г. Богаевский.** «Силосование кормов».

7. **Н. Гензехадзе.** «О праве пользования луговыми и сенокосными угодьями».

8. **И. Конюков.** «Кредитное товарищество и его значение для крестьянского хозяйства».

9. **К. Космачевский.** «Организация хлопководческих хозяйств на орошаемых землях в Туркестане».

10. Проф. **Н. Макаров.** «Условия и пределы применения тракторов в сельском хозяйстве».

11. Проф. **Е. А. Богданов.** «Спутник техника животновода по кормлению с.-х. животных».

12. **И. А. Теодорович.** «К вопросу о сельско-хозяйственной политике Р. С. Ф. С. Р.».

13. Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р.

14. **П. А. Месяцев.** «Земельная и сельско-хозяйственная политика в России».

15. «Материалы местных совещаний областных конференций Н. К. З.». Вып. 1-ый.

16. Отчет Н. К. З. X Всерос. Съезду Советов за 1922 год.

Издательство «Московский Рабочий».

1. **Б. Горев.** «Материализм—философия пролетариата».

2. **Н. Ленин.** «О продовольственном налоге».

3. **Я. Гальперштейн.** «Падение курса денег и как с ним бороться».

4. **И. Агол.** «Основы марксизма».

5. «В огне революции». Вып. I.

6. **М. Жаков.** «Справочная книжка по марксистскому образованию».

7. **В. И. Ульянов-Ленин.** «Государство и революция».

8. «Железнодорожники и революция».
9. Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 85-го года (под ред. Д. Рязанова).
10. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** «Коммунистический Манифест».
11. **В. Ульянов-Ленин.** «Развитие капитализма в России».
12 **Э. Зола.** «Углекопы».
13. **Ф. Энгельс.** «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Издательство В. В. Р. С. Москва.

1. **А. Незнамов.** «Стратегический очерк войны 1914—1918». Часть IV.
2. **Д. Кин.** «Рабоче-Крестьянская Красная армия». Вып. I. (Серия пособий политрукам и политсоставу).
3. **В. Белолипецкий.** «Передвижение пехоты».
4. **Н. Горлов.** «Два красноармейца».
5. **А. Демин.** «Стрелковая учеба», под ред. М. Энвальда.

Издательство «Круг». Москва.

1. **Василий Казин.** «Рабочий Май». Стихи.
2. **Николай Тихонов.** «Брага». Стихи.
3. **Александр Аросев.** «Две повести».
4. **Ольга Форш (А. Терек).** «Равви». Пьеса в 3-х действиях.
5. **Александр Яковлев.** «Повольники».
6. «Круг». Альманах № 1.

Издательство «Кузница». Москва.

1. **Александр Макаров.** «Веселый сплав».
2. **Михаил Волков.** «Заковыка».

Издательство «Красного Профинтерна». Москва.

1. «Отчет исполнительного бюро Профинтерна» II международному конгрессу революционных профсоюзов.

Издательство «Денница». Москва.

1. **Киплинг.** «Поправка маленького Тода».

Издательство «Книгопечатник». Москва.

1. «Твори». Первый литературно-художественный сборник.

Издательство «Синяя птица». Москва.

1. **Э. Томпсон-Сэтон.** «Кутенейский баран».

Издательство «Прибой». Москва.

1. **С. Канатчиков.** «На темы дня». Страницы пролетарской идеологии.

Издание «Всероссийского Пролеткульта». Москва.

1. **Н. Ляшко.** «На реке». Рассказы.

Издательство артели художников «Арена». Смоленск.

1. **М. Н. Волчанецкий.** «Уот Тайлер». (Трагедия в 5-ти действиях).

Издательство «Октябрь». Тверь.

1. **А. М. Большаков.** «Вспомогательные исторические дисциплины».

Тверское Издательство.

1. **Алексей Ган.** «Конструктивизм»

Издательство «Слово». Киев.

1. **П. Филипович.** «Земля и Ветер».

Издательство Мордовского Подъотдела Губ. Отдела Национальностей. Саратов.

1. «Саратовский этнографический сборник». Вып. I. Под ред. проф. **Б. Соколова.**

Издательство Центрального Статистического Управления. Харьков.

1. «Календарь-справочник и записная книжка на 1923 год».

Издательство «Научная Мысль». Харьков.

1. «О голоде». (Сборник). Светлой памяти В. Г. Короленко.

Издательство Губкома Р. К. П. Тамбов.

1. «Путь борьбы». Сборник I.

Издательство «Первина».

1. **А. А. Сидоров.** «Современный танец».
2. **А. Блок.** «Отроческие стихи».

Издательство З. И. Гржебина. Берлин.

1. **Н. Суханов.** «Записки о революции». Том I и II.
2. **И. Мартов.** «Записки социал-демократа».
3. **В. Чернов.** «Записки социалиста-революционера».

Книгоиздательство «Эпоха». Берлин.

1. **К. Чуковский.** «Книга о Блоке».
2. **А. Белый.** «Петербург».
3. **А. Белый.** «Глоссалолия».
4. **Достоевский.** «Петербургская летопись».
5. **В. Волькенштейн.** «Черный всадник».

РАЗНЫЕ.

1. **Константин Беседин.** «Странствования». (Стихи.) Новониколаевск.
2. **С. М. Чевкин.** «Иешуа Ганоцри». Беспристрастное открытие истины. В 5-ти действ. и 6 картинах. Симбирск.
3. **В. Михайловский.** «Евреи при белых». Ростов н./Д.
4. **Н. Чужак.** «К диалектике искусства».
5. **Н. Чужак.** «Сибирский мотив в поэзии».
6. **Н. Чужак.** «На больные темы».
7. **С. Бобров.** «Восстание мизантропов».

II. ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. **«Красная Новь».** № 1 (II).
2. **«Голос Работника Просвещения».** №№ 1—6.
3. **«Красная Армия».** №№ 18—19. Изд. В. В. Р. С.
4. **«Записки Коммунистического университета имени Свердлова».** Январь № 1. 1923 г.
5. **«Бюллетень Книги». № 5—6.** Август—Октябрь. Изд. Главполитпросвет.
6. **«Книжная Летопись».** № 15. Август. 1922. Изд. Рос. Центр. Палаты при Госиздате.
7. **«Журнал Психологии, Неврологии и Психиатрии».** Госиздат.
8. **«Мироведение».** Известия русского общества любителей мироведения. № 2. Ноябрь 1922 г. Госиздат.
9. **«Вестник Рентгенологии и Радиологии».**
10. **«Военный Вестник».** № 11, 17, 18. Изд. В. В. Р. С.
11. **«Красный Интернационал Профсоюзов».** № 9, 10, 11—1922 года.
12. **«Народное Просвещение».** № 1. Госиздат.
13. **«На путях к новой школе».** Ноябрь 1922. Госиздат.
14. **«Записки Научного Общества Марксистов».** № 2—3.
15. **«Вестник Труда».** № 10, 11, 12. 1922 г. Изд. В. Ц. С. П. С.
16. **«Спутник Коммуниста».** № 18. Декабрь 1922 г. Изд. Моск. Ком-та Р. К. П. большевиков.
17. **«Пролетарская Революция».** Исторический журнал Истпарта. № 12. Госиздат.
18. **«Горный Журнал».** Приложение № 9, 10. Изд. Гл. управления горной промышленности.
19. **«Эхо».** №№ 1—6.
20. **«Сельско-хозяйственная жизнь».** №№ 3, 4, 5, 6, 10, 11. Издательство Н. К. З. «Новая Деревня».
21. **«Экономический Бюллетень Конъюнктурного Института».** №№ 8—9, 10—11, 12—13. Изд. Н. К. З. «Новая Деревня».
22. **«Вестник Торфяного Дела и Сельско-Хозяйственного использования болот».** №№ 1 и 2. 1922 г. Изд. Н. К. З. «Новая Деревня».
23. **«Водное Хозяйство и Мелиорация».** № 4—12. Апрель—Декабрь. Изд. Н. К. З. «Новая Деревня».

Петроград.

1. **«Архив Истории Труда в России».** Книга (5-я.) 1922 г. Изд. «Культ-

просвет. Отдела Петрогр. Губсовета Профсоюзов»

2. **«Просвещение».** Педагогический сборник. № 2.

3. **«Учительская школа».** Педагогический сборник.

4. **«Трудовая школа».** Сборник № 2.

5. **«Архив Биологических Наук».** Том XXII.

Харьков.

1. **«Путь Просвещения».** №№ 7, 8. Ноябрь—Декабрь. 1922 г. Госиздат.

2. **«Летопись Революции».** № 1. Всеукргосиздат.

Новониколаевск.

1. **«Жизнь Сибири».** № 1, 2, 3 и 4. Декабрь 1922 г. Госиздат.

2. **«Сибирские Огни».** Книга (5-я). 1922 г. Госиздат.

Берлин.

1. **«Летопись революции».** № 1. Изд. З. Гржебина.

С. В. Чехонин. — К статье «Русские графики».